3 12 П
50-40

В. ДЖАМГЕРЧИНОВ

Присоединение Киргизии к России

Telegram adress:

@turkiston_kutubxonasi

Telegram adress:

@turkiston_kutubxonasi

Б. ДЖАМГЕРЧИНОВ

Присоединение Киргизии к России

3812

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА • 1959

Вопрос о присоединении к России является важнейшим вопросом истории всех братских республик Средней Азии, и среди них Киргизской республики. Это событие явилось поворотным этапом в жизни среднеазиатских народностей, решительно изменившим политическую жизнь и оказавшим весьма существенное влияние на их внутренние общественные связи. В конечном счете присоединение Средней Азии к России привело к сближению национально-освободительной борьбы народов этих стран с революционной борьбой русских трудящихся и созданию новой, социалистической государственности среднеазиатских народов.

Дореволюционная историография неоднократно обращалась к изучению вопроса о присоединении Средней Азии к России. Но она оценивала этот исторический факт лишь как завоевание царской Россией среднеазиатских ханств. Две важнейшие проблемы: отношение народных масс Средней Азии к присоединению к России и значение присоединения для дальнейшей истории этих народов — оставались нераскрытыми. Понятно, что советские историки не могли пройти мимо этих проблем.

Процесс присоединения происходил в эпоху поднимающегося капитализма в России — в средине XIX в. В этот период, а также в последующие десятилетия, уже в иных условиях, когда в России на рубеже XX в. сложились основные черты военно-феодального империализма, процесс присоединения и так называемое «освоение» присоединенных территорий не могли не быть глубоко противоречивыми. В условиях жестокого колониального режима и усилившегося социального угнетения всех народностей и наций царской России по различным каналам и в различных формах происходило сближение трудящихся местных национальностей с русскими трудящимися — переселенческой беднотой, рабочими различных промыслов и предприятий, которые с конца XIX в. стали насаждаться на присоединенной территории. Конечно, в условиях колониального режима в заметных масштабах это сближение осуществиться не могло. Широкую дорогу для такого сближения открыла Великая Октябрьская социалистическая революция. Но не только колониальный режим мешал сближению трудящихся различных национальностей. Присоединение Средней Азии к России осуществлялось в условиях развитых классовых отношений в местном обществе, в том числе и на кочевой периферии Средней Азии. Сюда относилась и Киргизия.

В кочевых районах господствовали весьма своеобразные патриархально-феодальные общественные отношения. Феодальные классовые противоречия были глубоко завуалированы многочисленными явлениями патриархально-родового быта, которые мешали пробуждению классового самосознания трудящихся. Эти классовые противоречия были сильны, их использовала в колонизаторских целях царская администрация, охраняя землевладение патриархально-феодальной верхушки и в весьма широких масштабах привлекая ее в низовые звенья колониальной системы управления. Патриархально-феодальная знать использовалась против своего народа в условиях жестокой экспроприации земель коренного населения и его приниженного правового положения. Заметно влияли на отношение различных классов местного общества к присоединению к России и глубокие различия в культуре. Что касается Киргизии, то помимо указанных условий огромное влияние на отношение различных классов киргизского общества к присоединению к России оказала та зависимость, в которой находился киргизский народ после завоевания его территории Кокандским ханством.

Таким образом, для правильного освещения проблемы присоединения Киргизии к России необходимо изучение исторических связей киргизов и русских до присоединения; изучение внутреннего строя киргизского общества и положения различных его классов в условиях жестокого господства Кокандского ханства; выяснение отношения различных классов киргизского общества к присоединению к России; наконец, освещение международных отношений в период присоединения Средней Азии к России, в частности отношений между Россией и Англией, отношений между среднеазиатскими ханствами, а также той роли, которую в тот период играло в международных отношениях Средней Азии государство Якуб-бека.

Всем этим требованиям удовлетворяет книга Б. Д. Джамгерчинова «Присоединение Киргизии к России», хотя в основном она излагает историю присоединения к России Северной Киргизии и лишь кратко касается истории присоединения Южной Киргизии. В последней главе автор останавливается и на основных последствиях присоединения Киргизии к России, правильно подчеркивая прогрессивность этого присоединения для дальнейшего развития киргизского народа, несмотря на отрицательные и тяжелые условия колониального режима, который установило царское правитель-

ство в Киргизии, как и в других районах Средней Азии. В целях придания книге местного колорита в написании киргизских имен и терминов автор и редакция придерживались киргизского произношения, поэтому писали аил вместо аул, Ормон вместо Урман, Боромбай вместо Бурамбай, саан вместо саун и т. д.

Написанная на большом и свежем материале книга Б. Д. Джамгерчинова явится ценным вкладом в историографию Средней Азии.

М. П. Вяткин

В дружной семье народов нашей страны Киргизия образует одну из пятнадцати союзных республик великого Советского Союза.

Киргизский народ имеет свое многовековое историческое прошлое. «Киргизы,— писал академик Бартольд,— принадлежат к числу древнейших народов Средней Азии. Из народов, живущих в Средней Азии в настоящее время, нет, по-видимому, ни одного, название которого так рано встречалось бы в истории» [1].

Киргизский народ, как и другие народы, образовался в процессе длительного и сложного исторического развития. Известные еще в III в. до нашей эры древние киргизские племена Енисея с VI в. нашей эры стали играть заметную роль в жизни племен Алтая и Южной Сибири. В VI—VIII вв. они выдерживают военные натиски Тюркского каганата и уйгурских ханов. В IX в. енисейские киргизы создают свое дофеодальное государственное объединение, заняв господствующее положение в Центральной Азии [2].

В этот период киргизы выступают как носители довольно развитой для того времени культуры с наличием письменности. У них было плужное земледелие с искус-

[1] *В. В. Бартольд*, Киргизы. Исторический очерк, Фрунзе 1943, стр. 13.

[2] См. *С. В. Киселев*, Древняя история Южной Сибири, М. 1951, гл. IX

ственным орошением и различные ремесла [1]. Однако господствующее положение киргизов не было продолжительным. Усиление противоречий между разбогатевшей на военных грабежах родовой аристократией и рядовыми общинниками, с одной стороны, и восстания покоренных и зависимых племен, с другой, в начале X в. приводят к ослаблению племенного объединения. В этих условиях столкновение с могущественной империей киданей [2] в первой половине X в. привело к распаду племенного союза, возникшего под главенством енисейских киргизов. «Однако и после этого кыргызы сохраняли свое государство на Енисее, отличавшееся независимостью и силой. Непоправимый удар кыргызам был нанесен лишь завоеванием Чингиз-хана. О силе их сопротивления свидетельствует то, что поход против кыргызов был начат тотчас же после курултая 1206 г. и длился целых два года. Только к 1209 г. сопротивление кыргызов было сломлено» [3].

В период средневековья тяжелые военные удары завоевателей — Чингиз-хана и его преемников, а позже Тамерлана и джунгарских ханов — перемешали и снесли с исторической арены многие племена и народности Центральной и Средней Азии.

Современники и соучастники этих грандиозных военно-политических событий — киргизские племена, проявив неодолимую силу сопротивления гибельным действиям завоевателей, сумели сохранить свою жизнеспособность, благодаря которой неуклонно шел процесс формирования народности.

Киргизская народность является продуктом сложного скрещивания различных этнических компонентов в процессе длительного и сложного исторического развития. Сложный процесс формирования киргизской народности

[1] См. *А. П. Потапов*, Очерки по истории алтайцев, М.—Л. 1953, стр. 97.

[2] Государство киданей, или ктаев, каракитаев, возникло в начале X в. в Маньчжурии. В 907 г., завоевав Китай, кидани создали сильную империю Ляо (железо). Кидани имели неоднократные военные столкновения с киргизами, которые завершились уничтожением господствующего положения киргизов в Центральной Азии и вытеснением их из Монголии. К концу первой половины X в. Ляо уже владела территориями Монголии, Кукунора и другими, ранее входившими в состав киргизского дофеодального государства.

[3] *С. В. Киселев*, указ. соч., стр. 564.

протекал в течение веков на этнической основе, которую составляли различные тюркоязычные и монгольские племена. В процессе сложения киргизской народности потомки древних саков и усуней, осколки тюргашей и карлуков, джикилей и ягма, каракитаев и найманов, канглов и толес, монголов, кипчаков и др. племен были ассимилированы киргизами [1]. Процесс сложения киргизской народности завершается в XVI в., когда киргизы впервые выступают в качестве самостоятельной народности и основного населения Тянь-Шаня и частично Памиро-Алая в борьбе с моголистанскими ханами.

В XVII—XVIII вв. киргизы вели упорную борьбу с Джунгарским государством калмыков-ойротов за господство на Тянь-Шане. Но эта борьба была для них неудачной, и уже к концу XVII в. основная часть киргизов была вытеснена калмыками с Тянь-Шаня.

Господство калмыков на Тянь-Шане продолжалось свыше века и пало к началу второй половины XVIII в. в результате внутренних раздоров среди них и военного удара извне. Борьба Джунгарии с Цинской империей привела в 1758 г. к полному военному разгрому калмыков Китаем, после чего Джунгария перестала существовать как государство. Это обстоятельство существенно изменило внешнеполитическое положение киргизов. Ранее вытесненные калмыками из своей страны на юг, к пределам Узбекистана и Таджикистана, в Куляб и Гиссар, киргизы теперь стали возвращаться обратно в свои кочевья на Тянь-Шане.

В конце 50-х и начале 60-х годов XVIII в. долины Таласса и Чу, берега Иссык-Куля, Кочкор и Джумгал, Атбаши и Нарын, Кетмень-Тюбе, Тогуз-Торо и другие районы Тянь-Шаня постепенно снова заселяются киргизами, которые, наступая с юга, в непрерывной борьбе с отдельными группами калмыков отвоевывают эти территории, вытесняя калмыков к пределам Восточного Туркестана и Илийской провинции Китая.

Таким образом, в течение второй половины XVIII в. киргизы расселяются в пределах тех границ, где застают их русские в середине XIX в. В основном эти границы совпадают с границами нынешней Киргизии.

[1] Следы существовавших ранее и ассимилировавшихся киргизами этнических групп сохранились в виде самоназваний ряда киргизских племен вплоть до начала XX века.

Казалось бы, что с уничтожением Джунгарского государства на Тянь-Шане создаются благоприятные условия для свободного и самостоятельного развития киргизов. Однако после падения Джунгарского государства появилась новая угроза закабаления — со стороны Цинского Китая, который, завоевав Восточный Туркестан, уже в начале 60-х годов XVIII в. направляет свою агрессию в сторону киргизов и казахов. Киргизы вынуждены были признать свою зависимость от Китая, сохранив, однако, самостоятельность во внутренней жизни. Китайское государство ограничивалось лишь сбором дани, не вмешиваясь во внутренние дела киргизских племен, управляемых своими биями.

Формально считая киргизов своими подданными, Цинская империя фактически не обеспечивала им защиты от нападений и притеснений соседних государств. В этих условиях киргизы нередко даже во внешних сношениях выступали самостоятельно. Разделенные на самостоятельные феодальные владения отдельных биев, они лишь иногда на время объединялись для борьбы с внешними врагами. Так произошло в 70-х годах XVIII в., когда обострились взаимоотношения киргизов с казахами. Казахский хан Аблай, предприняв ряд успешных военных походов против киргизов, подверг их разорению. Однако успехи Аблая, встретившего вскоре сплоченное сопротивление киргизов, сменились поражением, и ему не удалось утвердить свою власть над Киргизией.

Военные столкновения киргизских и казахских феодалов приводили к их взаимному ослаблению и тяжело отразились на положении трудящихся масс. Из этого извлекли для себя выгоды соседние феодальные государства. Они вмешивались во внутренние дела киргизов и казахов для утверждения над ними своего господства.

К концу XVIII и началу XIX в. внутреннее и внешнеполитическое положение киргизов оставалось тяжелым. Внешнее положение киргизов тогда определялось отношениями их с казахскими жузами на севере, с Цинской империей на востоке и со среднеазиатскими ханствами на юго-западе. Внутреннее положение характеризовалось раздробленностью и частыми раздорами между представителями феодальной верхушки, стоявшими во главе различных родов и племен.

Патриархально-феодальная раздробленность приводила к постоянным междоусобным распрям, мешала достижению политической консолидации. Представители патриархально-феодальной знати, стоявшие во главе киргизских родов и племен, годами и десятилетиями вели между собой войны, стремясь к захвату пастбищ, скота, рабов. Разоряя и обессиливая друг друга, они часто прибегали к помощи соседних государств — Китайской империи, Кокандского ханства и других. Последние, в свою очередь, вмешиваясь в эту борьбу, стремились использовать ее в своих интересах для покорения и порабощения киргизского народа.

Патриархально-феодальная верхушка киргизского общества, безжалостно эксплуатировавшая трудящиеся массы народа, в интересах защиты своего привилегированного положения и обеспечения своей экономической и политической мощи предавала интересы своего народа и приспосабливалась к власти восточных деспотов — китайских императоров и среднеазиатских ханов.

Бесконечные междоусобицы поглощали почти всю внутреннюю силу киргизов. Отмечая характерные для тогдашнего внутреннего положения киргизов непрерывные, нередко ожесточенные феодально-родовые войны, генерал-губернатор Туркестана впоследствии писал, что «...их многолюдные роды разобщены и враждуют, да и каждый род еще дробится на отделения, часто тоже враждебные. Все их силы, вся их воинственность поглощаются бесконечной междоусобной барантой, осложняемой еще барантой Большой орды (т. е. Старшего жуза казахов.— *Б. Д.*). Поэтому, несмотря... на неприступность своих горных летних кочевьев, они без труда были покорены отчасти китайцами, отчасти кокандцами и сделались их безответными данниками» [1].

В первой четверти XIX в. на политической арене Средней Азии появляется новая и более могущественная сила — Российская империя, колонизационное движение которой уже охватило казахские степи.

В силу трудного международного положения некоторые киргизские племена вынуждены были искать покровительства более сильного и могущественного государства, которое могло бы устойчиво обеспечить им

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 29, док. 120.

спокойное и мирное существование и защитить их от агрессивных и разорительных нападений со стороны других соседей.

Киргизы тогда стояли перед выбором — быть порабощенными отсталым феодальным Китаем, еще более отсталым Кокандским ханством или же принять подданство Российской империи, имевшей более прогрессивную экономику и более передовую культуру, а в военном отношении более могущественную и потому способную обеспечить внутреннее спокойствие и внешнюю безопасность для киргизов.

С конца XVIII в. и в течение всей первой половины XIX в. внешняя ориентация ряда киргизских племен идет в направлении сближения с Россией. Но прочные связи, приведшие к подданству киргизских племен России, сложились лишь в 50—60-х годах XIX в. Задача настоящей работы — показать, как осуществлялось это подданство и вскрыть значение этого исторически прогрессивного явления в жизни киргизского народа.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КИРГИЗИЯ В СЕРЕДИНЕ XIX в.

В исторической литературе нет достаточно точных сведений о родоплеменном составе киргизов накануне их присоединения к России [1].

В многочисленных трудах дореволюционных русских исследователей этнография, археология, история и культура киргизов рассматривались только в связи с историей и бытом других народов Средней Азии, в частности казахов. Вопросы родоплеменного состава киргизов частично освещены в работах многих исследователей, но имеющиеся в различных источниках данные нередко противоречат друг другу.

После Великой Октябрьской социалистической революции в изучении истории киргизского народа достигнуты очень серьезные успехи, но вопросы генеалогии

[1] Этот вопрос из тюркологов наиболее полно осветил Н. Аристов в своих работах: «Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности»,— «Живая старина». Отделение этнографии, вып. 3—4, год 6-й, отдел I, Спб. 1896. (Далее — «Заметки об этническом составе...»); «Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков большой орды и каракиргизов на основании родословных сказаний о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследованиях»,— «Живая старина». Отделение этнографии, вып. 3—4, год 4-й, отдел I, Спб. 1894. (Далее — «Опыт выяснения этнического состава...»)

киргизских племен ни у кого из исследователей не были предметом специального глубокого изучения и лишь в слабой степени были освещены в немногих статьях [1]. Однако некоторые из этих работ не лишены серьезных методологических и фактических ошибок.

Обширные исторические и этнографические сведения о киргизах, накопленные в богатейшем фольклоре и в санжыре — устной родословной истории — не получили своего освещения в печатных изданиях. Уже при советской власти накопился ряд интересных рукописей, использование которых, при соответствующем научно-критическом анализе, дает ряд ценных сведений, значительно пополняющих как данные Аристова, так и все те разбросанные материалы по этому вопросу, которые появились главным образом во второй половине XIX в. в русских литературных источниках [2].

В середине XIX в. киргизы, сохранившие еще в своем общественном строе патриархально-родовые формы быта, состояли из нескольких племен. Племена в свою очередь разделялись на отделы, роды, подроды и еще более мелкие подразделения.

Киргизские племена, населявшие к началу XIX в. территорию нынешнего Киргизстана, делились на два крыла: он — правое и сол — левое.

В устной киргизской родословной — санжыре — происхождение правого и левого крыла киргизских племен носит легендарный характер и связывается с личностями Долон-бия — «родоначальника» киргизов на Тянь-Шане, и двух его сыновей — Ак-уул и Ку-уул [3]. К левому крылу относились племена кушчу, саруу, мундуз, кытай, басыз, найман, кырк уул, теит, кёкчё, нойгут, дёёлёс и

[1] См. *Н. Дубницкий,* Родословная таблица кара-киргизов, проживающих в Джетысуйской области и краткая их история, Алма-Ата 1923; *Я. Р. Винников,* Родоплеменной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии,— «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. I, М. 1956; *Б. Джамгерчинов,* Из генеалогии киргизов,— «Белек С. Е. Малову», Сборник статей, Фрунзе 1946; «В. В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели» (далее: «В. В. Бартольду...»), Сборник статей, Ташкент 1927 и другие.

[2] Рукописные материалы по родоплеменному составу киргизов сосредоточены в рукописном фонде Института истории АН Кирг. ССР.

[3] Рукописный фонд ИИ АН Кирг. ССР, оп. 286.

другие [1]. Основная их масса населяла Южную Киргизию.

Ч. Валиханов, побывавший в Киргизии в 1856, 1858 и 1864 годах упоминает три племени крыла сол, проживавших в Таласской долине [2]. Он имел в виду роды саруу, кушчу и мундуз. Л. Костенко называет четыре племени крыла сол — кушчу, саруу, мундуз и кытай [3].

Правое крыло состояло из двух отделов: адыгене и тагай. В середине XIX в. Северная Киргизия была заселена в основном племенами правого крыла отдела тагай: солто, сарыбагыш, бугу, саяк, черик, багыш, джедигер, азык и другими [4].

Ч. Валиханов о племенах отдела тагай писал, что они постоянно враждуют между собой. Он перечисляет семь племен отдела [5].

Каждое из племен разделялось на роды, а роды на подроды [6]. Племя солто делилось на роды кюнтуу, чылпак, тата, бёлёкпай и талкан [7], которые имели родовые подразделения — урук. Так, род кюнтуу состоял из семи подродов: кулболду, чонмурун, дандыбай, карамерген, токпай, кашкабаш и сарман, которые в свою очередь

[1] Рукописный фонд ИИ АН Кирг. ССР, оп. 278 и 288. Племена сонбагыш и басыз Валиханов считал принадлежащими к правому крылу.

[2] *Ч. Ч. Валиханов,* Соч., Спб. 1904, стр. 75. («Записки РГО», т. XXIX).

[3] См. *Л. Костенко,* Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности, Спб. 1871; «Состав туземного населения Сыр-Дарьинской области по племенам (по сведениям 1870 г.)»,— «Русский Туркестан», Сборник, вып. 1, М. 1872, стр. 47. На эти же племена крыла «сол» указывали и другие русские исследователи. Но полностью названия всех племен этого крыла нигде не приведены.

[4] Согласно содержащимся в киргизской санжыре легендам, у Тагая было три сына: Богорстон, Койлон и Кылжир. От Богорстона берет свое начало племя солто, от Койлона — племя джедигер и от Кылджира — племена сарыбагыш и бугу. Племя саяк происходит от приемного сына Тагая — Саяка. От приемных сыновей Тагая происходят также и племена азык и черик. Рукописный фонд ИИ АН Кирг. ССР, оп. 286.

[5] См. *Ч. Ч. Валиханов,* указ. соч., стр. 74.

[6] Нами в данной работе указываются лишь основные и далеко не полные родовые подразделения главнейших киргизских племен.

[7] Родоначальниками этих родов, согласно легендам санжыры, считаются сыновья Солто: Кюнтуу, от которого ведет свое начало род кюнтуу, Култуу, от которого ведет свое начало род чылпак, и Чаа, положивший начало родам бёлёкпай и талкан. (Рукописный фонд ИИ АН Кирг. ССР, оп. 292).

делились еще на своеобразные «большие семьи» (так называемые «бир атанын балдары», что означает «дети одного отца»), состоявшие из 7—15 юрт, то есть из 40—50 человек.

Род бёлёкпай делился на подроды: джакып, бютёш и байсеит. Джакып в свою очередь имел подразделения: байтюгёл, тангсык, сарман, багыш, тёлёк, тувар, джакып и тюлёгабыл. Тюлёгабыл делился на подразделения: джети-кашка, чингыс, чоткара, балтабай, юркюмбай, аралбай, байастан, айта и другие.

Род талкан делился на подроды: делденг, байсёёлёт, багышан, бакы, конгурбай и кошой. Подрод кошой в свою очередь имел подразделения: момокон, джамансарт, канымбет и баймырса. Джамансарт делился на тюлёберди, есен-аман и бёрюбай. Тюлёберди делился на бошкой, канай, карбос и чыны. Примерно в таком виде представлялось родоплеменное деление племени солто.

Племя бугу делилось на роды: арык, асан, карамырза, тынымсеит и алсеит. Род арык имел подроды: сабатар, сарыке, эшей, соно, эштек, отуз-уул, кючюк, ондон и кызыл-сакал; род тынымсеит — токтогул, джаманак и бешбала; род алсеит—бапа, кыдык, белек, желденг и боор [1].

Н. Аристов называет больше родов и дает более дробное их деление. Приводим их полностью, с сохранением транскрипции, не всегда правильной: «У бугу значились следующие подразделения: 1 — арык или арык-тукум, с отделениями кучук, ундон, серка (сарык, сарыке), 2 — бапа с отделениями чон-чоро и чильпак, 3 — баур (бор, откуда В. В. Радлов производит бурут) с отделениями кара-бор и сары-бор, 4 — кыдык с отделениями якшилык, яманбай, бургай, худайбакты, каракуйтун и биюм, 5 — джильден или ельден с отделениями куручбек, сары-катын и балык, 6 — алдияр, 7 — токач, 8 — токабай, 9 — толубай, 10 — токай, 11 — сальмеке, с отделениями тогульбай и чокур, 12 — тыным-сеит с отделениями шупак и аян, 13 — белек с отделениями шопак, минмурат, тазабек, берназар» [2].

Племя сарыбагыш делилось на роды: джантай, тасдар, эсенгул, чон-чарык, эшим, тынай, темир, болот,

[1] Родовое подразделение племени бугу более подробно рассмотрено в рукописи Молдо Талыпа. Рукописный фонд ИИ АН Кирг. ССР, оп. 288.

[2] *Н. Аристов,* Заметки об этническом составе.., стр. 438.

абайлда, черикчи, надырбек и другие [1]. Об этом племени Н. Аристов писал, что оно состоит из пяти родов, в свою очередь делившихся на множество подродов [2].

Согласно санжыре, среди сарыбагышей имелись роды, ведущие свое начало от рабов. К таковым относились озук, чечей, абыла, чагалдак, молой и другие.

Племя саяк делилось на роды: тюнгатар, тюнтёй, шыкмамат, айдачекти, алакоз, каба, курман-хожо, кульджыгач, чоро, ыйман и другие [3].

Племя черик состояло из родов: карагул, карабостон, сазан, ючтамга, акчувак, байчувак, кюбё, тактан. Из них род карагул имел подразделения: нашай, кончой и назар; род сазан делился на тагай и сарыкёбён, род ючтамга — на бакты, кызылтокум, дуван и сарыча [4].

У северных киргизов основными племенами считались сарыбагыш, солто, бугу, саяк и черик. К основным племенам Северной Киргизии относились также и племена левого крыла — саруу, кушчу, чонгбагыш, хотя их численность была значительно меньшей.

Кроме того, в Северной Киргизии проживал ряд других племен, немногочисленных и игравших гораздо меньшую роль в жизни киргизского народа. Это были племена азык, басыз, тёбёй, джетиген, конгурат, монголдор, суумурун, джедигер, кытай и другие.

Сильно запутаны сведения о племенном составе отдела адыгене. Согласно данным Л. Костенко, в состав адыгене входили роды бёрю, баргы, ольджоке, тооке, карабаргы, сарыбаргы, кёкчё уулу, эльчибек, сартдар, савай, джору, ардай и муунак [5]. Примерно на такие же роды отдела адыгене указывал и Н. Аристов [6].

Племя монгуш Н. Аристов, отнеся к отделу адыгене, в то же время считал «союзом из разнородного сбора, составившимся под главенством остатков джагатайских монголов» [7]. Л. Костенко, а вслед за ним и Н. Аристов,

[1] Рукописный фонд ИИ АН Кирг. ССР, оп. 278 и 287.

[2] См. *Н. Аристов,* Заметки об этническом составе.., стр. 440.

[3] Рукописный фонд ИИ АН Кирг. ССР, оп. 278 и 287. Ч. Валиханов указывает следующие подразделения саяков: чоро, кульджыгач и ыйман. У Аристова подразделение саяков освещено очень слабо.

[4] Рукописный фонд ИИ АН Кирг. ССР, оп. 128, а также см. *Н. Аристов,* Заметки об этническом составе.., стр. 441.

[5] См. *Л. Костенко,* Военно-научная экспедиция на Алай и Памир, «Военный сборник» № 4, 1887 г., стр. 372.

[6] См. *Н. Аристов,* Заметки об этническом составе.., стр. 437.

[7] Там же, стр. 438.

ошибочно называя это племя родом, писали о нем (сохраняем принятую ими транскрипцию): «Вместе с адыгине летует на Алае и имеет зимовки в окрестностях Оша род монгуш, состоящий из 12 отделений: кудагачин, джапалак (ястребятники), тулейкин, джош (смирные), джильгельды (весною пришедшие), сарлар (желтые), сарай, кок-джатык (простаки), соколак, теине, ирке-кашка (лысые баловники) и монгол» [1].

Племенное объединение ичкилик, жившее в соседстве с адыгене и монгуш, состояло из племен кыдырша, кангды (кангли), найман, теит, бостон, кесек, дёёлёс, ават, нойгут и других [2].

На юге Киргизии крупное племенное объединение составляли кипчаки. Кипчаки (кыпчаки) — один из древних кочевых народов нашей страны. Претерпев сильное изменение как в политическом, так и в этническом отношении в период нашествия монголов в XIII в., кипчаки в последующие времена не играли самостоятельной роли.

В процессе образования современных народов Средней Азии — узбеков, киргизов, казахов и других — кипчаки в основном были ассимилированы ими и не сохранились как особая народность.

Среди киргизов встречалось немало родов, относивших себя к кипчакам. К середине XIX в. кипчаки, жившие в пределах Киргизии, в своей массе населяли Ферганскую долину. В борьбе за политическое господство в ханстве кипчакские феодалы с начала 40-х годов XIX в. стали играть видную роль.

Несколько иной схемы придерживался Н. Ф. Ситняковский, который дал о родоплеменном составе южных киргизов наиболее полные сведения. Он указывал: «Ферганские киргизы делят себя на два больших рода: 1) отус-огул (30 братьев) и 2) ичкилик. Первый раскинулся в восточной части Ферганской области, в Семиреченской области и в Кашгарской провинции; второй занял горные места к югу от Ферганской долины. Оба рода сохранили свое старинное деление на он и сол.

Из южнокиргизских племен наиболее многочисленными и известными были адыгене, монгуш, кесек, тейт, кыпчак и найман.

[1] *Н. Аристов*, Заметки об этническом составе.., стр. 437.

[2] См. там же, стр. 433, а также см. сборник «В. В. Бартольду...», стр. 290—300.

Общая схема родоплеменного деления южных киргизов в период присоединения к России по данным Н. Ситняковского была примерно следующей [1]:

Племена и роды	Подроды	Районы расселения	
		название местности	в пределах уездов
А. Отуз уул. Правое крыло (он)			
I. Адыгене			
Джору	Тасма	Аджике, Карагузтоо	Ошского
	Тенгизбай	Аджике, долина р. Каракульджа	»
	Ача-джору	Алай, горы Султан-Супа, долина р. Кызылсу	»
	Ай-джору	Алай, долина р. Куршаб	»
	Карагунас	Алай, ур. Куюкмазар	»
	Эльчибек	Алай, долина р. Кызылсу и сел. Булакбаши	»
	Кёдёгёчюн		Андижанского
Баргы	Кара-баргы	Аджике, долина р. Ийрису и Тар	Ошского
	Сары-баргы	Аджике, Ылайталаа	»
	Ак-баргы	Гульча, Алай, Кызылкурган	»
	Таз-баргы	Горы Торгой, Аджике, Джалпакташ	»

[1] *Н. Ф. Ситняковский*, Перечисление некоторых родов киргиз, обитающих в восточной части Ферганской области, «Известия Туркестанского отделения РГО», т. II, вып. 1, Ташкент 1900, стр. 92—110; *Н. Ф. Ситняковский*, Таблица киргизских родов Ошского уезда, там же, т. II, вып. 2, Ташкент 1900, стр. 57—58.

Приведенные данные, взятые из различных литературных источников главным образом второй половины XIX в., основаны на родословных сказаниях (санжыре) племен современной Киргизии. Каждое племя, в основном придерживаясь санжыры, вносило, однако, в нее свои добавления. Кроме того, сказители, от которых получали сведения русские исследователи, не все были знатоками санжыры и нередко путали вопрос о принадлежности тех или иных племен и родов к тому или иному крылу или отделу. Следует также учесть, что сама санжыра у киргизов не имела единой и законченной системы. Этим объясняется ряд противоречий в приведенных данных. Специальное изучение родоплеменного состава киргизов в связи с проблемой этногенеза позволит внести ясность в этот вопрос.

Продолжение

Племена и роды	Подроды	Районы расселения	
		название местности	в пределах уездов
	Тооке	Горы Чарташ-Қачуурабель, Малабель, Сасыкбель, р. Кёксу и Джошолу, горы Будалык — Бюлёёлю, р. Акбура	Ошского
	Савай	Алай, Аджике, Юсёбель, горы Джаншоро—Будалык, Кескенджар; р. Гульча и Акбура	»
	Конгурат	Алай и горы Чигирчик, Туматай, Ташбашат, р. Акбура	»
	Ажыбек уулу	Алай, Қарабулак, Қачурабель, долины р. Джошолу, Акбура	»
	Қачыбек уулу	Алай, горы Кёктёбё, Попан и Лаглан	»
	Чарыкчы уулу	Горы Эшектаткы и Тёёжайлоо, долина р. Сыркёль	»
	Сарттар	Долина р. Кёксу, Терек, горы Тёёжайлоо—Шут, Табылга — Каингды	»
	Ардай-муунак	Горы Бешкёчюш, долина р. Талды-Су	»
	Кёкчё уулу	Алай, горы Джумгакбаш и Тёёжайлоо, долина р. Лаглан	»
	Ольджоке	Алай, долина р. Учтёбё, Ойджар	»
3. Бёрю	Баиш	Кичи-Алай, Тюлкютёбё, горы Турук, Майдантал, Чогун, Ходжакел и Кара-Кур	»
	Ходжоке	Горы Эш, Қотчан и Қыркунгей	»
	Алыке	Горы Каракой, Қашкалдак — Джатан, долина р. Киргизават, Акбулак	»
	Атаке	Горы Чогун, Акбулак, Шанкёль, долина р. Қашкасу	»
	Буйла бёрю	Горы Айкёль, Айрыджар	»
	Сдагынык уулу	Горы Сурташ, долина р. Қаракульджа, Қаакол	»

Продолжение

Племена и роды	Подроды	Районы расселения	
		название местности	в пределах уездов
	Майтаран уулу	Горы Шилбели—Уукыр, Джаргылчак, долина р. Курташ	Андижанского
	Джукту	Горы Белбашат, Акташ, Суулу	Ошского
	Бок кара	Кичи-Алай, гора Чогун, долина р. Шанкёль, Қотурбулак	»
4. Қарабагыш	Баштык	Алай, горы Тёёчю	»
	Досмат	Горы Тёёчю, р. Қаракульджа	Андижанского
	Назаркул	Горы Чангырташ, долина р. Зарыгар	»
	Қара-багыш (мелкие роды)	Горы Чангырташ, Джыланды, р. Джасы, Анакызыл	»
	Мырзаке		
	Джанай		
	Джаныбек		
	Бостон багыш		
	Атамкул уулу		
	Казы уулу		
	Бёрю уулу		
	Базар уулу		
	Арык уулу		
5. Пайгут	Дюрмэн		
	Дюмэ		
	Сарай		
	Алчын		
	Аргын		
6. Ават	Татар		
	Тама		
	II. Монгуш		
1. Жагалмай	Тёлёйкён	Алай, горы Чигирчик, Джийде, долина р. Акбура	Ошского
	Джоош	Алай, горы Чигирчик, долина р. Акбура, Мады	»
	Джылкелди	Алай, горы Чигирчик, долина р. Акбура	»
	Тёёкё	Алай, Аккёль, горы Қарасугат, сел. Булакбашы	»

Продолжение

Племена и роды	Подроды	Районы расселения	
		название местности	в пределах уездов
	Джапалак	Алай, горы Чигирчик, Алмалукёль, Қак, Қараджылга	Ошского
	Кодогочун	Алай, горы Чигирчик Сасык-Терек, Топ-Терек, Қюлюнарт —Шилбели, долины р. Талды-Су, Қарабура	»
2. Коштамга	Улуу катын	Алай, горы Эш, Яркурган, Ислык	Маргеланского
	Мангыт	Алай, горы Эш, Ислык	»
	Эрке-кашка	Алай, горы Эш, Ислык	»
	Соколок	Алай, горы Чигирчик, Чакмак, долина р. Акбура	Ошского
	Сарылар	Алай, горы Чигирчик, долина р. Акбура	»
	Кёк джатык	Алай, горы Чигирчик, Кёкбель, долина р. Актёбё	Ошского и Маргеланского
	Сарай	Алай, горы Талдык, Кёкбель, Қоргошунтёбё	»
3. Монгол	Баймонгол	Горы Уукыр, долина р. Қаракульджа	Андижанского
	Буджаваш	Горы Уукыр, долина р. Қаракочкор	»
	Самансур	Горы Уукыр, долина р. Қаракочкор	»
	Бакы	Горы Тёёчю, долина р. Куршаб	Ошского
	Атаке	Реки Қаракульджа, Ийрису, Куршаб, Тогузбулак, Қайрыма	»
	Боор		»
Б. Отуз уул. Левое крыло (сол)			
I. Кушчу			
	Коткар	Горы Қаралма, сел. Аим	Андижанского

Продолжение

Племена и роды	Подроды	Районы расселения	
		название местности	в пределах уездов
II. Мундуз			
	Мундуз	Горы Сэрюн, сел. Тутлук Кутарма	Андижанского
	Қара чолок	Горы Кёгарт, долина р. Кёгарт	»
	Қаракул	Горы Сэрюн, сел. Джиля Кудук	»
	Мамат	Горы Кёгарт, уроч. Ягач-курган	»
	Қырк тамга	Горы Юрюмбашы, уроч. Қаралма	»
	Қаман	Горы Юрюмбашы, долина р. Қызылсу	»
	Қотур каман	Горы Сэрюн, уроч. Кёкянгак	»
	Қылыч тамга	Горы Кумбель, Чанкент	»
III. Басыз			
	Джееренчи	Горы Чангырташ, долина р. Джасы	»
	Кашка	Горы Қамыр, долина р. Қюлюк	»
	Айдар алы	Горы Чангырташ, Донгуз-тоо	»
	Бёлёкпай	Горы Беш-Терек, Бёрюкёз, долина р. Джасы	»
	Караке	Горы Қаратёбё, долина р. Джасы	»
В. Ичкилик. Правое крыло (он)			
I. Кесек			
	Кара саадак	Алай (Ийрису), долина р. Куршаб	Ошского
	Кыдырша	Алай (Ийрису), долина р. Куршаб, оз. Рангкуль, сел. Коштёбё, Дардак, Ак-Мечит	Андижанского и Ошского
	Бостон	Алай (горы Супа, Ийрису), Талдык—Тёёчю, Қарататык, Эрдык, долина р. Сох, сел. Коштёбё, Акбулак	»

Продолжение

Племена и роды	Подроды	Районы расселения	
		название местности	в пределах уездов
	Байкесек	Исман	Ходжентского
	Кесек	Ташрават	»
	Каракесек	Киргизата, сел. Наукат	Ошского
	Канглы	Алай, Кичи-Алай, сел. Кёкджар, Дардак, Чангырташ, Чилямазар	Маргеланского и Андижанского
	Кызылайак	Алай, Ийрису, сел. Джалалабад, Джилякудук	»
	Бор баш	Акарык, сел. Кёкджар	Маргеланского
	Авай кесек		Уратюбинского
	Джоокесек	Долина р. Сох	Кокандского
	Актачи		
	Чучук		»
	Алашан		»
II. Теит			
	Кара теит	Сел. Дардак, Карасаш, Карамык	Ошского
	Сары теит	Алай, Ташджайлоо, Кызылэшме, р. Кёксу, Рангкуль	»
	Чал теит	Алай, долина р. Ходжаарык, горы Талдык	»
	Бай теит	р. Катартам (оседлые)	Уратюбинского
	Арык теит	Алай, Кичи Алай, р. Ходжаарык	Маргеланского
	Чон теит	Алай, долина р. Мады	Ошского
	Уйгур теит	р. Исфайрам, Исфайрали	Маргеланского
	Джаман теит	г. Талдык, сел. Катартам (оседлые)	Андижанского
	Чапан теит	Горы Агарт, Гезарт, горы Беш-Терек, Акбаш	Маргеланского
	Айтемир теит	Алай, Аджике, долина р. Ходжаарык, сел. Канабад	Андижанского
	Токум теит	Сел. Ташкёчю (оседлые)	»
	Чегитир теит	Сел. Ташкёчю (оседлые)	»
	Чон кыргыз	Горы Сэрюн, Чангырташ	»
Г. Ичкилик. Левое крыло (сол)			
I. Найман			
	Босторгой	Сел. Гульпион	Маргеланского
	Базар-балдар	Айрваз	»

Продолжение

Племена и роды	Подроды	Районы расселения	
		название местности	в пределах уездов
	Чандаке		Маргеланского
	Утай	Алай	»
	Кул найман	Алай, гора Тюямуюн, сел. Рават	»
	Кожо найман	Алай	»
	Бёё найман	Алай, сел. Муян	»
	Мырза найман	Гора Сарыкол, р. Мургаб	Ошского
	Киик найман	Горы Чакарагыл, долина р. Мады, Чакарагыл	»
	Джоонбут найман	Оз. Кара-Куль, Суу-Башы — Кара-Куль	»
	Куран найман		
	Камаркуль найман		
	Джёёрдё найман	Булун-кёль	
II. Кыргыз-кыпчак			
	Джаманан	Долина р. Ийрису Кайрыма, Джасы, горы Юрюмбаш, Кумбель, Султан-Супа, сел. Кулбай, Чокчак, Баткен	Ошского, Андижанского Кокандского
	Омонок	Сел. Улуказан, Чаркачар (оседлые)	Андижанского
	Таз	Алай, сел. Ташлак, Шамалкак, Чукёдёбё, Кызылтокой (полуоседлые)	Андижанского, Маргеланского, Кокандского
	Шердэн	Сел. Шердэн, Удайчи (оседлые)	Андижанского, Кокандского
	Кармыш	Сел. Кармыш (оседлые)	»
	Тор айгыр	Алай, сел. Датха	Андижанского,
	Ахтачи	Сел. Ахтачи (оседлые)	Маргеланского,
	Кожом шукур	Гор. Кумбель, сел. Джийде-Мазар, Ханабат	Кокандского
	Джарты баш	Сел. Акбура (оседлые)	»
	Алтыке	Сел. Алтыке (оседлые)	»
	Сакоо кыпчак	Горы Джасы	Маргеланского
	Кызылайак	Горы Сэрюн, сел. Джалалабад, Кургантёбё	Андижанского

Продолжение

Племена и роды	Подроды	Районы расселения	
		название местности	в пределах уездов
III. Чонбагыш			
	Калмак	Сел. Чонбагыш (оседлые)	Андижанского
IV. Дёёлёс			
	Айтамга		
	Коштамга		
	Карагайлуу		
	Нуркут		
	Каратегинчи		
	Агачке		
	Меркит		
V. Сарт-кыпчак			

Все эти киргизские племена и роды, несмотря на общность языка и территории, не объединялись еще в единую киргизскую нацию вследствие слабых экономических связей. Осознавая свою принадлежность к одной народности, некоторые из них, однако, еще сохраняли старые названия своих родоплеменных союзов и объединений. Это положение отражает санжыра, различая в составе киргизского народа собственно киргизские роды и так называемые «посторонние». Аристов относит к числу «посторонних» северокиргизские племена кытай, монголдор, конграт и саяков.

Об этих племенах Аристов писал: «Из шестнадцати костей — четыре — кытай, монгулдур, конграт и саяк — бесспорно составляют чуждые примеси, из которых саяк очень древняя, но последовала по всей вероятности уже в Тяньшане, остальные же три поступили в состав кара-киргизов в относительно недавнее время...» [1]

«Из кара-киргизских поколений саяки представляются потомками племени се (у китайцев) или саков (у персов, индийцев и греков), занимавших Западный Тяньшань до юечжи и сменивших их усуней. Поколения монгуш и особенно ичкилик состоят преимущественно из посторонних кара-киргизскому племени родов племен кыпчакскаго, найманского и аргынскаго (род кесек);

[1] *Н. Аристов,* Опыт выяснения этнического состава.., стр. 450.

сверх того в составе кара-киргизских родов есть остатки джагатайских монголов (в поколении монгуш) и каракиданей (род ктай в крыле сол и пр.)» [1]. Высказывая такое же мнение в отношении некоторых киргизских племен, Валиханов писал: «Найманы, кипчаки и китай, племена, присоединившиеся к киргизскому народу впоследствии, кочуют от Оша по Памирскому плоскогорью до Бадагшана и оттуда по Каракорумской цепи; с ними же кочуют ичкилики и некоторые роды из племени адгэне» [2].

Нельзя найти ни одного киргизского племени, рода и родового подразделения, в состав которого не входили бы элементы иноплеменного происхождения. Согласно санжыре, эти элементы вели свое начало либо от военнопленных — рабов, либо от отдельных представителей других родов, либо от целых родов, присоединившихся к киргизам в разные периоды их истории и сохранивших свои прежние племенные и родовые названия. Так, семь родов племени солто считались потомками рабов. Их называли «солтунун ичиндеги жети кул», то есть «находящиеся внутри солто семь рабов». Это были акбуура, жоочалыш, тёлёк, кёгёй, асылбаш, бешкёрюк и мааке. Среди родов племени солто в большем или меньшем количестве встречались также элементы почти всех других киргизских родов и племен. Прожив длительное время среди родов племени солто, они причисляли себя к ним, но по «сёоку» (то есть по «кости») сохраняли свои родовые названия или имена тех племен, откуда происходил данный род. Такое же положение наблюдалось и в остальных киргизских племенах.

Как указывалось, киргизское племя делилось на множество родов — уруу, которые в свою очередь делились на урук — родовые подразделения относительно недавнего происхождения. Г. Загряжский отмечал: «Появление многих новых родов очень недавнее — одно-два поколения; даже теперь формируются новые роды» [3].

Названия киргизских родов и родовых подразделений недавнего происхождения были случайны и непостоянны. Иногда они бывали составными, например

[1] *Н. Аристов,* Заметки об этническом составе.., стр. 396.
[2] *Ч. Ч. Валиханов,* указ. соч., стр. 75.
[3] «Очерки Токмакского уезда», «Туркестанские ведомости» № 10, 1873 г.

бёлёкпай-талкан или каракчы-талкан. Часто название рода восходило к имени родоначальника данного поколения или же к именам отдельных батыров, родоправителей, получивших тем или иным путем преимущества перед другими членами рода и пользовавшихся известностью.

Так выглядит схема родоплеменного состава киргизов к началу второй половины XIX века.

Историческое предание о происхождении киргизов аналогично представлениям других народов на определенном этапе их развития. Генеалогические предания киргизов поддерживались представителями родоплеменной верхушки и развивающейся феодальной аристократии, которые превращали родоплеменную генеалогию киргизов в генеалогию своей фамилии, пытаясь «исторически» обосновать свои права в данном роде и племени или в такой же мере «исторически» обосновать бесправное положение тех или иных лиц, родов или даже целого племени.

В действительности киргизский народ является продуктом сложного скрещивания различных этнических и расовых типов в процессе длительного и сложного исторического развития. Даже в более позднюю эпоху в результате грандиозных военно-политических событий, связанных с выступлением монголов и калмыков, состав киргизских племен подвергался большим изменениям. Целый ряд племен исчез, а новые элементы из других родоплеменных объединений влились в состав киргизского народа.

В племенах крыла сол Аристов насчитывал 9029 юрт. Всего же в изученных им киргизских племенах в начале второй половины XIX в. насчитывалось 77 506 юрт. По количеству людей численность киргизского населения характеризуют следующие данные (в пределах русских административных округов):

Пржевальский и Пишпекский уезды Семиреченской области	137 218 человек
Аулие-Атинский уезд Сыр-Дарьинской области	47 800 »
Ферганская область	110 000 »
Ходжентский уезд Самаркандской области	9 370 »
Всего по Киргизии	304 388 человек

Кроме того, киргизы проживали в китайских владениях (10 000 человек) и в Бухарском ханстве (40 000 человек). Таким образом, численность киргизского населения ко второй половине XIX в. составляла, по Аристову, 354 388 человек [1].

Эту цифру нельзя считать точной. Как известно, племена, кочевавшие по горным ущельям, трудно поддавались учету. К тому же кочевники сознательно избегали переписи, чтобы уменьшить налоговое обложение [2]. Кроме того, Н. Аристов не приводит данных о численности большинства мелких племен. Но и другие источники дают лишь приблизительную цифру численности киргизов и противоречат друг другу.

М. Венюков писал о численности киргизов в начале второй половины XIX в.: «Как велико их число, мы не знаем... но во владениях наших и Якуб-бека кашгарского нужно считать приблизительно 350 000 кара-киргизов. Они суть исконные обитатели этих местностей и разделяются по происхождению, подобно туранским узбекам и степным киргиз-кайсакам, на роды» [3].

Л. Костенко о численности киргизских племен в тот же период писал: «Всех дикокаменных киргизов считается около 300 000; из этого числа 170 000 находится в нашем подданстве, а из остальных 130 000 часть признает власть Кокана, часть — подчинена Кашгару и часть кочует независимо по горной площади Памира» [4]. На Памире кочевали лишь мелкие роды.

В статистических материалах «Русского Туркестана» о численности северокиргизских племен в 70-х годах сообщалось: «Большая часть Токмакского, весь Иссык-кульский, южная часть Верненского уезда и небольшая часть Аулие-атинского занята кара-киргизами, общее

[1] См. *Н. Аристов*, Заметки об этническом составе.., стр. 443—444.

[2] Пишпекский уездный начальник А. Талызин указывал, что «киргизы при переписях скрывали много юрт, которые с каждой новой переписью открывались...» (*А. Талызин*, Пишпекский уезд. Исторический очерк (1850—1868 гг.),— «Памятная книжка Семиреченской области», т. II, Верный 1898, стр. 40.)

[3] *М. Венюков*, Опыт военного обозрения русских границ в Азии, Спб. 1873, стр. 304.

[4] *Л. Костенко*, Военно-научная экспедиция на Алай и Памир, стр. 50.

число которых в русских пределах доходит от 150 до 200 тыс.»[1]

Более точные сведения дают материалы официальной статистики по Иссыккульскому и Токмакскому уездам Семиреченской области и Аулиеатинскому уезду Сыр-Дарьинской области. Эти три уезда и составляли Северную Киргизию. Количество кочевого населения в Токмакском и Иссыккульском уездах Семиреченской области в 1871 г., согласно этим данным, было: 56 455 мужчин и 53 021 женщина, количество юрт составляло 35 808. Интересно отметить, что на более чем 100 000 населения приходилось только 130 грамотных[2]. О численности киргизских племен, проживавших в Аулиеатинском уезде, материалы Организационной комиссии по введению нового административного управления сообщают, что всего в пределах этого уезда имелось 4785 киргизских юрт. Среди них, по Макшееву, племя саруу насчитывало 1500 юрт, кушчу — 650 юрт и багыш — 100 юрт[3].

Очень скудные сведения сохранились о памирских киргизах. А. Г. Серебренников писал: «Памирские киргизы принадлежат главным образом к следующим четырем родам: теит, хадырша, найман и кыпчак, из которых первые два кочуют преимущественно в западной и юго-западной частях Памира, а последние держатся главным образом северо-восточной части». На основании переписи 1896 г. А. Г. Серебренников приводит следующие данные о численности памирских киргизов: «Киргизское население восточной части Памира состоит из 2221 человека, из которых 1188 мужчин и 1033 женщины»[4].

Такова была приблизительная численность киргизских племен ко времени включения Киргизии в состав Российской империи.

[1] «Русский Туркестан», стр. 128.

[2] «О числе кочевого населения в Семиреченской области. За 1870—1871 г.»,— «Материалы для статистики Туркестанского края», Ежегодник, изд. Туркестанского статистического комитета под ред. Н. А. Маева, вып. 3, Спб. 1874 г., стр. 258.

[3] См. *А. М. Макшеев,* Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае,— «Записки РГО». По отделению статистики, т. II, 1871 г., стр. 44.

[4] *А. Г. Серебренников,* Памир. (Краткий очерк),— «Ежегодник Ферганской области», т. I, Новый Маргелан 1902, стр. 141—142.

Киргизы жили на территории и других стран. «Некоторые роды кочующих племен, расположенных на землях по нашим границам,— отмечал Н. Ситняковский,— имеют свои отпрыски в смежных владениях: бухарских, афганских и китайских, с которыми существует у них крепкая бытовая связь»[1]. Вне пределов Российской империи основная масса киргизов была расселена в Восточном Туркестане, где они являлись, по данным Корнилова, третьим по численности народом, но по отношению ко всему населению составляли лишь 2,6 процента[2].

Киргизы занимали горную полосу Кашгарии, примерно от города Кучи на севере до верховьев реки Санджу на юге. Сами себя они называли киргизами, а китайцы именовали их бурутами.

Все киргизы Восточного Туркестана были в основном кочевниками-скотоводами. Часть их переселилась сюда из Ферганы и Тянь-Шаня в последние годы независимого существования Кокандского ханства.

В дальнейшем некоторые роды перекочевывали из Восточного Туркестана на территории, подвластные России. Границы между китайскими и русскими владениями оставались открытыми.

Для управления киргизами цинские власти образовали несколько бекств, приблизительно соответствующих волостям Туркестанского края. Разделение на бекства не всегда соответствовало родовым подразделениям киргизов. Бекства именовались главным образом по местности — по рекам, долинам и наиболее известным урочищам района, занятого кочевьями и зимними стойбищами киргизов.

Плодородные долины Чу и Иссык-Куля, Таласса и Ферганы, высокогорные долины Нарына и Атбаши, Кочкора и Джумгала, Тогуз-Торо и Кетмень-Тюбе, Чаткала и Алая были основными районами кочевий киргизских племен. У северокиргизских племен лучшими летними кочевьями считались высокогорные пастбища Сусамыр и Сонкёль, Аксай и Арпа, Текес, Тарагай, Кара-Куджур и другие.

[1] *Н. Ф. Ситняковский,* Перечисление некоторых родов киргиз.., стр. 93.

[2] См. *Корнилов,* Кашгария или Восточный Туркестан. Опыт военно-статистического описания, Ташкент 1903, стр. 23.

В записках «О местных условиях русской политики в Средней Азии», составленных в 1865 г. канцелярией начальника Туркестанской области, о расселении киргизских племен говорилось следующее:

«Каракиргизы занимают горную область верховьев Сыр-Дарьи с ее главными притоками Чу, Таласса, хребты около Иссык-Куля и на юге распространяются до истоков Аму-Дарьи.

На север от Сыра их кочевья имеют наибольшее протяжение с востока на запад, соприкасаясь с севера с киргизами же Большой орды (т. е. казахами Старшего жуза.— *Б. Д.*), к югу с оседлыми населениями Кокандского ханства и Китайского Туркестана. Южнее Сыр-Дарьи каракиргизские кочевья простираются преимущественно с севера на юг, соприкасаясь с восточной стороны с оседлыми населениями Китайского Туркестана, с запада с кокандскими и бухарскими. Притом их северные кочевья в Тянь-Шане, на север от Сыр-Дарьи, сплошь заняты ими одними, южные же кочевья чересполосны с жилищами воинственных и фанатичных горных сартов» [1].

Приблизительно такие же границы расселения киргизов в начале второй половины XIX в. указывал и М. Венюков.

Характеризуя расселение киргизских племен в связи с административно-политическим устройством Туркестанского края, Л. Костенко писал: «Каракиргизы (дикокаменные киргизы, буруты) — кочуют в Семиреченской области в уездах Иссыккульском и Токмакском (вокруг озера Иссык-Куль), где они составляют сплошное население; в Сыр-Дарьинской области они составляют большинство населения Аулиеатинского уезда, в котором кочуют на верхнем Таласе, и незначительную часть в Ходжентском и Джизакском уездах. На юг кочевья каракиргизов распространяются до верховьев Аму-Дарьи, на восток до Музартского прохода (в Тянь-Шане) и на запад до Самарканда» [2].

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. I, д. 29, док. 120.

[2] *Л. Костенко,* Военно-научная экспедиция на Алай и Памир, стр. 46. Такое географическое расселение киргизов в основном сохранилось и ко времени Великой Октябрьской социалистической революции, о чем свидетельствуют данные Комиссии по изучению

Зимовки и летние кочевья каждого племени и рода накануне присоединения к России занимали определенную территорию, но разграничение районов летних кочевий между различными племенами и родами часто нарушалось в силу различных причин, особенно часто в процессе междоусобной борьбы.

Одно из многочисленных северокиргизских племен — солто занимало Чуйскую долину по обоим берегам Чу. Летом оно кочевало на северных склонах Александровского хребта, нередко крупные скотоводы спускались по перевалам и на южную сторону хребта и пользовались высокогорным пастбищем Сусамыр. Иногда летом часть солтинцев перекочевывала из Чуйской долины в верховья Таласской долины. О расселении племени солто Н. Аристов писал: «Ныне султу занимают западную часть Пишпекского уезда, в числе 8638 киб., и Александровский хребет и в Аулиеатинском уезде, в числе, приблизительно около 3 т. киб., так что численность султу вообще простирается до 12 т. кибиток» [1].

В Чуйской долине кроме племени солто проживало также племя сарыбагыш, которое занимало оба берега верховьев Чу и долины Большого и Малого Кебина. Кроме того, сарыбагыши занимали всю западную часть берегов Иссык-Куля, долины Кочкора и Джумгала, Нарын и отчасти Атбаши.

Управляющий «населением левого фланга» Туркестанской области в своем докладе военному губернатору Туркестанской области о расселении киргизских племен Чуйской долины писал: «До занятия нами Алатауского

племенного состава населения Российской империи: «Кыргызы занимают своими кочевьями и поселениями обширные горные пространства юго-восточной части западного Туркестана, прилежащие местности восточного Туркестана, горной Бухары (Каратегин), заходя частично в авганские владения. В русских пределах они составляют основное население Пишпекского (за исключением 12 сев.-зап. волостей, расположенных к западу от линии пер. Кастек — с. Михайловское) и Пржевальского у. и вновь образованного Нарынского у. Семиреченской обл., горной части всех уездов Ферганской обл., части Ходжентского у. Самаркандской обл. (пограничный с Кокандским у.) и заходят в горные волости Джизакского и Ташкентского уездов. От казаков их отделяет Александровский хребет с севера, западная их граница с казаками проходит по линии, проведенной от г. Аулие-Ата к перевалу Манас...» («Список народностей...», стр. 10—11).

[1] *Н. Аристов.* Заметки об этническом составе.., стр. 440.

округа, вся входящая ныне в состав населения левого фланга Туркестанской области дикокаменная орда занимала своими кочевьями всю Чуйскую долину, по обоим берегам этой реки до впадения в нее Карабалты. С водворением же русских в укр. Верном, дикокаменные орды султу и сарыбагышей, не бывшие еще тогда в подданстве России, из различных опасений оставили правый берег Чу и только в верховьях ее по Большому и Малому Кебинам продолжали кочевать сарыбагыши отделений тынай.

Хотя тогда, как и теперь, границею Алатауского округа считалась р. Чу, но киргизы Большой орды, боясь дикокаменных, не переходили на южный склон Кастекских гор и по-прежнему занимали свои старые кочевья; точно так же с занятием Иссык-Куля кочевавшие на Кунгее и на юго-западных берегах этого озера некоторые роды сарыбагышей, не вступившие еще тогда в подданство, удалились к своим родовичам на Джумгал и Нарын.

В настоящее время с водворением спокойствия в Зачуйской стране, сарыбагышский род есенгул, заявивший в 1864 году свое подданство, перекочевал на Иссык-Куль и занял Кунгей, Качкар, Кутемалды, а тынай кочует по рр. Кебинам, Каракунузу и другим удобным для стойбищ местам по южному склону Кастекских гор»[1].

Племена саруу, кушчу и кытай населяли Таласскую и отчасти Чаткальскую долины. В последней кочевало и племя багыш.

Племя саяк занимало Сусамыр, Кетменьтюбинскую долину, Тогуз-Торо, а также, совместно с сарыбагышами, долины Кочкора, Джумгала, Нарына, Атбаши и Иссыккульскую котловину.

Племена черик и чонбагыш проживали в пограничных с Кашгарией районах Тяньшаньского сырта к югу от Иссык-Куля.

Лучшие высокогорные пастбища Аксай, Арпа, Тарагай, Кара-Куджур использовались крупными скотоводами сарыбагышей, саяков, бугинцев, чериков, чонбагышей.

Бугинцы в основном кочевали по побережью озера Иссык-Куль, где имели зимовья и занимались хлебопашеством. Летом бугинцы кочевали на склонах Кунгей- и Терскей-алатоо, иногда через перевалы Терскей-алатоо спускались на высокогорные джайлоо Кара-Куджур, Аксай и Арпа. Они откочевывали также на восток на Каркыра и Текес, расположенные на границе с Китаем. О них Аристов писал: «...бугу занимают Пржевальский уезд, кочуя в бассейнах Иссык-Куля и верховьев Нарына до земель чириков и китайской границы, в числе 15 210 киб.»[2].

Указания Валиханова и Макшеева о районах расселения северокиргизских племен также совпадают с вышеприведенными сведениями. Валиханов отмечал, что «бугинцы имеют хлебопашество по южному берегу Иссык-Куля, а летом кочуют в верховьях Текеса и Кегана. Сарыбагышей до 10 тыс. кибиток, кочуют на реке Чу и на восточной оконечности Иссык-Куля. Солто — самый хищный род до 15 тыс. кибиток, кочуют на Таласе и на реке Чу, около Кокандского укрепления Пишпек.

Саяки занимают верховья Нарына и Джумгала; черики — Тяньшанское нагорье на юг от озера Иссык-Куля; чон-багыши — огибают горы на северо-запад от Кашгара. Последние два племени очень бедны. Остальные роды из колена тагай занимают горы на С. от Намангана в окрестностях Андижана и в верховьях реки Джум-голя»[3].

По данным Макшеева, «кара-киргизские роды, признающие власть России, расселяются следующим образом: род бугу кочует около восточной части озера Иссык-Куль (в Иссыккульском уезде), сарыбагиш — около западной части того же озера и на р. Чу (в уездах Иссыккульском и Токмакском); султу — в Чуйском крае западнее сарыбагишей (в Токмакском уезде); саяки — около Джумгала и Сусамира (там же); роды левого крыла — около верховьев Таласа (в Аулиеатинском уезде) и проч. Затем прочие роды кара-киргизов расселяются по всей системе Болора»[3].

Крупные племенные объединения киргизов — адыгене, монгуш, ичкилик и кыпчак, занимали южную Кир-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 1, оп. 16, д. 199, док. 1—3.

[1] *Н. Аристов,* Заметки об этническом составе.., стр. 439.
[2] *Ч. Ч. Валиханов,* указ. соч., стр. 74—75.
[3] *А. А. Макшеев,* указ. соч., стр. 40.

гизию. Алайская долина в основном была заселена племенами адыгене и монгуш, а Ферганская долина — ичкилик и кыпчак. На юге Киргизии кочевал ряд мелких племен, не игравших заметной роли в экономической жизни и политической истории киргизов.

Согласно данным Ч. Валиханова, племя адыгене обитало в Ферганской долине, около городов Маргелана и Оша, а летом перекочевывало в горы от Оша до Коканда [1]. По Аристову, отдел адыгене кочевал на Памире, а также по Алайскому хребту до реки Зеравшан, спускаясь в долину Ферганы [2].

Племена найман, кыпчак и кытай расселялись, начиная от Оша по Памирскому плоскогорью до Бадахшана и оттуда по Каракорумской цепи. С ними же проживали отдельные роды племени ичкилик и некоторые роды племени адыгене [3].

Кочевья более мелких племен, как, например, монголдор, басыз, азык, мундуз, кангды, тёбёй, джедигер, джетиген, дёёлёс и многих других, располагались среди кочевий основных племен.

Главным занятием киргизов являлось скотоводство. Оно основывалось на использовании скотом в течение всего года подножного корма и носило экстенсивный характер.

Гористая местность Киргизстана, с прохладным климатом, хорошими лугами и пастбищами создавала благоприятные условия для развития скотоводства. Киргизы разводили овец и коз, лошадей, крупный рогатый скот, верблюдов и яков. Последний вид скота повсеместного распространения не имел, так как яки, приспособленные к условиям высокогорного прохладного климата, не выдерживают летней жары в долинах. В некоторых высокогорных районах Тянь-Шаня, как, например, Атбаши, Нарын и Сырты, яки были одним из основных видов домашнего скота.

Верблюды, имеющие важное значение при перекочевках, не могли широко разводиться в горах. Тем не

[1] См. *Ч. Ч. Валиханов,* указ. соч., стр. 75.
[2] См. *Н. Аристов,* Заметки об этническом составе.., стр. 396.
[3] См. *Ч. Ч. Валиханов,* указ. соч., стр. 75. Расселение основных киргизских племен в период присоединения Киргизии к России более наглядно представлено в карте «Расселение киргизских племен» (См. приложение).

менее они играли большую роль в скотоводстве киргизов и по численности занимали четвертое место после овец, лошадей и крупного рогатого скота. В зависимости от условий местности верблюдов иногда бывало и больше, чем крупного рогатого скота.

Состав стада у киргизов в известной степени менялся в зависимости от исторических условий. В период войн возрастала роль лошадей. С переходом к мирной жизни первое место занимало овцеводство, увеличивалось количество крупного рогатого скота, верблюдов. В районах же с развитым земледелием важное место в стаде принадлежало лошади и крупному рогатому скоту как рабочей силе.

В 1871 г. киргизы семи волостей Иссыккульского уезда Семиреченской области имели: верблюдов — 4399, лошадей — 74 168, крупного рогатого скота — 13 012, овец — 221 410. Кочевники 21 волости Токмакского уезда имели: верблюдов — 13 276, лошадей — 76 813, крупного рогатого скота — 17 617, овец — 474 370 [1].

В связи с тем, что скот круглый год находился на подножном корму, киргизам приходилось постоянно кочевать по пастбищам, которые делились в зависимости от времени года на весенние — кёктёё, летние — жайлоо, осенние стойбища — кюздёё и зимние — кыштоо.

Зимовье — кыштоо — находилось на определенном, постоянном месте, выбранном с учетом наличия подножного корма, источников воды, направления зимних ветров и толщины снежного покрова. Толщина снежного покрова имела важное значение, так как при глубоком снеге скот не мог добывать корм. В условиях горной местности толщина снежного покрова определялась кроме естественного снегопада еще и направлением ветра, так как на буграх и склонах гор снег постоянно подвергался сдуванию в одних и наносам в других местах. Учитывался также и состав скота, так как пастбища, пригодные для овец и лошадей, не всегда годились для крупного рогатого скота, который не мог тебеневать и кормиться мелкими травами.

Некоторые кыштоо у богатых семей имели примитивные хозяйственные строения — короо, изгороди, сло-

[1] См. «О числе кочевого населения в Семиреченской области. За 1870—1871 годы», стр. 257, 259.

женные из камней, или построенные из камыша, иногда из шиповника и других кустарников. Такие загоны предназначались главным образом для овец. Крупные скотоводы на зимовье ставили также несколько юрт для скота, где во время буранов и сильных морозов держали истощенных и ослабевших животных. В юртах же в период окота держали ягнят.

Кое-где на зимовьях строили глинобитные прочные курганы и бастырма — сараи для верховых лошадей и дойных коров, которых приходилось постоянно держать дома, не пуская на дальние пастбища. На зимовьях сосредоточивались и различного рода запасы продовольствия, в частности зерновые продукты, а также корма для скота, заготовленные в небольшом количестве летом.

В ряде случаев воздвигались строения, служившие укрытием во время неожиданных военных нападений. Так, по описанию Г. Бардашева, главный бугинский манап Боромбай в 40-х годах имел такое укрепление — курган на южном берегу озера Иссык-Куль, в местности Джууку [1].

Но имелись отдельные районы, где условия жизни кочевников были более примитивными и отсталыми. Д. Л. Иванов в «Путешествии на Памир» указывал: «Киргиз-памирец до того кочевник, не любящий ничего оседлого, что даже среди здешних ветров и холодов он не подумал о возможности построить себе зимовку и зимует всегда в тех же рваных кибитках, в которых живет и летом; мало того, даже этих кибиток он не обкладывает на зиму ни камышом, ни чем другим. Это особенно бросается в глаза потому, что рядом с ним родственные ему киргизы Среднего и Нижнего Алая строят весьма обстоятельные зимовки как для скота, так и для себя» [2].

А. Кушакевич, занимавшийся изучением южных киргизов, дал следующую характеристику киргизских весенних кочевий: «С началом весны, когда трава начнет показываться, и степные равнинные пространства... несколько позеленеют, а во впадающих в эту равнину из горной части уезда оврагов (саях) потечет весенняя вода,

[1] См. *Г. Бардашев*, Заметки о дикокаменных киргизах,— «Материалы для статистики Туркестанского края», Ежегодник, вып. 3, Спб. 1874, стр. 387.

[2] *Д. Л. Иванов*, Путешествие на Памир, «Известия РГО», т. XX, вып. 3, отдел II, 1884 г., стр. 237.

в горах же еще лежат снега и веют бураны, киргизы оставляют свои снегом заметенные ущелья зимовок и спускаются с гор к равнине и в овраги, где и перекочевывают с места на место, пока палящее солнце юга не станет высушивать степь, а стаявшие в первых предгорьях снега перестанут оживлять водою этот лабиринт оврагов и ущелий, первых, ближайших к равнине, предгорий. В это время года места эти оживляются. Видны группы скота, разбросанные там и сям по равнине или скатам зеленеющихся предгорий, журчащие во множестве ручейки и там и сям стоящие небольшие аульчики, из трех или несколько более кибиток» [1].

С наступлением летней жары, обычно в конце мая, начиналось кочевье на джайлоо в горы. Кочевники поднимались все выше и выше и к июлю доходили до высокогорных пастбищ вблизи ледников. При этом старались предохранить от потравы подножные корма зимних стойбищ.

Один из русских исследователей, А. Г. Серебренников, следующим образом описывал летние кочевья киргизов: «Зимуя в долинах рек и котловинах озер, они уходят на лето со своими стадами в ущелья гор и кочуют на высоте 14 000—15 000 фут. над уровнем моря, где всегда имеется прекрасный корм и где нет комаров, оводов, слепней и т. п. насекомых, от которых сильно страдает скот в долинах. Киргизы сохраняют подножный корм на зимнее время, что имеет весьма важное значение, так как никаких запасов сена на зиму они не делают» [2].

К осени, с похолоданием, начиналась обратная постепенная откочевка с высокогорных пастбищ в предгорья и долины, а к октябрю-ноябрю аилы расселялись по своим зимовьям, расположенным большей частью в долинах и предгорьях.

Время летних кочевий киргизов являлось лучшим периодом их хозяйственной жизни — обилия молочных продуктов, свежего мяса и т. д.

С наступлением зимы для кочевников наступала тяжелая жизнь, сопряженная с большими трудностями и

[1] *А. А. Кушакевич*, Сведения о Ходжентском уезде,— «Записки РГО по общей географии», т. IV, Спб. 1871, стр. 229—230.

[2] *А. Г. Серебренников*, указ. соч., стр. 140; см. также *А. А. Кушакевич*, указ. соч., стр. 230.

нуждой. Особенно тяжело приходилось беднякам, не обеспеченным теплой одеждой и хорошей юртой, а также достаточным топливом и питанием. В суровых зимних условиях киргизам приходилось проводить приблизительно треть года. Грустную картину жизни трудящихся масс киргизов зимой рисует А. Кушакевич: «К осени они... снова отходят на свои зимовки в ущелья диких и скалистых гор. В этих местах, высоко-лежащих над уровнем моря, во время многоснежной зимы, иногда пропадают их овцы за невозможностью добыть себе корм из-под толстого слоя снега... Их разбросанные и разобщенные горами зимовки гнездятся в гористой части уезда. В глубоких щелях, часто почти трещинах, при немноговодном источнике (булак), стоит по два, по три, много по 5 уев (кибитки)»[1].

Полный цикл кочевья выполнялся главным образом зажиточными хозяйствами. Бедняки могли самостоятельно кочевать только на близлежащие пастбища. На дальние пастбища они кочевали обычно вместе со своими богатыми сородичами или покровителями, выполняя у них домашние работы и ухаживая за их скотом. За это бедняки получали баранов и пользовались молоком хозяйских коров и овец. Но были районы, где в связи с относительным развитием земледелия некоторые бедняки летом не кочевали, а занимались сельскохозяйственными работами, образуя небольшие аилы. Они ухаживали за посевами богатых сородичей. Назывались они джатакчи. Правда, до присоединения Киргизии к России джатаков было сравнительно немного. Число их значительно увеличилось уже впоследствии, в связи с развитием земледелия и усилением социальной дифференциации в киргизском обществе.

Заготовки кормов на зиму киргизы почти не производили, сенокошения они не знали. Очень небольшое количество сена иногда заготовлялось на зиму путем жатвы травы серпом. Это сено предназначалось исключительно для верховых лошадей и дойных коров. Но мало кто заготавливал сено.

Отсутствие запасов кормов на зиму ставило кочевое скотоводство в полную зависимость от стихийных сил природы. Большой урон скотоводству приносили перио-

[1] *А. А. Кушакевич,* указ. соч., стр. 230.

дически повторяющиеся джуты — гололедицы, наступавшие в затяжные и суровые зимы с глубоким снегопадом.

Особенно страшна была гололедица, когда весною, в период наибольшего истощения скота, после кратковременной оттепели наступало резкое похолодание и глубокий снегопад, в результате чего уже растаявший снег замерзал вновь и превращался в слой льда, покрывавший траву. Чем толще лед, тем труднее скоту добыть себе корм. Во время такого джута скот, и прежде всего овцы, погибал, не имея сил пробить ледяную корку.

Перед такими стихийными бедствиями киргизы были совершенно беспомощны. Кое-какие меры, принимаемые для спасения скота, были неэффективны. Так, например, на пастбище обычно сначала пускали лошадей, которые как более сильные могли копытами разрыть снег и добыть корм. В таких случаях оставшаяся после лошадей трава доставалась верблюдам, коровам и овцам. Но при сильной гололедице даже лошади не могли пробить толстую корку льда. Тогда на помощь животным приходили люди. Все, начиная от пастуха и кончая всеми членами семьи владельца скота и его соседей, вооружившись кольями, лопатами, топорами и мотыгами, разбивали ледяную корку и отрывали корм животным. Но только очень небольшое количество скота можно было обеспечить кормом таким способом. Даже в позднейший период, после присоединения Киргизии к России, когда кочевники восприняли от русских переселенцев сенокошение и заготовку кормов на зиму, джут еще оставался страшным бедствием для скотоводческого хозяйства.

Характеризуя разорение хозяйства киргизов во время джута, В. Ф. Ошанин писал: «Скота у киргизов пало очень много, особенно пострадали бараны. У иных лиц, имевших прежде до 2000 овец, осталось к весне штук по 50-ти»[1].

Не случайно среди киргизов сложилась пословица, образно передающая значение джута для киргизского хозяйства: «Баю достаточно одного джута, а богатырю достаточно одной пули».

[1] *В. Ф. Ошанин,* Каратегин и Дарваз,— «Известия РГО», отдел II, т. XVII, вып. I, 1882, стр. 30.

В условиях пастбищной системы скотоводческого хозяйства у киргизов культивировались только местные породы скота, наиболее выносливые и приспособленные к содержанию на подножном корму. Породистые лошади, коровы и овцы почти не разводились, так как не выдерживали суровых зимних условий. Продуктивность овец и крупного рогатого скота по качеству шерсти и молочности была низкой, однако киргизские породы скота отличались лучшим качеством мяса и жира.

Лошадь имела большое значение в жизни киргиза. Каждый взрослый киргиз считал необходимым иметь лошадь. Бедняки в первую очередь старались приобрести лошадь, а затем уже козу, овец, крупный рогатый скот и т. п.

Богатые и зажиточные хозяйства с весны до осени и даже до наступления зимних холодов из кобыльего молока изготовляли излюбленный напиток киргизов — кымыс. Одним из основных видов пищи у киргизов являлось конское мясо, занимавшее второе место после баранины. Осенью, когда лошади и другой скот достигали наибольшей упитанности, киргизы забивали их и заготавливали на зиму вяленое мясо — согум.

Большое значение в хозяйстве киргизов имели овцы. Они в основном удовлетворяли потребность в питании, одежде и отчасти в материалах для изготовления жилища. Крупный рогатый скот был более распространен в бедняцких и середняцких хозяйствах. Крупные скотоводы обычно разводили в большом количестве овец и лошадей. В натуральном скотоводческом хозяйстве скот удовлетворял в основном все потребности населения в пище, одежде, предметах домашнего обихода и материалах для изготовления жилища (юрты).

В тесной связи со скотоводческим хозяйством у киргизов были распространены различные ремесла, имевшие характер домашнего производства. Обычно домашние промыслы не были обособлены от скотоводства и земледелия. Это было производство по обработке кожи, шерсти, конского волоса, молока и других продуктов скотоводства. Широко развитым и многообразным являлось домашнее производство по обработке шерсти. Из овечьей шерсти при помощи деревянного веретена женщины изготовляли пряжу. На примитивном ткацком станке — ёрмёк — из этой пряжи изготовлялась ткань для халатов, штанов, мешков, переметных сумок, тесьмы для обвязывания остова юрты и т. п. Овечья шерсть шла также на выделку войлока, которым покрывались юрты, кошмы для пола (шырдак), постельной кошмы (аласкийз), одежды — халатов (кементай), головных уборов (калпак), чулок (байпак), потников к седлам, зимней обуви (чокой) и т. д. Верблюжья шерсть шла на выделку ткани для пошивки одежды лучшего качества. Из шерсти коз и яков и конского волоса вили веревки — арканы. Овечьи шкуры употреблялись на шитье зимних тулупов, штанов, головных уборов, расстилались по полу в юрте и т. п. Из козьих шкур изготовлялись мешки для хранения и перевозки жидкостей, из кож крупного рогатого скота, лошадей и верблюдов выделывалась обувь, сбруя, части седел и различная кожаная посуда.

Техника обработки кож была очень примитивной. После чистки кожу сушили и долго квасили в кислом молоке с солью, после чего выделывали мягкую кожу. Бараньи шкуры, предназначенные для изготовления шуб, обрабатывали в кислом молоке с солью и оставляли на солнце в течение двух недель, после чего скоблили ножом и обрабатывали жженой известью, которая придавала коже белую окраску; иногда кожу окрашивали в желтый цвет настоем из корней ышкын-тюпа — горного растения.

Из дерева изготовлялись ленчики седел, остовы юрт, колыбели, посуда, двухсторонние двери для юрт, косяки к дверям, такта — деревянные подмостки для постели и т. д.

Кузнецы изготовляли подковы, ножи, серпы, топоры, сошники, а более искусные — оружие: сабли, фитильные и кремневые ружья и боевые топорики — ай-балта. Кроме того, были мастера золотых и серебряных дел — сертер, которые изготовляли женские украшения, украшения для мужских поясов, сбруи и т. п. Производство боевого вооружения было развито относительно широко, так как каждому киргизу необходимо было иметь оружие ввиду тревожных условий жизни, бесконечной барымты и вооруженных столкновений. Правда, огнестрельное и частично холодное оружие, как, например, сабли, в основном покупались киргизами в среднеазиатских ханствах и городах Восточного Туркестана. Но холодное оружие, как правило, изготовлялось на месте.

Киргизские кузнецы приобретали металл у купцов, приезжавших из среднеазиатских ханств и Восточного Туркестана. Среднеазиатские купцы продавали железо главным образом русского производства. Но, кроме того, самим киргизам были известны примитивные способы производства металла.

Г. Бардашев в «Записках о дикокаменных киргизах» указывает: «Железо для выделки оружия и для домашних принадлежностей черные киргизы добывают в небольших размерах и весьма первобытными способами из чернаго, крупного песку, собираемого на берегах Иссык-Куля. Свинцовые руды встречаются также в кочевьях черных киргиз, но не разрабатываются ими» [1].

Из различных видов цветного камня киргизы выделывали светильники, пуговицы, формочки для отливки пуль, из гранита изготовляли ручные каменные жернова, из особой породы камня делали бюлёё — точилки для ножей и т. д. Киргизам были известны некоторые примитивные способы производства красителей. Из корней ышкын-тюп, растущей в горах, как уже отмечалось, добывалась желтая краска, которой окрашивали шубы. Из красной глины киргизы получали красную краску — джошо, которой красили деревянные остовы юрт: кёрёгё — решетчатые основы, уук — палки, соединяющие кёрёгё с дымоотводящим отверстием в юрте, тюндюк — круг, образующий отверстие в потолке юрты, каалга — двери к юртам, босого — косяки и др.

Киргизы умели изготовлять порох. Техника изготовления его была такова: серу, которую приобретали на городских базарах, смешивали с еловым углем и особыми осадками, заменявшими селитру. Осадки получали следующим способом: с бугра или с развалины старой крепости, возвышающихся в степи, собирали верхний, затвердевший, покрытый белой щелочью слой земли и варили его в котлах. Туда же клали чий, на котором в результате кипячения образовывался белый осадок. Этот осадок осторожно снимали и сушили; получившаяся серо-белая масса и заменяла селитру.

Питание киргизов-кочевников в основном состояло из молока и мяса, растительная пища употреблялась мало. Лишь в отдельных бедняцких хозяйствах, более

[1] *Г. Бардашев,* указ. соч., стр. 388.

прочно связанных с земледелием, преобладала растительная пища. Но это наблюдалось редко.

Верховая езда на лошадях, верблюдах, быках и яках являлась основным способом передвижения киргизов. Эти животные использовались и для перевозки тяжестей при перекочевках.

До переселения в Киргизию русских колесный транспорт киргизами почти не применялся. Он заменялся чийне — волокушей, состоявшей из двух параллельных жердей с двумя или тремя поперечными перекладинами. Концы жердей привязывали к седлу.

Как мы уже отмечали, в хозяйстве киргизов ремесло не было отделено от скотоводства и земледелия, не обособлялось в отдельную отрасль производства. Правда, при сокращении работ в своем хозяйстве сапожники, кузнецы, плотники, разъезжая по аилам, выполняли различные работы в доме заказчика. Но это отнюдь не являлось единственным источником существования ремесленников. Обычно у них было еще свое скотоводческое или земледельческое хозяйство. Поэтому говорить об отделении ремесла от сельскохозяйственного производства не приходится. Но разделение труда осуществлялось между мужчинами и женщинами. Мужчина выполнял работы, связанные с выпасом стада и возделыванием земледельческих культур; на долю женщины приходился уход за молодняком, доение кобыл, коров, коз и овец, все работы, связанные с обработкой молочных продуктов, частично охрана стада ночью, обработка шерсти и выделка кошм, арканов и т. д. Но строгого разграничения между трудом мужчин и женщин не было.

Охота являлась некоторым подспорьем в хозяйстве киргизов. Наличие в Киргизстане многочисленных видов диких животных, а также птиц создавало благоприятные условия для охотничьего промысла. Бардашев указывал: «Из диких зверей водятся: маралы, дикие и каменные козлы, архары (каменные бараны), сайги, букень, тигры, барсы, ирбисы (медведи), волки, лисицы, куницы, рыси, россомахи, выдры и зайцы; из птиц: фазаны, беркуты, ястребы, соколы и другие» [1].

Охотились киргизы при помощи ружей, капканов и силков, а также же ловчих птиц. Ружья употреблялись

[1] *Г. Бардашев,* указ. соч., стр. 388.

фитильные с деревянными подпорками. Большое место занимала охота на маралов, рога которых, добытые в период мая — июня, охотно скупались китайцами, так как высоко ценились как лекарственное средство.

Особенно распространена была охота с ловчими птицами, дрессировка которых была доведена до большого совершенства. Промысловое значение имела главным образом охота с беркутами, с которыми охотились на лисиц, волков и куниц. Охота же с соколами и ястребами на пернатую дичь носила скорее любительский характер и обычно являлась занятием представителей феодально-аристократической верхушки. Большой интерес представляла охота с борзыми собаками. Киргизы разводили особый, горный тип борзой собаки (тайган), которая хорошо шла на лисицу и даже на волка.

Изредка наряду с охотой киргизы занимались и рыболовством. Но к этому занятию прибегали очень редко, обычно в период большого недостатка продовольствия в результате джута или засухи.

Как уже отмечалось, наряду со скотоводством у киргизов было развито и земледелие. Однако оно стояло на втором месте и носило подсобный характер.

В Северной Киргизии основными земледельческими районами являлись Иссыккульская котловина, долины Чу и Таласса, отчасти Кочкора, Джумгала, Чаткала и высокогорные долины Нарына, Атбаши, Тогуз-Торо и т. д. В Южной Киргизии — долины Алая, Кетмень-Тюбе и некоторые другие. Наиболее развито было земледелие в Ферганской долине.

Киргизское земледелие носило преимущественно потребительский характер, причем полностью потребность населения в зерне не удовлетворяло.

Основными культурами, возделываемыми в Северной Киргизии, были просо, пшеница и ячмень. Последний выращивался обычно в высокогорных районах. Кое-где в небольшом количестве возделывали сорго и люцерну. Но в высокогорных районах земледелие было развито очень слабо или его вовсе не было, в частности в Тянь-шаньских сыртах и на Памире.

Садоводства и разведения бахчевых культур киргизы почти не знали. В горах Северной Киргизии росли в диком состоянии различные фруктовые деревья и ягодные кустарники: яблоки, урюк, персики, виноград,

вишни, смородина и т. д. Однако они не имели почти никакого хозяйственного значения.

Земледелие у киргизов было главным образом поливное с чрезвычайно примитивной техникой. Землю пахали с помощью деревянной сохи — буурусун — с чугунным наконечником. Но не все имели ее. Земледельцы, не имевшие сохи, вынуждены были обрабатывать землю с помощью лопаты и мотыги. Посев производился вручную из полы халата. Для боронования употреблялась в большинстве случаев связка хвороста, иногда сучковатое бревно. Жали серпом, а при отсутствии серпа просто выдергивали стебли растений из земли. Молотьба производилась копытами животных, обычно лошадей, быков и коров; их гоняли группами по разложенной на току пшенице или ячменю. Нередко зерно обивали палками. На юге Киргизии встречались каменные молотилки.

Для перемалывания зерна употреблялись ручные каменные жернова — джаргылчак и деревянные ступки — соку. В этих ступках производилась и очистка проса и сорго от шелухи. Перемалывание зерна кое-где производилось на мельницах, устроенных на быстротекущих горных реках. «На различных речках,— указывал Бардашев,— впадающих в Иссык-куль, построено киргизами до 25 водяных мельниц»[1].

Крупные скотоводы обычно сами не занимались земледельческой работой. Они отдавали беднякам свою землю на условиях ортока, то есть исполу. Часто крупные скотоводы предоставляли беднякам на таких же условиях скот, сельскохозяйственный инвентарь и семена. Бедняк обязан был выполнить все работы, связанные с пахотой, посевом, поливом и уборкой урожая. Поэтому он, конечно, не мог откочевать далеко от посева. Такие бедняцкие хозяйства — джатакчи — обычно не кочевали в джайлоо, а оставались возле посевов в долинах и в степи.

Бедняки вынуждены были работать на условиях ортока не только потому, что не имели скота, инвентаря и, главное, семян, так как обычно за зиму съедали все запасы продовольствия без остатка, но и за неимением плодородной пахотной земли. Лишь немногие из бедняцких хозяйств имели небольшие клочки пахотной земли, но

[1] *Г. Бардашев*, указ. соч., стр. 387.

часто ввиду отсутствия инвентаря, скота и семян не могли обрабатывать их без помощи манапа или бая.

Фактическими собственниками лучшей, наиболее плодородной пахотной земли были представители феодально-родовой верхушки киргизов. «Бедные люди,— отмечал Бардашев,— не имеют своих пашен, но нанимаясь в услужение у богатых, получают в лето за работу зернового хлеба от 4 до 6 мешков»[1].

В таком состоянии находилось хозяйство киргизов в середине XIX в.

Натуральное, экстенсивное скотоводческое хозяйство, слабо развитое земледелие, основанное на допотопной технике, домашние промыслы не могли удовлетворить все жизненные потребности киргизов. У них всегда ощущался недостаток не только в продуктах земледелия, но и в одежде, обуви, предметах домашнего обихода. Особенно остро нуждались киргизы в хлопчатобумажных тканях и в металлических изделиях. Поэтому недостающие продукты питания, одежду и прочие предметы первой необходимости киргизы старались добывать путем обмена. Они охотно покупали у русских, кашгарских и среднеазиатских купцов хлопчатобумажные ткани, особенно для нижнего белья, выделанную кожу и т. д. По словам Бардашева, «верхняя одежда горных киргизов шьется из кашгарских материй, а нижняя из белых бязей, выделываемых в Кокане; обувь — из русских красных кож».

В середине XIX в. у киргизов развит был еще один способ приобретения продуктов питания, а для некоторых — способ обогащения — это барымта и набеги на соседние племена и народности в целях угона скота, а иногда и захвата в плен людей, за освобождение которых назначался выкуп. Согласно установившимся у киргизов правовым порядкам барымта и набеги не считались преступлением, как и у других народов на определенной ступени их развития[2].

Однако набеги и барымта приносили большой ущерб развитию хозяйства киргизов, так как создавали тревожную, почти военную обстановку между соседними

[1] *Г. Бардашев,* указ. соч., стр. 389.

[2] Например, у казахов, см. *М. П. Вяткин,* Батыр Срым, М.— Л. 1947, стр. 75.

племенами, нарушали их мирный хозяйственный труд и мешали нормальному развитию скотоводства и земледелия. Кроме того, барымта способствовала быстрому и массовому истреблению скота, так как угнанных лошадей или другой скот старались как можно скорее забить на пищу, не считаясь с нормальной потребностью в ней.

Господство натурального хозяйства не исключало возможности обмена и торговли. К середине XIX в. наиболее интенсивно развиваются экономические, политические и культурные связи со среднеазиатскими ханствами и с Россией, с одной стороны, западными провинциями Китая — с другой.

Кроме того, через территорию Киргизии пролегали маршруты караванной торговли из Российской империи и среднеазиатских ханств в города Западного Китая. Бухарские, кокандские и хивинские купцы через Ташкент и Аулие-Ату проходили по Чуйской долине и далее по берегам озера Иссык-Куль, или же через Нарын и Атбаши, в Кашгар и другие города Западного Китая. Другое направление торговых путей в Западный Китай пролегало от Ферганской долины через перевал Когарт в сторону Тогуз-Торо, Атбаши и Нарына и далее через перевал Торгарт. Русские купцы шли главным образом из Омска и Семипалатинска через Копал и Верный к берегам Иссык-Куля и далее в Кашгар или Кульджу.

К киргизам приезжали торговцы из Ферганы и Кашгара со стеганными бумажными и полушелковыми халатами, одеялами, тюбетейками, платками, бумажными и шелковыми тканями, оружием, сушеными фруктами, мукой и т. д. Из бумажных тканей особенно большим спросом пользовались бязь и ткань для халатов. Из Кульджи доставлялись чай, рис, табак, шелковые ткани и т. д. Наиболее ценные товары, как например шелковые ткани, выделанные кожи, рис и т. п., приобретались преимущественно богатыми людьми. В обмен торговцы получали скот, кошмы, кожи, шерсть, пушнину, волос, масло и т. д.

Как видно, киргизы продавали главным образом скот и продукты скотоводства. Основным предметом обмена и продажи у киргизов являлись овцы. Г. Бардашев писал: «...Баранов разведено много, торговцы выменивают их на большие суммы и отправляют в Кашгар и Коканд. Наши купцы с выгодою также выменивают пуш-

ной товар на русские нанки, ситцы, верверет, чугунные котлы, красную юфть и проч. Кроме приготовления войлоков, попон, седел и некоторой домашней утвари, черные киргизы не знают других рукоделий. Почти все торговые обороты черных киргиз ограничиваются меною своего скота торговцам, приходящим из Кашгара, России и Коканда»[1].

В кочевьях киргизских аилов торговля велась почти исключительно меновая. Всеобщим эквивалентом были обычно бараны. Редко при сделках с купцами в качестве эквивалента применялись серебряные слитки — джамбы — кашгарского происхождения. Торговля в этот период еще не успела нарушить натуральную основу хозяйства.

Некоторые меновые операции производились и между киргизами, особенно между племенами, постоянно жившими в высокогорных районах, и племенами, населявшими низменные долины, где лучше созревал хлеб. Меняли главным образом скот, кошмы и другие продукты скотоводства на зерно. Кроме того, предметом обмена являлись некоторые продукты домашнего производства мастеров по железу, дереву и т. д., предметы роскоши из серебра и золота для украшения сбруи и одежды и т. п. Но внутренний обмен у киргизов оставался очень слабо развитым.

Следует отметить, что торговля с киргизами для среднеазиатских, российских и кашгарских купцов была очень выгодна. Среднеазиатские купцы выменивали овец на вещи, стоимость которых была в два-три раза ниже стоимости овец. Промышленные изделия из России в киргизских аилах ценились в несколько раз дороже, чем в центральных русских губерниях. Поэтому, несмотря на трудности пути, дальность расстояния и опасность ограбления, торговцы проникали даже в глухие кочевья северокиргизских племен. Если до середины XIX века преобладали торговцы из среднеазиатских ханств и Восточного Туркестана, то начиная с 50-х годов через территорию Киргизии стали проезжать купцы из России, главным образом татары, с товарами русского происхождения. Таким образом, русские товары, раньше попадавшие киргизам через посредничество среднеазиатских купцов, теперь стали обмениваться непосредственно через купцов — российских подданных.

[1] *Г. Бардашев*, указ. соч., стр. 389.

С развитием торговых связей постепенно усиливалась и экономическая зависимость киргизов от промышленноразвитых, экономически передовых стран.

Уровню развития производительных сил накануне присоединения Киргизии к России соответствовал и общественно-экономический строй киргизского общества, в котором в основном господствовали черты, характерные для феодального общества.

Феодальные отношения в Киргизии были неразрывно связаны с патриархально-родовыми формами быта. Правящую феодальную аристократию киргизов составляли манапы, стоявшие во главе каждого племени и рода. Наряду с манапами к эксплуататорскому классу феодалов относились бии и баи. Основной эксплуатируемый класс составляли трудящиеся массы непосредственных производителей — букара, среди которых различались следующие категории: кедей — бедняк, чарба — середняк и жалчи — наемный, обычно не имевший скота и других средств к существованию. К концу XIX и началу XX века в связи с усилившейся социальной дифференциацией широкое распространение получает труд малаев — наемных рабочих из разорившихся бедных скотоводов. С другой стороны, усиливается также процесс выделения баев — разбогатевших представителей букары.

Характеризуя общественный строй киргизов в XIX в., один из современников, О. Шкапский, в своей работе «Киргизы — крестьяне» писал: «Социальный уклад кара-киргиз заключался в том, что весь народ разделился на два класса. Главную массу кара-киргизского населения составляла так называемая «бухара» или фукара, что вполне соответствует старорусскому понятию о «подлом» народе. Над этою бухарою стоял класс власть имущих кара-киргиз «манапов», между которыми и была поделена вся «бухара», как были поделены крестьяне между русскими помещиками»[1].

Каждый из основных классов киргизского общества в свою очередь делился на ряд общественных групп в зависимости от их экономического и правового положения.

[1] *О. А. Шкапский*, Киргизы-крестьяне,— «Известия РГО», т. XLI, вып. 4, 1905, стр. 770.

В манапской феодальной верхушке имелся ряд категорий, находившихся на различных ступенях феодальной иерархии. Так, среди манапов различались чонг-манап, манап и чала-манап. Низшую ступень манапской группы составляли аткаминеры — всадники. Близко к этой группе стояли мирзы и аксакалы. К эксплуататорскому классу примыкали также многие представители духовенства — муллы, ишаны, ходжи и другие.

О расслоении среди букары говорилось выше. Низшую ступень общественной лестницы составлял класс рабов-кулов.

Остановимся на характеристике и выяснении классовой природы каждой из этих групп.

Манапы — это аристократическая прослойка, ак-сеёк — «белая кость», ведущая свое происхождение, согласно киргизской фольклорной родословной, от бия Тагая. Почти все киргизские фольклорные материалы указывают, что слово «манап» первоначально было личным именем одного из родоправителей племени сарыбагыш, внука Кылжыра, жившего в XVI веке. Кылжыр был родоначальником племен сарыбагыш и бугу. Манап выдвинулся мужеством и отвагой, стал признанным батыром и предводительствовал военными силами сарыбагышей. Став правителем племени, он выделялся своей жестокостью и тиранией. По его приказанию убивали людей, слово его было законом для подвластных ему родов и выполнялось беспрекословно. Он выплачивал калым за невесту людьми, выдавая их наряду со скотом целыми «тогузами» — девятками.

Правнуки Манапа — Учюке и Тюлкю — обладали также неограниченной властью, прославлялись набегами. Намечая себе невест, грабили и разоряли их сородичей и таким образом приобретали жену без калыма. Учюке и Тюлкю были батырами, и, как передает фольклор, при них происходила известная война киргизов с нойгутами, ставшая сюжетом киргизского эпоса малой формы «Джаныл-мырза».

Сыновья Учюке — Маматкул и Дёёлёт — также были манапами, причем Маматкул был чонг-манапом, в отличие от Дёёлёта, который был только чала-манапом. Его потомки впоследствии назывались чала-манапами. Маматкул был деспотичным и жестоким, поэтому его в фольклоре называют еще Майнаткул, то есть «человек-беда».

Батырами и чонг-манапами были и сыновья Маматкула — Темир и Болот. Оба прославились набегами на соседние народы и расширили свои владения.

Таким образом, в киргизском фольклоре потомки Манапа выступают как деспоты. Естественно, что в представлении народа слово «манап» включает в себя до некоторой степени и понятие о деспотическом образе действий, произволе, жестокости и насилии. Впоследствии почти все родоправители племен сарыбагыш связывали свое происхождение с Манапом и называли себя манапами[1]. Эта легенда нашла отражение и в русской исторической и географической литературе[2].

В русских источниках этот термин впервые употребляется в связи с событиями, связанными с войной Кенесары Касымова против киргизов в Чуйской долине в 1846—1847 гг. Академик В. В. Бартольд в своей книге «Киргизы» пишет: «В доступном мне материале слово «манап» едва ли не впервые встречается в рассказе о гибели казахского султана Кенесары Касымова»[3].

Утверждение В. В. Бартольда надо полагать справедливым, так как до этого почти нигде в русских источниках термин «манап», обозначающий правящую верхушку киргизов, не встречается. В записке Зиберштейна, относящейся к 1824 г., правители племени бугу всюду называются биями, но не манапами[4]. В известных нам источниках термин «манап» впервые встречается в письме бугинского бия Боромбая в Аягузский окружной приказ от 30 июня 1844 года.

Валиханов в середине XIX в. указывал, что правящую верхушку киргизов составляют манапы, но он не считал их аристократической прослойкой и отрицал вообще существование у киргизов элементов «белой кости» — ак-сеёк. Валиханов писал: «В Дикокаменной орде аристократического элемента не существовало исторически, точно также как и централизации родового управления. Там каждый род управлялся своим бием. Случалось, правда, что некоторые манапы, сильные родовичами,

[1] Партархив Кирг. ССР, ф. 156, оп. 5, д. 1312, л. 41—42.
[2] См. *Буров-Петров*, На борьбу с байством и манапством, Фрунзе 1927, стр. 6.
[3] *В. В. Бартольд*, Киргизы. (Исторический очерк), Киргизиздат, Фрунзе, 1943, стр. 69.
[4] См. «Исторический архив» т. 1, 1934 г.

успевали приобретать главенство, как Урман и Бурумбай. Хотя это было насилие, но люди эти имели несомненные достоинства, один — храбрость, а другой — замечательный ум»[1].

Подобно Ч. Валиханову, существование ак-сёёка в киргизском обществе отрицал и К. Н. Маев, который писал: «Между Дикокаменными киргизами нет аристократических, султанских родов (белой кости); потому-то, может быть, и произошло их название кара-киргизов (черных киргизов, т. е. киргизов черной кости). Дикокаменные киргизы, до введения последних преобразований в степи, управлялись манапами, т. е. старшинами и биями, которые производят суд и расправу по древним народным обычаям. Манапы имеют почти неограниченную власть»[2].

Мнение Валиханова и Маева, что у киргизов не было «белой кости» является неправильным. Крупные манапы киргизов причисляли себя к аристократии в отличие от биев, батыров, баев и других представителей родовых старшин, которые могли быть по происхождению и не «ак-сёёк». Правда, «белая кость» у киргизов генеалогически связывается не с чигнизидами, как у казахских султанов, а с Тагаем и другими биями. По этому вопросу М. П. Вяткин пишет: «У киргизов султанов не было. Вероятно, это находится в связи с тем, что в период монгольского завоевания значительная часть киргизов еще продолжала жить в районе Енисея... Правда, киргизы были покорены Чингис-ханом и включены в улус младшего сына завоевателя Тулуя, но оставались под управлением своей знати — так называемых «иналов». Что касается тяньшаньских киргизов, то хотя они и находились под управлением ханов Моголистана и одно время — в первой половине XVI в.— казахских ханов, но и здесь власть чингизидов не укрепилась»[3].

Н. И. Гродеков в работе «Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области» происхождение манапства

[1] *Ч. Ч. Валиханов,* указ. соч., стр. 512.
[2] *К. Н. Маев,* Путеводитель от С. Петербурга до Ташкента, Спб. 1870, стр. 10.
[3] *М. П. Вяткин,* Батыр Срым, стр. 85. Термин «инал», характерный для обозначения сословия знати у енисейских киргизов в XIII в., совершенно отсутствует у тяньшаньских киргизов. Даже в фольклоре этот термин никогда не встречается.

связывает с категорией наследственных биев: «Манапы у каракиргизов лучшие люди, происходящие от целого ряда биев. Простой киргиз не может быть манапом. Бии могут быть не из манапов»[1].

О формировании привилегированной манапской правящей верхушки киргизского общества к середине XIX в. М. П. Вяткин писал: «По-видимому лишь в XIX в. из среды биев выделилась привилегированная верхушка, принявшая звание манапов. Манапом могло быть лишь лицо, происходившее от целого ряда биев. По-видимому, манапами являлись наследственные бии, обособившиеся в замкнутую группу киргизского общества»[2].

Среди манапов существовало несколько групп, отношения между которыми строились на основе феодальной иерархии. Во главе какого-либо племени стоял один старший манап. В середине XIX в. в Северной Киргизии у племени бугу таким старшим манапом был Боромбай, у племени сарыбагыш — Ормон, затем Джантай, у племени солто — Джангарач, затем Байтик, у племени саяк — Рыскулбек и т. д. Эти чонг-манапы — главы племен — имели зависимых средних манапов, которые окружали себя чала-манапами — полу-манапами и аткаминерами — всадниками.

Как правило, манапы содержали при себе дружины, которые в соответствии с организацией правящей верхушки на основе вассалитета обеспечивали им господствующее положение в политической жизни киргизов.

Манапы обычно передавали власть своим потомкам, в результате чего в киргизском обществе образовалась устойчивая аристократическая прослойка. В отличие от манапов недавнего происхождения потомственные манапы именовались «чынжырлуу манап», то есть «цепные манапы» — термин, обозначающий то же, что и родовые манапы. Наследственность манапства отмечал и А. Талызин: «В каждом из родов выделялась аристократия — манапы, привилегированное положение которых и власть над своим родом переходили наследственно от отца к сыну»[3].

[1] *Н. И. Гродеков,* Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области, т. I, Юридический быт, Ташкент 1889, стр. 6.
[2] *М. П. Вяткин,* указ. соч., стр. 109.
[3] *А. Талызин,* указ. соч., стр. 26—27.

В середине XIX в. в районах, отдаленных от столицы ханства — Коканда, крупные манапы присваивали себе титул хана, как например манапы Боромбай или Ормон в конце первой половины XIX в.

Кокандские ханы в период колонизации Северной Киргизии, в 1825—1832 гг., принизили политическую роль некоторых чонг-манапов, так как сохранение их власти было опасно для кокандского правительства. Так случилось, например, с Тайлаком — главным манапом племени саяк. Но многие манапы умело приспособились к новым условиям и осуществляли власть среди своих родов и племен от имени кокандского хана.

В подчинении старших манапов находились крупные родовые и племенные объединения. Чем больше юрт, тем могущественнее был манап. Во власти аткаминеров находилось 10 и более юрт, в основном из какого-либо определенного рода. Во время перекочевки эти юрты образовывали один аил. Во власти чала-манапов находилось до 50—100 юрт, которыми они управляли через вассальных аткаминеров. Под управлением средних манапов находилось обычно 100—400 юрт. Манапы старались окружить себя баями и биями и обеспечить себе их поддержку. Чем больше в окружении манапа было баев и биев, тем легче осуществлял он власть над букарой, тем он был могущественнее в борьбе с другими манапами, возникавшей из-за власти над населением, из-за пастбищ и пахотной земли и т. д.

А. Талызин указывает, что к моменту присоединения Северной Киргизии к России очень крупных владельцев в Пишпекском уезде не было. «У старшего манапа рода султу Джангарача было до 600 юрт, у старшего манапа сарыбагишей Джантая до 700 юрт, у старшего манапа саяков Дулата было до 500 юрт. Мелкими считались те манапы, у которых число подданных было ниже ста юрт, были даже обладатели десятка кибиток» [1].

Но отдельные манапы владели гораздо большим числом юрт. Под властью манапа Боромбая к 1855 г. находилось до 10 000 юрт бугинцев, столько же юрт было под властью саякского манапа Рыскулбека в момент принятия российского подданства в 1864 г. Под властью манапа Ормона в конце 40-х годов насчитывалось свыше

[1] *А. Талызин*, указ. соч., стр. 27.

10 000 юрт сарыбагышей и саяков. У манапа Байтика к 1862 г. имелось до 5000 юрт солтинцев.

Наряду с манапами к господствующему классу киргизского общества относились бии. Если раннее появление манапов не может быть подтверждено известными в науке документальными данными, то бесспорно, что бии у киргизов существовали издавна.

Фольклорные материалы киргизской родословной биями называют киргизских правителей Тагая и Адыгене, являвшихся якобы родоначальниками киргизских племен на Тянь-Шане, после того как их переселил туда с Енисея Чингис-хан.

Китайские источники, относящиеся ко второй половине XVIII в., называют биями почти всех без исключения киргизских родоправителей. Иакинф Бичурин, говоря о киргизах второй половины XVIII в. писал: «Бурут (собственно кэргиз) есть название кочевого народа, обитающего между Аньцзичжаном (т. е. Андижаном,— *Б. Д.*) и Кашгаром. Земли его обширны и многолюдны. Владельцы их называются би. Иные би имеют от 10 до 20, а другие и до 30 аманей (то есть аилов,— *Б. Д.*), жители которых числятся рабами их. Хотя все носят название бурутов, но не одного имеют би. Каждый би владеет своею землею, имеет своих подданных. Они все равносильны и не зависят друг от друга. По смерти би поставляют сына или брата на его место, а посторонние не могут заступать оного» [1].

Зиберштейн, один из участников русского отряда, побывавшего на Иссык-Куле в кочевьях бугинцев в 1825 г., в своей путевой записке всех без исключения бугинских родоправителей называет биями. Костенко указывал: «Кроме манапов у каракиргизов существовали еще иски-бии, которых значение совершенно одинаково с тем, какое имели и имеют бии у киргиз-казаков, т. е. судебное. Они также избираются народом и судят по *адату* (обычаю)» [2].

Звание бия было не во всех случаях наследственным. Бием мог быть и выходец из букары, которому удава-

[1] *Иакинф Бичурин*, Описание Джунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. Перевод с китайского, ч. I, т. II, Спб. 1839, стр. 147.

[2] *Л. Костенко*, Военно-научная экспедиция на Алай и Памир, стр. 4.

лось тем или иным путем, особенно в результате военных подвигов, завоевать себе авторитет и влияние среди соплеменников. Но такие случаи были редки. Обычно биями избирались потомки биев, уже обладавшие традиционным влиянием и властью над определенной общиной.

Накануне присоединения Северной Киргизии к России бии существовали наряду с манапами. Термин «бий» в этот период уже был менее употребителен, чем батыр или манап. К этому времени несколько изменяется социальное содержание бийства. Если вплоть до первой четверти XIX в. бий осуществлял всестороннюю власть над своими соплеменниками, являясь главой и правителем рода или племени, то к середине XIX в. за биями сохранились только судебные функции, причем в сравнительно небольших общинах. Надо полагать, что это было связано до некоторой степени с политикой кокандских ханов, которые, опасаясь биев как бывших независимых правителей киргизов, лишали их политической власти, передавая ее в руки наместников хана — беков, а за биями оставляли лишь судебные функции в пределах небольших общин. По отношению к крупным манапам они занимали подчиненное положение. Но в классовом отношении бии очень близко стояли к манапам и нередко превращались в манапов. «Итак,— подчеркивает М. П. Вяткин,— и у узбеков, и у киргизов, и у каракалпаков бии — не представители «родовой демократии», а родовая знать, захватившая в свои руки управление государством и все связанные с этим экономические преимущества, обособившаяся у киргизов в XIX веке в замкнутую группу манапов»[1]. Бии как представители феодально-родовой знати существовали и у ряда других среднеазиатских народов.

Так же как и манапы, бии могли иметь зависимых мелких аткаминеров, джигитов и других служителей, опираясь на которых они осуществляли свою власть.

В киргизском обществе в первой половине XIX в. наиболее распространенным термином для обозначения выделяющихся из среды букары и примыкающих к представителям феодально-родовой верхушки киргизов был термин «батыр». Этот термин у киргизов обычно не связывался с определенным социально-классовым содержанием. Слово «батыр» означает «герой». Это звание не было наследственным и приобреталось главным образом на войне. Героизм и отвага составляли главные свойства батыра. В народе звание батыра всегда связывалось с положительными и любимыми героями, и нередко батыры, как защитники интересов народа, противопоставлялись представителям правящей феодальной знати — ханам, биям, баям и т. д.

[1] *М. П. Вяткин,* указ. соч., стр. 110.

В киргизском фольклоре почти все герои эпоса называются батырами. Батыр, в противоположность манапам и биям, обычно представляется в фольклоре как защитник народа от внешних врагов. Весь киргизский эпос малой формы, сюжеты которого связаны главным образом с войной киргизов против вторгавшихся в XVII—XVIII вв. на территорию Киргизстана калмыков — джунгаров, называет своих героев батырами.

В первой половине XIX в. наиболее известными у племени бугу был Балбай-батыр, у племени солто — Джамангара-батыр, Калпак-батыр и другие, у племени сарыбагыш Тёрёгельди-батыр, у саяков — Тайлак-батыр и т. д. Эти батыры завоевывали популярность и влияние главным образом в военных походах против казахов Старшего жуза, джунгарских калмыков, восточных туркестанцев и т. д. Талызин сообщает: «И теперь еще немало стариков, к которым обращаются, называя их не по имени, а титулу — почетным званием «батыр», которое приобретено ими за былые смелые набеги; у некоторых манапов до сих пор хранится в качестве почетного воспоминания прежних военных подвигов полное вооружение, состоящее из шлема, кольчуги, наколенников, сабли, копья, лука, колчана со стрелами и щита»[1].

Но батыры со временем обычно легко вливались в ряды феодально-родовой знати. В первой половине XIX в. некоторые батыры, как например Тёрёгельди, превратились в крупных манапов, управлявших немалым количеством юрт и владевших множеством скота. Другие же, как например Джамангара-батыр, не имели власти над букарой и даже не обладали большим количеством скота. В политическом отношении они находились под властью или влиянием определенных крупных

[1] *А. Талызин,* указ. соч., стр. 28.

манапов. Балбай, например, зависел от бугинского манапа Боромбая, Джаманга́ра — от солтинского манапа Джангарача, Тёрёгельди — от Ормона и т. д.

Но с батырами приходилось все же считаться, так как энергичный батыр, сгруппировав вокруг себя преданные дружины джигитов, представлял определенную силу в общине. Популярность этого звания среди народа толкала отдельных, по преимуществу крупных, представителей правящей верхушки киргизов присваивать себе это почетное звание. Так, например, солтинский манап Байтик именуется Байтик-батыром, сарыбагышский манап Шабдан — Шабдан-батыром, саякский манап Тайлак — Тайлак-батыром и т. д.

У киргизов было широко распространено также звание «мырза», связанное больше с возрастом, аристократическим происхождением и богатством, чем с властью. Это звание не было наследственным.

Следует упомянуть и о звании «тархан», бытовавшем в киргизском народе в далеком прошлом. Так, в фольклоре известен Ырыс-тархан, одно время управлявший киргизами. Однако в XIX в. звания тарханов, так же как и султанов и тёрё, уже совершенно не встречаются, хотя они имелись у родственных киргизам казахов. После присоединения Киргизии к России тёрё стали называть обычно крупных русских чиновников.

С конца XVIII в., когда киргизы стали вступать в более тесные политические связи со среднеазиатскими ханствами, в частности с Кокандом, среди киргизской феодальной знати стали распространяться звания «датха» и частично, среди южных киргизов, «бек». Звание «датха» жаловалось кокандским ханом отдельным наиболее крупным представителям киргизских феодалов, таким, как Медет-датха у племени саяк, Алымбек-датха у племени адыгене, Курман-джан-датха в Алае, Аджыбек-датха — в Таласске и другим.

Наиболее распространенным термином для обозначения родовых старшин был термин «аксакал», буквально — старшина, староста. Применение его, так же как и термина «мырза», было связано с определенной возрастной группой. Аксакалом обычно называли всеми уважаемого пожилого человека. Но наряду с этим звание аксакала в большинстве случаев связывалось с определенной ролью и значением данного человека в общине.

По любому вопросу, касающемуся данного рода, подрода, аила или отдельных членов кочевой общины, мнение аксакалов — родовых старшин — играло определенную роль. Но термину «аксакал» нельзя придавать четкое социальное содержание и не следует считать аксакалов особой категорией господствующего феодального класса киргизского общества.

Наиболее распространенным термином для обозначения имущих слоев населения у киргизов являлся термин «бай». Баями называли обычно всех крупных скотовладельцев. Но к концу XIX в. и особенно в начале XX в. термин «бай» приобретает несколько другое содержание. Баи в этот период выступают уже не только как крупные скотовладельцы, но и как торговцы, предприниматели и ростовщики. Хозяйство баев в этот период начало включаться в орбиту товарно-денежных, буржуазных отношений. Баи стали осуществлять присвоение прибавочного продукта от непосредственных производителей, используя не только феодальные формы эксплуатации, но и с помощью кабальных займов и путем найма рабочей силы из среды букары.

Среди баев, так же как и у манапов, различался ряд групп, отличавшихся как происхождением, так и политическим весом. Были баи, происходившие из букары, «выскочки из низов», которые в политическом отношении находились в большой зависимости от манапов, хотя и могли, опираясь на свое богатство, оказывать некоторое влияние на их деятельность. Этот разряд баев в народе получил название «сасык-бай», то есть «вонючий бай». Баи наследственные — «тюпкюрлю», принимавшие участие в манапском «тобе» — собрании и совете, назывались «манап-баи». Но большею частью манап одновременно являлся и баем.

В силу сложности феодальных отношений в киргизском обществе экономическое и политическое положение всех указанных групп класса феодалов не всегда поддается, однако, точному определению, что затрудняет их социально-классовую характеристику. Это относится и к различным категориям букары.

С усилением проникновения в Киргизию ислама в период господства Коканда в среде киргизов появляются различные категории духовных лиц — аджы, молдо, имам, казы и др., многие из которых стояли близко

к господствующему классу. Аджы могли быть все лица, совершившие поклонение гробу пророка Мухаммеда в Мекке. Имамы совершали богослужение в мечетях, казы осуществляли судебные функции на основе шариата — религиозного кодекса мусульман.

Бай-манапской феодальной аристократии киргизов противостояли трудовые слои населения — букара, являвшаяся эксплуатируемым классом. Низшую ступень их составляли малаи, которые добывали средства к существованию работой у баев, манапов и т. д.; они нанимались к ним в качестве пастухов, домашних слуг, сельскохозяйственных рабочих.

Несколько лучшим по сравнению с малаем было положение так называемых конгшу. Конгшу (буквально—«сосед») —это бедняки, зависимые от какого-либо бая или манапа, кочевавшие вместе с ним; они оказывали «содействие» своей работой в хозяйстве бая или манапа и получали от них за это питание — саан, ат май и т. д. Конгшу большей частью были выходцами из другого рода, отколовшимися от своего аила, или бывшими рабами.

У киргизов в середине XIX в. продолжали еще существовать остатки патриархального рабства в лице кулов. Рабами были главным образом военнопленные, захваченные во время войны с казахами, калмыками, узбеками и т. д. В раба превращались иногда и преступники, родственники которых отказывались платить за них выкуп. Раб был бесправным, он находился целиком во власти своего владельца. Манапы включали рабов в состав калыма и приданого невест, выставляли в качестве призов на скачках и во время аша — поминок, ими уплачивали кун, то есть выкуп за убитых, их продавали, дарили. А. Талызин пишет: «Манап Джантай уплатил за жену Шабдана 45 рабов, а манап Джангарач призами на байге выставил 60 рабов» [1].

«Об аше, устроенном по случаю смерти манапа Джантайа,— пишет Буров-Петров,— существуют легенды, рассказывают, что в числе первого приза на байге было дано 30—40 кулов — рабов» [2]. Талызин сообщает, что в связи с убийством родственника манап Уметалы просил взыскать с убийц кун из 6 рабов, 5 верблюдов и 17 лошадей.

[1] *А. Талызин*, указ. соч., стр. 28.
[2] *Буров-Петров*, указ. соч., стр. 53—54.

Рабы работали в основном в домашнем хозяйстве в качестве прислуги. Реже они использовались в качестве пастухов. Но раб у киргизов мог жениться на свободной женщине, иметь свою юрту, скот, вести свое хозяйство, в результате чего он через некоторое время фактически переставал быть рабом и превращался в феодально-зависимого букару, но «происходившего от раба». Таким образом, рабство у киргизов отличалось от античного. Оно имело черты, характерные для кочевых народов.

Основные формы зависимости и эксплуатации в киргизском обществе накануне присоединения Киргизии к России носили феодальный характер. Манап имел большую власть. Он выступал как патрон зависимых от него людей и эксплуатировал их методами внеэкономического принуждения. Политическая власть манапов имела твердую материальную основу. Хотя в киргизском обществе в середине XIX в. формально-юридически не было еще частной собственности на землю, но фактически в условиях экстенсивного кочевого скотоводческого хозяйства в патриархально-феодальном обществе складывались такие поземельные отношения, которые обусловливали наличие крупного землевладения. Манапам принадлежало право верховного владения основными средствами производства — общинной пастбищной и пахотной землей. Это монопольное право и определяло классовое положение манапов в киргизском обществе. Упрочение феодальных отношений у киргизов происходило, таким образом, на основе утверждения монопольной собственности феодальной аристократии на землю.

Имеется немало сведений о праве манапов самовольно распоряжаться как пастбищами, так и пахотными землями общины. Шкапский указывал, что манапы «смотрят на себя как на единственных собственников всего, что принадлежит народу — «бухаре». Не исключается из этого и земля». Манапы сдают землю «в аренду русским крестьянам и не крестьянам и делят деньги между собою» [1]. О том, что пастбищная земля фактически находилась во владении манапов, ярче всего свидетельствовало право манапов собирать в начале летней перекочевки сбор за траву — чёп-оос. Этот сбор тот или

[1] *О. А. Шкапский*, указ. соч., стр. 775.

иной манап взимал в обязательном порядке со всех, кто со своим скотом перекочевывал в данный район, причем манап основывался как на своем праве, так и на традиционно установившемся праве своих предков на облагаемый сбором чёп-оос район кочевки. Это право манапов сохранялось долго, вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции и даже в первые годы советской власти. Буров-Петров, изучавший этот вопрос, указывал, что «наиболее важным моментом эксплуатации является значительная роль манапства на пастбищах, где распределение пастбищ находится в зависимости от манапа, а также и распределение пахоты и воды... Как пример, можно указать на Кетмень-Тюбинские пастбища в Сусамыре, где манап Авас-хан захватил 12 000 десятин лучших пастбищ и взимает с каждого двора, пасущего на них скот, 12 баранов и 1 лошадь за летний период» [1].

Право манапов на лучшие пастбища обеспечивал и переход к кочеванию по аилам. У киргизов в середине XIX в. было распространено аильное кочевание. Об этом ясно говорят источники: «Русские застали киргиз в тот момент, когда родовой быт уже начал распадаться и когда вместо целых родов киргизский народ раздробился на множество мелких родовых единиц, которые образовали хозяйственные аулы» [2].

Обычно манапы и баи как владельцы большого количества скота, чтобы обеспечить прокорм своих стад, предпочитали кочевать отдельным аилом, обособленно от общины. Это приводило к установлению преимущественного права манапов на районы кочевья своей общины. За аилами манапов всегда закреплялись лучшие пастбища. Такое же положение имело место и в отношении зимних пастбищ, тем более что ресурсы подножного корма зимою были более ограниченны, чем летом.

Таким образом, феодальная прослойка киргизов, сосредоточившая в своей частной собственности большое количество скота, захватывала под пастбища лучшие и обширные земли родовой общины и постепенно утверждала свое право на частное владение районами кочевий.

---

[1] *Буров-Петров,* указ. соч., стр. 13.
[2] *О. А. Шкапский,* указ. соч., стр. 773.

«У кочевых пастушеских племен,— писал Маркс,— земля, наравне с прочими природными условиями, представляется в своей первичной неограниченности, например в степях Азии и на азиатском плоскогорье. Ее используют как пастбище и т. д., на ней кормятся стада, которыми, в свою очередь, существуют пастушеские народы. Они относятся к земле, как к своей собственности, хотя они никогда не фиксируют этой собственности... (Мы можем здесь фактически ограничиться замечаниями о первоначальной собственности на землю, ибо у пастушеских народов собственность на естественные продукты земли — на овец например — это одновременно и собственность на луга, по которым они передвигаются. Вообще собственность на землю включает также и собственность на ее органические продукты.)» [1]. Маркс подчеркивает неразрывное единство на определенной ступени развития человеческого общества собственности на землю и собственности на ее органические продукты, в том числе и на скот. Очевидно, что одна частная собственность на скот, приводившая к имущественному неравенству, еще не определяла разделения на классы. Лишь закрепление пастбищ, земли за богатыми семьями обеспечивало их монопольное положение, их господство в обществе, поскольку они становились владельцами основных средств производства. Отсюда следует, что определяющим условием классообразования у киргизов, как и у других кочевых народов, явилась узурпация общинных земель родовой знатью.

Непосредственный производитель — букара также имел в своей частной собственности небольшое количество скота и другое имущество и вел индивидуальное хозяйство, но занимал пастбища лишь с согласия и по указанию своего манапа. Производственный процесс в его хозяйстве протекал на той территории, на тех пастбищах, где манап имел право верховной феодальной собственности. Это обстоятельство и являлось главным основанием для осуществления внеэкономического принуждения.

---

[1] Из неопубликованных рукописей К. Маркса. «Формы, предшествующие капиталистическому производству. (О процессе, предшествующем образованию капиталистических отношений или первоначальному накоплению)» — «Пролетарская революция» № 3, 1939 г., стр. 164—165.

Маркс указывал: «Если вместе с землей завоевывают самого человека как органическую принадлежность земли, то его завоевывают как одно из условий производства, и таким путем возникают рабство и крепостная зависимость, вскоре извращающие и видоизменяющие первоначальные формы всех коллективов, сами становясь базисом последних» [1].

Манапы и бии являлись фактическими владельцами не только пастбищ, но и лучшей пахотной земли и воды. В условиях орошаемого земледелия вода имела очень большое значение. Арык, выведенный из какой-либо горной речки, и весь прилегающий к данному арыку район находились под контролем манапа, который при этом захватывал лучшую пахотную землю, обычно в верхней части арыка, что давало ему возможность распоряжаться распределением воды во время поливного сезона. Распределение воды, таким образом, было важнейшим средством закабаления букары.

Укреплению феодальной зависимости непосредственных производителей способствовала система патроната. Тревожная военная обстановка способствовала укреплению положения манапов как военно-административной верхушки, усиливала отношения патроната между ними и рядовыми общинниками, так как последние для обеспечения своей безопасности должны были идти под защиту тех или иных манапов. О. А. Шкапский делает следующее интересное сообщение: «Каждый манап был своего рода князь-владыка своего народа. Но эти манапства были не велики. Под владычеством манапов сосредоточивалось от 100—600 кибиток бухары, над которой манап властвовал, которую он судил и имуществом которой он распоряжался вполне самовластно. Но имея такие широкие права над народом, манап имел и обязанности. Он должен был охранять бухару и отражать воинственные набеги соседних манапов, защищая каждого обиженного своего подданного. Неисполнение этой обязанности освобождало бухару от обязанности быть в полном подчинении у своего манапа» [2].

Подобные же сведения сообщает и А. Талызин: «У каждого манапа было известное число подданных

[1] *К. Маркс,* указ. соч.,— «Пролетарская революция» № 3, 1939 г., стр. 165.

[2] *О. А. Шкапский,* указ. соч., стр. 770—771.

юрт, с которыми он кочевал и которых защищал от нападения других манапов, в противном случае обиженные юрты могли перейти в подданство другому и тогда возвратить их можно было только силою оружия» [1].

Но рядовой общинник приобретал покровительство и защиту манапа лишь в том случае, если выполнял по отношению к нему определенные повинности. Так достигалось своего рода закрепощение свободных кочевников путем ограничения права их свободного перехода от одного манапа к другому, в результате чего обязанности рядового общинника по отношению к своему патрону-манапу превращались в обязательные. Таким образом, система патроната в условиях воинственной жизни киргизских племен способствовала упрочению зависимости рядовых общинников от манапов, усилению внеэкономического принуждения трудящихся масс кочевников.

Киргизы, ведя экстенсивное пастбищное хозяйство, объединялись в земельно-пастбищные общины по признаку родства, а не соседства, как у оседлых земледельческих народов. В условиях кочевого скотоводства, когда происходило постоянное передвижение общины, не могли сложиться прочные территориальные связи общинников и приобретали реальное значение родовые связи, которые и придавали общине патриархально-родовой характер. Но аилы киргизов состояли не только из кровных родственников. В каждом роде и племени можно было обнаружить много выходцев из других родов и племен. Например, в составе племени солто основных, «своих» родов было пять — кюнтуу, тата, чылпак, бёлёкпай и талкан, а «чужих» родов было семь — акбуура, хоочалыш, тёлёк, кёгёй, асылбаш, бешкёрюк и мааке. Это наблюдалось почти во всех племенах. Точно так же в состав аила входили представители разных родов. Сложный этнический состав находил отражение и в общественной жизни, где по своему значению не все роды и племена были равны. Издавна существовало традиционно установившееся правовое положение отдельных племен и родов. Так, права племен левого крыла считались ниже прав племен правого крыла, права родов, происходивших от рабов, ниже прав других родов

[1] *А. Талызин,* указ. соч., стр. 27.

и т. д. При дележе военной добычи, подарков, при приеме гостей во время празднеств (той) и поминок (аш), при распределении доли (энчи) от призов на конских скачках, при определении старшинства в разных делах и т. д. феодально-родовой знатью учитывалось это традиционное положение родов и племен.

Манапы были заинтересованы в сохранении патриархально-родовой формы общинной организации, используя ее для внеэкономического принуждения рядовых кочевников. В условиях патриархально-родовой формы общины прикрепление производителя к земле выступало в форме прикрепления рядового кочевника-скотовода к данной родовой, аильной общине, зависимой от манапа или бая.

У кочевых скотоводческих обществ форма феодальной зависимости имела несколько иной характер, чем у оседлых земледельческих народов. Зависимость непосредственных производителей кочевой общины от феодальной знати выступала не в открытой форме, как у оседлых народов, а в завуалированном различными проявлениями родовой коллегиальности виде. Однако коренных различий в существе феодальных отношений между оседлыми земледельческими и кочевыми скотоводческими народами не было.

Современники свидетельствуют о почти помещичьих правах манапов над бухарой. «Бухара,— указывал О. А. Шкапский,— однако не несет барщины, не платит манапу определенного оброка, но зато на все, что принадлежит бухаре, что заработано ее трудом, имеет право манап. Нужно последнему принять и угостить гостя — он берет у первого попавшегося своего подданного барана и угощает гостя. Придет киргиз к манапу и попросит себе коня, манап останавливает первого встречного киргиза, ссаживает его с лошади, а последнюю передает просителю, но в свою очередь удовлетворяет затем таким же образом обиженного. Словом, всем имуществом своих подданных манап распоряжается как своим собственным» [1].

Патриархально-родовой быт был характерен для всей общественной и семейной жизни киргизов. Между членами рода соблюдался обычай взаимной поддержки и

[1] *О. А. Шкапский*, указ. соч., стр. 771.

защиты. В случае нанесения ущерба одному из членов рода обычно весь род объединялся для отмщения обидчику или, наоборот, уплачивал сообща кун, если убийца или обидчик был из его среды. На похоронах и поминках по члену рода каждый сородич должен был принимать личное, нередко и материальное, участие. У каждого рода существовало свое кладбище. В прошлом уплата калыма также являлась делом всего рода, но в середине XIX в. в уплате калыма и в его присвоении участвовали лишь ближайшие сородичи. Браки внутри рода были, как правило, запрещены. Господствующей формой семьи являлась моногамная семья, но в манапских, бийских и зажиточных семьях имело место и многоженство. В семейной жизни патриархально-родовой быт проявлялся в неограниченной власти отца, в приниженном положении женщины, в почитании общих предков и т. д.

Каждый род и каждое племя имели свой боевой клич — ураан, свое боевое знамя; в походах отряды создавались по родовому признаку, каждое племя и род имели свой особый знак собственности — тамгу, наряду с семейной тамгой. В сражениях, как и на общественных сходах — тобе, роды и племена группировались вокруг своих манапов и старшин. Патриархально-родовой быт, переплетаясь с феодальными производственными отношениями, постепенно приспосабливался к новому способу производства. Он терял свое прежнее содержание и превращался в форму феодальных производственных отношений, причем форму, не только маскировавшую, но и закреплявшую существующую систему эксплуатации. Понятно, что манапы стремились к консервации патриархально-родового быта, выступая в роли хранителей родовых традиций и обычного права.

Своеобразные формы феодальной зависимости букары от манапов в условиях сохранения патриархально-родового быта обусловливали и своеобразие форм феодальной эксплуатации. Целая сеть феодальных повинностей, освященных патриархально-родовыми традициями и адатом, давала возможность манапам, баям, биям и другим представителям эксплуататорского класса присваивать прибавочный продукт букары.

Существовали повинности: саан, кюч, кёч, ат майы, сойш, чыгым, салык, чёп-оос, юшюр, зякет, битир, бий-

лик, айып. Кроме этих основных существовали и другие косвенные поборы: тартуу, кошумча, конок алуу, эрлюк, жол чыгымы, ашар и т. д.

Наиболее распространенной формой повинности являлся сааи — предоставление богатыми скотовладельцами, обычно баями и манапами, маломощному и бедняцкому хозяйству скота на определенный период времени. В сааи давались большей частью козы, коровы, овцы, редко кобылы, в период дойного сезона. Бедняк, получивший сааи, имел право пользоваться молоком предоставленного ему скота, иногда и шерстью, если сааном являлись козы и овцы, но обязан был обеспечить упитанность полученного скота, сохранить его приплод и по истечении установленного срока возвратить владельцу. Сааи давался преимущественно ближайшим сородичам, но и любой бедняк независимо от родственных связей мог получить сааи от крупного скотовода, если он был его соседом — конгшу.

Сааи обычно принимал форму «родственной взаимопомощи» или вообще «помощи» бедняку, кочующему вместе с баем в качестве его конгшу, которому для существования не хватало продуктов своего хозяйства. Но вместе с тем сааи всегда был связан с обязательной работой бедняка или каким-либо его обязательством в пользу подателя сааи. Причем эта обязательная работа была самой различной, начиная от помощи при перекочевках и работы в качестве джигита или прислуги и кончая уходом за посевами в долине или пастьбой стада на отдаленных горных пастбищах. Невыполнение бедняком своих обязанностей лишало его права на дальнейшее получение сааи. Он «терял доверие». Кроме того, в отдельных случаях решением суда биев он привлекался к определенной ответственности. Таким образом, сааи по существу выступал как своеобразная отработочная рента в пользу феодальной знати.

Наряду с сааном такую же роль в развитии феодальной зависимости букары играли сойш и джюн берю (выделение шерсти). При острой нужде в пище бедняки вынуждены были обращаться к манапам и баям с просьбой дать им сойш, то есть скот для пищи, обычно баранов. За полученный сойш бедняк обязан был кроме возврата в условленный срок барана, качественно равноценного взятому, еще отработать в хозяйстве манапа опре-

деленный срок. Таким образом, сойш, так же как и сааи, являлся средством эксплуатации букары.

В период стрижки овец бедняки получали от баев и манапов шерсть на условиях джюн берю. Большей частью шерсть выделялась семьям конгшу. Как мы уже указывали, у киргизов все производилось из шерсти, начиная от обуви и одежды, кончая постелью и кошмами для покрытия юрт. Поэтому в бедняцком хозяйстве всегда была острая нужда в шерсти. За полученную шерсть бедняк также обязан был какой-либо работой в пользу подателя.

Таким образом, сааи, сойш, джюнбёрю, предоставляемые букаре в виде «родовой взаимопомощи», на деле являлись средствами эксплуатации, способами установления феодальной зависимости букары от баев и манапов. Бедняк обычно не мог в срок выполнить все свои обязанности и всегда оставался в долгу. Это и создавало постоянную зависимость букары от баев и манапов.

Предоставление скота во время перекочевок (кёч) и вообще скота для нужд бедняцкого хозяйства (кюч), а также предоставление на определенный срок лошади для верховой езды (ат майы) тоже обязывало бедняка к различным работам в хозяйстве баев и манапов. Эти виды «родовой взаимопомощи» служили дополнительными средствами феодальной эксплуатации букары.

Тяжелым бременем на плечи букары ложился салык — прямой налог скотом, главным образом баранами, а также другими продуктами в пользу манапов. Фактически постоянным и очень тяжелым налогом был и чыгым — налог на покрытие расходов манапа по организации различных торжеств: аш — поминок, той — пиршеств, устраивавшихся по самым различным поводам. Своеобразным налогом, выплачиваемым букарой в обязательном порядке ежегодно, а часто несколько раз в год в виде баранов на питание манапов был сбор, называемый также сойш.

В пользу манапов ежегодно собирался еще чёп-оос — сбор за пользование пастбищами, находящимися под контролем данного манапа. Перегон скота через его территорию также облагался податью — туяк бул.

О. А. Шкапский, характеризуя право манапов на взимание различного рода поборов с букары, писал, что они «лишают бухару земли или воды, необходимой

для орошения полей, они же накладывают многоразличные дани на народ, забирая у него скот, перелагая на него большую часть податей и тех сборов, которые под именем «кара-чеган», т. е. темных общественных сборов, раскладываются на народ за прием и угощения начальствующих лиц манапами и за разные другие расходы, зачастую с расходами общественного характера ничего общего не имеющими. Такая система поддерживается манапами, и всякие попытки народа освободиться от крепостной зависимости встречают со стороны манапов отпор» [1].

В районах, где в той или иной мере было развито земледелие, распространен был так называемый орток, то есть испольщина. Бедняцкое и батрацкое хозяйство, лишенное скота, нередко вынуждено было обращаться к земледелию. Но бедняк или батрак-малай кроме своей рабочей силы обычно ничего не имел, ему не хватало и орудий производства, и рабочего скота, и семян. В таких случаях бедняки и батраки вынуждены были обращаться к баю или манапу с предложением совместной обработки земли на правах ортока. Или наоборот, баи и манапы предлагали беднякам орток. При этом манап или бай иногда предоставлял семена, иногда рабочий скот, иногда орудия производства. Часто предоставлялось и то, и другое, и третье. В таких случаях условия ортока бывали наиболее кабальными, бедняк или батрак мог получить только незначительную часть урожая, основная доля отбиралась хозяином.

Кроме указанных основных видов феодальных повинностей букара отправляла и многие другие, например тарту — предоставление баю или манапу подарков и подношений по различным поводам и случаям; кошумча — «прибавление», которое обычно делалось букарой своему правителю по случаю уплаты им калыма за невест, а также устройства аша или тоя в честь свадьбы, похорон и т. д.; эрлюк — преподношение пищи в ознаменование перекочевки на новое пастбище. Обычно эрлюк совершался взаимно всеми членами родовой общины, но родоправителям, манапам и биям он давался в обязательном порядке и в большем изобилии. В случае дальнего выезда манапа обычно собирался так называ-

[1] *О. А. Шкапский,* указ. соч., стр. 775.

емый жол чыгымы — сбор для покрытия дорожных расходов.

Манапы в обязательном порядке получали свою долю от всякой «добычи». Особенно это относилось к набегам и барымте. Обычно манапу отдавалась самая лучшая часть, иначе манап мог не защитить участника барымты и выдать его как вора. Манап взимал свою долю при получении владельцами беговых лошадей приза на конских скачках и при получении отцом невесты калыма.

Манапы и баи нередко устраивали так называемый ашар—особый вид работ, выполняемых для них членами родовой общины. Бай или манап, устраивающий ашар, должен был в этот день сытно накормить собравшихся людей. Таким образом, здесь мы видим фактически предоставление букарой своей рабочей силы манапу или баю за дневное питание.

Очень интересный вид повинности представлял конок алуу, то есть прием гостей, обычно связанный с устройством аша — поминок. Крупные манапы по своим умершим предкам или знатным родственникам устраивали большой аш, нередко приглашая на него целые соседние племена и представителей соседних народов. Для угощения гостей иногда резали несколько тысяч баранов и несколько сот лошадей и крупного рогатого скота. Кроме того, много скота выделялось для наград победителям скачек, устраиваемых во время аша. В качестве призов часто выставлялись и рабы.

Об одном таком аше Буров-Петров сообщает: «Аш, устроенный по случаю смерти известного манапа Шабдана, стоил каждому бедняцкому хозяйству 21 рубль и каждому середняцкому хозяйству 50 рублей. Помимо колоссального сбора на богатые подарки на байгу, каждые 5 юрт должны были в течение аша принять, накормить и напоить до отвала 30 человек гостей. Всего на этом аше, по свидетельству живых его участников, было зарезано около 10 000 баранов и значительное количество лошадей для почетных гостей» [1].

Чем крупнее был манап, тем пышнее он устраивал аш, но, как правило, все материальные расходы ложи-

[1] *Буров-Петров,* указ. соч., стр. 54. Отметим, что тогда баран стоил от 2 до 3 рублей.

лись на плечи букары, трудящихся масс, на условиях конок алуу: каждое хозяйство обязано было накормить определенное количество гостей, предоставить им жилище, постель, обеспечить кормом их лошадей и т. п. Невыполнение букарой условий конок алуу давало право гостям избить «хозяина» и жаловаться на него манапу, устроившему аш.

Этот обычай был очень тяжелым и разорительным для середняцких и бедняцких хозяйств, но отказаться от него никто не мог, так как, освященный традицией и основанный на адате, он являлся неписаным законом, а главное — его исполнение обеспечивалось реальной силой манапов.

Устраивая большие аши, манапы преследовали определенные политические цели — поднятие своего авторитета, распространение влияния своей фамилии, установление необходимых связей с другими манапами и т. д. Кроме того, во время аша делались многочисленные подношения и подарки манапу, обогащавшие его. Буров-Петров писал по этому поводу: «Манапство цепляется за аш, ибо проведение его, вызывая расходы за счет хозяйств бедняка и середняка, является доходным для манапства, оставляя в его руках значительные подарки. Кроме того устройство аша закрепляет и политическое влияние манапа, который в период аша получает и закрепляет новые связи, зачастую закабаляет долговыми обязательствами бедняка и середняка, неспособных полностью покрыть издержки аша» [1].

Из повинностей, существовавших у киргизов в середине XIX в., следует отметить еще ушур и зякет. Эти виды сборов появились в связи с установлением над Киргизией господства кокандского хана и утверждением ислама. Ушур собирался с земледельцев в размере $^1/_{10}$ части урожая, алал-зякет взимался со скотоводов в размере 1 овцы с 40 голов, тюндюк-зякет — по 1 овце с каждой юрты [2]. Но часто сборщики этой нормы не придерживались и собирали ушур и зякет в гораздо больших размерах. Эти сборы шли в пользу хана.

Кроме того, вместе с усилением ислама появляется еще один вид регулярной повинности — битир, подушный сбор, собираемый в период поста в пользу духовенства.

[1] *Буров-Петров*, указ. соч., стр. 54.
[2] См. *В. В. Бартольд*, указ. соч., стр. 52.

Манапско-байская эксплуатация хотя и прикрывалась патриархально-родовыми отношениями и представлялась как «родовая взаимопомощь», на деле не могла не вызвать и действительно вызывала противодействие букары. О. А. Шкапский писал: «Бухара начинает поднимать свою голову, разгибать согбенную выю и пытаться сбросить манапское иго. Но эти первые шаги ее шатки, а главное, проявляются очень дико. Время от времени совершаются киргизами убийства наиболее хищных манапов, таких манапов, про которых говорят, что он «ест народ»... Среди киргизов зарождается теперь идея легального освобождения от манапского ига, причем они от русского правительства ждут этой милости» [1].

Чтобы добиться выполнения разнообразных повинностей, недостаточно было привычных, традиционных патриархальных отношений между манапами и букарой. Нужна была еще и сила, опираясь на которую манап мог бы заставить букару выполнять повинности в том случае, когда букара не могла либо не хотела это делать добровольно. Этой силой являлась прежде всего своеобразная иерархическая организация феодального класса, основывавшаяся на вассальных отношениях. Кроме того, в распоряжении манапов всегда были камчи и сабли джигитов и суд биев. В тех случаях, когда авторитет и сила освященной веками патриархальной традиции и адата оказывались недостаточными, в ход пускались нагайки джигитов, на сцену выступал ставленник манапа — бий.

Писаных законов киргизы не знали. В судебной практике бий руководствовался неписаным обычным правом — зангом и нархом. Занг и нарх исходили из уже сложившегося в обществе социального неравенства. Считалось, что женщина не может рассматриваться как равная мужчине и букара не может быть равен манапу. Поэтому, например, предусмотренное адатом наказание за убийство в виде так называемого куна — выкупа за кровь — колебалось в размерах в зависимости не только от того, был убитый мужчиной или женщиной (за убийство женщины уплачивалась половина куна), но и от

[1] *О. А. Шкапский*, указ. соч., стр. 776.

того, какое общественное положение — бия, манапа, джигита, букары, раба — занимал убитый. Кун за убитого раба или рядового скотовода был, разумеется, значительно ниже куна за убитого манапа.

Размер выкупа за убитого крупного манапа увеличивался обычно в 9 раз. Когда в 1854 г. был убит сарыбагышский манап Ормон, то бугинцам было предъявлено требование уплатить выкуп в размере 100 девушек на конях в полном убранстве [1].

Если же учесть, что бий был полновластным истолкователем санга, что баи и манапы, опираясь на свою власть и экономическую мощь, могли держать и действительно держали бия под своим влиянием, то станет ясно, что суд бия был могучей силой, служившей интересам эксплуататоров. А там, где оказывался бессильным санг, решала дело физическая сила — оружие манапского джигита.

Был еще один путь, обещавший в случае успеха новую добычу, новые доходы манапу и бию. Это был путь войны и открытого грабежа соседей, нападения на них под любым предлогом, захвата у них мелкого и крупного скота, а иногда и людей. Выше указывалось, что вооруженные набеги и барымта с целью угона скота были одной из форм хозяйствования. Но барымта была также орудием и одним из основных методов утверждения власти и влияния тех или иных представителей манапства над другими родами и племенами и устранения власти и влияния своих противников. Систематические нападения одних племен на другие и разорение их в конце концов вынуждали побежденных признать власть победившей стороны, впасть до некоторой степени в зависимость от главного манапа племени-победителя. Так, например, в 40-х годах сарыбагышский манап Ормон в результате систематических набегов заставил манапов племен саяк и бугу признать себя его вассалами.

Межплеменные и феодальные войны, тяжелые и изнурительные для букары, были выгодны только манапско-байской верхушке и они не прекращались вплоть до того момента, когда Киргизия вошла в состав Российской империи.

---

[1] Рукописный Фонд ИИ АН Кирг. ССР, оп. 128.

До середины XIX в. феодальные войны были в Киргизии повсеместным явлением. Они по-прежнему сохраняли характер межплеменных набегов — барымты, целью которых был угон скота. Но по мере того как росла и крепла власть манапов над все большим количеством населения, масштабы и цели войн менялись. Из мелких набегов они стали превращаться в крупные военные столкновения, участниками которых являлись все роды данного племени, все его боеспособные члены. Подчинив и объединив вокруг себя все или большинство родов своего племени, крупные манапы стремились к расширению влияния и власти за племенные границы.

Захват новых земель и пастбищ, подчинение своей власти и эксплуатация чужих родов и племен — такова была цель, которую они ставили перед собою. Поэтому феодально-родовая борьба киргизов иногда вызывалась и стремлением отдельных подчиненных и более угнетенных родов выйти из-под власти и влияния манапа господствующего племени. Такие столкновения в киргизском обществе носили формы своеобразной классовой борьбы. Враждовавшие племена искали союзников в Китае, в Кокандском ханстве и в России. В этой связи территория Киргизии все более становилась объектом внимания ее соседей. Межплеменные феодальные войны киргизских манапов осложнялись столкновением интересов крупных соседних государств — Китая, России и Кокандского ханства.

Из всего изложенного вытекает, что общественно-экономический строй киргизов в середине XIX в. был феодальным. В основе феодализма у киргизов лежали общие экономические законы, характерные и для других народов. Но феодальные отношения у киргизов сочетались с остатками старых форм патриархально-родового быта. Эксплуатация феодально-родовой знатью трудящихся масс происходила в основном путем выкачивания докапиталистической отработочной ренты, (своего рода барщины), с одной стороны, и продуктовой ренты — с другой, но была замаскирована патриархально-родовыми формами быта, «родовой взаимопомощью».

Политическая власть и влияние манапов и биев основывались на господствующем положении их в процессе материального производства как владельцев пастбищной и пахотной земли и большого количества скота. Условия патриархально-родового быта порождали своеобразные формы и методы феодальной эксплуатации. Все это характеризует общественные отношения киргизских племен середины XIX в. как патриархально-феодальные. В таком виде они в основном сохранились вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции.

За патриархально-родовым бытом киргизов в середине XIX в. скрывалось в действительности классовое неравенство между членами одного и того же рода. Киргизское общество состояло из отчетливо обозначившихся двух противоположных классов: эксплуататоров и эксплуатируемых, баев-манапов и букары. Патриархально-родовой быт, приспособленный к интересам манапов и баев, хорошо маскировал необузданную эксплуатацию феодально-родовой знатью своих бедных сородичей — букары, не говоря о совершенно бесправных кулах — рабах и кюнах — рабынях. Такой характер отношений народов в свое время отмечали Маркс и Энгельс. Энгельс писал: «Там, где уцелел древний общинный быт, он всюду, от Индии до России, служил целые тысячелетия основанием самых грубых государственных форм восточного деспотизма» [1].

Таким образом, деление на роды и племена, многообразные формы «родовой взаимопомощи», в которые выливались отношения букары с манапами, биями и баями, и те феодально-родовые войны, которые велись якобы во имя «общих» интересов какого-либо родоплеменного объединения, являлись по существу не чем иным, как внешней оболочкой классовых феодальных отношений киргизского общества.

Патриархально-феодальные общественные отношения, отсталые быт и хозяйство киргизов накладывали свой отпечаток и на их духовную культуру.

Религиозные верования киргизов к середине XIX в. далеко не ограничивались официальной религией того периода — исламом. Ислам у киргизов был сравнительно поздним явлением. В. В. Бартольд приводит указание источников на то, что киргизы во второй половине XVI в. не были еще «ни кафирами, ни мусульманами» [1]. Ислам заметно проникает в среду киргизов приблизительно во второй половине XVII и в XVIII веке, когда киргизы, оттесненные калмыками на юг, вступили в активные экономические и политические связи с мусульманским населением Ферганской долины, Бухары и Кашгара. Процесс проникновения ислама усилился с момента включения Киргизии в состав Кокандского ханства, которое рассматривало насаждение ислама как одно из средств укрепления власти хана над его подданными.

Значительную роль в распространении ислама наряду со всякого рода проповедниками, ходжами и ишанами, проникавшими к киргизам из среднеазиатских ханств, сыграло манапство. При помощи узбекского духовенства манапы заставляли подвластное им население обучаться мусульманской обрядности и заучивать молитвы. Однако подавляющее большинство киргизского населения нельзя было отнести к ревностным мусульманам, религиозного фанатизма среди киргизов не наблюдалось. Догматы ислама им были мало известны, религиозные обряды выполнялись далеко не точно и не всеми. Насколько свободно толковались предписания ислама, свидетельствует случай, когда по ходатайству сородичей крупный сарыбагышский манап Ормон разрешил перенести с лета на зиму тридцатидневный религиозный пост — оразу под тем предлогом, что зимний день значительно короче летнего.

Степень распространения ислама среди киргизов была неодинаковой. В Северной Киргизии ислам был менее распространен, чем в Южной; имелись районы, куда ислам проник очень слабо. А. Г. Серебренников, касаясь распространения ислама среди памирских киргизов, отмечал: «Памирские киргизы считаются магометанами-сунитами, но, как вообще все кочевые народы, они не отличаются особенной религиозностью и ислам не успел пустить у них таких глубоких корней, как например, у оседлого населения Туркестана. Едва ли даже уместно говорить о том, какую религию исповедуют памирские киргизы, так как, строго говоря, у них совсем

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. XIV, стр. 183.

[1] *В. В. Бартольд*, указ. соч., стр. 56.

нет религии, которая вполне заменяется внешними обрядами и суевериями» [1].

Доказательством поверхностного усвоения ислама киргизами являлось наличие у них многочисленных пережитков древних религиозных представлений, среди которых особенно большое место занимали культ предков, элементы шаманства и языческий культ Тенгри. Широко были распространены вера в существование духов умерших предков и вследствие этого особое уважение к могилам предков. Более состоятельные киргизы устраивали намогильные сооружения типа мавзолеев — кюмбёс. Кроме того, среди киргизов было широко распространено почитание священных рощ, деревьев, источников и т. п., связанное с многочисленными магическими действиями и обрядами. Такие места назывались мазарами. Возле мазаров по случаю каких-либо стихийных бедствий, например, засухи, джута, или во время мусульманских праздников устраивались моления, сопровождавшиеся жертвоприношениями.

Большое место в киргизской мифологии занимали представления о разного рода демонических существах, способных причинить вред человеку или нанести ущерб его богатству. Особое место среди этих представлений занимали джины — злые духи, вызывающие якобы различные болезни у человека, чаще всего сумасшествие. Способность «влиять» на джинов, «изгонять» их из тела больного приписывалась определенным лицам — бакшы и бюбю, приемы лечения которых напоминали шаманские камлания.

Письменность была развита очень слабо. Крупные манапы, как Джангарач, Ормон и другие, имели при себе мулл — выходцев из Коканда или Бухары, которые по поручению этих манапов писали письма к другим правителям, к кокандскому хану или к начальникам русских отрядов. Однако эти письма писались не на киргизском народном языке, а на так называемом чагатайском — средневековом тюркском языке, арабским шрифтом.

В культуре киргизов середины XIX в. наиболее видную роль играло устное народное творчество, в котором многогранно отображаются своеобразные исторические

[1] *А. Г. Серебренников*, указ. соч., стр. 141.

судьбы народа, его самобытная культура, поэтическое восприятие природы, свободолюбие, храбрость и мужество в борьбе с многочисленными внешними врагами.

Народное творчество киргизов окрашено суровой героикой и романтикой. Жемчужиной киргизского фольклора является поэма «Манас», представляющая собою монументальное эпическое произведение, созданное в результате коллективного творчества многих поколений талантливых сказителей — манасчи. Впервые отрывок из «Манаса» был записан в 1856 г. ученым-просветителем Чоканом Валихановым, но опубликован он был на русском языке в прозаическом переводе лишь в 1904 году. Сокращенный вариант «Манаса» был записан и в 1885 г. опубликован академиком В. В. Радловым в киргизском оригинале и в переводе на немецкий язык. Среди киргизов «Манас» бытовал только в устной традиции.

К середине XIX в. эпос у киргизов еще продолжал развиваться, подчинив себе остальные жанры фольклора и впитав в себя в значительной степени все его богатства — и предания, и сказки, и песни, и поговорки.

Выдающаяся роль в сохранении, дальнейшей творческой переработке и обогащении эпоса принадлежала сказителям. Первым крупным манасчи, имя которого сохранилось в фольклоре, является Кельдибек, живший во второй половине XVIII века. Его преемником был знаменитый манасчи Балык. Творчество Балыка относится главным образом к первой половине XIX в. Талант Балыка перешел к его сыну, Нейманбаю. Манасчи были также акыны Арстанбек, Тыныбек, Акылбек, Дыйкамбай, Аюке, жившие в XIX веке.

Основная сюжетная линия эпоса «Манас» — это военные походы легендарного киргизского батыра Манаса в Китай, Афганистан и страны Средней Азии, борьба против нападавших на киргизов ханов. «Манас» является лучшим художественным памятником борьбы киргизского народа за свою независимость. В образе самого Манаса и его богатырей Бакая, Чубака, Сыргака воплотились идеалы народа, свободолюбие, мужество и отвага в борьбе с внешними поработителями. Но народная основа «Манаса» обросла рядом мотивов, характерных для идеологии господствующего класса.

По своим художественным качествам «Манас» может быть поставлен в один ряд с лучшими образцами

мировой эпической литературы, такими как «Илиада», «Одиссея», «Калевала», «Джангариада» и другие.

Трилогия «Манас» — не единственный памятник эпического творчества киргизского народа. В сокровищнице устного народного творчества киргизов имеется свыше десятка других эпических произведений — эпос малой формы. Главные из них — «Сарынджы Бёкёй», «Курманбек», «Коджо-джаш», «Джаныш-баиш», «Тёштюк», «Джаныл-мырза» и другие. Среди произведений малых форм в устном творчестве киргизов представлены предания, легенды и исторические рассказы, сказки, песни различного содержания, пословицы, загадки.

Музыкальное творчество киргизского народа было представлено как в вокальных, так и в инструментальных формах. Лиризмом и мелодической выразительностью отличалась киргизская инструментальная музыка. Наиболее распространенными инструментами были комуз, кыяк, сурнай и чоор.

Как видно из изложенного выше, общий уровень экономического и социального развития киргизских племен к середине XIX в. был еще очень низок. Последующий ход исторического развития киргизского народа зависел прежде всего от того, в состав какого государства в дальнейшем суждено было войти Киргизии.

ГЛАВА ВТОРАЯ

КИРГИЗИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ КОКАНДСКОГО ХАНСТВА

В первой четверти XIX в. Кокандское ханство начало завоевание Киргизии.

Кокандское ханство возникло в XVIII в. Процесс «собирания земель» правителем Коканда Нарбута-бием и его предшественниками привел во второй половине XVIII в. к объединению Ферганы под главенством Коканда. Дальнейший процесс государственной консолидации и расширения границ ханства в результате завоевания мелких независимых владений привел к тому, что в начале XIX в. при Алим-хане (1800—1809 гг.) Кокандское ханство превратилось в обширное государство. Важное значение имело завоевание Ташкента, являвшегося центром торговли на караванных путях в Россию и казахские степи.

В этот период в Кокандское ханство входили лишь кочевья некоторых южнокиргизских племен, обитавших вокруг Маргелана, Андижана и Намангана. Племя курама признавало власть кокандских правителей еще в конце XVIII в. [1].

Опираясь на поддержку торгово-ремесленного населения городов, Алим-хан проводил политику централи-

[1] По свидетельству капитана Андреева, составившего описание Кураминского района в 1785 г., «род курама» в числе около 10 тысяч юрт обитал за рекой Чирчик, имел ряд городов и признавал

зации, все больше усиливая свою власть и лишая представителей феодальной знати былой самостоятельности. В ожесточенной борьбе Алим-хану пришлось преодолевать сепаратизм местных феодалов, многие из которых были недовольны ограничением их вольностей и уменьшением доходов.

Постоянные войны с Бухарой за преобладание в Средней Азии, а также борьба с мятежными феодалами требовали больших расходов, которые ложились тяжелым бременем на массу трудящегося населения — дехкан, ремесленников и кочевников. При этом население страдало не только от гнета растущих налогов, но и от трудных условий службы в армии и от частого разорения во время военных действий. Наливкин указывает на насильственную мобилизацию Алим-ханом населения на войну. Его глашатаи перед походом «...повсюду объявляли ханский приказ о том, что каждый, способный носить оружие и имеющий его, за уклонение от похода будет казнен, а имущество его конфисковано» [1].

Духовенство, этот сильный и влиятельный социальный слой господствующего класса Коканда, также тяготилось задевавшим его интересы чрезмерным налоговым бременем и частыми войнами хана.

Жестокость и деспотический образ правления Алим-хана усиливали общее недовольство. По свидетельству его современника Абдул-Керима Бухарского, Алим-хан нередко отнимал даже детей у своих подданных и распоряжался ими по своему усмотрению. Чувствуя непрочность своей власти, хан окружил себя горцами-таджиками (гальча), выходцами из Дарваза, Каратегина, Шугнана и других горных районов.

В 1809 г. Алим-хан был убит заговорщиками. В заговоре участвовали некоторые военачальники и многие придворные хана, а также его брат Омар, который и был провозглашен ханом.

Омар-хан (1809—1822 гг.) продолжал централизаторскую политику брата. Стремясь к укреплению своего

власть кокандского бека Нарбута-бия. См. также: *П. П. Иванов*, Казахи и Кокандское ханство. (К истории их взаимоотношений в начале XIX в.),— «Записки Института востоковедения АН СССР», т. VII, АН СССР, М.— Л. 1939, стр. 92—128.

[1] *В. Наливкин*, Краткая история Кокандского ханства, Казань 1886, стр. 88.

внешнего положения, он заключил мирный договор с бухарским эмиром. Но мирные отношения с Бухарою продолжались недолго, вскоре между ханствами опять началась борьба. Используя внутренние раздоры в Бухаре, Омар-хан предпринял ряд походов на владения бухарского эмира. Особенно успешны были его войны против кочевых народов, которые в условиях господства отсталых патриархально-феодальных отношений и кочевого быта не могли оказать серьезного вооруженного сопротивления. Для этого у кочевников не хватало как необходимой материально-технической базы, так и политического единства. В 1815 г. Омар-хан захватил город Туркестан, в 1818—1819 гг. завоевал обширные территории казахов вокруг Туркестана, Чимкента, Сайрама и Аулие-Ата.

В целях укрепления центральной власти была учреждена должность мингбаши — тысяцкого, который как везирь ведал делами ханства. Управителями отдельных областей и городов на местах назначались крупные феодалы, наделяемые различными званиями. Административная система строилась по образцу бухарской.

В обширном Кокандском ханстве, территория которого простиралась теперь от подножья Тянь-Шаньского хребта до озера Балхаш и Аральского моря — с юга на север и от владений Бухары и Хивы до киргизских кочевий в Семиречье — с запада на восток, жили разные племена и народности с различными формами быта и хозяйства. Коренными жителями первоначального ядра ханства в Ферганской долине были узбеки и отчасти кипчаки и киргизы. С расширением территории ханства увеличивалась и численность его населения за счет таджиков, казахов и киргизов. Но господствующей народностью оставались узбеки [1].

Основная масса узбеков, так же как и таджики, вела оседлый образ жизни, занималась земледелием и жила в кишлаках, а частью в городах, где сосредоточивались торговля и ремесла. Кипчаки, игравшие впоследствии в политической жизни ханства видную роль, вели полукочевой образ жизни. Киргизы и казахи в своей массе были кочевниками.

[1] В литературе того времени и в официальных документах царского правительства узбеки, а также таджики Ферганской долины назывались сартами.

Отдельные части ханства, населенные народами, имевшими много общего в своем историческом развитии, в хозяйстве и общественных отношениях, в культуре и быте, а также говорившими на родственных языках, не имели, однако, прочных экономических связей и объединялись лишь в зависимости от успехов завоевателей. По своему общественно-экономическому строю Кокандское ханство было феодальным государством. Господствующим классом были крупные землевладельцы, светские и духовные феодалы. Крупнейшим из них был сам хан, владевший лучшими обширными землями (амляк). Духовенство и светские феодалы, сосредоточив в своих руках большие земельные участки (вакуфы и мульки), держали в зависимости дехкан, которые обрабатывали эти земли своими орудиями производства, уплачивая ренту. С развитием товарно-денежных отношений, особенно с развитием торговли с Россией, натуральная рента все более переходила в денежную, в связи с чем усилилась зависимость дехкан и ремесленников от ростовщиков, в роли которых выступали главным образом купцы и духовные учреждения.

В период феодальной раздробленности развитию сельского хозяйства, ремесла и торговли сильно мешали постоянные войны между феодалами. Достижение некоторого объединения, начиная с середины XVIII в., несколько улучшило условия для подъема экономики и культуры народов Средней Азии. В Фергане уже во второй половине XVIII в. началось восстановление старой ирригационной системы и постройка новой, совершенствовалась техника ирригации и т. д. Но частые войны между Хивой, Бухарой и Кокандом за преобладание в Средней Азии нередко приводили к разорению целых областей. Нескончаемые войны велись между кокандскими ханами и бухарскими эмирами. Постоянным яблоком раздора между ними служили пограничные территории в районе Ура-Тюбе, Джизака и Ходжента. Против Ура-Тюбе только Алим-ханом было предпринято до пятнадцати походов, которые всегда сопровождались грабежом и разорением кишлаков, расположенных в районе военных действий.

В начале XIX в. Кокандское ханство еще оставалось отсталым в хозяйственном и культурном отношении государством. Промышленность была развита чрезвычайно

слабо. Она была представлена только ремесленными предприятиями; больше других было развито производство хлопчатобумажных, шелковых и шерстяных тканей. Эти предприятия были сосредоточены в Коканде, Андижане, Ташкенте и других городах. Здесь существовали цеховые организации ремесленников. Сильно отсталыми были горнодобывающая и металлообрабатывающая промышленность, в связи с чем кокандцам выгоднее было завозить металл из России. Относительно развита была торговля Коканда с Хивой, Бухарой, Западным Китаем и Россией. Главные города ханства — Ташкент, Коканд, Андижан, Ходжент — располагались на старых караванных торговых путях и играли видную роль в транзитной торговле между Китаем, Бухарским и Хивинским ханствами, а также между Россией и Китаем.

Государственное устройство Кокандского ханства носило ярко выраженный феодальный характер. Формально хан являлся полновластным владыкой страны, но фактически его власть неограниченно распространялась только на районы, прилегающие к столице. Города и области управлялись назначаемыми ханом представителями крупных феодалов, наделенными званиями различных рангов в зависимости от размера и значения областей — кушбеги, беки, хакимы, датхи, аксакалы и т. д.

Кушбеги, самостоятельно управляя отдельными округами с крупными городами, нередко стремились к отделению и выходили из повиновения хану. Для Коканда были характерны частые внутренние феодальные раздоры между узбекской, кипчакской и киргизской знатью.

Завоевание кочевой периферии для ханства представляло большие выгоды с точки зрения пополнения его материальных ресурсов. Это делалось не только путем систематического изъятия прибавочного продукта в виде постоянных налогов и многочисленных поборов, но и путем массового грабежа кочевников во время походов. Определенное значение имело также стремление обеспечить безопасность торговых путей в Кашгар и другие города Западного Китая. Но и сама Киргизия с точки зрения торговых оборотов Кокандского ханства имела важное значение как рынок выгодной реализации товаров кокандских купцов и источник дешевых продуктов скотоводства, в которых нуждалось население городов ханства. В результате ряда успешных походов хан-

ских военачальников Сеидкул-бека, Бекназар-бия и других к концу правления Омар-хана почти вся Южная Киргизия и часть Северной Киргизии признавали власть Коканда.

Походы кокандских военачальников сопровождались беспощадным разгромом киргизских аилов, разграблением имущества и скота, а также массовыми убийствами и захватом пленных. О походе Сеидкул-бека осенью 1821 г. в Кетмень-Тюбинскую долину, где проживали киргизские роды из племен багыш, саяк и сатыке, Наливкин сообщает: «На укрепление Кетмен-Тюбе кокандцы напали ночью. Кетмен-тюбинцы бежали. Произведя страшные грабежи в долине Узун-Ахмата и захватив массу пленных, Сеид-Куль-бек с триумфом вернулся в Коканд, где получил большие награды от хана» [1].

Кокандские ханы широко использовали межродовые распри киргизов. Так, например, осенью 1822 г. Омар-хан натравил род кутлук-сеит из племени багыш на племена сарыбагыш, проживавшие вблизи от Оша. Воспользовавшись жалобой купцов на разграбление их каравана, хан подверг аилы сарыбагышей разгрому. «На помощь кутлук-сеидам,— сообщает Наливкин,— был выслан отряд ханских войск. Произведя страшные грабежи и убийства, среди которых не щадили ни женщин, ни детей, забрав большую добычу, главным образом скот и массу пленных, Бек-Назар-бий вернулся в Коканд» [2].

Неорганизованные и раздробленные кочевые киргизские аилы представляли легкий объект для постоянных грабежей хана и его военачальников, для их обогащения и снабжения воинов продовольствием.

В 1822 г. престол занял сын Омар-хана Мадали. В самом начале его царствования произошли события, повлекшие за собой вмешательство Кокандского ханства в дела Западного Китая (Восточного Туркестана), а также приведшие к столкновению кокандцев с северокиргизскими племенами. Это было восстание народов Западного Китая против маньчжурского правительства.

После покорения Китая маньчжурами в конце XVII в. новая, Цинская династия особенно усилилась при императоре Цянь-луне (1736—1796 гг.). В 1758 г. маньчжурам удалось, воспользовавшись внутренними раздорами

[1] *В. Наливкин,* указ. соч., стр. 118.
[2] Там же, стр. 121.

калмыцких правителей, совершенно уничтожить своего серьезного соперника на северо-западе — Джунгарское государство. После этого маньчжуры добились зависимости от империи почти всех северокиргизских и ряда казахских племен Старшего жуза.

В 1759 г. маньчжуры завоевали Восточный Туркестан. Ожесточенное сопротивление народов Восточного Туркестана было подавлено превосходящей военной силой Цинской империи. Эти события повлекли за собой массовое переселение населения Кашгарии в Ферганскую долину, а также бегство в Коканд некоторых ходжей — представителей ранее правившей в Восточном Туркестане династии.

Покоренное население Восточного Туркестана, подвергаясь насилиям и эксплуатации маньчжурских чиновников и феодалов, очень враждебно относилось к власти китайского императора. Особенно остро эта враждебность давала себя знать в Кашгарии и Джунгарии, граничивших с кочевьями киргизов и казахов. Здесь находились шесть городов, получивших от китайских властей право торговли с киргизами, казахами, узбеками и другими народами Средней Азии. Эти города, лишенные своих былых вольностей и привилегий, стесненные китайскими чиновниками в своей торговой деятельности и обложенные обременительными налогами, превратились в центры освободительной борьбы. В этих условиях отдельные стихийные выступления против господства китайских феодалов и чиновников легко превращались во всенародные восстания. Одним из наиболее крупных было восстание 1825 г., руководимое Джангир-ходжой. Основным районом подготовки восстания явилась территория Киргизии, а киргизские племена принимали в восстании широкое участие.

Кокандское ханство, заинтересованное в усилении своего влияния в Кашгарии, пыталось использовать восстание в своих интересах. Поэтому кокандские военачальники Хак-кулы и Ляшкер-кушбеги совершили ряд походов в Восточный Туркестан для оказания помощи восставшему против маньчжурских властей населению Кашгарии.

Весною 1826 г. Мадали-хан совершил поход в Восточный Туркестан для оказания «помощи» восставшему против маньчжурских властей населению Кашгарии. Но

хан был не совсем дружественно встречен Джангиром, который опасался его и относился к нему с подозрением. Вскоре, после неудачной осады укрывшегося в цитадели Кашгара китайского гарнизона, Мадали со своим войском ушел обратно в Коканд.

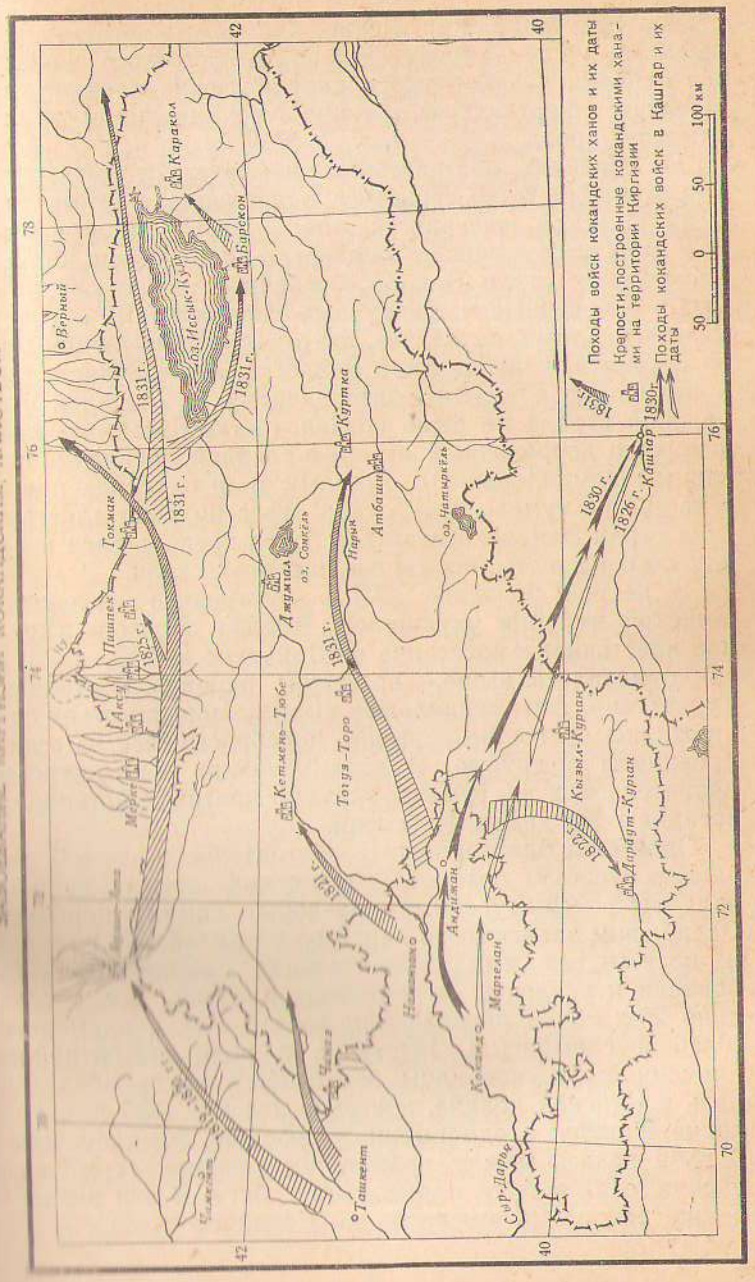
Восстание Джангира привело к временному уничтожению власти китайского императора в ряде городов Восточного Туркестана, но через год восстание было подавлено. Попытка Мадали-хана распространить свое влияние на Кашгарию потерпела неудачу. Но хан имел успех в войне против бухарского эмира. В эти же годы были завоеваны горные владения Каратегин, Дарваз, Куляб. Усилилось влияние Коканда на алайских киргизов, в кочевьях которых в 1826 г. было воздвигнуто укрепление Кызыл-Курган.

Летом 1830 г. Мадали-хан еще раз направил свои войска в Кашгар во главе с мингбаши Хак-кулы. Однако и на этот раз попытка хана укрепиться в Кашгаре окончилась неудачно. Хак-кулы, заняв предместья Кашгара, не сумел взять цитадель и вынужден был вернуться в Коканд.

Весной 1831 г. ханские войска начали наступление на Северную Киргизию. Ташкентский хаким Ляшкер-кушбеги шел от Ташкента через Чимкент и Аулие-Ата в Чуйскую долину и далее до берегов озера Иссык-Куль. В том же году он подчинил казахские племена до реки Или.

Хак-кулы двигался от Ферганской долины через Когартский перевал на Центральный Тянь-Шань до верховьев Нарына и берегов Иссык-Куля. Завоевательные походы в Киргизию совпали с благоприятной для Кокандского ханства внешнеполитической обстановкой. Поражение восстания Джангира, в котором киргизы принимали массовое участие, и репрессивные меры китайских карательных отрядов заметно ослабили киргизов. Кокандцы во время своих недавних походов в Кашгар, проходя через киргизские кочевья, имели возможность достаточно изучить местные условия, экономическое и политическое положение, а также состояние военных сил киргизских племен. Слабая военная организация и плохое вооружение киргизов говорили о возможности их покорения. Кроме того, напуганные карательными мерами китайских властей Восточного Турке-

ЗАВОЕВАНИЕ КИРГИЗИИ КОКАНДСКИМ ХАНСТВОМ



стана, некоторые киргизские племена в этот период пытались найти покровительство у Кокандского ханства, где кипчаки и некоторые южнокиргизские племена, населявшие Ферганскую долину, уже начинали играть заметную роль.

Из внешних обстоятельств наиболее существенным для Коканда было серьезное ослабление к этому времени Цинской империи. С конца XVIII и в начале XIX в. Китай начинает подвергаться агрессии капиталистических стран Запада, особенно Англии. Угнетаемые и разоренные маньчжурами-завоевателями и «своими» феодалами китайские крестьяне часто поднимали восстания против Цинской династии. Среди чиновников царили продажность и взяточничество. В отсталой феодальной стране не было создано четко организованной и хорошо вооруженной армии с твердой дисциплиной и единым командованием. Поэтому маньчжурское правительство не сумело дать отпор агрессии капиталистических стран Запада. Китай все более превращался в рынок сбыта и источник сырья для этих стран.

В первой половине XIX в. внутреннее положение Цинской империи ухудшилось. В 1823 г. произошло крупное крестьянское восстание в Шаньдуне, в 1825—1826 гг., как отмечалось выше,— восстание народов Восточного Туркестана. Антифеодальные выступления крестьян продолжались почти непрерывно, перебрасываясь из одной провинции в другую. В этих условиях маньчжурское правительство не сумело оказать противодействия завоеванию Кокандом Киргизии.

Одним из благоприятных обстоятельств, способствовавших успеху походов кокандских военачальников, являлись междоусобные раздоры самих киргизов. Ослабление зависимости киргизов от Китайской империи и достигнутая ими относительная самостоятельность привели к усилению межродовых распрей. Так, в середине 20-х годов происходили войны между племенами солто и сарыбагыш. Выступив в роли «защитников» племени солто, кокандцы без особого труда обосновались в Чуйской долине, построив здесь в 1825 г. укрепление Пишпек в одноименном урочище. Междоусобная борьба велась между правителями племен сарыбагыш и саяк, саяк и бугу, сарыбагыш и бугу. В эти раздоры также неизменно вмешивалось Кокандское ханство под

предлогом оказания поддержки то одной, то другой стороне. Соперничая между собой, феодально-родовые правители киргизов нередко сами искали помощи извне и обращались за поддержкой к соседним государствам, в частности к Коканду. Наиболее крупными из феодально-родовых войн в 30—40 годах были столкновения между племенами сарыбагыш и саяк. В ответ на грабительские набеги сарыбагышей многочисленный отряд саяков, выступив из Джумгальской и Кочкорской долин в Чуйскую долину, подверг разорению ряд аилов сарыбагышей, подвластных манапу Ниязбеку. Саякам удалось захватить много скота, главным образом лошадей. Ниязбек, собрав отряды сарыбагышей, у входа в Шамсийское ущелье вступил в бой, в котором сарыбагыши были разбиты.

Главная причина этого столкновения состояла в стремлении феодально-родовой верхушки сарыбагышей во главе с Ниязбеком Эсенгуловым овладеть пастбищами Кочкорской и Джумгальской долин и подчинить своему влиянию разрозненные саякские роды чоро, курман-кожо, кульджигач и другие, кочевавшие в долинах Кочкорки и Джумгала на запад от Иссык-Куля.

Во второй четверти XIX в. междоусобные раздоры особенно усилились, сначала между племенами бугу и саяк, затем между бугу и сарыбагыш.

Один из правителей племени саяк — Медет-датха, аилы которого часто разорялись бугинцами, обратился за помощью к кокандскому хану и с его помощью подверг бугинцев разграблению. При этом он захватил много добычи, в том числе и людей, которых потом, на поминках в честь павших в битве с бугинцами родственников, поставил в байге как приз [1]. В другой раз бугинцы подверглись нападению одного из крупных саякских феодалов — Качи, также получившего военную помощь кокандского хана. Бугинцы с Тюпа отступили к китайской границе. Отряд саяков захватил много скота, имущества и пленных, однако Качи был убит.

Бугинцы, оправившись от разгрома, в свою очередь, в порядке барымты и мщения, продолжали время от времени устраивать набеги против саяков. В одном из таких набегов, возглавляемом Балбай-батыром, уча-

[1] Рукописный фонд ИИ АН Кирг. ССР, оп. 287, 288.

ствовал главный манап бугинцев Боромбай. Этот набег был совершен на саяков отделения курман-кожо. Но при столкновении бугинцы потерпели поражение и отступили, оставив пленных. В числе пленных оказался сам Балбай. Он долго находился в тяжелых условиях в плену у саяков, пока не был выкуплен бугинцами. Но и после этого Балбай во главе вооруженных отрядов бугинцев совершал набеги на саяков, которые отвечали тем же.

Междоусобные раздоры саяков и бугинцев долго не прекращались и привели к их взаимному ослаблению. Постоянная вражда заставляла оба племени искать защиты и помощи у более сильных соседей: саяков — у племени сарыбагыш и у кокандцев, а бугинцев — у китайских властей Восточного Туркестана, а впоследствии и у царской России.

Таким образом, у киргизских племен в этот период не было необходимого единства и сплоченности для успешного отражения завоевательных походов кокандских ханов. Раздробленные на отдельные племена и роды, киргизы не осознавали общности своих интересов. Родоплеменные старшины и бии обычно ставили свои интересы выше общенародных. Эти особенности внутреннего и внешнеполитического положения киргизов облегчали завоевание Киргизии.

Относительно сильное сопротивление кокандским завоевателям оказало племя саяк, кочевавшее на Тянь-Шане. Саяки, нередко участвуя в военных походах ходжей в Кашгар и в столкновениях с китайскими отрядами, имели тогда относительно лучшую военную организацию и вооружение по сравнению с другими киргизскими племенами. Поэтому они сумели оказать сильное сопротивление кокандскому завоеванию в верховьях Нарына. Однако Хак-кулы, располагая семитысячным войском сипаев разбил саяков, захватил их предводителей Атантая и Тайлака, награбил много скота и имущества, взял пленников и утвердил над племенем власть хана.

Одновременно Ляшкер-кушбеги без особого труда прошел через Чуйскую долину, где было построено укрепление Пишпек. Им было построено на берегу Чу новое укрепление — Токмак. Он покорил киргизские и казахские племена, кочевавшие между реками Чу и Или,

и вторгся в Иссыккульскую котловину, где покорил бугинцев. Преследуя отдельные непокорные роды бугинцев, он дошел до китайского военного поселения Сибо в Илийской провинции.

В 1832 г. в Нарыне Хак-кулы основал укрепление Куртка. В том же году было основано укрепление Тогуз-Торо в одноименной долине и Таш-Курган в южной части Памира.

Киргизские племена, раздираемые междоусобицами, разбросанные на обширном пространстве и разделенные естественными преградами в виде горных хребтов, не позволявшими в зимних условиях устанавливать связь, были слишком слабы для оказания сколько-нибудь серьезного сопротивления натиску завоевателей. Киргизские племена как по своей военной организации, так и по вооружению далеко уступали кокандцам. В этот период в Коканде уже имелась полурегулярная пехота из солдат-сарбазов, вооруженных ружьями, обученных строю и стрельбе, одетых в форму и живших в казармах. Но основу кокандских войск составляла иррегулярная конница. Кокандцы кроме преимущества в стрелковом оружии имели артиллерию, совершенно незнакомую киргизам и потому производившую на них сильное впечатление. Особенно опасны были походы кокандцев в зимних условиях, когда киргизы, привязанные к своим зимовкам, теряли обычную подвижность и не могли быстро укрыться в недоступных ущельях гор, как это бывало летом.

После завоевания Киргизии в наиболее важных центрах киргизских кочевий кокандцы построили военные укрепления. Наиболее крупными были Аулие-Ата на реке Таласс, построенное в 1820 г., Пишпек в Чуйской долине, Кызыл-Курган на Алае и Куртка на Тянь-Шане.

В 1832 г. были воздвигнуты мелкие укрепления — Каракол, Барскон и Конур-Улен на берегу Иссык-Куля. Впоследствии были построены укрепления Мерке в Чуйской долине, Чиназ в Чаткале, Кетмень-Тюбе и Джумгал в одноименных долинах, Бостон-Терек на Памире, Лараут-Курган на Алае.

В административном отношении территория Киргизии была разделена на несколько податных округов и находилась в ведении беков, управлявших отдельными

ее частями [1]. Киргизы, кочевавшие в Ферганской долине, находились под властью правителей ближайших городов, которым они вносили налоги. Военную службу они несли в округах, по месту жительства. Эти племена, сравнительно рано подпавшие под власть кокандского хана, более всех остальных сблизились с оседлым населением ханства, частично усваивали его быт и культуру. В политическом отношении они имели одинаковые права с узбеками и находились в полном подчинении хана. К ним относились племенные объединения курама, мундуз, бостон, часть племен монголдор, найман, кипчаки и другие.

Другие киргизские племена фактически слабо зависели от центральной власти. К таковым относились почти все северокиргизские кочевники, племена, кочевавшие в южной части Памира, а также большие племенные объединения адыгене и монгуш, занимавшие Алайскую долину. В административном отношении эти последние находились в ведении андижанского бека. Андижанскому и Маргеланскому округам были подчинены киргизы, кочевавшие на Тянь-Шане по рекам Атбаши, Нарын, Тогуз-Торо, Джумгал и в нагорье, а также в Кетменьтюбинской долине. Они управлялись непосредственно из укреплений Куртка, Тогуз-Торо, Джумгал, Атбаши, Бостон-Терек, Таш-Курган, Кызыл-Курган, Дараут-Курган и других.

Киргизы Чуйской и Таласской долин, а также Иссык-кульской котловины были подчинены Ташкентскому вилайету и управлялись из укреплений Аулие-Ата, Мерке, Пишпек и Токмак. К ним же относились киргизы Чаткальской долины и Сусамыра.

Но Кокандское ханство в кочевых районах не имело постоянной и твердо установленной системы административного управления. В связи с перекочевкой киргизов административно-политическое разделение их часто запутывалось, вследствие чего осложнялся вопрос о сборе зякета и других податей. В этих условиях нередко

[1] Кокандское ханство в административном отношении разделялось на вилайеты, каждый из которых делился на бекства. Последние в свою очередь делились на аминства или аксакальства. Управляли ими назначаемые ханом чиновники: хакимы — в вилайетах, беки — в бекствах и аксакалы — в аминствах. Хакимам и бекам были подчинены низшие как военные, так и гражданские власти.

отдельные киргизские племена подвергались повторному обложению зякетом. Пограничные с Китаем киргизские племена — чонбагыш, черик, частично бугу иногда подвергались налоговому обложению с двух сторон — со стороны Коканда и со стороны китайских властей Восточного Туркестана.

В военных укреплениях, воздвигнутых в кочевьях киргизов, стояли кокандские гарнизоны, силой оружия поддерживавшие власть хана. Кокандский наместник, живший в крепости, имел высшую власть над всем населением, находившимся в его ведении. Вся власть на местах была оставлена в руках представителей киргизской феодально-племенной знати. Бии и манапы теперь стали выполнять функции непосредственных исполнителей ханской власти на местах. В кочевьях киргизов хан имел особых чиновников — ильбеги, которые, находясь непосредственно в аилах, осуществляли постоянный надзор за населением. Для решения различных межродовых и межплеменных споров и конфликтов около больших крепостей ежегодно созывался тоб (совет) биев, манапов и старшин под председательством наместника хана. Последний имел право отменить или утвердить решение тоба.

Кокандские военные укрепления были не только центрами административно-политического управления, но и центрами торговли и колонизации. Здесь кроме гарнизона находились сборщики налогов (зякетчи) и торговцы. Около кокандских крепостей начали возникать также поселения земледельцев, ремесленников и торговцев. А. Талызин сообщает: «Сартовских поселений по Чуйской долине было четыре: крепость Пишпек, около которой было до 1000 дворов сартов, здесь жил главный бек Чуйской долины и здесь же имелся базар. Затем недалеко от нынешнего русского селения Токмак было сартовское поселение того же имени из 200 дворов оседлых сартов; такое же количество дворов было в Аксу, ныне русское селение Беловодское, и в Катабалтах, где было до 100 дворов. За Александровским хребтом на долинах Кочкорка, Джумгал и Тогуз-Торау было три поселения, из коих в каждом насчитывалось до 100 дворов. Старший бек жил в укр. Куртка (на правом берегу р. Нарына), около которого имелось сартовское поселение до 400 дворов. Во всех этих селениях были

крепостцы и содержались солдаты; самое большое число их до 500 человек было в Пишпеке»[1].

Возле кокандских крепостей шел оживленный торг и совершались сделки кокандских купцов с киргизами. Купцы сбывали продукцию ремесленно-кустарных предприятий Коканда и транзитные товары киргизам в обмен на скот и различные продукты скотоводства. Кокандская колонизация была торговой колонизацией. Каждая крепость была сосредоточением товаров узбекских купцов. Крепостные стены и гарнизоны гарантировали сохранность товаров, а непосредственно соседние с крепостями большие пути перекочевок были залогом постоянной, быстрой и выгодной их реализации.

Киргизская правящая знать сближалась с кокандскими феодалами и, опираясь на ханскую власть и силу кокандских гарнизонов, держала трудящиеся массы в повиновении. Тяжелые налоги, всевозможные поборы и вымогательства, засилие манапов и сборщиков зякета, жестокость и произвол наместников хана нередко заставляли рядовых кочевников оставлять свои обычные места и откочевывать в отдаленные, глухие горные ущелья с исключительно суровыми и тяжелыми условиями жизни.

Кокандская колонизация сопровождалась усиленным насаждением в Киргизии ислама. Ханы широко использовали ислам как орудие упрочения своей власти над киргизским народом. В укрепленных пунктах строились мечети, распространялась проповедь фанатических ишанов и дервишей. Ислам стал идеологическим оружием также и в руках феодально-родовой верхушки киргизов. С помощью духовенства кокандские наместники и киргизские манапы стремились держать народ в покорности.

Для поддержания власти хана широко применялось и прямое насилие. В кокандских крепостях были построены зинданы — тюрьмы-колодцы, где томилось немало мужественных представителей киргизского народа, осмелившихся протестовать против произвола правительства и тяжелого ханского ига. Применялись сажание на кол, отсечение головы, виселица и другие виды казни. Для удержания населения в повиновении и обеспечения своевременного получения налогов наместники хана всегда держали в крепостях аманатов-заложников из знатных фамилий. Кроме того, кокандское правительство через своих наместников искусно поддерживало постоянную вражду между старшинами киргизских племен. Такая политика лишала киргизский народ единства действий в борьбе против хана, обессиливала племена, но укрепляла положение ханской власти в Киргизии.

[1] *А. Талызин,* указ. соч., стр. 29.

Особенно тяжелой для киргизского народа была налоговая политика кокандского хана. Зякет в пользу государства по шариату определялся в $^1/_{40}$ часть мелкого скота. Но эта норма была чисто формальной и всегда нарушалась, и зякет нередко взимался в размере $^1/_{20}$ части скота. Этот налог для скотоводов был очень тяжелым. Сбор его почти всегда сопровождался массовым вымогательством, грабежами и насилиями чиновников-зякетчи с целью личного обогащения.

Один из современников, посетивший Кокандское ханство в 1849 г., писал: «Сбор этой подати сопряжен в Кокании с столь большими злоупотреблениями, что едва ли тамошние киргизы не отдают ежегодно двадцатой части стад своих. Сборщики, посылаемые правителями областей, позволяют себе... разные притеснения и чрез то вынуждают подарки и прибавку сверх законного положения»[1]. Злоупотребления и произвол особенно сильны были в районах, которые отдавались на откуп сборщикам зякета.

В русских источниках указываются следующие виды податей: «1) натуральная, *херадж,* или подать с полевых произведений; 2) денежная, *танапная,* с огородных растений и садов; 3) *зякет* — торговый процент называвшийся, при взимании его с товаров, *зякети-каляги,* а со скота — *зякети-мал;* 4) *базарный* сбор за право торговли на рынках; 5) сбор за содержание *весов;* 6) за *переправы* через реки и 7) пошлины с *соли.* Сверх того, существовал еще маклерский процентный сбор за совершение брачных актов, который в других ханствах, на основании шариата, принадлежит казиям»[2].

[1] «Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии» — «Записки РГО», кн. 3, Спб. 1849, стр. 209.

[2] *А. Л. Кун,* Некоторые сведения о Ферганской долине,— «Военный сборник», т. CVIII, № 4, Спб. 1876, стр. 439.

Кроме основных налогов киргизы платили на содержание гарнизонов крепостей и снабжали продовольствием войска при «временных сборах» и передвижениях. Кроме того, им приходилось кормить сборщиков налогов — зякетчи, которые всегда ездили большими партиями.

Кокандские налоги не были постоянны и часто изменялись в зависимости от обстоятельств. Но в общем в связи с ухудшением внутреннего и внешнего положения Кокандского ханства налоги все время увеличивались. В 50-х годах XIX в., в период правления Худояр-хана, налоги стали еще тяжелее. Нередко тяжелый налоговый гнет, произвол и насилия ханских сборщиков зякета вызывали стихийные разрозненные выступления киргизов, подавлявшиеся вооруженными силами.

Тяжелым было налоговое бремя, но еще тяжелее была земельная политика ханства. С самого начала кокандской колонизации земли южных киргизов систематически захватывались ханами, их родственниками и другими феодалами, а население оттеснялось в ущелья каменистых гор. «Омар-хан,— сообщает Наливкин,— желая обогатить свою казну через тогдашнего наманганского хакима Сейдкул-бека, продал земли, бывшие в пользовании населения Наманганского вилаета... после чего в общинном владении остались одни только горные пастбища, а все те участки, которые могли эксплуатироваться плугом при условии искусственного орошения, поступили в частную собственность покупателей... Этим был нанесен тяжелый удар общинному владению землей между здешними киргизами» [1].

Вытесняемое из наиболее плодородных районов Ферганской долины киргизское население разорялось, усиливалась социальная дифференциация. Киргизская беднота становилась «беспокойным» элементом в ханстве и нередко восставала против своих правителей. При этом она искала поддержки у трудящихся масс узбеков.

Вместе с кокандскими ханами и наместниками в эксплуатации киргизского народа активно участвовали киргизские манапы, державшие в своих руках местное управление.

В целях обеспечения господства над киргизским народом кокандские ханы стремились привлечь феодально-

[1] *В. Наливкин,* Киргизы Наманганского уезда,— «Туркестанские ведомости» за 1881 г., № 20.

родовую верхушку киргизов на свою службу. Феодально-родовая знать киргизов, особенно южных, привлекалась не только в низшие, но и в высшие органы управления и войска Кокандского ханства. В политических кругах Коканда киргизские феодалы составляли наряду с узбекской и кипчакской группировками одну из основных сил, влиявших на политику ханов. Привлечением представителей киргизской родовой знати наравне с узбекскими и кипчакскими феодалами в высшие органы государства кокандские ханы стремились укрепить свою власть над киргизским населением.

Киргизская феодально-родовая знать играла заметную роль в делах ханства, иногда активно участвуя в дворцовых переворотах. Валиханов писал по этому поводу: «Мали-бек взошел на престол при помощи киргиз и кипчаков. Алим-бек дахта, теперешний кокандский везирь, есть дикокаменный киргиз; в хакимы и в начальники войск назначено много киргиз» [1].

В 50-х годах, после падения Мусульманкула, Худояр стал отстранять от государственных должностей представителей феодально-родовой знати киргизов и кипчаков. Такая политика хана встретила сильную оппозицию со стороны последних, которые, воспользовавшись придворными интригами, выдвинули на престол Малля-бека — старшего брата Худояра, занявшего престол в 1858 году.

Для трудящихся масс киргизского народа период владычества кокандских ханов был очень тяжелым. Эксплуатация со стороны феодально-родовой верхушки кочевых племен усилилась тяжелым игом кокандских завоевателей.

Сохранилась песня, относящаяся к началу кокандских завоеваний. Она передает те чувства, которые испытывал народ по мере продвижения кокандских завоевателей:

Кёчюк жакты сарт алды	Сартами захвачен Юг,
Кёкюрёктю дарт алды.	Горе стеснило грудь.

Сохранились и другие песни, которые очень образно и метко характеризуют порабощенное положение киргизского народа в Кокандском ханстве. В одной из этих песен поется:

[1] *Ч. Ч. Валиханов,* указ. соч., стр. 447.

Тегереги кыргыздын	Огородили киргизов
Темирден соккон тор болду.	Железной оградой,
Тюшкён жери кыргыздын	Заключили киргизов
Кырк кулач зындан ор болду.	В бездонный зиндан.
Кокондуктун бийлиги	Власть кокандского правителя
Мангдайга бюткён шор болду.	Придавила киргизов.
Аргымагын кекейгип	Заломили синие шапки
Кёк кепичин тепейтип,	Кокандские всадники,
Кокондуктун кордугу	Принесли страдания
Ёткёрё ёттю зордугу.	Терзающие душу.
Айгыр-ат менен атан тёё	Лошадей и верблюдов
Алып турат кокондук.	Забирают кокандцы,
Азаматтын башына	Киргизских юношей
Аябаган тюлюктю	На невыносимые муки
Салып турат кокондук.	Обрекают кокандцы.
Жазыгы жок адамды	Неповинных людей
Башын жарып оруна	Мучают и казнят,
Салып турат кокондук.	Подвергают насилиям кокандцы.
Кёк чапандуу кокондук,	Синехалатые кокандцы
Тандап туруп кыргыздын	Забирают у киргизов
Оймоктуудан уз алды,	Красивых женщин
Каркырасын сайдырып	И невест
Беш кёкюлдюю кыз алды,	в убранстве.
Карыштатып кулагын	Собирая зякет,
Зекетине кой алды,	Силой отнимают баранов.
Каржалдырып жигитти	Парней холостых
Базматына бой алды [1].	Заставляют на себя работать.

Трудовые массы киргизского народа не только в песнях выражали протест против ханского гнета, но неоднократно выступали и с оружием в руках. Особенно заметны выступления 1842—1843, 1857—1858, 1873—1874 годов. В 1842—1843 годах киргизский народ, воспользовавшись смертью Мадали-хана, предпринял первую серьезную попытку сбросить ненавистное иго. В результате в положении части киргизов произошли некоторые изменения.

Мадали-хан правил долго, и время его правления составило относительно лучшую пору истории Кокандского ханства. Однако и он не сумел окончательно подчинить себе мятежных феодалов, покончить с их оппозицией центральной власти. Поэтому обширные завоевания Мадали-хана не привели к упрочению его власти. Таджикские горные владения Дарваз, Шугнан, Рушан и Вахан подчинялись власти Мадали-хана только номинально. В большей мере стал зависимым от Коканда Каратегин, расположенный ближе к центру ханства. В этих горных

[1] Из рукописи И. Абдрахманова. Рукописный фонд ИИ АН Кирг. ССР, оп. 286.

владениях очень сильны были сепаратистские стремления местных феодалов. Такие же стремления таили отдельные крупные киргизские манапы, которые при удобном случае были не прочь забрать всю полноту власти над своим племенем.

Наряду с этим росло недовольство широких слоев населения чрезмерными налогами, злоупотреблениями чиновников, насилиями самого хана, а также частыми войнами. В 1842 г. недовольство правлением Мадали-хана возросло до такой степени, что против него в среде его приближенных и высшего духовенства назрел заговор. Заговорщики вступили в сношения с эмиром бухарским Насруллой, в то время религиозным главой мусульман Средней Азии. Хан, подозревая враждебные намерения эмира, вскоре начал войну против него. Однако война была неудачной для Мадали-хана, он вынужден был признать себя вассалом эмира и уступить город Ходжент. Недовольство Мадали-ханом после этого еще более усилилось. В столице произошли волнения.

Эмир Насрулла, имевший связи с главарями заговора, весною 1842 г. выступил с войском против Мадали-хана. Разбив под Ходжентом войска хана, эмир двинулся к Коканду, подвергая разграблению все кишлаки на своем пути. «Победоносное шествие» эмира сопровождалось обычными жестокостями и оставляло ужасные следы. «Около Патара,— сообщает Наливкин,— им было зарезано 400 человек пленных, мирных жителей, захваченных авангардом. Окружному населению был отдан приказ, запрещавший хоронить эти трупы, которые видом своим должны были свидетельствовать всем и каждому о могуществе эмира Насруллы» [1].

Вскоре эмир без особого сопротивления занял Коканд [2]. Объявив о присоединении Кокандского ханства к своим владениям, эмир вскоре занял и Ташкент. В Коканде был поставлен памятник эмиру, во все города ханства были направлены бухарские чиновники.

Все эти события создали благоприятную обстановку для выступления ряда киргизских племен за восстановление своей независимости. В 1842 г. в Иссыккульской долине вспыхнуло восстание племен бугу, отчасти саяк

[1] *В. Наливкин*, Краткая история Кокандского ханства, стр. 142.
[2] Мадали-хан, его брат, старший сын и мать были убиты.

и сарыбагыш. Кокандские гарнизоны, стоявшие на берегу Иссык-Куля, оказались не в силах подавить восстание. Из других пунктов Кокандского ханства также не могла прибыть к ним помощь из-за восстания и политических переворотов, которые происходили в центре. В результате гарнизоны кокандских крепостей были изгнаны с берегов Иссык-Куля, а кокандские укрепления в Караколе, Барсконе и Конур-Улене были уничтожены. Киргизы Иссыккульской долины на время приобрели независимость.

Современники отмечали, что в связи с беспорядками в Кокандском ханстве «...после умерщвления, в 1842 году, бухарцами Мухамед-Али-хана (Мадали-хана.— *Б. Д.*) и возникших в Коканде беспорядков, главные роды черных киргизов, кочующие в окрестностях Иссык-Куля, признали себя независимыми, под видом незнания, кому повиноваться и выгнали кокандцев из небольших укреплений, устроенных на речках Каракол, Баскаун и Конур-Улен...»[1]

В том же году из-под власти Коканда вышли чуйские, тяньшаньские и алайские киргизы. Хотя крупные кокандские крепости Пишпек, Куртка и Кызыл-Курган сохранились, киргизы перестали платить зякет и выполнять другие повинности. Это означало, что фактически вся Киргизия выпадала из состава Кокандского ханства. Отказались признать власть эмира и многие кипчакские феодалы.

Власть эмира бухарского в Коканде продержалась недолго. Ряд мероприятий, в частности замена кокандских чиновников бухарскими, налоговая политика, жестокости наместника эмира — Ибрагим-Хаял парваначи и т. д., вызвали недовольство населения городов и чиновников. В некоторых городах, в том числе в Коканде, произошли волнения среди населения. Положение Насруллы в Коканде становилось все более шатким. Часть кокандской знати вступила в связь с кипчакскими и киргизскими феодалами с целью провозглашения нового хана, независимого от Бухары.

Различные группы феодальной верхушки стали выдвигать своих кандидатов на ханский престол. Киргизские манапы, поддержанные кипчакской знатью, выдвинули Ширали (двоюродного брата Алим-хана), в свое время бежавшего от преследования своих противников и нашедшего убежище в долине Таласса.

Ширали летом 1842 г. выступил против бухарского эмира. Манап Сеидалы-бек составил ему из таласских киргизов небольшой отряд. Вскоре к нему присоединились со своими отрядами некоторые киргизские феодалы Наманганского вилайета. Один из них — Юсуп из рода кырк-уул, при поддержке кипчаков организовал вооруженные силы Ширали[1]. Ширали был провозглашен ханом и вскоре занял Коканд. Волнения среди населения Коканда облегчили его успех. Наливкин сообщает: «Как только народ узнал в Коканде, что Ширали уже близко, а Ибраим-Хаял бежал, все почти вооружились, и началось избиение недавних еще победителей. Весть об этом быстро облетела Фергану и избиение бухарцев сделалось повсеместным»[2].

После ухода бухарских войск подверглась разгрому группировка оседлых узбекских феодалов, поддерживавшая бухарского эмира. Особенно пострадали узбеки рода мангыт.

Но эмир Насрулла в том же году предпринял новую попытку утвердить свою власть над Кокандом. С сильным войском он явился под стены столицы ханства и в течение сорока дней осаждал город. Осажденные защищались мужественно. Особенно видную роль играли кипчаки, среди которых в это время выдвинулся военачальник Мусульманкул. Эмир Насрулла вынужден был снять осаду и уйти обратно в связи со слухами о готовящемся нападении на Бухару хивинского хана. После этого власть Ширали была утверждена в Ходженте, Ташкенте и других городах ханства.

При новом хане, достигшем власти с помощью киргизов и кипчаков, последние стали играть видную роль в ханстве. Но вскоре против нового хана и киргиз-кипчакской группировки возникла оппозиция оседлой узбекской феодальной знати и купцов. Мингбаши Юсупу были предъявлены обвинения, и оппозиции удалось до-

[1] «Сведения о дикокаменных киргизах»,— «Записки РГО», кн. 5, Спб. 1851, стр. 141.

[1] См. *А. Н. Куропаткин*, Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля, Спб. 1879, стр. 133.

[2] *В. Наливкин*, Краткая история Кокандского ханства, стр. 147.

биться его устранения. На его место оседлые феодалы выдвинули Шады. Киргизские феодалы отошли на второй план. Однако новый мингбаши не чувствовал себя в безопасности и, стремясь к окончательному уничтожению своих противников, стал добиваться полного устранения представителей кипчакских и киргизских феодалов. Это привело к новой внутренней феодальной войне, в которой сплоченное выступление кипчаков принесло им победу и привело к власти Мусульманкула. Он на многие руководящие гражданские и военные должности в ханстве назначил своих сторонников из представителей кипчакских феодалов. Ширали превратился в ставленника кипчакских феодалов на ханском престоле. Фактически правителем стал представитель кипчакских феодалов мингбаши Мусульманкул. Это вызвало недовольство не только оседлых феодалов и купцов, но и отдельных крупных киргизских феодалов, также мечтавших занять в ханстве видное место. В этих условиях некоторые представители узбекской феодальной знати вступили в сношения с киргизскими феодалами Алая.

В 1845 г. значительная группа киргизских племен, кочевавших вблизи города Ош, открыто восстала против правительства. Поводом послужил отказ хана предоставить киргизам обещанные привилегии. Мусульманкул лично руководил подавлением этого восстания. Но в отсутствие Мусульманкула Ширали был убит заговорщиками. Ханом был провозглашен сын Алим-хана — Мурад, бек Шахрисябза. Однако он царствовал всего семь дней. Мусульманкул, опираясь на поддержку кипчакских феодалов, разбил отряды Мурад-хана, состоявшие главным образом из алайских киргизов, и возвел на престол Худояра — сына Ширали-хана, при котором стал лично управлять делами ханства в качестве регента малолетнего хана [1].

Один из исследователей истории Кокандского ханства, А. Л. Кун сообщает: «Так снова восстановилось господство кипчакской партии, господство, тем более тягостное и невыносимое для оседлой, городской партии, что глава кипчаков, Мусульманкул, после измены, призвавшей в Коканд Мурад-бека, потерял всякое доверие

[1] Во избежание притязаний со стороны старших братьев Худояр-хана Мусульманкул их умертвил. Спасся бегством только один Малля-бек.

к сартам, и все высшие государственные должности предоставил исключительно кипчакам» [1].

Ошское восстание, хотя и успешно подавленное, а также поддержка алайскими киргизами Мурад-хана вскрыли серьезные разногласия между правящей кипчакской знатью и некоторой частью киргизских феодалов. Недавно выступавшая единым блоком кипчакско-киргизская группировка быстро распалась. Это обстоятельство в условиях огромного численного преобладания киргизов над кипчаками было серьезным препятствием для дальнейшего упрочения власти кипчаков в Коканде.

Киргизские феодалы, территориально отдаленные от столицы ханства, теперь совершенно отказались от поддержки Мусульманкула. Многие из них давно мечтали о самостоятельности, происходившие же в Коканде дворцовые перевороты и борьба феодальных группировок создавали для этого благоприятные условия. За исключением племен, кочевавших в Ферганской долине и других близких к центру районах, почти все основные киргизские племенные объединения вскоре перестали признавать власть хана.

Председатель Оренбургской пограничной комиссии генерал-майор Ладыженский в своей записке «О Коканде», характеризуя сложившееся в то время положение, писал, что очень сильна «...ненависть вообще к кокандцам дикокаменных киргизов (кара-киргизов)..., которые только с 1842 года, после умерщвления бухарцами Мухаммед-Али-хана кокандского и возникших беспорядков в Коканде, свергнули с себя его иго и, разорив устроенные на границах кокандцев с кочевьями дикокаменных киргизов крепости, начали с тех пор действовать самостоятельно» [2]. Это относилось главным образом к северокиргизским племенам. Власть Мусульманкула в это время хотя и утвердилась в центре и крупных городах ханства, слабо чувствовалась в отдаленных кочевых районах Киргизии, которые даже не обеспечивались защитой от нападения соседей. Это стало особенно заметно в период нападения на Северную Киргизию казахского султана Кенесары.

Киргизы и казахи, два братских народа, имели очень много общего в быту и культуре, в экономике и обще-

[1] *А. Л. Кун*, указ. соч., стр. 420.
[2] ЦГИАМ, ф. 1440, оп. 1, д. 4, л. 59—73.

ственном строе. Нам известна совместная борьба киргизов и казахов на различных этапах их исторического развития за свою свободу и независимость, против чужеземного ига. Так было в XVI в., в период борьбы против моголистанских ханов, в XVII—XVIII вв., в период борьбы против джунгарских завоевателей, и т. д.

Вопреки интересам трудящихся масс киргизского и казахского народов, которые были между собою близки и дружны, феодально-родовая верхушка этих народов разжигала жестокие, грабительские феодальные войны, в которые трудящиеся массы зачастую втягивались насильственно.

Нападение султана Кенесары и казахских феодалов в 1845—1847 гг. на Киргизию было грабительской войной, рассчитанной на получение наживы за счет разорения трудящихся масс киргизского народа. Султан Кенесары, представитель рода хана Аблая, ставил своей целью восстановление ханской власти в Казахстане. Эта попытка столкнула Кенесары прежде всего с царской Россией, завершавшей к тому времени установление своего колониального господства в Казахстане.

Движение Кенесары, по временам достигавшее широкого размаха, к середине 40-х годов стало ослабевать. Продвижение военных отрядов оренбургского генерал-губернатора в глубь казахских кочевий и основание в 1845 г. укреплений Уральского и Оренбургского дало возможность царизму обосноваться в самом центре кочевий повстанцев.

Кенесары вынужден был оставить Центральный Казахстан и перенести центр движения из Сары-Арка в район кочевий Старшего жуза, в пределы Семиречья. Здесь он поставил задачу подчинить своей власти казахов Старшего жуза и северокиргизские племена, с тем чтобы продолжить борьбу против царской России и Коканда. Но агрессивные действия Кенесары против киргизов дали самые отрицательные результаты.

От Кенесары к 1846 г. отошли не только народные массы казахов, еще поддерживавшие его в конце 30-х годов, на начальном этапе восстания, но и многие феодалы, в том числе султаны Аягузского, Каркаралинского и Кокбектинского округов Среднего жуза. К 1846 г. султаны и бии казахов Старшего жуза решили окончательно

принять русское подданство и принесли присягу на верность Российской империи.

Но, несмотря на тяжелое для него положение, Кенесары продолжал борьбу. Казахские старшины, враждовавшие с киргизскими манапами, решили воспользоваться движением Кенесары для сведения счетов со своими противниками. В свою очередь и Кенесары воспользовался раздорами казахов Старшего жуза с тяньшаньскими киргизами и сумел утвердить свою власть над рядом казахских родов Старшего жуза.

Предшествующие годы беспрерывных военных действий совершенно подорвали материальную базу движения Кенесары. Вместе со своими воинами — толенгутами, он уже до этого жил в значительной степени за счет грабежа населения. Теперь, ограниченный в своих действиях среди казахских жузов, он считал наиболее подходящим объектом грабежа и сбора дани северокиргизские племена. Наряду с этим Кенесары стремился использовать киргизов в войне против преследовавших его отрядов царских войск.

Осенью 1845 г. Кенесары послал своих представителей к киргизам с требованием признать его ханом и уплатить ему зякет. В специальном письме к влиятельным сарыбагышским манапам Ормону и Джантаю Кенесары писал: «Цель моего прихода сюда — не враждовать и проливать кровь, а соединить силы киргизов и каракиргизов в одно, отделить их от Коканда и вообще освободить от притеснений кокандцев. Между тем случились некоторые нежелательные дела. Теперь на все, происшедшее между нами, я объявляю *салават* и прощаю ваше неразумие. Что я не питаю злобы, можете видеть из того, что выпускаю на свободу невредимыми Халча-бия и его двести джигитов. По получении этого письма удалите из сердца опасения и сомнения и явитесь ко мне, чтобы соблюсти обряды покорности и тем достичь высокой степени счастия; после чего вы возвратитесь домой. Если же это предложение не придется вам по сердцу и вы не откажетесь от вражды, то отвечайте сами за свою судьбу»[1].

[1] *Е. Т. Смирнов,* Султаны Кенисара и Садык. Биографические очерки султана Ахмета Кенисарина, Ташкент 1889, стр. 17. Салават — особая отпустительная молитва; в переносном значении — всепрощение, полное прекращение всяких исков и споров между враждующими сторонами.

Стремление подчинить киргизов своей власти Кенесары прикрывал лозунгом совместной борьбы против господства кокандского хана. Кенесары учитывал, что призыв к борьбе против кокандского ига может найти среди киргизов поддержку и поднимет его популярность. Освобождение Калча-бия и двухсот джигитов, взятых в плен в одном из первых столкновений Кенесары с киргизами, также было вызвано этими соображениями. Но все эти попытки Кенесары не могли прикрыть уже ясно обнаруживший агрессивный и грабительский характер его действий в отношении киргизов.

Посольство передало требование Кенесары о признании киргизами его власти. Киргизские манапы, посоветовавшись между собой, ответили, что «ханскую власть следует отдать манапу Ормону, как старшему». Одновременно Ормон, Джантай и Джангарач созвали собрание представителей племен сарыбагыш, бугу, саяк, солто, черик, саруу, кушчу и других для определения отношения к Кенесары. На собрании было решено не выполнять требований Кенесары и готовиться к войне с ним [1].

Определенное значение в этих событиях имело то обстоятельство, что в рассматриваемый период в связи с внутренней борьбой и дворцовыми переворотами в Коканде Северная Киргизия в известной мере становилась самостоятельной. В кокандских крепостях стояли незначительные гарнизоны, которые даже не обеспечивали сбор зякета с киргизского населения. Это, с одной стороны, облегчало нападение Кенесары, с другой же стороны, усиливало решимость киргизов бороться против Кенесары, несшего им новое иго.

Не говоря об Ормоне, претендовавшем на ханскую власть, прочие киргизские манапы так же решительно протестовали против притязаний Кенесары. В стремлении Кенесары манапы видели попытку лишить власти всех представителей киргизской феодально-родовой знати.

В этих условиях переговоры с Кенесары не дали результатов. Обе стороны, преследуя свои корыстные цели, стремились приобрести безраздельную власть над киргизским народом. Но главным и решающим фактором явился протест киргизских народных масс против агрессивных и грабительских действий Кенесары.

[1] Рукописный фонд ИИ АН Кирг. ССР, оп. 172.

Получив отрицательный ответ на свои требования, Кенесары созвал совещание преданных ему биев и султанов, где было принято решение «наказать» киргизов. В конце 1845 г. Кенесары начал активные действия против северокиргизских племен. Они должны были привести и действительно привели к столкновению Кенесары с Кокандским ханством на территории Северной Киргизии. Нападая на аилы киргизов, Кенесары в том же году столкнулся с гарнизонами кокандских крепостей Ит-Кечуу и Мерке. Ит-Кечуу был разорен, а комендант Мерке откупился.

В 1846 г. Кенесары неоднократно нападал на аилы солтинских родов джайл, талкан и бёлёкпай и сарыбагышского рода тынай. В том же году казахским батыром Старшего жуза Шооруком по подстрекательству Кенесары был вероломно убит известный солтинский батыр Джамангара с группой его сторонников. В ответ небольшой отряд киргизов напал на аил Шоорука, перебил его джигитов, убил его самого и угнал табуны лошадей. Это событие и было использовано Кенесары как повод для нового нападения на киргизов.

В этот момент солтинский манап Джангарач, аилы которого оказались под непосредственной угрозой нападения Кенесары, предпринял попытку к мирному урегулированию своих отношений с ним. С этой целью он послал к Кенесары делегацию во главе с бием Тыналы. Но Кенесары, уже готовый к походу, не принял его мирных предложений и вторгся в пределы киргизских кочевий, использовав в качестве проводника главу депутации Джангарача — бия Тыналы [1]. Кенесары напал на кочевья племени сарыбагыш и сильно разорил аилы рода тынай, виднейшие батыры которого — Калпак, Ормонбек, Суванбек и другие вместе с их джигитами погибли. Малочисленные кокандские гарнизоны чуйских крепостей не могли обеспечить защиту киргизских аилов от нападения Кенесары и отсиживались в укреплениях.

Кенесары вел свои войны варварским методом, с необычайной жестокостью. Он сжигал киргизские аилы и

[1] Как сообщает киргизский фольклорный материал, остальные члены депутации были задержаны, а один из них зарезан как жертва перед предстоящим походом, и кровью его Кенесары окрасил свое боевое знамя.

не щадил ни детей, ни стариков. Невероятные жестокости Кенесары усилили всеобщее возмущение киргизского народа. Это обстоятельство давало большую силу киргизским манапам, в частности Ормону, выступившему в качестве организатора борьбы. На войну поднялось почти все население Северной Киргизии, оказавшее чрезвычайно упорное и гибельное для Кенесары сопротивление.

Весной 1847 г. Кенесары предпринял решительное наступление. К этому времени положение киргизов несколько укрепилось благодаря установлению связи с русской администрацией Западной Сибири, которая призвала их решительно действовать против Кенесары, обещая в случае необходимости вооруженную помощь. Это вселило в киргизов уверенность в победе и усилило сопротивление.

Такова была обстановка, когда в апреле 1847 г. Кенесары вторгся в Киргизию. Он имел более 10 тысяч человек войска, из которых 1500 были вооружены ружьями, на вооружении его отряда имелись две пушки. История этого последнего похода Кенесары против киргизов неоднократно освещалась в исторической литературе. Кенесары столкнулся с подлинной национально-освободительной борьбой киргизского народа и в сражении при Майтобе был разбит, захвачен в плен и погиб в плену насильственной смертью.

В жестокой борьбе с Кенесары киргизы не получали никакой помощи от кокандских властей, что способствовало значительному упадку власти хана над северокиргизскими племенами и усилению независимости отдельных манапов. На Тянь-Шане особенно выделялся один из предводителей племени бугу — Табылды-батыр, который неоднократно возглавлял восстания против Коканда и долго боролся с наместником хана Мамыразыком, комендантом укрепления Куртка. Ч. Валиханов указывал: «Во время кипчаков киргизский родоначальник Алимбек-датха, ныне кокандский визирь, враждуя с кипчаками, ушел на Нарын и поднял всех киргизов. Куртка была осаждена, комендант кипчак вызван на переговоры и изменнически убит. Мамыразык сам подвергся неоднократно осаде» [1].

[1] *Ч. Ч. Валиханов,* указ. соч., стр. 387.

Еще более серьезную опасность для хана представляли племена сарыбагыш и солто в Чуйской долине и бугу в Иссыккульской котловине. Победа над султаном Кенесары значительно усилила эти племена. Манап Ормон объявил себя ханом, открыто стремясь к образованию самостоятельного ханства киргизов. Но кокандское правительство не думало отказываться от господства над Северной Киргизией. Напуганный действиями Ормона Мусульманкул стянул крупные силы к крепости Аулие-Ата. Военные силы хана явно превосходили силы киргизов и численностью, и вооружением, и организацией. Поэтому киргизские правители в поисках поддержки спешно обратились к русским властям Западной Сибири. Для того чтобы обеспечить себе эту поддержку, они даже заявили о своем желании принять подданство Российской империи. В. В. Бартольд сообщает: «Урман извещал (русские власти.— *Б. Д.*) о прибытии в Аулие-Ата кипчаков (из Кокандского ханства) с требованием покорности от киргиз, и о своем решении не подчиняться этому требованию, даже если бы ему пришлось ради этого перейти на северную сторону Или (к русским)» [1].

Таким образом, в конце 40-х годов киргизы Чуйской долины и Иссыккульской котловины, будучи не в силах сами отстоять свою независимость от Коканда, вынуждены были обратиться к правительству Российской империи с просьбой об оказании военной поддержки против хана. Такое заявление было сделано крупнейшими правителями киргизов Чуйской долины Ормоном и Джантаем, стоявшими во главе племени сарыбагыш, Джангарачем, стоявшим во главе племени солто, и Боромбаем, стоявшим во главе племени бугу [2].

Поражение Кенесары Касимова создало благоприятную обстановку для дальнейшего продвижения русских отрядов в сторону Заилийского края и Северной Киргизии. После поражения Кенесары в Центральном Казахстане преследовавшие его отряды царских войск, продвигаясь в глубь Семиречья, в 1847 г. основали Копальское укрепление, соединенное с Аягузским приказом пикетами и ставшее опорным пунктом дальнейшей колонизации Заилийского края. Но все же киргизские кочевья находи-

[1] *В. В. Бартольд,* указ. соч., стр. 69.
[2] ЦГИАМ, ф. 1440, оп. 1, д. 2, л. 59.

лись от русских укреплений на весьма значительном расстоянии. Реальной помощи киргизам в их борьбе против Коканда русские власти оказать не могли. Понимали это и киргизские манапы. Естественно, что русские власти Западной Сибири в тот период не придавали серьезного значения вопросу принятия киргизов в российское подданство, считая, что просьбы о подданстве приносятся только с целью получения поддержки против Кокандского ханства. Вскоре киргизы, не доводя дела до решительных военных столкновений, были вынуждены признать зависимость от хана. Но эта зависимость была значительно слабее, чем прежде. Фактически киргизы не только в решении вопросов внутренней жизни, но и во внешних сношениях действовали самостоятельно.

Северокиргизские племена одновременно с кокандской агрессией подвергались постоянной угрозе закабаления со стороны феодального Китая. Ряд пограничных с Китаем киргизских племен — чонбагыш, черик, частью бугу — продолжали иногда платить дань Китайской империи. Поэтому северокиргизские племена почти всегда принимали участие в выступлениях народов Восточного Туркестана против гнета китайских феодалов и чиновников.

В 40-х годах XIX в. пограничные с Китаем киргизские племена стали делать набеги на Кашгарию. Малочисленные китайские гарнизоны оказались не в силах бороться с ними. Набеги киргизов подняли дух ходжей, мечтавших о восстании с целью восстановления своей власти.

Вскоре этими набегами воспользовался Катта-тюра, один из претендентов на кашгарский престол из ранее правившей династии ходжей, который «с небольшими силами, составленными большей частью из кашгарских эмигрантов и дикокаменных киргизов, подступил осенью 1847 года к Кашгару» [1]. Катта-тюра разослал своих посланцев ко всем киргизским племенам. Еще в Ферганской долине к нему присоединились значительные отряды киргизов под начальством Алым-бия и Кыдыр-бия [2]. Но племена сарыбагыш и солто не приняли участия в этой

[1] *Ч. Ч. Валиханов,* указ. соч., стр. 138.
[2] См. *В. Наливкин,* Краткая история Кокандского ханства, стр. 168.

борьбе. Одной из причин их отказа было категорическое требование русских властей Западной Сибири, к которым в свое время обращались правители указанных племен, не принимать участия в восстании ходжей, поскольку Россия находилась в дружественных отношениях с Китаем.

В. В. Бартольд указывает: «Наконец, он (Ормон.— *Б. Д.)* упоминал об обращенной к киргизам просьбе кашгарских ходжей о помощи против китайцев... В своем ответе русский пограничный начальник желал Урману успеха в борьбе с кипчаками и просил не вмешиваться в китайские дела ввиду дружественных отношений между Россией и Китаем» [1].

Катта-тюра, хотя и не получил поддержки киргизов, вскоре занял Кашгар. Однако после временного успеха при новом столкновении «18-тысячное войско Катта-тюры, состоявшее из разного сброда, было разбито 6-тысячным китайским авангардом и бежало. Бегство ходжей и их войск повлекло за собой и эмиграцию до 20 000 семейств, т. е. около 100 000 человек из города Кашгара, а отчасти Яркенда и Аксу» [2]. В результате над Кашгаром вновь установилась власть маньчжуров. Но попытки поднять новое восстание в Восточном Туркестане не прекращались и после этого неудачного выступления. Пограничные киргизы по-прежнему продолжали принимать участие в этих движениях. К началу 50-х годов Кокандскому ханству удалось вновь укрепить свое господство почти над всеми северокиргизскими племенами. Южную Киргизию все эти бурные события почти не задевали. Но укрепление господства Коканда над северокиргизскими племенами оказалось непродолжительным. Воспользовавшись борьбой между Бухарой, Хивой и Кокандом, а также внутренними раздорами в этих ханствах, Российская империя начала успешное наступление на Среднюю Азию. В начале 50-х годов Кокандское ханство потерпело серьезные неудачи в столкновениях с Россией и потеряло ряд своих крепостей на Сыр-Дарье. Этому способствовала наряду с другими обстоятельствами вновь обострившаяся в ханстве жестокая борьба между различными группировками феодалов — кочевниками-кипчаками, с одной стороны, и оседлой

[1] *В. В. Бартольд,* указ. соч., стр. 69.
[2] *А. Н. Куропаткин,* указ. соч., стр. 120—121.

частью феодалов, городской знатью и торгово-купеческими элементами — с другой. Внутренние войны окончательно подорвали Кокандское ханство.

В 1853 г. в Коканде произошло так называемое «избиение кипчаков», которое было подготовлено противниками Мусульманкула с участием самого Худояр-хана, искавшего избавления от своего всемогущего регента. Мусульманкул, установив над Худояр-ханом твердую опеку в годы его малолетства, продолжал ее и после его совершеннолетия. А. Л. Кун отмечает: «Тяжела была суровая опека Мусульманкула и для самого молодого хана, которого Мусульманкул держал почти взаперти, и хотя исполнял все его прихоти и обращался с ним с наружным почтением, но удалял его от государственных дел, не допускал к нему посторонних лиц и даже не давал ему достаточно денег, опасаясь, чтобы посредством подарков хан не приобрел себе друзей» [1].

Хан в борьбе против своего опекуна нашел опору у феодальной знати оседлых узбеков и городской знати, пострадавших в 1842 г. и позже, при Мусульманкуле. Для свержения Мусульманкула его противники и хан решили нанести удар по кипчакам и по тем киргизам, на которых он опирался. Мусульманкул, хотя замечал явные признаки подготавлявшегося против него заговора, не сумел своевременно его предупредить. А. Л. Кун сообщает: «Ташкентские войска, предводительствуемые кушбеги Нур-Мухамедом, у которого Худояр просил помощи против сильного временщика, двинулся к Кокану. Мусульманкул, не подозревая, что ташкентский правитель возбужден к восстанию самим Худояром, выступил с войском против Нур-Мухамеда и взял с собой молодого хана. Ночью, когда обе враждебные армии, сошедшиеся на половине пути между Ташкентом и Коканом, готовились вступить в жаркий бой, Худояр тайно перешел к неприятелю и был принят Нур-Мухамедом с большими почестями. В виду такого неожиданного оборота дела, не потеряв присутствия духа и не дав коканскому войску узнать о случившемся, Мусульманкул смело вступил в сражение и выиграл победу. Войска Нур-Мухамеда были разбиты, и молодой хан попался в плен. Мусульманкул, однако ж, был настолько

[1] *А. Л. Кун,* указ. соч., стр. 420.

великодушен к пленнику, что охотно помирился с ним и оставил его на ханском престоле» [1]. Мусульманкул не вел решительной борьбы и с остальными главарями заговора.

Через полгода, в октябре 1853 г., воспользовавшись неудачами Мусульманкула в борьбе с взбунтовавшимися ташкентским, уратюбинским и ходжентским правителями, заговорщики снова попытались покончить с Мусульманкулом и поддерживавшими его кипчаками. Заранее подготовившись и тайно вооружив часть населения Коканда, 9 октября они начали резню. Главную роль играли военные силы, прибывшие из Ташкента. Однако некоторым кипчакским главарям удалось бежать из Коканда. Они расположились в кипчакских кочевьях в местности Икису-арасы, но вскоре были разбиты там войсками хана, а Мусульманкул был взят в плен и казнен.

В донесении оренбургского генерал-губернатора приводятся следующие подробности этого события: «Сигнал раздался и все, кто держал сторону хана, солдаты и мирные граждане, бросились резать кипчаков, где ни находили их. Расположению к этому немало содействовало и разрешение хана грабить имущество преследуемых. В один день этот истреблено было в Коканде 1000 человек кипчаков. Затем повеление преследовать и убивать их разослано было ханом и по другим городам. В Ташкенте зарезано было более 40 человек, много подверглось той же участи и в других местах, тем не менее значительная часть кипчаков успела собраться между речек Ики-Су, где паслись преимущественно стада их и хранилось имущество. Сюда для истребления их послано было из Коканда сильное войско, к которому, привлекаемое надеждой на грабеж, присоединилось и множество народа, всего полагают стеклось из разных мест тысяч до 60. Кипчаков тоже набралось тысяч до 15 и начальствовал ими Мусульманкул. Не дожидаясь нападения, они первые бросились на кокандцев и судьба битвы долгое время оставалась неизвестной, более 10 000 человек убито было с обеих сторон, под конец кокандцы одолели, однако же преследуя бегущих, резали их, где они находили, не щадя даже малолетних детей и беременных

[1] *А. Л. Кун,* указ. соч., стр. 420—421.

женщин. Взятый живым Мусульманкул привезен был в Коканд и казнен особенно торжественным образом» [1].

Худояр приказал «стереть с лица земли всех кипчаков». «В день казни Мусульманкул был выведен на высокое место, устроенное в виде эшафота. Он был закован в цепи. Внизу эшафота, на глазах Мусульманкула, резали пленных кипчаков. Улицы и площади обагрились кровью и наполнились трупами казненных» [2].

«С этих пор, по приказанию избавившегося от опеки Худояр-хана, начинается страшное истребление кипчаков. Говорят, в продолжение трех месяцев было убито самым жестоким образом более 20 000 невинных жертв» [3]. Во время резни в Коканде и в других городах и селах ханства погибли многие военачальники и чиновники из кипчаков и киргизов. Уцелевших представителей кипчакских феодалов Худояр-хан отстранил от военной и гражданской власти и на их место назначил других лиц, принадлежавших к враждебной кипчакам группировке, в особенности из представителей оседлой землевладельческой аристократии и торгово-купеческой верхушки городского населения. Немало пострадало и киргизов, поддерживавших кипчаков. Влиятельнейшим лицом при дворе хана теперь сделался Касым, занявший должность мингбаши.

События 1852 г. сильно поколебали Кокандское ханство. Жестокая внутренняя война и массовая резня, а также разорение многих селений привели к серьезному ослаблению ханства как в материальном, так и в морально-политическом отношении. Это сказалось на дальнейшем поведении киргизских племен по отношению к ханству.

Киргизы, особено северные, воспользовавшись падением Мусульманкула и происходившими в Коканде событиями, снова стали отказываться платить зякет. Это привело к дальнейшему серьезному обострению отношений ряда племен с Кокандом. Гарнизоны кокандских крепостей не могли открыто действовать против непокорных киргизов. Только после окончательного подавления сопротивления сторонников Мусульманкула и водворения

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 14, док. 127.
[2] «По поводу событий в Коканде»,— газета «Голос» № 244, 1875 г.
[3] *А. Л. Кун,* указ. соч., стр. 421.

спокойствия в ханстве Худояр мог выслать подкрепление гарнизонам своих крепостей, расположенных на севере Киргизии. Но хану не так легко удавалось восстановить свою сильно пошатнувшуюся власть над северокиргизскими племенами. В 1852 г. один из главных манапов племени сарыбагыш Ормон в ответ на возросшую угрозу расправы со стороны хана даже обратился к русским властям с просьбой о принятии его с подвластным ему племенем в подданство России [1]. В сентябре 1853 г. с такой же просьбой от имени племени бугу обратились манапы Боромбай, Балбай и другие.

Пишпекский уездный начальник Талызин, отмечая ослабление зависимости северокиргизских племен от хана, писал: «По слабости военных сил кокандские власти не могли окончательно покорить себе кара-киргизские племена и большею частью сидели со своими солдатами в крепостях, не рискуя пускаться далеко от своих поселений для усмирения кочевников... Насколько кокандская власть была слаба в киргизских землях видно из того, что занимавшиеся торговлей сарты не решались без конвоя из киргизов ездить в степь, иначе их грабили. Торговцы обыкновенно обращались к защите почетного родовича-киргиза, который за вознаграждение давал провожатых» [2].

Такое же положение нередко создавалось и на юге Киргизии, в частности на Алае, где проживала компактная и многочисленная группа киргизских племен — адыгене, монгуш и другие. О них один из русских исследователей писал: «Киргизы, укрываясь в горных трущобах, никогда охотно не признавали ханского правительства и примыкали, смотря по обстоятельствам, к разным претендентам на ханский престол, а сторона «он» [3] была как бы самостоятельным государством до самого завоевания Ферганы русскими и имела государя, хотя не признававшегося ханами, из своего рода. Последним из этих государей была женщина, известная у русских под именем Алайской царицы» [4].

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 23, док. 24.
[2] *А. Талызин,* указ. соч., стр. 29, 30.
[3] То есть крыло киргизских племен.
[4] *Н. Ситняковский,* Таблица киргизских родов Ошского уезда— «Известия Туркестанского отдела РГО», т. II, вып. 1, 1900 г., стр. 58.

Киргизские племена, кочевавшие в глубине Тянь-Шаня и Памиро-Алая, при каждом удобном случае выходили из повиновения кокандскому хану. Начиная с 50-х годов XIX в., памирские киргизы племен теит, кыдырша, найман и кыпчак отказывались признавать власть Коканда, а когда образовалось государство Якуб-бека в Кашгаре, они массами служили у него в войске. Русские источники указывают, что «Якуб-бек для войны с китайцами пригласил их поступить к себе в войска, обещая родовичам чины есаулов, сотников и пр. Все годные к войне киргизы собрались на этот призыв и перешли к Якуб-беку, т. е. в Кашгар. После того как Якуб-бек отразил китайцев, большинство киргиз осталось у него на службе» [1].

Но самостоятельность, которой порой удавалось добиться отдельным племенам, оказывалась временной и нередко зависела от дворцовых переворотов и борьбы феодальных группировок в Кокандском ханстве.

В 1857 г. часть киргизских племен подняла восстание против Худояр-хана. Особенно активно выступали киргизы и казахи, кочевавшие в окрестностях крепости Аулие-Ата. Непосредственной причиной восстания явились произвол и насилия над населением наместника Худояр-хана в Ташкенте Мирза-Ахмата. «По своей жестокости и алчности,— писал Наливкин,— Мирза-Ахмат оказался слугою вполне достойным своего господина. Так, например, собирая с киргизов недоимки, он продавал их малолетних детей в рабство сартам. Киргизы сначала взвыли, а затем в 1857 году восстали» [2].

Напуганные размахом движения кокандские власти вынуждены были пойти на некоторые уступки в части сбора зякета. Но через год началось новое восстание, охватившее ряд районов Северной и Южной Киргизии. В восстании активное участие принимали также и казахи.

Командующий Сыр-Дарьинской линией в донесении оренбургскому генерал-губернатору от 7 июня 1858 г., касаясь причин восстания, писал: «Мирза-Ахмет выслал своих зякетчиков в каждый род и каждое отделение, дав им команду по 100 и по 200 человек. Эти зякетчики простерли свою дерзость до того, что назначили подать

[1] *Д. Л. Иванов,* Путешествие на Памир, стр. 239.
[2] *В. Наливкин,* Краткая история Кокандского ханства, стр. 187.

по одной тилле за каждую взрослую девочку за позволение выходить замуж; при этом разным бесчинствам не было конца, так, например, зякетчики свидетельствовали всех женщин по грудям, узнавали замужем ли она, или девица. Эти бесчинства, наконец, вывели из терпения киргизов, они убили прежде всего Мирзабия, брата правителя Ташкента, муллу Майсупа, пятисотенного начальника и других зякетчиков; после чего взбунтовались все киргизы на Алатоуских горах» [1].

Для подавления восстания из Ташкента выступил Мирза-Ахмат с крупными силами и около Аулие-Ата разбил восставших. Однако восставшие стали сосредоточиваться около крепости Пишпек. Почти все киргизы из племен солто и сарыбагыш, кочевавшие в Чуйской долине, а также таласские, частично и чаткальские киргизы приняли участие в этом восстании. Мирза-Ахмат послал в Пишпек отряды под начальством пяти пансатов. Но под Пишпеком они были полностью разбиты восставшими и понесли большие потери. Остатки их разгромленных сил бежали в Аулие-Ата. Преследуя их, восставшие вскоре осадили Аулие-Ата, где стоял с остальными силами Мирза-Ахмат [2]. Положение осажденного Мирза-Ахмата было очень трудным, и только прибытие из Коканда ханских войск под начальством брата хана Малля-бека и Шадман-ходжи спасло его. Малля-беку удалось вступить в переговоры с главарями восстания и добиться угрозами и обещаниями примирения. Это восстание, хотя и подавленное, показало всеобщую ненависть киргизского и казахского населения Чуйского края к кокандскому хану. Такое же отношение проявлялось и в Южной Киргизии, на Тянь-Шане и во многих других районах ханства. Этим воспользовался один из претендентов на ханский престол, брат Худояра Малля-бек. Киргизские и кипчакские феодалы, выдвинувшие на престол Малля-бека, используя народное движение против Худояр-хана, легко добились своей цели.

Особенно активную роль играли крупные представители южнокиргизских феодалов Хасан-бий и Алымбек-датха, которые в Гульче организовали Малля-беку ядро его будущих военных сил. В ряде сражений они разбили

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 20, док. 107.
[2] См. *В. Наливкин,* Краткая история Кокандского ханства, стр. 187.

ханские войска и, заняв Коканд, возвели на престол Малля-бека. После поражения при Ура-Тюбе бухарских войск, поддерживавших Худояра, положение Малля-хана упрочилось. Худояр бежал под защиту эмира в Бухару.

Но Малля-хану тоже не пришлось долго править. Относительно благоприятная международная обстановка после Крымской войны позволила царскому правительству в конце 50-х годов возобновить прерванную войной наступательную политику в отношении среднеазиатских ханств и прежде всего Кокандского ханства. Наступлению царизма благоприятствовало и то обстоятельство, что Кокандское ханство по-прежнему разъедали внутренние раздоры, жертвой которых в марте 1862 г. пал и Малля-хан.

Период владычества кокандцев был очень тяжелым для трудящихся масс киргизского народа. Кокандская колонизация не принесла киргизскому народу прогресса ни в экономическом, ни в культурном, ни в политическом отношении.

Прежде всего кокандская колонизация не могла создать в Киргизии твердо установленной формы правления. У киргизов по-прежнему не было никаких писаных законов, все основывалось на допотопном обычном праве — адате и нархе, которое толковалось феодально-родовой знатью в своих интересах. Начавший проникать в жизнь киргизов закон мусульманской религии — шариат также представлял собой отсталые формы правовых отношений, целиком служившие орудием защиты интересов господствовавшей феодальной верхушки, мусульманского духовенства и ханской власти.

Кокандское ханство не смогло прекратить разорительных родоплеменных распрей между киргизскими племенами, а также постоянные грабительские набеги между киргизами и соседними народами — казахами, калмыками, кашгарцами и другими. Эти распри продолжались и при кокандском владычестве. Они наносили огромный урон хозяйству кочевников и сильно тормозили развитие оседлой земледельческой культуры.

Частые дворцовые перевороты и жестокие войны феодальных группировок подрывали силу и мощь Кокандского ханства, расстраивали торговлю, разоряли сельское хозяйство, тормозили развитие ремесла. Политический хаос приводил к культурно-экономической деградации государства. Нескончаемые войны между Бухарой, Хивой и Кокандом пагубно влияли на подъем экономики и культуры всех народов Средней Азии.

Жестокий налоговый гнет и произвол ведших праздный, паразитический образ жизни ханов, ханских наместников и феодалов, отсутствие какой-либо заботы ханского правительства о подъеме хозяйства и культуры — все это обрекало общество и производительные силы страны на застой, способствовало консервации патриархально-феодальных отношений и примитивных форм хозяйства с допотопной техникой производства.

Невежественное духовенство, составлявшее в Коканде, так же как и в других среднеазиатских ханствах, многочисленную и влиятельную прослойку, проповедуя реакционные догмы ислама, одурманивало сознание народа, поддерживало в народе темноту, отсталость и вредные предрассудки. Настойчиво убеждая народ, что все в жизни происходит строго по велению и предписанию бога, темное и невежественное духовенство подавляло все передовые и прогрессивные идеи, подрывало у людей всякое стремление к активной деятельности, направленной к преобразованию и улучшению общественно-политических порядков и экономического строя. Призывая народ терпеть и переносить «тяжести и страдания этого мира», духовенство обещало народу радостную жизнь после смерти — в раю, «на том свете». Религиозная пропаганда, отравляя и затемняя сознание людей, приносила величайший вред. Несомненно, что в этом крылась одна из причин темноты и отсталости народа, застоя в развитии экономики и культуры.

В период господства Коканда заметных прогрессивных сдвигов не произошло и в области народного просвещения. Киргизский народ оставался сплошь неграмотным, наука и литература на родном языке вообще не существовали. Кое-где при мечетях кокандцы организовали начальные духовные школы — мектебы, которые, однако, являлись орудием насаждения ислама, но не распространения грамотности среди населения. В таких начальных духовных школах учились лишь сыновья представителей феодально-родовой верхушки. Но, обу-

чаясь на непонятном для них арабском языке, они и через семь лет не умели писать, так как все обучение сводилось к зубрежке и заучиванию непонятных текстов.

Заметных сдвигов не произошло и в экономике. Кокандские ханы сохраняли в Киргизии старые, патриархально-феодальные порядки. Киргизы оставались кочевниками. Правда, кокандские колонисты стали обрабатывать землю и разводить фруктовые сады вокруг некоторых крепостей, но киргизы в условиях непрекращающихся межплеменных феодальных войн слабо воспринимали земледельческую культуру. Тяжелый налоговый гнет и произвол чиновников и феодалов доводили трудящиеся массы до разорения и нищеты.

Таким образом, киргизский народ под властью Кокандского ханства жил не лучше, чем в период владычества китайских императоров или джунгарских ханов. Именно поэтому с приближением к границам Киргизии военных сил России киргизские племена стали проявлять желание принять подданство России, рассматривая это как путь к избавлению от тогдашнего тяжелого положения и тая надежду на лучшую жизнь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

НАЧАЛО УТВЕРЖДЕНИЯ ВЛИЯНИЯ РОССИИ В СЕВЕРНОЙ КИРГИЗИИ

В начале второй половины XIX в. Киргизия вошла в состав Российской империи.

Как указывалось, одной из основных причин, толкавших киргизские племена принять подданство России, явилось их тяжелое положение под властью Кокандского ханства. Стремление киргизского народа сбросить иго кокандских ханов и феодалов, разорительные межплеменные войны, необеспеченность внешней безопасности, в частности угроза нового порабощения со стороны Цинской империи,— все это заставило киргизов в первой половине XIX в. искать покровительство и защиту у Российской империи, которая являлась более передовой в культурном и экономическом отношении, а также более могущественной в военном отношении страной среди всех других соседей Киргизии.

Немаловажное значение имела заинтересованность киргизских племен в установлении и развитии непосредственных торговых связей с Россией. Русское правительство со своей стороны было заинтересовано в Киргизии как рынке сбыта для развивающейся капиталистической промышленности России и как источнике дешевого сырья, в частности хлопка и продуктов скотоводства.

Это стремление вытекало прежде всего из основной экономической закономерности развивающегося русского

капитализма. «Всякая страна,— писал Ленин,— с быстро развивающейся капиталистической промышленностью очень скоро приходит к поискам колоний, т. е. таких стран, в которых слабо развита промышленность, которые отличаются более или менее патриархальным бытом, куда можно сбывать продукты промышленности и наживать на этом хорошие деньги» [1].

В середине 20-х годов XIX в. вывоз товаров из России в Среднюю Азию по сравнению с началом XIX в. возрос с 1 до 4 миллионов рублей, а ввоз из Средней Азии в Россию — с 2 до 6 миллионов рублей. За десять лет — с 1840 по 1850 — товарооборот России со Средней Азией увеличился на 40 процентов [2].

В этот период в России происходило разложение крепостнического хозяйства, складывались буржуазные отношения. Россия вступила на путь капитализма. Особенно быстро развивалась хлопчатобумажная промышленность. Дальнейшее развитие капитализма, которое после отмены крепостного права пошло более быстрыми темпами, требовало расширения рынков сбыта и источников сырья.

Анализируя процесс развития капитализма в России, В. И. Ленин отмечал, с одной стороны, развитие капитализма вглубь, с другой стороны, развитие капитализма вширь, «могучее стремление развитого капитализма расшириться на другие территории, заселить и распахать новые части света, образовать колонии, втянуть дикие племена в водоворот мирового капитализма». Далее В. И. Ленин писал: «В России это последнее стремление капитализма особенно рельефно сказалось и продолжает сказываться на наших окраинах, колонизация которых получила такой громадный толчок в пореформенный, капиталистический период русской истории. Юг и юго-восток Европейской России, Кавказ, Средняя Азия, Сибирь служат как бы колониями русского капитализма и обеспечивают ему громадное развитие не только вглубь, но и вширь» [3].

Несмотря на остатки крепостничества, тормозившие развитие капитализма после отмены крепостного права,

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 4, стр. 348.
[2] См. «История Узбекской ССР», т. I, кн. 2, Ташкент 1956, стр. 78.
[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. 4, стр. 76.

в России крупные фабрики росли так быстро, что не могли уже удовлетворяться прежними размерами рынка; они стали искать себе новые рынки дальше, среди населения окраин страны. Узость внутреннего рынка в России вследствие низкой покупательной способности населения толкала на поиски рынков в других странах.

По отношению к Бухаре, Хиве и Коканду Россия выступала как развитая в промышленном отношении страна. На среднеазиатских рынках продукция русской фабрично-заводской промышленности всегда находила выгодный сбыт. Кочевники предъявляли особенно широкий спрос на русскую продукцию, которую они получали обычно через кокандских и бухарских купцов, что вело к удорожанию товаров. Установление непосредственных торговых связей было выгодно не только русским купцам, но и киргизским племенам.

Среднеазиатские ханства и Казахстан имели важное значение не только как рынок сбыта, но и как источник сырья для развивающейся капиталистической промышленности России.

Вывоз хлопка из Средней Азии в Россию непрерывно увеличивался. Это видно из следующих данных [1]:

Годы	Среднегодовой вывоз хлопка из Средней Азии в Россию (в тыс. пудов)
1821—1825	70
1836—1840	320

Значение вывозимого из Средней Азии хлопка особенно возросло в связи с гражданской войной в США в 1861—1865 гг. Если в 1861 г. ввоз хлопка в Россию по европейской границе составлял 2491 тысячу пудов, то в 1863 г. он составил только 587 тысяч. В то же время ввоз хлопка по азиатской границе в 1861 г. составлял 152 тысячи пудов, а в 1864 г.— 704 тысячи. Одновременно поднялись цены на среднеазиатский хлопок. Если на Нижегородской ярмарке в 1861 г. пуд хлопка стоил

[1] См. «Советское Востоковедение», т. II, АН СССР, 1941 г., стр. 19.

от 4 до 5 рублей, то в 1864 г.— от 22 до 23 рублей[1]. Такое повышение цен привело к сокращению производства. Если в 1860 г. работало 57 прядильных и 659 ткацких фабрик, то в 1863 г.— только 35 прядильных и 338 ткацких[2]. Тяжелое положение с сырьем для хлопчатобумажной промышленности России делало проникновение в Среднюю Азию особенно важным.

Но Киргизия интересовала русское правительство не только как рынок сырья для хлопчатобумажной промышленности (в то время хлопок уже возделывался на юге Киргизии), но и как рынок, где можно было закупать скот и продукты скотоводства — шерсть, кожи, пушнину, сало, в сбыте которых в свою очередь было заинтересовано и местное население.

Однако и этим не ограничивалось значение Киргизии для капиталистической России. Присоединение Средней Азии и Казахстана создавало новые объекты государственного налогового обложения, что имело важное значение для укрепления финансового положения самодержавия. После крестьянской реформы 1861 г. существенным моментом стало также стремление царского правительства создать новые области для переселения безземельных и малоземельных крестьян из центральных областей и этим путем ослабить острую борьбу вокруг аграрного вопроса в России. Реформа 1861 г., проведенная с максимальным учетом интересов помещиков, не разрешила этот вопрос, и в пореформенный период угроза аграрной революции не была устранена. Поэтому переселение наиболее «беспокойных элементов» из крестьян царское правительство рассматривало как один из способов решения аграрного вопроса.

Известно, что после реформы 1861 г. крестьяне были вынуждены на самых тяжелых условиях арендовать помещичью землю. В. И. Ленин отмечал, что пресловутое «освобождение» крестьян было бессовестнейшим грабежом, рядом насилий и сплошным надругательством над ними. Наряду с денежной арендой получили широкое развитие отработки, когда крестьяне своим инвентарем обрабатывали помещичьи земли исполу или на других кабальных условиях. Отработки являлись не чем иным, как продолжением старой барщины.

[1] См. «История Узбекской ССР», т. I, кн. 2, стр. 86.
[2] См. там же.

Один из видных деятелей царской администрации, граф К. К. Пален, выражая официальное мнение правительства о значении присоединения Средней Азии и Казахстана, писал: «Если не считать мотивов политического характера, имевших значение при завоевании Туркестана, этот край с первых же дней присоединения его к России представлял для русского правительства двоякий интерес: 1) с точки зрения финансовой политики, как источник государственных доходов и как новый рынок для продуктов внутреннего производства и 2) с точки зрения колонизационной политики, как новая область для перемещения избытков населения из центральных губерний... Богатая природа Туркестана, далеко еще не использованная, должна способствовать производству ценных продуктов, земельный же простор края, хотя и не везде достаточно удовлетворительный по качеству, не может не привлекать к себе своим необъятным пространством»[1].

Во второй четверти XIX в. начали устанавливаться более регулярные, чем ранее, торговые связи России с Кашгарией и Кульджинским краем. Русские купцы стремились к установлению прямых, без посредничества среднеазиатских купцов, торговых связей с Западным Китаем. Через территорию Киргизии пролегал важный караванный путь из России и среднеазиатских ханств в Кашгарию и другие провинции Западного Китая.

Существенным обстоятельством, толкавшим царское правительство на присоединение Средней Азии и в частности Киргизии, была агрессивная политика английской буржуазии на Востоке. Англия еще во второй половине XVIII в., вытеснив своих европейских соперников из Индии, захватила большую часть этой страны и обосновалась там в соседстве с многими мелкими и слабыми феодальными государствами. В дальнейшем под предлогом защиты своих индийских владений Англия стала стремиться к захвату и соседних стран: Афганистана, Ирана, западных провинций Китая, а также Бухары, Хивы и Коканда.

[1] *К. К. Пален,* Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, ч. 1, отдел I, Спб. 1911, стр. III. Приложение к отчету по ревизии Туркестанского края, произведенной сенатором, гофмейстером графом К. К. Паленом.

На эти слаборазвитые страны английская буржуазия смотрела не только как на объект эксплуатации, но и как на удобный плацдарм для борьбы против Российской империи, которая в это время выступала наиболее серьезным соперником Британской империи на Востоке. Толкуя о защите своих восточных владений, искусственно создавая шумиху вокруг «нависшей угрозы» со стороны России, английские дипломаты рассчитывали морально и политически подготовить для Британской империи очередные захваты.

Начиная с 20-х годов агенты Ост-Индской компании под видом путешественников и торговцев, а затем уже открыто стали посещать среднеазиатские ханства. Вскоре Англия приступила к прямому захвату соседних с Индией государств. В 1838—1839 гг. Англия напала на Афганистан. Захват этой страны давал Англии возможность укрепиться на подступах к Средней Азии. Уже в период временных успехов англичан в Афганистане в пределах среднеазиатских ханств стали появляться отдельные отряды англо-индийских войск. Но Англии не удалось прочно закрепиться в Афганистане. Зимой 1841—1842 гг. английские войска, потерпев поражение от афганцев, вынуждены были оставить их территорию, что временно устранило нависшую над Средней Азией угрозу со стороны Англии.

В захваченных колониях английская буржуазия подвергала местное население беспощадной эксплуатации. Под тяжестью колониального гнета трудящиеся массы индийского населения все больше впадали в нищету. Были случаи вымирания целых селений от голода.

В 1857 г. вспыхнуло героическое национально-освободительное восстание индийского народа против английских колонизаторов. С большим трудом английскому правительству удалось подавить это восстание. Необходимость укрепления пошатнувшегося положения в Индии привела к временному ослаблению колониальной экспансии английской буржуазии на Востоке. Но было ясно, что Британская империя делает лишь временную передышку и вскоре с новой силой перейдет к колониальным захватам и направление этой экспансии будет обращено снова на Афганистан и далее в сторону Западного Китая и Средней Азии. Этой передышкой поторопилось воспользоваться русское правительство, которое

в свою очередь стремилось «к завоеванию все большей части Азии.., систематически проводя соответствующую политику и используя для этого всяческие противоречия и столкновения между великими державами» [1].

Дипломаты и видные деятели царской внешней политики, руководящие военные круги, в том числе назначенный в 1851 г. оренбургским и самарским генерал-губернатором генерал В. А. Перовский, особенно настаивали на активных действиях против Средней Азии. Такой же политики придерживался и назначенный на его место в 1858 г. А. А. Катенин. На необходимость наступательной политики в Средней Азии указывало и военное министерство.

Таковы были основные причины, толкавшие царское правительство на присоединение Средней Азии к России, в результате которого создавались новые границы империи, огражденные естественными преградами — величественными хребтами Тянь-Шаня и Памиро-Алая.

Присоединение Киргизии к России развивалось на широком фоне колониальной экспансии царизма в Казахстане и в среднеазиатских ханствах и занимало важное место в общем плане утверждения русского господства в этих странах.

В 1822 г. в Среднем жузе был введен «Устав о сибирских киргизах», укрепивший господство России над значительной частью казахских племен. В 1831 г. со стороны Западной Сибири колонизационным движением Российской империи охватывается территория казахов до реки Аягуз и основывается Аягузский внешний округ. Одновременно колонизационное движение велось и со стороны Оренбурга. В 1839 г. была организована «хивинская» экспедиция Перовского. В 1844 г. создается Ново-Петровское укрепление на Манглышлакском полуострове. В 1845 г. воздвигается Уральское укрепление на реке Иргиз и Оренбургское укрепление на реке Тургай. В 1847 г. в устье Сыр-Дарьи основывается Раимское укрепление, в 1848 г.— форты Карабутак и Кос-Арал. В 1848—1849 гг. организуется флотилия на Аральском море. В 1853 г. на Сыр-Дарье построено новое укрепление — Форт № 1. В том же году была взята на Сыр-Дарье крупная кокандская крепость Ак-Мечеть и на ее месте

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 23, стр. 116.

построен форт Перовский. Таким образом, военные силы царской России, двигаясь от Аральска по Сыр-Дарье, в короткий срок проникли в пределы Кокандского ханства. Возникла укрепленная Сыр-Дарьинская линия.

Со стороны Западной Сибири к этому времени колонизационное движение уже охватило пределы Семиречья: на реке Копал в 1847 г. основано укрепление Копал, ставшее опорным пунктом на территории казахов Старшего жуза. В 1854 г. в Заилийском крае, в центре кочевий Старшего жуза основывается укрепление Верное. Это означало начало прочного утверждения господства России в Семиречье.

В 1864 г. военный министр Д. А. Милютин и министр иностранных дел князь А. Д. Горчаков, подводя итоги дипломатической и военной деятельности правительства царской России в Казахстане и Средней Азии, в записке на имя императора писали: «Кочевое племя киргизов (то есть казахов и киргизов.— *Б. Д.*), населяющее всю степную часть Турана, от Тянь-Шаня до Каспийского моря и от Иртыша и Урала до Сыр-Дарьи, приняло русское подданство... Первый шаг к упрочению русской власти в степи был сделан в 1822 г. введением между киргизами более правильного управления. Затем в 30-х годах для прекращения беспорядков между кочевыми племенами и для ограждения их от вторжения соседних ханств приступлено к постройке в степи нескольких укреплений. Таким образом, постепенно поднимаясь далее к югу, отыскивая тот рубеж, который мог бы служить естественной границей и прикрытием наших владений, в 1854 г. мы со стороны Западной Сибири дошли до озера Иссык-Куль и р. Чу, со стороны же Оренбургского края заняли нижнюю часть течения Сыр-Дарьи рядом укреплений» [1].

К середине 50-х годов влияние Российской империи утверждается над южным Казахстаном. Теперь уже колонизационное движение со стороны Сибири идет через Аягуз, Копал и Верное в направлении Северной Киргизии. Устанавливаются более близкие экономические и политические связи северокиргизских племен с Россией.

Продвижение в сторону Северной Киргизии и Кульджинского края должно было привести российское правительство к столкновению с Китаем. Но Китай к 50-м годам XIX в. утратил свое былое значение и уже не представлял для колонизационного движения России серьезного препятствия.

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 28, док. 326.

В условиях беспрерывных восстаний обнищавших крестьян в различных районах страны слабый феодальный Китай становился объектом колониальных устремлений европейского и американского капитализма. Попытки маньчжурского правительства противодействовать проникновению в Китай влияния иностранных государств, в частности расширению исключительно вредной для населения опиумной торговли, привело в 1839 г. к так называемой «первой опиумной войне». Эта война кончилась поражением Китая, вынужденного заключить с Англией первый неравноправный договор. Вслед за этим, угрожая войной, такие же неравноправные договоры с Китаем подписали США и Франция. Китай начал превращаться в зависимую, полуколониальную страну.

Таким образом, положение Цинской империи к концу первой половины XIX в. благоприятствовало колонизационному движению Российской империи в сторону Заилийского края и Северной Киргизии. Облегчали это движение и обращения киргизских племен к России с просьбой о защите и покровительстве. Притесняемые и угнетаемые соседними феодальными государствами, разоряемые бесконечными раздорами манапов, массы киргизского народа искали покровительства России. К тому же начинали стремиться и отдельные феодально-родовые правители киргизов, рассчитывая на поддержку русских властей прежде всего в междоусобной борьбе. В этих условиях развитие экономических и политических связей киргизских племен с Россией завершилось присоединением Северной Киргизии к России в 1855—1867 годах. Правительство царской России, осуществлявшее колонизационную политику в отношении Средней Азии, поддерживало освободительное движение киргизов против Коканда и положительно относилось к их просьбам об оказании покровительства и в отношении приема в подданство империи. Однако этот процесс протекал не без протестов некоторых манапов, хотя в целом присоединение носило мирный и добровольный характер.

Первые официальные связи киргизских племен с Россией относятся еще к концу XVIII в. В 1786 г. из Тянь-Шаня сарыбагышским бием Атаке было отправлено посольство ко двору Екатерины II с просьбой об оказании покровительства.

В 1812 г. отправляет своих посланцев к генерал-губернатору Западной Сибири одно из многочисленных киргизских племен — бугу. Посланцы были на приеме у генерал-губернатора Глазенапа в Тобольске и просили о принятии племени под покровительство Российской империи. В 1824 г. в Россию было отправлено вторичное посольство бугинцев. Их обращения были связаны не только с притеснениями соседних государств, но и с усилившимися междоусобицами в среде самих киргизов. Нападения саяков, сарыбагышей и других племен наряду с опасностью порабощения со стороны Кокандского ханства и Цинского Китая заставили бугинцев вновь отправить своих посланцев в Семипалатинск и Омск с просьбой оказать им покровительство и защиту как от нападений других племен, так и от агрессии и притеснений соседних государств. Бугинцы просили прежде всего защиты «от междоусобных раздоров и грабительств, возникших у них с некоторого времени в сильной степени». Излагая желание вступить в подданство России, они писали: «Мы же известились, что подданные государя императора киргизы (то есть казахи.— *Б. Д.*), пользуясь покровительством, живут спокойно, а потому и мы изъявляем свое желание быть подданными государя...» [1]

Царское правительство со своей стороны в целях развития торговли с Китаем и Кокандом было заинтересовано в утверждении своего влияния над киргизскими племенами, кочевавшими на караванных путях. Поэтому генерал-губернатор Западной Сибири дал положительный ответ на просьбу бугинцев.

Отряд хорунжего Нюхалова, сопровождавший в обратный путь бугинских послов, был торжественно встречен бугинцами. Это был первый русский отряд, прибывший в Северную Киргизию. В письме к бугинским биям

[1] *Н. Коншин,* Каракиргизская депутация 1824 г.,— «Памятная книжка Семипалатинской области на 1900 год», вып. 4, Семипалатинск 1900, стр. 71.

объявлялось, что «Россия принимает их под свое покровительство, предлагает могущество свое им на защиту, но взаимно и со своей стороны требует, чтобы они примирились в своих распрях и чтобы препровождали купеческие караваны, проходящие через обитаемую ими землю и охраняли от притеснения и грабежей» [1].

Письмо было зачитано на собрании старейшин бугинцев. Зибберштейн об этом писал: «В сопровождении многих почетных биев и киргиз, мы отправились в аулы бия Улжыбая, где положено было сделать народное собрание для исполнения известного поручения... В собрании том с достойною важностью отданы были письма и объявлены самые обстоятельства, для которых отряд был к ним послан. Все предложения наши были приняты обществом старейшин со знаками хорошего расположения...» [2]

Приезд Нюхалова на Иссык-Куль совпал с прибытием к бугинцам посольства от кокандского хана Мадали с требованием признания его власти. Бугинцы отвергли притязания ханских послов, заявив, что они теперь связаны с Россией и намерены быть ее подданными. Зибберштейн указывает: «Коханский владетель, изыскивая, как видно, случай расширить свои владения и дать некоторые способы в оборотах торговли своей, отправил от себя трех посланников.., а бии черных киргиз, имея детей своих депутатами у нас и ожидая окончания баранты сарбагызов с юсупцами, решились до времени остаться непреклонными вступить в подданство Коханию». И далее: «Напоследок благоприятным внушением хорунжего Нюхалова о той сильной защите, которую приобретут от могущества российского покровительства, бии Ульжибай и Епалак впервые отторгнули всякую мысль о Кохании и примером доброго своего соревнования к славе Российской державы увлекали за собой и всех прочих родоначальников, которые в испол-

[1] Депутация бугинцев пробыла в Омске с 5 января по 25 мая 1825 г. На обратном пути депутацию до Каратала сопровождали казачьи отряды полковника Шубина, а затем до Иссык-Куля — хорунжего Нюхалова. В отряде Нюхалова был лекарь Зибберштейн, оставивший подробную запись о маршруте отряда и о бугинцах, кочевья которых отряд посетил в августе 1825 г. (*Н. Коншин,* указ. соч.). Путевые записки Зибберштейна опубликованы М. П. Вяткиным в журнале «Исторический архив», т. 1, 1936 г.

[2] «Исторический архив», т. 1, 1936 г., стр. 248.

нение требований наших дали подписки и благодарные письма к г. генерал-губернатору Западной Сибири»[1].

В 1844 г., испытав серьезные притеснения со стороны Кокандского ханства и феодального Китая, разоренные нападениями других племен, бугинцы в числе свыше 10 тысяч юрт вновь обратились с просьбой о принятии их в подданство России. Главный манап племени Боромбай Бекмуратов направил прошение на имя генерал-губернатора Западной Сибири. Боромбай просил также разрешения отправить специальную депутацию в Петербург. Эта просьба была отклонена из-за слишком большой удаленности кочевий племени от пределов Российской империи. Министр иностранных дел в отношении к генерал-губернатору Западной Сибири от 13 ноября 1844 г. писал: «Ваше сиятельство изволили препроводить в министерство иностранных дел присланную к вам просьбу от одного из биев дикокаменных киргизов, Буранбая Беймуратова, о принятии его с подвластным ему народом под покровительство России и о дозволении отправить особую депутацию к высочайшему двору... Конечно, если бы сии киргизы не были в таком отдалении от нашей линии, то удовлетворение их желания не представляло бы особенного затруднения: они могли бы даже, в случае надобности, переселиться в наши пределы и тем избавиться от притеснений со стороны враждебных им племен. Но, при тысячеверстном расстоянии их кочевий от ближайших даже к нам частей водворения Сибирского линейного казачьего войска, подобное принятие их в подданство и покровительство России по невозможности подать какую-либо помощь, нисколько не обеспечило бы их положения...»

Кроме того, министр опасался, что «подчинение их (то есть киргизов.— *Б. Д.*) власти России неминуемо возбудило бы опасения со стороны китайского правительства», и поэтому указывал, что «гораздо лучше и благоразумнее отклонить под каким-либо предлогом удовлетворение просьбы бия Буранбая и подвластного ему народа»[2].

---

[1] «Исторический архив» т. 1, 1936 г., стр. 249.

[2] *А. Г. Серебренников*, Туркестанский край, «Сборник материалов для истории его завоевания, 1844, 1845 и 1846 гг.», Ташкент 1914, стр. 25.

После поражения Кенесары крупные манапы чуйских киргизов, рассчитывая на покровительство России, стали вести более независимую от Коканда политику. Все большее обострение отношений с Кокандским ханством толкнуло в 1848 г. уже не только Боромбая, но и правителей ряда других киргизских племен — Ормона, Джантая и Джангарача искать покровительства России[1].

Боромбай в 1848 году в прошении на имя западносибирского генерал-губернатора писал: «...Покорнейше просим вас построить здесь город... Здесь живут 10 тысяч[2] бугу, несколько тысяч солто, саяк. Все эти роды безначальственны и поэтому существует между ними вражда и междоусобные войны. Если бы здесь был учрежден диван (округ), то этого не было бы, и все они находились бы в тишине и спокойствии. В здешних местах ни со стороны кокандцев, ни со стороны китайцев, никто, прибыв сюда, ничего не в силах сделать»[3]. В том же году Джантай в письме генерал-губернатору Западной Сибири, излагая подробности войны с султаном Кенесары, просил разрешения отправить в Россию своего сына и далее указывал: «Как я, так и Ормон-батыр убедились в том, что правление России гораздо легче для нас, чем кипчакское и потому сделались мы врагами кокандцев»[4].

Русские власти Западной Сибири расценивали эти обращения как весьма благоприятное условие для продвижения в сторону Северной Киргизии. И если практически было еще невозможно осуществить покровительство этим манапам, то все же, начиная с 1848 г., значительно усилились политические и экономические связи северокиргизских племен с Россией. Влияние России среди них все более возрастало, и царская администрация использовала его для усиления неповиновения киргизов Кокандскому ханству.

Но к концу 40-х годов правителю Коканда Мусульманкулу удалось значительно улучшить положение ханства и вновь укрепить ханскую власть над Киргизией.

---

[1] ЦГИАМ, ф. 1440, оп. 1, д. 2, л. 59.

[2] Имеется в виду количество юрт.

[3] АВПР, фонд главного архива 1—7, 1844—1863, д. 1, л. 4.

[4] Там же, л. 19—21.

Обеспокоенное продвижением в Заилийский край военных сил России и переходом части казахских племен Старшего жуза в ее подданство правительство Коканда построило на левобережье Или в 1849 г. укрепление Таучубек. Обоснование кокандцев в этом пункте явилось не только препятствием для дальнейшего распространения влияния России на казахов Старшего жуза и на северные киргизские племена, но и представляло угрозу уже приобретенным позициям. Поэтому генерал-губернатор Западной Сибири князь Горчаков в 1850 г. дал указание начальнику Копальского укрепления капитану Гудковскому взять и разрушить Таучубек.

Капитан Гудковский двинулся к крепости в начале мая 1850 г. Киргизы расценили это как обещанную им помощь и стали готовиться к нападению на кокандские укрепления Пишпек и Токмак. Когда кокандский наместник в Пишпеке отправил несколько сот воинов на пополнение гарнизону Таучубека, киргизы Чуйской долины напали на Пишпек.

Горчаков в письме директору Азиатского департамента от 26 июня 1850 г. указывал: «Во время действия нашего отряда, из Пишпека было отправлено кипчаками в Таучубеково укрепление несколько сот человек, с выступлением коих дикокаменные киргизы напали на ослабленный Пишпек и хотя не успели им овладеть, однако же заставили высланных против нас кипчаков обратиться для защиты сего места» [1].

Действия киргизов ясно показали кокандскому правительству непрочность его положения в Чуйской долине и заставили обратить особое внимание на усиление крепостей, расположенных в Северной Киргизии.

В этот же период и цинские власти пытались упрочить свое влияние на киргизские племена бугу, черик, чонбагыш и др. В 1850 г. летом китайская администрация Восточного Туркестана отправила представителей к ряду влиятельных манапов с подарками, в частности к бугинскому манапу Боромбаю. Ему было назначено ежегодное денежное содержание и пожалована почетная награда. Боромбай, еще недавно просивший покровительства России, оказался в затруднительном положении. Представитель китайских властей, прибывший с

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 11, док. 54.

военным отрядом, вынудил его согласиться на выплату податей Китаю. Тогда группа манапов обратилась к властям Западной Сибири с просьбой о посылке военных отрядов на берега Иссык-Куля для постоянного водворения в кочевьях бугинцев.

25 сентября 1850 г. Горчаков писал директору Азиатского департамента: «С прошлого года китайское правительство начало обращать особенное внимание на дикокаменную орду и усиливать домогательства свои к приобретению в ней влияния; под видом проведения удобнейшей пикетной дороги из Кульджи в Кашгар был выслан сильный отряд; некоторым манапам отправлены ценные подарки, а Бурамбаю Бекмуратову сверх того определено содержание по 10 ямб в год и пожалован шарик высшего достоинства.

Несмотря на то, что многие значащие родоначальники дикокаменных киргизов обращаются к нам с просьбой о водворении воинской стражи в их кочевьях, как изволите удостовериться из прилагаемого письма от манапов Канджибека Ширалина, Аджыбая, Абдулгазы и Атантая, и хотя к удовлетворению их желаний по отдаленности и местным способам не усматриваю возможности, не менее того нахожу полезным частными сношениями поддерживать доброе их к нам расположение» [1].

10 ноября 1850 г. директор Азиатского департамента Сенявин сообщил генерал-губернатору Западной Сибири, что полностью разделяет его мнение.

Таким образом, правительство России и на этот раз не удовлетворило просьбу бугинцев об оказании им покровительства и защиты. Здесь, несомненно, сказалось стремление не осложнять отношения с Китаем накануне Крымской войны.

23 марта 1852 г. к правительству России обратился глава племени сарыбагыш Ормон Ниязбеков с просьбой о покровительстве и о разрешении кочевать в междуречье Чу и Или. Ормон Ниязбеков писал: «Мы советовались с народом, полагающимся на наш ум, не видя ничего дурного от России, в декабре нынешнего года, в самое холодное время, перешли по глубокому снегу через Алатау, претерпев сильные мучения, прикочевали на свободные зимние и летние кочевки, оставленные бег-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 11, док. 76.

лыми кочевниками... Просим дать народу, называемому черными киргизами, зимние и летние места, свободно оставленные бежавшими к кипчакам киргизами по нашей стороне Или... Я имею сношения с черными киргизами, кочующими по урочищам: Джумгал, Кочкор, Нарын и Кетмень-Тюбе — эти киргизы тоже хотят перекочевать сюда» [1].

Причинами откочевки Ормона с подвластными ему аилами из пределов Киргизии в Заилийский край была в известной мере борьба между киргизской и кипчакской феодальной знатью, угроза расправы со стороны Кокандского ханства за непокорность и стремление Ормона выйти из-под власти Коканда, опираясь на поддержку России. Но главной причиной было стремление народных масс приобретением покровительства Российской империи избавиться от тяжелого ханского гнета.

Однако просьба Ормона полного удовлетворения от правительства России не получила. Было решено признать право Ормона на владение землями между реками Чу и Или и поддерживать с ним дружественные отношения. Решение же вопроса об оказании ему помощи было отложено до полного утверждения господства России в Заилийском крае. Генерал-губернатор Западной Сибири Гасфорд в своем отношении Сенявину 11 мая 1852 г. писал: «Руководствуясь высочайше одобренными соображениями Министерства иностранных дел, сообщенными мне в отзыве вашего превосходительства от 7 ноября, я тогда же предписал приставу при киргизах Большой Орды поддерживать с манапом Урманом дружелюбные отношения, но не подавать им повода к несбыточным надеждам на вмешательство наше в распри дикокаменных киргизов между собой и кипчаками. Между тем манап Урман, предводительствовавший в 1847 г. ополчением дикокаменных киргизов против Кенесары и удостоенный всемилостливейшей награды золотой медалью за истребление сего мятежника, считает себя подданным его императорского величества. Неоспоримо, что без его содействия и исполненной им над Кенесарой казни, дела наши тогда могли взять другой, менее выгодный для нас оборот... Я полагал бы утвердить за ним

[1] ЦГИА, фонд департамента генерального штаба, д. 37, л. 6—9.

владение этими землями (между Чу и Или.— *Б. Д.*), а впоследствии, когда мы сами утвердимся на Иле, принять его формально в подданство и по мере заслуг его наградить чином, званием старшего султана и другими поощрениями» [1].

Лишь в 1853 г. решено было принять Ормона с подвластными ему аилами в подданство России. В связи с этим было ускорено решение вопроса о возведении укрепления на реке Или, в центре кочевий Старшего жуза, в непосредственной близости от кочевий киргизов. В мае 1853 г. приставу казахов Старшего жуза майору Перемышльскому было предписано с отрядом выступить из Копала в Заилийский край. В инструкции указывалось: «Чтобы движение отряда не могло встревожить Урмана и подведомственных ему киргизов, то предупредить его и прочих ординцев, что принятие такого важного родоначальника в подданство требует приличной этому случаю почести. По прибытии к Урману надлежит вам выставить несколько лучших юрт, которые позаимствуйте в Большой Орде: одну для самого манапа и его сыновей, а две или три для родоначальников, биев и почетнейших ординцев». Далее предписывалось: «Составить присяжной лист и по принесении клятвенного обещания, установленным для магометан порядком, должны приложить печати и тамги все манапы, бии и другие почетные люди... По совершении присяги прошу вас сделать приличное угощение почетным киргизам» [2].

Одновременно Гасфорд предложил Перемышльскому «вступить в сношения с манапом Буромбаем, начальствующим родом бугу, изъявившим и прежде уже желание вступить в верноподданство России, преданность коего для нас тем еще важнее, что он сильнейший из всех дикокаменных манапов, управляя 15 тыс. кибиток... и еще потому, что через кочевья рода бугу главная дорога в Кашгарию» [3].

Присяга Ормона, однако, не состоялась. Он, еще до прибытия Перемышльского, оказавшись перед угрозой ограбления со стороны правителей казахов Старшего жуза, отношения с которыми и прежде были нередко

[1] ЦГИА, фонд департамента генерального штаба, д. 37, л. 2—5.
[2] ЦИА Каз. ССР, ф. 2, д. 21, л. 9—13.
[3] Там же, л. 95—98.

враждебными, вынужден был перекочевать обратно в Киргизию.

Однако и после откочевки Ормон и его сын Уметалы с подвластными им аилами продолжали придерживаться русской ориентации. Они в это время определенно стремились к дальнейшему упрочению связей с Россией, с тем чтобы, опираясь на ее поддержку, не допустить восстановления власти кокандского хана.

В связи с возросшей опасностью со стороны Коканда Ормон и Уметалы в своих обращениях к русским властям отмечали желательность прибытия русских отрядов в их кочевья и основания там городов и сел. Уметалы в письме Перемышльскому 4 декабря 1853 г. писал: «В заключение мой совет следующий: в возможном случае поспешить возвести города в вершине Иссык-Куля на речках: Туб, Джиргалан, Карабаткак, потому что места эти приличны для селений, а в Иссык-Куле много разной рыбы; впрочем есть и лес, и сенокосы, и самая дорога караванная в Кашгар проходит здесь» [1].

Однако связь Ормона и Уметалы с Россией продолжалась недолго.

Более определенной оставалась позиция бугинцев, наиболее отдаленных от центра Кокандского ханства. В сентябре 1853 г. через посредство Перемышльского бугинские манапы Боромбай Бекмуратов, Балбай Эшходжин и другие обратились к западно-сибирскому генерал-губернатору с выражением желания вступить с подвластными им родами в подданство России. Они писали, что находятся «...в беспрестанном от окружающих народов страхе, день и ночь опасаются с какой-либо стороны нападения. Особенно угрожает племени бугу Кокандское ханство» [2].

Об этих жалобах сообщает и Гасфорд в своем отношении от 31 декабря 1853 г.: «Бугинцы жалуются на притеснения, делаемые им кокандцами, которые стараются укрепиться в их горах, насильственно собирают с них дань и принимают все меры направить киргизов против России для вытеснения русских с левого берега Или» [3]. Обращение бугинцев в Петербурге нашло поло-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 15, док. 36.
[2] АВПР, фонд главного архива 1—7, д. 1, л. 47.
[3] Там же, л. 49—51.

жительный отклик. В ответном письме им было предложено направить депутатов для решения вопроса о присяге на подданство Российской империи.

26 сентября 1854 г. депутат бугинцев манап Качибек Ширалин прибыл в Омск [1], имея при себе следующую грамоту: «Прошлого 1853 года в сентябре месяце просили мы ваше высокопревосходительство о том, что не соблаговолит ли всемилостивейший государь император принять нас под свое высокое покровительство, изъявляя в то же время желание наше принять присягу на верноподданство России. В этом намерении желали мы отправиться к вашему высокопревосходительству, чтобы по обрядам и правилам мухаммеданского закона, с воспоминанием имени всевышняго бога, пред священным кораном совершить нашу присягу. На каковую просьбу нашу мы имели счастие получить без всякого замедления от вашего высокопревосходительства чрез г. пристава Большой Орды подполковника Перемышльского ответ о том, что его и. в. всемилостивейший государь император соизволил изъявить согласие принять нас под свое высокое покровительство. В душевной и искренней радости, все мы (большие и малые) по своему обыкновению принесли наши молитвы о счастии и долголетии великого царя, его августейшей фамилии и всех верноподданных. Затем ваше высокопревосходительство, по милостивому расположению своему к нам, изволили пригласить в Омск нескольких почетнейших манапов для исполнения присяги пред кораном. Почему мы факиры (бедные) большие и малые с общаго согласия послали от себя депутатом с доверенною грамотой не только в Омск, но даже и к самому великому государю императору для исполнения верноподданнической клятвы пред святым кораном с произношением священного имени всевышняго бога, пользующагося между нами уважением и доверенностью манапа нашего капитана Каджибека Ширалина и утвердили грамоту эту нашими печатями и тамгами» [2]. К грамоте были приложены печати и тамги двенадцати манапов.

Генерал-губернатор Западной Сибири 13 октября 1854 г., сообщая об их прибытии, изложил свои сообра-

[1] АВПР, фонд главного архива 1—7, д. 1, л. 52.
[2] Там же, л. 57—58.

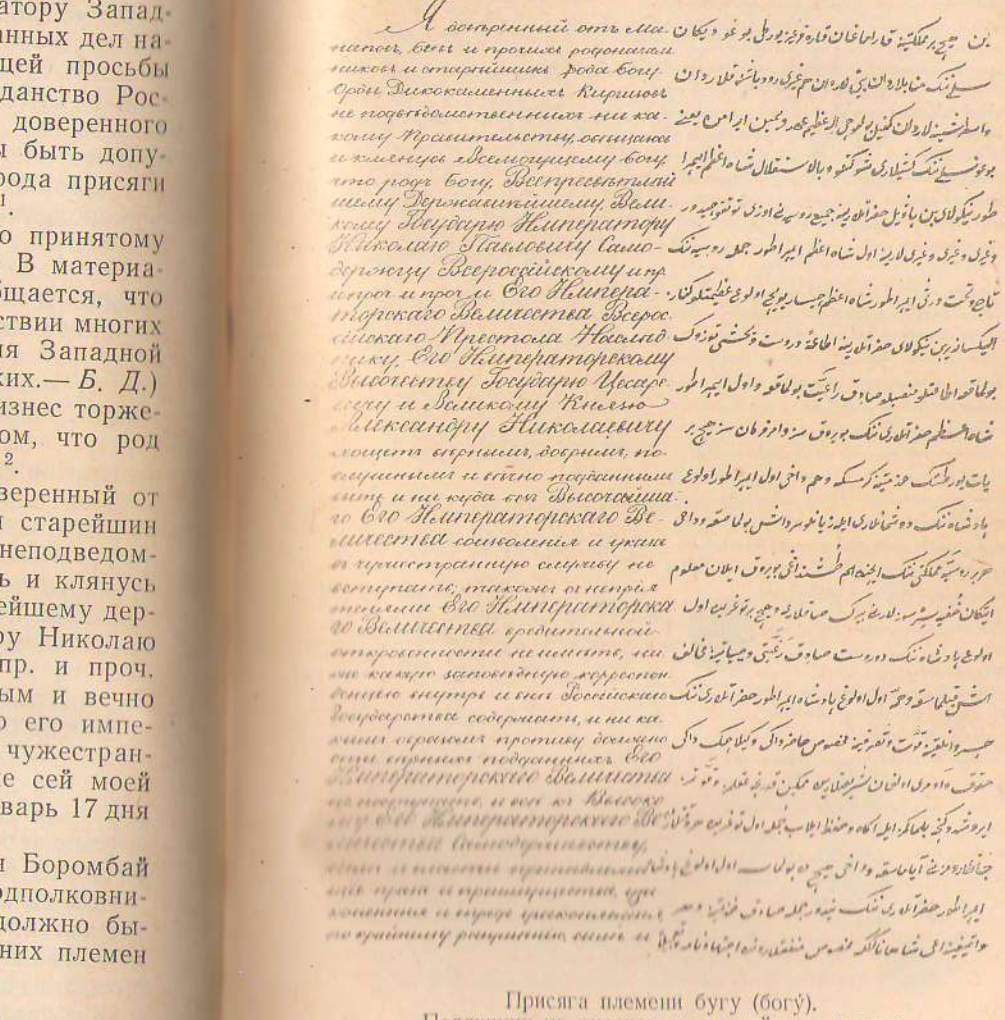
жения о желательности удовлетворить их просьбы. С одобрения царя решено было принять бугинцев в подданстве России. В отношении министерства иностранных дел от 26 ноября 1854 г. генерал-губернатору Западной Сибири указывалось: «Министр иностранных дел находит, что не следует отвергать настоящей просьбы означенных киргизов о принятии их в подданство России... Прибывший в качестве депутата и доверенного лица от рода бугу манап Качибек, мог бы быть допущен в Омск к принятию от лица всего народа присяги на верноподданство государю императору»[1].

17 января 1855 г. депутаты бугинцев по принятому для мусульман обычаю принесли присягу. В материалах, составленных по этому поводу, сообщается, что «манап капитан Качибек Шералин в присутствии многих генералов, чиновников главного управления Западной Сибири и почетнейших киргизских (казахских.— *Б. Д.*) султанов, нарочито прибывших в Омск, произнес торжественно перед св. Алкороном присягу в том, что род бугу вступает в вечное подданство России»[2].

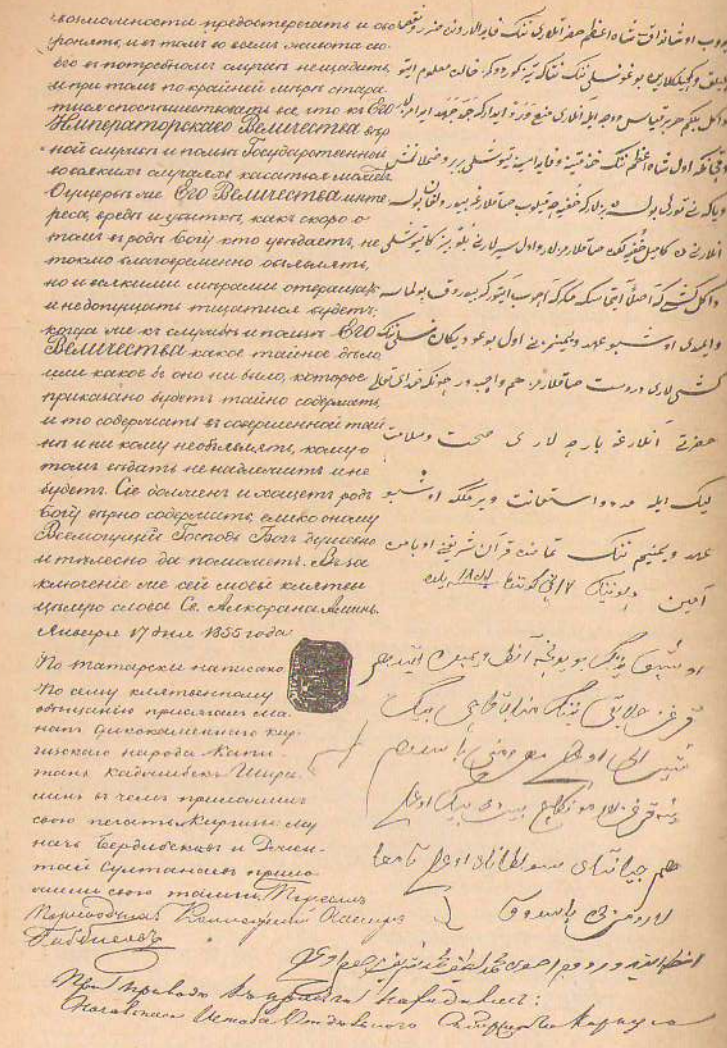
Текст присяжного листа гласил: «Я, доверенный от манапов, биев и прочих родоначальников и старейшин рода богу орды дикокаменных киргизов неподведомственных никакому правительству, обещаюсь и клянусь всемогущему богу, что род богу, всепресветлейшему державнейшему, великому государю императору Николаю Павловичу самодержцу всероссийскому и пр. и проч. ...хощет верным, добрым, послушным и вечно подданным быть и никуда без высочайшего его императорского величества соизволения и указа в чужестранную службу не вступать... В заключение же сей моей клятвы целую слова св. алкорана. Аминь. Январь 17 дня 1855 года»[3].

Главным манапом бугинцев был признан Боромбай Бекмуратов, которому был присвоен чин подполковника[4]. Покровительство Российской империи должно было обезопасить бугинцев от нападений соседних племен

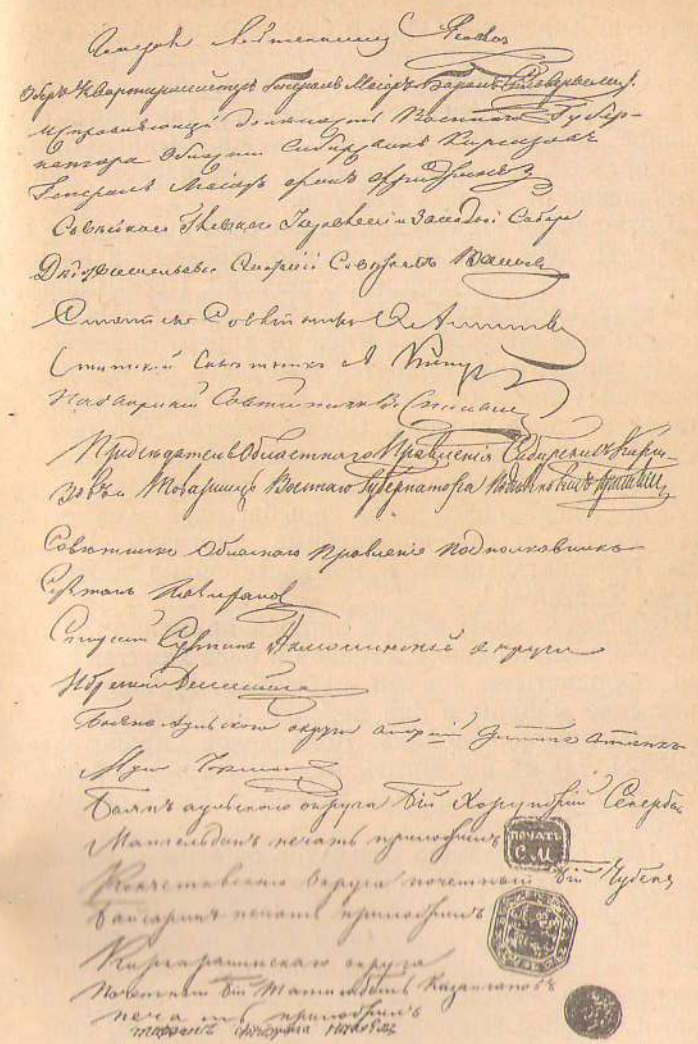
[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, 1854 г., док. 137.
[2] АВПР, фонд главного архива 1—7, д. 1, л. 57—58.
[3] Там же (полный текст присяги см. в приложении).— Текст присяги составлен на тюркском (чагатайском) языке арабским шрифтом и на русском языке.
[4] Там же, л. 60.



Присяга племени бугу (богу́).
Подлинник на русском и чагатайском языках.
Уменьшено.



Присяга племени бугу (богу́).
Подлинник на русском и чагатайском языках.
Уменьшено.



Присяга племени бугу (богу́).
Подлинник на русском и чагатайском языках.
Уменьшено.

и государств. Вместе с тем Россия получала возможность дальнейшего распространения своего влияния на Северную Киргизию. Однако бугинцам не удалось сразу же воспользоваться выгодами своего подданства. Чтобы понять причины приверженности Боромбая к России и отказ от русской ориентации Ормона и связанных с ним манапов, необходимо учитывать межплеменные отношения киргизов, а также политику Кокандского ханства в отношении отдельных манапов.

В отношении киргизских правителей кокандское правительство действовало не только угрозами и насилиями, но и путем подкупов и подношений. Перемышльский в рапорте Гасфорду 9 мая 1854 г. писал: «Из письма Уметалы и из получаемых мною от киргиз сведений видно, что ташкентцы стараются возбудить против нас дикокаменных киргизов всех трех родов и подарками склонить их на свою сторону. Слухи носятся, что они прислали Урману аргамака с седлом, шитым золотом, а Джангарачу — серебром. Едва ли они успеют в роде бугу, но могут поколебать сарыбагышей и в особенности султы, всегда враждебные киргизам Большой орды. Нерешительность и шаткость видна даже и из письма Уметалы» [1].

Кокандские ханы всегда широко применяли систему подкупов, щедро одаряя манапов и биев халатами, деньгами, породистыми конями, рабынями, оружием и т. д. Киргизские манапы и бии нередко превращались в послушных чиновников хана. Кокандское правительство старалось также разжигать межплеменные войны киргизов, рассматривая их как важное условие своего господства в Киргизии.

В 1855 г. произошло серьезное событие в жизни северокиргизских племен, оказавшее в дальнейшем большое влияние на их отношение к России и Коканду. Это была война между племенами бугу и сарыбагыш, по своей жестокости превосходившая все предыдущие их столкновения. Обычно победа оставалась за сарыбагышами и бугинцы вынуждены были уступать им свои кочевья на северо-западном берегу Иссык-Куля и в юго-западной части Терской-Алатау. Бугинские манапы по временам даже признавали до некоторой степени свою

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 15, док. 74.

вассальную зависимость от главного манапа сарыбагышей Ормона.

Н. А. Северцов так определяет причины этой междоусобной борьбы: «Сары-багиши стеснены кочевьями сравнительно с богинцами; их летние пастбища занимали только хребты у западного Иссык-куля и между Сон-кулем и Малым Нарыном: и то в тех же горах были у них и зимовки; богинцам же принадлежали обширные плоскогорья на Текесе и на Тян-шанском сырту; причем нужно еще заметить, что сары-багишские пастбища в горных хребтах стеснены голыми и неприступными скалистыми частями, которых несравненно меньше на привольных плоскогорьях, занимаемых богинцами» [1]. Однако причины заключались не только в этом, но и в стремлении бугинцев стать совершенно независимыми от сарыбагышей.

В 1855 г. в связи с принятием русского подданства положение бугинцев изменилось, особенно после того, как было возведено укрепление Верное и русские утвердились в Заилийском крае. Их зимние и летние кочевья теперь соприкасались с кочевьями подданных России казахских племен албан, суван, кызылбёрк и дулат. Бугинцы уже не так чувствовали свою зависимость от Коканда, а также и от сарыбагышских манапов, как это было до тех пор.

Развивая экономические и политические связи с Россией, бугинцы и их главный манап Боромбай резко изменили свое отношение к сарыбагышам. Теперь Боромбай не считал себя ни в какой степени зависимым от манапа Ормона и даже надеялся с помощью русских военных отрядов вернуть утраченные кочевья на берегах Иссык-Куля. В ответ манап Ормон, подстрекаемый кокандскими властями, решил силой восстановить свое влияние на племя бугу. Кокандское правительство было заинтересовано с помощью сарыбагышей заставить бугинцев отказаться от российской ориентации.

Трудящиеся массы соседних племен, очень близкие и дружные между собой, против своей воли и желания вовлекались в братоубийственные войны, организованные манапами в личных интересах. В то же время

[1] *Н. А. Северцов*, Путешествия по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шаня, Спб. 1873, стр. 207.

манапы становились орудием соседних государств, заинтересованных в господстве над Киргизией.

Непосредственному вооруженному столкновению племен предшествовал ряд мелких стычек и обычная барымта.

Летом 1855 г. Ормон решил одним ударом покончить с Боромбаем. Дав указание своему сыну Уметалы и вассальному манапу Тёрёгельди организовать вооруженные силы сарыбагышей и саяков, он с авангардом напал на аилы бугинцев и в первоначальных стычках имел успех. Ободренный этим, он, не дожидаясь своих основных сил, с целью захватить Боромбая в плен, напал на его аил. Однако отряд Ормона был окружен и разбит. Воины частью попали в плен, частью спаслись бегством. П. П. Семенов-Тян-Шанский так описал это событие: «В темную ночь на берегах р. Шаты на Терскее произошла самая ожесточенная битва. Урман, превосходивший всех своей силой и храбростью, нашел, однако, себе соперника в старшем усыновленном племяннике Бурамбая Клыче, за свою кровожадность и жестокость получившем впоследствии прозвание Иссыккульского тигра. Оба оказали чудеса храбрости, но, наконец, смертельно раненый и сбитый копьем с лошади, Урман был принесен в юрту сына Бурамбая Эмирзака и умер на руках его жены, своей любимой дочери» [1].

Бугинцы со всеми своими силами двинулись по южному берегу Иссык-Куля и долго преследовали сарыбагышей. Вскоре против бугинцев выступили главные силы сарыбагышей, предводительствуемые манапом Уметалы. На месте их встречи протекала быстрая горная река. Никто не решался первым перейти ее и напасть на врага. Тогда Уметалы пустился на хитрость. Ночью он во главе части своих сил двинулся по северному берегу Иссык-Куля в тыл бугинцам, к их аилам, находившимся в то время на реке Тюп. Аил Боромбая был беззащитен. Уметалы, напав на него, захватил множество скота и имущества, а также пленных, главным образом женщин и детей. Получив об этом известие, Боромбай с основными силами бросился к своему аилу, но было уже поздно. Сарыбагыши успели отойти. Только один отряд, прикрывавший отход, в количестве 50 человек был захвачен в плен. Всем пленным отрубили головы. Эти события еще более обострили борьбу.

[1] *П. Семенов* [*Тян-Шанский*], Поездка из укрепления Верного через горный перевал у Суок-Тюбе и ущелье Буам к западной оконечности озера Иссык-Куль в 1856 г.,— «Записки РГО». По общей географии, т. I, Спб. 1867 г., стр. 207.

Столкновение основных сил произошло на северо-восточном берегу Иссык-Куля, где бугинцы после кровопролитной битвы были разбиты. С обеих сторон имелись значительные потери. Бугинцы вынуждены были бежать в Текес и Каркыра, к китайской границе. Эта война тяжело отразилась на положении трудящихся масс. В результате угона и массового убоя сократились стада, особенно у бугинцев. Почти все посевы того года на берегу Иссык-Куля погибли. Боромбай в августе 1855 г. писал приставу казахов Старшего жуза: «На озере у р. Зуукы есть и наши два курганчика, есть два плетня, т. е. сада, где урюк, яблони, виноград уже выросли. Дыни и арбузы и другие огородные плоды также выросли. Все это испорчено; деревья вырыты до корней и вообще все наше лучшее имущество, большие юрты, оставленные по тяжести, и все, чем мы живем, было там. Всего мы лишились» [1].

Немало бугинцев окончательно разорились и стали нищими. У обоих племен увеличилось число сирот и вдов, влачивших жалкое существование.

Эти события оказали огромное влияние на дальнейшую судьбу племени бугу. Боромбай понял, что если он немедленно не приобретет покровительство России, положение его станет безвыходным.

Он видел, что ни Кокандское ханство, ни Китай, подданными которых по временам считали себя бугинцы, не могли обеспечить им надежную защиту и спокойствие.

Раздоры бугинцев и сарыбагышей были на руку Кокандскому ханству, которое использовало их с целью привлечь сарыбагышей на свою сторону. Среди сарыбагышей были кокандские сборщики зякета и сопровождавший их отряд кокандцев. Правда, число кокандцев было незначительно, но морально их присутствие на поле боя играло определенную роль. В данном случае кокандцы пытались также при помощи сарыбагышей наказать бугинцев за отказ платить хану зякет и за их связи с Россией и Китаем.

[1] ЦИА Каз. ССР, ф. 2, д. 32-а, л. 3—7.

Бугинцы, отступая в пограничные с Китаем районы — Каркыра и Текес, обратились к китайским властям Восточного Туркестана с просьбой о защите и об оказании помощи в возвращении захваченных сарыбагышами пленных и скота. Семенов-Тян-Шанский указывал: «Тщетно старый Бурамбай, имевший красный шарик на шапке и, следовательно, важный титул между китайскими мандаринами, умолял китайские власти о защите; китайцы, уже несколько лет прекратившие свои обычные разъезды на Иссык-куле, не думали о защите своих подданных. Это обстоятельство заставило Бурамбая совершенно предаться русским, на вступление в подданство которым он уже и прежде изъявил согласие» [1].

Китайские власти не могли помочь бугинцам, ибо в тот период как внутреннее, так и внешнее положение маньчжурского правительства было крайне тяжелым. Наместники Цинской династии в это время сами едва удерживались в Кашгарии. Не получив от них помощи, Боромбай в августе 1855 г. отправил манапа Качибека Ширалина в Верное к приставу казахов Старшего жуза с настойчивой просьбой о защите.

Бедственным положением бугинцев воспользовались отдельные феодалы соседних казахских племен, которые и раньше барымтовали с ними. Теперь, после разгрома сарыбагышами, беспомощные бугинцы стали объектом грабежа и легкой наживы. Боромбай в письме Перемышльскому писал о них: «После нашей откочевки на Каркары они вступили на наши места, забрали оставшийся и заблудившийся скот и угоняли его раз двадцать. Они сами говорят, мы не дадим жить бугу. Правда, что если султаны Тезек, Саурук и Тазабек будут велики, то нам нельзя жить. Мы склоняемся перед вами и просим защиты» [2].

Боромбай настойчиво просил русские власти выслать военный отряд на Иссык-Куль и построить здесь укрепление для постоянного пребывания отряда, чтобы надежно обеспечить безопасность бугинцев от нападений сарыбагышей, кокандцев, казахов. Боромбай писал: «Поступая на подданство, мы надеялись приобрести спокойствие, но беспокойства еще более увеличились... Сам

[1] *П. Семенов [Тян-Шанский]*, Поездка из укрепления Верного... стр. 208.

[2] ЦИА Каз. ССР, ф. 2, д. 32-а, л. 3—7.

г. корпусный дал нам письменное наставление, что мы сделались вашими подданными и что ваш враг — нам враг... Ташкентцы и сарыбагышы со всеми зачуйскими племенами киргизов Большой орды и дикокаменными не дадут нам покоя. Поэтому мы покорнейше просим поставить курган на наше озеро, на солнечную сторону гор, без чего нельзя. В третьем году, в первой нашей просьбе, мы писали об этом. Теперь мы, склонив шеи свои, сделались подданными великого государя» [1].

Получив известие о тяжелом положении бугинцев, Перемышльский дал указание казахским старшинам не вмешиваться в их борьбу с сарыбагышами и возвратить захваченный у них скот. Старшему султану Тезеку Нуралиеву дано было указание не допускать притеснения бугинцев правителями соседних казахских племен.

9 сентября 1855 г. Перемышльский проводил обратно депутацию бугинцев, дав им в сопровождение казачий отряд под начальством хорунжего Лутшева. Последний обязан был проводить Качибека до реки Кеген. Вместе с ним в качестве представителя русских властей для постоянного пребывания среди бугинцев был направлен Файзулла Ногаев. Он должен был извещать русские власти о всех событиях, происходящих у бугинцев. Ему было поручено также обратиться к влиятельному манапу племени сарыбагыш Джантаю с предложением об установлении мира между бугинцами и сарыбагышами, а начальнику отряда было предписано по прибытии на Кеген заняться разрешением споров между казахами и бугинцами [2].

Ногаев, находясь еще в дороге, обратился к Джантаю с письмом, в котором призывал его взять на себя инициативу в примирении сарыбагышей с бугинцами. После смерти Ормона Джантай был наиболее влиятельным манапом племени сарыбагыш. В войнах против бугинцев подвластная ему часть сарыбагышей отделения тынай в большинстве своем не принимала участия. Поэтому Ногаев обратился к этому манапу, надеясь, что он может сыграть роль посредника в установлении мира между бугинцами и сарыбагышами отделения эсенгул, подвластного Уметалы.

[1] ЦИА Каз. ССР, ф. 2, д. 32-а, л. 3—7.

[2] Там же, л. 60.

К осени 1855 г. бугинцы должны были перекочевать обратно на северо-восточный берег Иссык-Куля, так как зимовать в горных ущельях Текеса и Каркыры было невозможно. Но на зимовья бугинцев распространялась власть кокандского хана, обещавшего бугинцам защиту только при условии уплаты зякета. Пока депутация бугинцев находилась в Верном, в их аулы прибыли кокандские сборщики зякета с отрядом и начали здесь строительство укрепления и сбор зякета. Боромбай до возвращения Качибека соглашался на все требования кокандцев, которые, видя покорность бугинцев и их согласие уплатить зякет, со своей стороны не допускали дальнейших нападений Уметалы на бугинские аулы. Но мелкие набеги и угон скота сарыбагыши по временам продолжали.

Лутшев в середине сентября 1855 г. был уже на реке Кеген. Получив известие о том, что кокандцы находятся в кочевьях бугинцев, и уступая настоятельным просьбам Качибека и Боромбая, он решил поехать на Иссык-Куль. Узнав о приближении русского отряда, кокандцы покинули берега озера. При помощи бугинцев отряд Лутшева срыл глинобитное укрепление, только что воздвигнутое кокандцами [1]. Бугинцы, ободренные прибытием русского отряда, намеревались напасть на сарыбагышей, но Лутшев отказался их поддержать. Тогда Боромбай обратился к Лутшеву с просьбой вызвать представителей сарыбагышей для переговоров о примирении.

Получив письмо Лутшева, сарыбагыши прислали в русский лагерь своих представителей. Они заявили, что хотят мира с бугинцами, так как считают себя подданными Российской империи [2]. Для окончательного примирения Лутшев пригласил к себе предводителей сарыбагышей манапов Уметалы и Тёрёгельди. Но они под разными предлогами откладывали свой приезд и так и не явились. Примирение не состоялось. Но Лутшеву удалось разрешить многие спорные вопросы между бугинцами и казахами и временно уладить их взаимоотношения. В конце октября Лутшев, получив предписание о возвращении, несмотря на настойчивые просьбы

[1] Укрепление имело до 60 саженей в длину и до 40 саженей в ширину. Высота дувала доходила до 4 аршин. С лицевой стороны дувал был обнесен канавой, а с остальных сторон — рвами.
[2] ЦИА Каз. ССР, ф. 2, д. 32-а, л. 33—34.

бугинцев остаться зимовать на Иссык-Куле, вернулся в Верное.

Наместники кокандского хана были сильно озлоблены на бугинцев за их связи с Россией. Поэтому после ухода отряда Лутшева они стали подстрекать сарыбагышей вновь напасть на бугинцев. Это вновь обострило взаимоотношения между племенами. Вскоре между ними началась война. Сарыбагыши произвели в аилах бугинцев страшное опустошение. Потери с обеих сторон были значительны. Разорению подверглось до 5000 юрт бугинцев. Немало было убитых; до 200 женщин и детей сарыбагыши увели с собой [1].

Разгромленные бугинцы снова бежали на Текес и Каркыру. Некоторые казахские бии из племени айтбозум, в частности Тазабек, опять воспользовались бедственным положением бугинцев и захватили у них часть оставшегося скота.

Боромбай в письме к новому приставу казахов Старшего жуза полковнику Хоментовскому писал о причиненном ущербе: «Во-первых, из несчастных, попавших в руки неприятеля,— старшая жена с четырехлетней дочерью. Из имущества, бывшего с женою, увезена одежда, вьючный верблюд со всей домашней утварью, а также все данные мне награды от государя, в числе коих сабля и печати, равно и награда от китайского джангджуна (губернатора.— *Б. Д.*). Две младшие жены с малолетними дочерьми, 11 человек прислуг. Скота моего с сыновьями: до 2000 баранов, до 50 верблюдов... После меня жестоко потерпел поражение бий Мурат-Али... Что же касается до Качибек-батыра, то он, избавившись благополучно от сарыбагышей... будучи поражен страхом, день и ночь безостановочно бежал, чтобы присоединиться к албанам; албановцы же, выехав к нему навстречу, разбив его, ограбив весь скот и все имущество, разделили между собой» [2].

Боромбай в этом письме, напоминая о своей просьбе к хорунжему Лутшеву остаться на зиму на Иссык-Куле, еще раз обратился к новому приставу: «Поставьте нам небольшой курган, хотя бы с небольшим числом русских, коих видя, неприятель из страху не приблизится» [3].

[1] ЦИА Каз. ССР, ф. 2, д. 32-а, л. 64—66.
[2] Там же, л. 58—59.
[3] Там же, л. 64—66.

Исключительно тяжелое положение заставило Боромбая в декабре 1855 г. вновь направить Качибека в Верное с просьбой о военной помощи и содействии бугинцам в устройстве их зимовьев на принадлежавших им землях, откуда они были изгнаны сарыбагышами. Качибек, прибыв в Верное, представился полковнику Хоментовскому, передал ему все подробности последней битвы и рассказал о бедственном положении бугинцев.

В то же время отправил посланца к Хоментовскому и Уметалы. В своем письме он оправдывал набег на бугинцев и объявил себя подданным России. Он винил во всем бугинцев, убивших его отца Ормона и отказавшихся уплатить за него кун. Хоментовский ответил резким письмом: «Я получил ваше письмо с изъявлением вашей преданности и поспешаю на него ответить: мне известно, вы человек, который всегда готов был исполнить и выполнить все добрые советы. Я уверен, что и теперь вы последуете совету, который клонится к вашему же благополучию. В письме своем вы называете себя нашими подданными, но, несмотря на это, вы завели бесконечную неприязнь с бугу — нашими действительными подданными. Вы не должны никогда забывать, что наш великий падишах всегда защищает своих подданных, считая врагов их своими врагами. До сих пор много пролито крови за смерть Урмана, и я советую вам прекратить эту неприязнь, оставаясь по-прежнему в дружбе с бугу и с нами. Еще один с вашей стороны неприязненный поступок против бугу вынудит меня заступиться за них и тогда сарыбагыши дорого поплатятся. Вразумите это вашим родовичам и постарайтесь прекратить эту войну, если вы признаете себя, по словам вашим, нашими подданными»[1]. Это письмо оказало определенное воздействие на Уметалы. Наступившая зима также ограничивала возможность новых военных операций.

Хоментовский пока воздерживался от вооруженного вмешательства на стороне бугинцев, так как это могло привести к столкновению с Кокандским ханством, стоявшим за сарыбагышами. Учитывая, что положение России в связи с поражением ее в Крымской войне было тяжелым, генерал-губернатор Западной Сибири

[1] ЦИА Каз. ССР, ф. 2, д. 32-а, л. 73—74 об.

Г. Х. Гасфорд приказывал ему избегать открытого конфликта с Кокандом. В результате бугинцы не обеспечивались надежной защитой русских вооруженных сил.

Некоторую помощь бугинцам Хоментовский все же решил оказать путем давления на те племена, которые, подстрекаемые кокандскими властями, могли поддержать Уметалы. С этой целью он стал поощрять нападения казахских барымтачей, подвластных султанам Старшего жуза, на аилы племен солто и сарыбагыш, находившиеся под управлением манапов Джантая и Джангарача. Одновременно Хоментовский строго требовал от казахов, подвластных султану Тезеку, прекращения враждебных действий против бугинцев. Гасфорд вполне одобрил действия Хоментовского.

В связи с поддержкой кокандцами сарыбагышей, Гасфорд дал указание Хоментовскому заявить протест кокандским властям. Он правильно полагал, что главная опасность для бугинцев исходит от кокандского хана, стоявшего за сарыбагышами. Гасфорд писал по этому поводу Хоментовскому: «Когда бы кокандцы вздумали устроить действительно там укрепления, нужно им от вашего имени написать, что род бугу находится в подданстве российского правительства и что за тем на обложение его ясаком или на причинение ему других обид они не имеют права, ежели хотят с нами жить как добрые соседи. Бумага эта послужит протестом»[1].

Резкие требования русской администрации заставили казахов племен албан и субан, султана Тезека и в особенности правителей племени айтбозум Тазабека и Саурука в дальнейшем прекратить свои набеги на аилы бугинцев. Но Хоментовский ввиду наступившей зимы не мог удовлетворить просьбу Боромбая о высылке русского отряда на Иссык-Куль. Поэтому Качибек привез Боромбаю лишь письмо с обещанием выслать отряд в будущем году[2].

Бугинцы оказались в крайне тяжелом положении. Зимой 1855—1856 гг. многие семьи обнищали.

Кокандское правительство с тревогой смотрело на крепнущие экономические и политические связи отдельных киргизских племен с Россией и всячески старалось

[1] ЦИА Каз. ССР, ф. 2, д. 32-а, л. 30—31.
[2] Там же, л. 41 об.

не допустить дальнейшего их развития. В стремлении сблизиться с Россией кокандские власти давно усматривали «плохой пример» для киргизских племен. Принятие же бугинцами в 1855 г. подданства России дало основание кокандцам рассматривать их как своих врагов. Межплеменные распри кокандское правительство использовало для наказания бугинцев и в то же время для более прочного утверждения своей власти над сарыбагышами. И действительно, кокандцам удалось в значительной степени укрепить свое влияние на это племя.

Политика Коканда в отношении киргизов вызвала ответные меры со стороны русских властей. Для надежного обеспечения защиты бугинцев и противодействия кокандцам Хоментовский считал нужным организовать небольшую военную экспедицию на Иссык-Куль и построить на берегу озера укрепление. Основание такой крепости с постоянным гарнизоном должно было положить начало прочному утверждению господства России на севере Киргизии. Гасфорд утвердил эти предложения Хоментовского.

Для осуществления этих планов в 1856 г. обстановка складывалась благоприятно. После окончания Крымской войны и заключения мира с коалицией Турции и западных держав русское правительство активизировало наступления в Средней Азии и на Дальнем Востоке. Заметно усилилось наступление на Кокандское ханство как со стороны Сыр-Дарьинской, так и со стороны Сибирской линии.

Весной 1856 г. Уметалы через своего посланца обратился к Хоментовскому с письмом, в котором он еще раз изъявлял свою преданность России, просил примирить его с бугинцами и жаловался на казахов Старшего жуза, которые угнали у подвластных ему аилов много скота. Это обращение было вызвано, очевидно, слухами о подготовляемой экспедиции. Хотя приготовления велись тайно, тем не менее многим киргизским племенам, в том числе и сарыбагышам, стало известно о них [1].

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 15, док. 40—42. В связи с экспедицией на Иссык-Куль было произведено некоторое усиление военных сил Заилийского края, увеличено число пушек и ракетных станков и переведены из Копала в Верное дополнительные военные силы.

10 мая 1856 г. Хоментовский во главе небольшого отряда выступил из Верного. К нему присоединились со своими джигитами несколько казахских султанов и биев, обязавшись исполнять разведывательные поручения. От бугинцев были вызваны представители в качестве проводников. В экспедиции участвовал также ученый Чокан Валиханов [1].

Перевалив через горный проход Санташ, Хоментовский в конце мая прибыл со своим отрядом к устью реки Тюп. Он пригласил к себе влиятельных албановских биев, в том числе Тазабека, для решения споров между бугинцами и албанами, а также представителей от сарыбагышей для примирения их с бугинцами.

Бугинцы и на этот раз полагали, что прибытие русского отряда позволит им совершить победоносный поход против сарыбагышей и отомстить за прежние их нападения. Поэтому они были недовольны категорическим запрещением Хоментовского производить набеги на сарыбагышей. В своем донесении к Гасфорду 23 июня Хоментовский писал: «Бугу с недоверчивостью смотрят на наши действия за запрещение мое ездить им на баранту к сарыбагышам. Горя ненавистью к последним, они готовы ополчиться на них поголовно, если мы окажем содействие» [2].

Русский отряд не преследовал враждебных целей по отношению к сарыбагышам, как это представляли себе бугинцы. Хоментовский заявил Боромбаю, что он прибыл лишь с целью примирить враждующие племена. При его посредничестве отношения бугинцев с албанами приняли совершенно мирный характер. Все споры между ними на почве барымты были разрешены. Это значительно укрепило положение бугинцев. Хоментовскому удалось также временно примирить бугинцев с сарыбагышами. Когда положение бугинцев было тяжелым, Боромбай умолял пристава Старшего жуза о постройке укреплений и водворении русских на Иссык-Куле. Но как только опасность уменьшилась, он стал противником постоянного пребывания в его кочевьях русских отрядов. Постройка русского укрепления в центре зимних стоянок бугинцев означала закрепление господства России, но

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с. оп. 1, д. 15, док. 43.
[2] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 17, док. 62.

Боромбай и другие манапы все еще боялись реального подданства «белому падишаху».

В создавшихся условиях Хоментовский решил пока отказаться от строительства укрепления. 29 мая 1856 г. с Иссык-Куля он писал Гасфорду: «Ясно, что он (Боромбай.— *Б. Д.*) опасается нас и в укреплении видит уже первый шаг водворения русских на озере... Я успокоил его на этот счет, сказав, что мы пришли собственно по его просьбе и по окончании дел и по собрании необходимых сведений возвратимся на Алмату, а укрепление, если он не желает, строить не будем» [1]. Впоследствии Хоментовский оправдывал перед Гасфордом поведение Боромбая тем, что он поступал так под давлением своего народа и других манапов.

Экспедицией Хоментовского были произведены важные топографические съемки значительной части территории к северу от Иссык-Куля, а также изучены с точки зрения хозяйственного освоения берега и само озеро. Так как цель экспедиции была в основном достигнута, Гасфорд счел возведение постоянного укрепления на берегу Иссык-Куля преждевременным и в июне отозвал Хоментовского в Заилийский край, где усилились нападения барымтачей со стороны подвластной Коканду территории [2].

Оставив на Иссык-Куле поручика Яновского и топографов с небольшим отрядом для съемки районов рек Джыргалана, Каркыра и Нарына, Хоментовский возвратился в Верное. Излагая результаты своей экспедиции, он отметил улучшение отношений с сарыбагышами. «Имея в виду, что сарыбагыши для будущих видов нашего правительства могут быть нам полезны,— писал он,— я во всех случаях выказывал к ним внимание и могу сказать, что этот род во всех нравственных отношениях стоит выше бугу. Они более повинуются своим родоначальникам и нынешние притеснения кокандцев и усиленный ими сбор зякета расположили сарыбагышей в нашу пользу» [3]. Но Хоментовский в своей оценке подвластных Уметалы сарыбагышей ошибался. После его ухода, подстрекаемые кокандцами, они вновь начали свои набеги.

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 17, док. 50.
[2] Там же, док. 62.
[3] Там же, док. 67.

Бугинцы были вынуждены снова откочевать к китайской границе.

В этот период в Заилийский край приехал в первый раз знаменитый русский путешественник и ученый П. П. Семенов-Тян-Шанский.

Берега Иссык-Куля и Центральный Тянь-Шань в то время представляли собой один из слабо изученных районов Азии. Изучению этих районов посвятил себя один из молодых членов Русского географического общества П. П. Семенов. Рассчитывая на дружественное отношение бугинцев, он с небольшим конвоем в начале сентября 1856 г. выступил из Верного для исследования восточной оконечности озера Иссык-Куль. Хоментовский предупредил, что ему будет трудно найти аилы бугинцев, так как вследствие войны с сарыбагышами они оставили эти места. Тем не менее Семенов не отказался от намеченного маршрута. В устье реки Тюп аилов бугинцев не оказалось; повсеместно встречались следы битв. Семенов писал: «На дороге нашей мы встречали в большом количестве остатки разорванных юрт, очевидно, здесь происходили нынешней весной баранты и побоища между обоими каракиргизскими племенами».

Бугинцы в это время кочевали в пограничных с Китаем районах Каркыры и Текеса и вновь были вынуждены заявить маньчжурским властям Восточного Туркестана о признании китайского подданства. Семенов указывал: «Вследствие продолжительной и кровавой распри между двумя соседними племенами каракиргизов — сарыбагишами (подданными Кокандского ханства) и богинцами (подданными Китая), последние бежали с Иссык-куля на восток, а первые еще не осмелились занять родовых богинских земель, то-есть восточной половины иссыккульского бассейна» [1].

Для успешного осуществления задач, которые ставил перед собой Семенов, необходима была благоприятная обстановка, в частности дружественное отношение местного населения. Но этому в известной мере помешало столкновение пристава Старшего жуза с сарыбагышами. В связи с новыми нападениями сарыбагышей на бугинцев, а также в ответ на набеги на аилы подвластных Рос-

[1] *П. П. Семенов-Тян-Шанский,* Путешествие в Тянь-Шань в 1856—1857 годах, Географгиз, М. 1946, стр. 94.

сии казахов Хоментовский напал на два аила сарыбагышей, кочевавших в верховьях Чу, и разгромил их. Это ухудшило отношения русских властей с сарыбагышами.

Г. Х. Гасфорд, который считал необходимым установить дружественные отношения со всеми киргизскими племенами, не одобрил действия Хоментовского. 12 октября 1856 г. он писал ему: «Нам прежде всего нужно упрочить наши казачьи водворения в Заилийском крае и привязать к себе разные колена дикокаменных киргизов, поддерживая в них неудовольствие и враждебный дух против кокандцев. Я прошу вас, довольствуясь приобретенным ныне успехом и моральным влиянием нанесенного киргизам наказания, стараться всячески избегать с ними новых неприязненных и враждебных столкновений» [1].

Обследовав восточую часть озера Иссык-Куль, Семенов вскоре вернулся в Верное и здесь узнал подробности столкновения отряда Хоментовского с сарыбагышами. Условия для новой научной экспедиции складывались неблагоприятные. Но Семенов неудержимо стремился проникнуть в тайны Иссык-Куля и Тянь-Шаня. Несмотря на создавшееся напряженное положение, он все же решил обследовать и западную оконечность Иссык-Куля, желая выяснить, не является ли озеро сточным и не берет ли из него свое начало река Чу, как утверждали некоторые европейские географы. Кроме того, Семенова интересовали Тянь-Шаньские горные цепи к западу от Иссык-Куля.

21 сентября 1856 г. Семенов, сопровождаемый проводниками-казахами, выехал из Верного. Отъехав 40 верст, отряд Семенова неожиданно наткнулся на разбойничью шайку, грабившую караван ташкентских купцов, шедший в Верное. «Каракиргизская разбойничья шайка грабила караван, связала сартов, развьючила их тюки, раздевала и обыскивала некоторых из них, обирая их драгоценности, носимые ими за поясом, на груди и в обуви, но занятие это было внезапно прервано отдаленными звуками русской песни, долетавшей до грабителей» [2]. С частью своего отряда Семенов преследовал грабителей, но не догнал.

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 17, док. 75.

[2] *П. П. Семенов-Тян-Шанский,* Поездка из укрепления Верного.., стр. 117.

23 сентября Семенов достиг Чуйской долины в районе кочевий сарыбагышей, но здесь их аилов не оказалось. Полагая, что напуганные сарыбагыши ушли к Иссык-Кулю, он решил отправиться туда через ущелье Боом. Это решение было чрезвычайно смелым, так как идти по труднопроходимому ущелью, имея в тылу кокандские укрепления Токмак и Пишпек, а впереди сарыбагышей, недавно подвергшихся нападению отряда Хоментовского, было рискованно. Несмотря на это, Семенов продолжал путь и 25 сентября у выхода из Боомского ущелья наткнулся на маленький аил. В юртах оказались только женщины и дети, которые бросились навстречу отряду, умоляя о пощаде. Семенов отнесся к ним очень дружелюбно и ласково, роздал подарки и объяснил через переводчика, что никаких враждебных намерений не имеет. Это обрадовало жителей аила. Здесь он узнал, что аилы сарыбагышей находятся на западной оконечности Иссык-Куля. Отправившись туда, Семенов объявил, что прибыл в гости к манапу Уметалы, с которым хочет быть тамыром, то есть другом, что никаких враждебных намерений он не имеет, а наоборот, намерен установить с ним дружественную связь. Сарыбагыши были этому очень рады и устроили Семенову торжественную встречу.

«Здесь нас ожидала прекрасная юрта, наскоро приготовленная для объявивших себя гостями Умбет-Алы,— записал Семенов.— В юрте были разостланы богатые ковры, и когда я уселся на них, то в юрту вошли брат и дядя манапа с некоторыми другими почетными лицами и заявили, что самого Умбет-Алы не было дома, так как он будто бы уехал верст за тридцать в долину реки Кочкара приготовлять байгу, то-есть тризну по убитым сарыбагишам» [1].

Семенов заявил, что он прибыл для установления дружественных отношений между русскими властями, казахами и киргизами, что в дальнейшем не должны иметь место барымта и набеги, которые легко могут перейти в настоящую войну, и что по законам русского государства все нарушители порядка и спокойствия караются. Сарыбагыши устроили обильное угощение. Перед отъездом Семенов передал подарки для Уметалы, а

[1] *П. П. Семенов-Тян-Шанский,* Путешествие в Тянь-Шань в 1856—1857 годах, стр. 117.

сарыбагыши подарили ему несколько боевых коней и вьючных быков.

Экспедиция была благополучно завершена. Семенов писал: «Вопрос, меня живо интересовавший, скоро разъяснился. Главная составная ветвь мощной реки Чу берет начало под названием Кочкара в Тяньшане, выходит из поперечной его долины на иссыккульское плоскогорье, но, не следуя естественному склону к озеру, поворачивает прямо на запад в Буамское ущелье... Я доехал до устья речки и, повернув по берегу озера, вернулся в аул Умбет-Алы, вполне убедившись, что Иссык-куль стока не имеет и что оно в настоящее время не питает реки Чу...» [1]

Кроме этого важного для науки результата поездка Семенова имела определенное значение и в деле укрепления дружественных связей с киргизами. Она внесла заметное улучшение во взаимоотношения русских властей с местными племенами, в частности с сарыбагышами.

Посещение Хоментовским бугинских кочевий и экспедиции Семенова, а также продолжительное пребывание на Иссык-куле в 1856 г. отряда Яновского [2] укрепили положение русских властей в Заилийском крае. Господство России над казахами Старшего жуза к этому времени значительно упрочилось.

В связи с упрочением положения России в Заилийском крае и необходимостью создания здесь прочной базы для дальнейшего продвижения в сторону Киргизии и Кокандского ханства Гасфорд нашел необходимым образовать особый округ в системе Западносибирского губернаторства с сосредоточением в одних руках военного и гражданского управления. Ходатайство Гасфорда по этому вопросу нашло поддержку в министерстве, и в конце 1856 г. в Заилийском крае был создан Алатавский округ [3].

[1] *П. П. Семенов-Тян-Шанский,* Путешествие в Тянь-Шань, в 1856—1857 годах, стр. 118.

[2] За время своей работы его отряд из 40 казаков не встречал со стороны киргизов враждебных действий. Яновским были произведены топографические съемки местности по северному берегу Иссык-Куля до урочища Кесенгер и по юго-восточному берегу до р. Джуу-ку, где проходила караванная дорога в Кашгар. Был снят также район, начиная от перевала Санташ до истоков рек Каркыра и Нарын.

[3] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 17, док. 91.

В январе 1857 г. Хоментовский был отозван. Начальником Алатавского округа был назначен подполковник Перемышльский. Одной из причин замены Хоментовского явилось его чрезмерно воинственное поведение по отношению к соседним племенам и государствам. Семенов отмечал: «Повидимому, его отвага и предприимчивость тяготили генерал-губернатора, который в особенности боялся ответственности за какие-нибудь столкновения слишком предприимчивого пристава Большой орды с соседним Кокандским ханством».

Перемышльский придерживался более осторожной политики. Гасфорд теперь нашел человека «безусловно честного и опытного по службе в Сибири, но очень спокойного и рассудительного и менее отважного, а также менее талантливого и менее образованного, чем был Хоментовский» [1].

В 1857 г. П. П. Семенов организовал новую научную экспедицию — через кочевья бугинцев у восточной оконечности Иссык-Куля в глубь Центрального Тянь-Шаня.

На Иссык-Куле в 1856 г. после ухода оттуда отрядов Хоментовского, как уже отмечалось, вновь начались распри между бугинцами и сарыбагышами. С наступлением весны 1857 г. борьба усилилась. Бугинцы опять вынуждены были удалиться на Текес и обратиться за помощью к китайским властям. Но последние не могли оказать им никакой помощи ввиду начавшегося восстания в Восточном Туркестане.

После ухода бугинцев с берегов Иссык-Куля сарыбагыши заняли большую часть их кочевий. Только на южном побережье остались отколовшиеся от Боромбая роды кыдык и джелден, управляемые манапом Самсалы. Но и они вскоре подверглись разгрому. Одновременно Уметалы обратился с жалобой на бугинцев к начальнику Алатовского округа с намерением, как полагал Перемышльский, добиться невмешательства русских властей в борьбу с бугинцами. Боромбай же по-прежнему молил начальника Алатовского округа о помощи. Поскольку бугинцы считались подданными Российской империи, Перемышльский находил недопустимой потерю их кочевий на восточном берегу озера у хребта Кунгей-Алатау,

[1] *П. П. Семенов-Тян-Шанский,* Путешествие в Тянь-Шань в 1856—1857 годах, стр. 141.

где проходили главные и самые удобные торговые дороги в Кашгар. Для русских властей было желательно сохранение этой территории за бугинцами.

В донесении Гасфорду Перемышльский указывал на необходимость «отправиться на места кочевьев бугу на Иссык-Куль и попробовать их примирить; в случае же неуспеха, оставить там человек 50 казаков, которых и держать до осени, не с тем, чтобы вместе с бугу нападать на сарыбагышей, а только в случае нападения последних оказывать Боромбаю защиту. Этою мерою всего лучше Умбет-Али вынужден будет к примирению»[1].

Характеризуя взаимоотношения бугинцев и сарыбагышей в тот период, П. П. Семенов писал: «Война между обоими каракиргизскими племенами, владевшими бассейном Иссык-куля, была еще в полном разгаре. Номинальные подданные Китая — богинцы, вытесненные кокандскими подданными — сарыбагишами из всего бассейна Иссык-куля, стремились вернуть себе принадлежавшую им восточную половину иссыккульского бассейна, а потому решились вступить в переговоры с приставом Большой орды о принятии их в русское подданство, обусловливая это подданство поданием им немедленной защиты от врагов, их одолевавших. Это было, по отношению к каракиргизам, начáлом того процесса, через который прошла вся Киргизская степь, начиная от Малой орды, войдя род за родом в русское подданство»[2].

Перемышльский, не имея разрешения на организацию военной экспедиции, решил воспользоваться экспедицией Семенова. Отряд, назначенный сопровождать Семенова, был усилен. Одновременно Перемышльский обратился к султану казахов Старшего жуза Тезеку Нуралиеву с просьбой выступить со своими джигитами вместе с Семеновым к восточному побережью Иссык-Куля для защиты бугинцев от сарыбагышей. В конце мая Семенов выступил из Верного.

В пути к отряду прибыл посланец Уметалы с письмом, в котором были изложены жалобы на бугинцев. Письмо было доставлено приставу Старшего жуза. Не вдаваясь в разбор жалоб, Перемышльский передал через послан-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 18, док. 61.
[2] *П. П. Семенов-Тян-Шанский,* Путешествие в Тянь-Шань в 1856—1857 годах, стр. 142.

ного, что поскольку бугинцы являются русскими подданными, то и земли, занятые ранее ими, принадлежат России, и предлагал оставить эти земли. Опасаясь отряда, сопровождавшего Семенова, а также джигитов султана Тезека, направлявшихся к урочищу Каркыра, сарыбагыши выполнили требования Перемышльского и откочевали на западный берег Иссык-Куля.

Экспедиция, пройдя через перевалы Сейректаш и Торуайгыр, в начале июня достигла реки Малая Каркыра. Главный манап бугинцев Боромбай, положение которого в это время было очень трудным, встретил Семенова с радостью, полагая, что сопровождающий его отряд предназначен для оказания ему помощи против сарыбагышей. Семенов разъяснил Боромбаю основную цель своего путешествия. Боромбай изъявил готовность оказать экспедиции помощь. Так как дорога Семенова проходила по Джуукунскому ущелью, Боромбай рассчитывал возвратить свои земли и пашни, а также садовые насаждения по реке Джууку, на южном берегу Иссык-Куля. Бугинцы предоставили Семенову лошадей, быков и верблюдов для перевозки грузов экспедиции.

Из аила Боромбая в сопровождении небольшого отряда Семенов направился в самую глубь Тянь-Шаня, куда еще не ступала нога ученого. По пути он разведал аксуйские горячие источники, а также ряд речек в районе Терскей-Алатау. По дороге к Джеты-Огузу экспедиция встретила группу бугинцев, отпущенных из плена откочевавшими с южного берега Иссык-Куля сарыбагышами. Несмотря на исключительно трудные условия передвижения, преодолевая почти непроходимые тропы в горах, Семенов благополучно добрался до истока реки Нарын.

На обратном пути с вершин Терскей-Алатау Семенов неожиданно наткнулся на «мертвое поле» битвы. «Впечатление, произведенное на меня этим полем,— сообщает он,— было несравненно сильнее, чем впечатления «морга» на Сен-Бернарде. Только тут я глубоко прочувствовал поэтическое обращение великого поэта Пушкина к подобной поляне со словами: «О поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями?»

И чудилось мне, что передо мною что-то колышется на этом страшном мертвом поле и что я уже слышу здесь какие-то живые звуки. И действительно, по мере того

как подвигался вперед по этой пустыне, я увидел, что что-то заколыхалось передо мною и, к моему удивлению, это не была галлюцинация. Навстречу нам с радостным лаем бросилась стая богинских собак, остававшихся с весны на поле битвы и питавшихся там нисколько не разложившимися вследствие холода трупами» [1].

Это «мертвое поле» хранило память кровавой схватки бугинских родов кыдык и джельден с сарыбагышами весной 1857 г. «Род Кыдык... богат и силен,— писал Семенов: — он мог один выставить 3000 всадников, способных носить оружие, а стадам и табунам его не было счета. У родоначальника кыдыков, бия Самсалы, в частной его собственности считалось не менее 3000 лошадей; но Самсала, гордый и заносчивый, поссорившись с манапом Бурамбаем, имел неосторожность откочевать со всем своим родом и расположиться уединенно на юго-восточной оконечности Иссык-Куля. Сара-Багиши, следившие постоянно за непримиримыми своими врагами, тотчас воспользовались этой неосторожностью, обошли Иссык-Куль, отрезали Кыдыков от сообщения с остальными богинцами и неожиданно напали на беззащитные их аулы. Панический страх овладел Кыдыками: они бежали со своими стадами и имуществом куда могли и наконец, потеряв 600 человек убитыми и 1200 взятыми в плен, бросились через высокий Заукинский проход на малую Бухарскую сторону Тянь-Шаня, которую и хотели обойти для соединения со своими соплеменниками. Стада, конечно, погибли на дороге, и Самсала, потеряв все свои богатства и часть своего семейства, едва мог возвратиться к Бурамбаю со слабыми остатками своего рода» [2].

На обратном пути, во время пребывания в аиле Боромбая, Семенов написал письмо Уметалы с предложением примириться с бугинцами. В своем ответе Уметалы предлагал прежде чем примириться, установить потери обеих сторон, причем он считал, что погибших людей следует расценивать по их принадлежности к «белой» или «черной кости». В качестве подарка своему тамыру — Семенову, бывшему в его доме гостем в прошлом

[1] *П. П. Семенов-Тян-Шанский,* Путешествие в Тянь-Шань в 1856—1857 годах, стр. 177.

[2] *П. П. Семенов-Тян-Шанский,* Первая поездка на Тянь-Шань.., стр. 11—12.

году, Уметалы отправил находившееся у него в плену семейство Боромбая. Семенов передал всю семью Боромбаю и в свою очередь отправил Уметалы ценные подарки. Однако и на этот раз примирение бугинцев и сарыбагышей не было достигнуто.

В конце июня Семенов покинул берега Иссык-Куля. При прощании Боромбай настоятельно просил его оказать содействие в обеспечении бугинцам надлежащей защиты со стороны Российской империи.

В начале июля Семенов сделал попытку подняться к Музартским ледникам. На Текесе он был хорошо принят местными кочевниками. Это были бугинцы, постоянно кочевавшие в районе Текеса и, несмотря на принятие подданства России большинством своих сородичей, остававшиеся китайскими подданными. С перевала Кокджар и от верховьев реки Сарыджас Семенов наблюдал величественные горные хребты, покрытые вечными льдами, с возвышающейся к небу вершиной Хан-Тенгри.

Путешествие П. П. Семенова в 1856—1857 гг. на Тянь-Шань дало возможность уточнить и уяснить ряд спорных и неясных вопросов. Его наблюдения окончательно опровергли некоторые неправильные мнения европейских географов, в частности утверждение немецкого ученого А. Гумбольдта о том, что на Тянь-Шане в изобилии встречаются потухшие и действующие вулканы. Семенов выяснил, что на Тянь-Шане вулканические явления отсутствуют.

Пребывание Семенова среди киргизских племен оказало определенное влияние на дальнейшее укрепление экономических и политических связей, а также дружественных отношений киргизов с русским народом. Выдающийся представитель великого русского народа П. П. Семенов с первой же встречи с киргизами приобрел их искреннюю любовь и глубокое уважение. В сравнении с представителями официальной царской администрации Семенов поражал киргизов своей справедливостью и искренним дружеским сочувствием их бедственному положению в результате нескончаемых междоусобных раздоров.

Глубокое уважение, которое снискал П. П. Семенов у киргизского народа, дало ему возможность успешно путешествовать по диким и глухим местам Тянь-Шаня. Киргизы не только предоставляли ему необходимый

рабочий скот, который приходилось очень часто заменять, но и сами с охотой добросовестно служили проводниками, разведчиками, рабочими и т. д. За все три путешествия на Тянь-Шань Семенов, несмотря на войну между бугу и сарыбагышами, не видел признаков враждебного отношения к себе. Искреннее дружеское общение Семенова с киргизами в тот период было началом той нерушимой братской дружбы киргизского народа с великим русским народом, которая восторжествовала лишь после Великой Октябрьской социалистической революции.

В 1858 г. вторично совершил поездку в Киргизию ученый Чокан Валиханов. Эта поездка также явилась важным событием в деле укрепления связей киргизских племен с Россией. Поездка Валиханова была вызвана главным образом происходившим в тот период восстанием народов Восточного Туркестана против маньчжурского правительства [1].

Восстание вспыхнуло в тот момент, когда положение Цинской империи было очень тяжелым. В 1851—1853 гг., в результате восстания тайпинов в Китае наряду с маньчжурским возникло тайпинское государство с центром в Нанкине. Воспользовавшись этим, Англия, Франция и США усилили свое проникновение в Китай с целью превращения его в колонию. В 1856—1860 гг. происходили так называемые вторая и третья «опиумные войны», закончившиеся поражением Цинской империи. В результате Китай, заключив ряд неравноправных кабальных договоров с победителями, становится еще более зависимым от иностранных капиталистических государств. В это же время Российская империя поставила вопрос о возвращении ей левого берега Амура и Уссурийского края, принадлежавших в XVII в. русскому государству. Кроме того, интересы Российской империи сталкивались в этот период с интересами Китая и в других пограничных пунктах. Поэтому события в Синьцзяне должны были живо интересовать правительство России, которое намеревалось для успешного решения амурского и уссурийского вопросов оказать давление на Китай в Илийском крае.

[1] Толчком к восстанию явилось выступление одного из «претендентов» на власть — Валихан-тюре, который с отрядами кашгарских эмигрантов и киргизов в 1857 году вторгся в Кашгарию. Ему вскоре удалось занять города Кашгар и Янгигисар, изгнав оттуда наместников цинского правительства. Но через четыре месяца, разбитый китайским войском, Валихан-тюре бежал обратно в Коканд.

Население Синьцзяна, имевшее издавна тесные экономические и культурно-политические связи с киргизами и казахами, всегда находило у них сочувствие и поддержку в борьбе за независимость, тем более что под властью китайских феодалов еще оставались многие пограничные племена. Для них участие в восстании против китайских феодалов являлось борьбой и за собственное освобождение от иноземного гнета. При таком положении дел Россия, владения которой теперь, с присоединением Заилийского края и принятием в подданство бугинцев, непосредственно граничили с Западным Китаем, не могла остаться безучастной к происходившим там событиям.

Эти события интересовали российское правительство еще и потому, что Кашгария в этот период уже начала приобретать определенное значение для противодействия России английской агрессии на Востоке. В докладной записке генерал-майора Ковалевского по этому вопросу на имя министра иностранных дел и военного министра указывалось: «Кашгар, обширная и плодоносная провинция, в которой считается более миллиона жителей, отделен от Китая проходами Мус-Даг, которые весьма легко преградить; с юга он отделен от английских владений в Индии незначительным, хотя и горным пространством; далее к западу граничит с Афганистаном и Кокандскими владениями и, наконец, на севере, примыкает к части наших сомнительных владений дикокаменных киргизов (бурут). Географическое положение указывает на важность Кашгара в политическом значении как для России, так и для Англии и этим объясняется старание той и другой иметь в нем своих агентов» [1]. Еще в начале 1857 г., во время пребывания в аилах бугинцев, Семенов по поручению русских властей отправил специальных лиц с заданием подробно разузнать о волнениях в Кашгаре. Посланцы успели вернуться до его отъезда из аила Боромбая. Но привезенных ими сведений о положении в Кашгаре было далеко не достаточно.

Для более обстоятельного и всестороннего изучения положения дел в Кашгаре военное министерство предло-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 18, док. 12.

жило Гасфорду командировать туда секретного агента. Подходящей кандидатурой для этого сочли образованного казаха поручика Чокана Валиханова. Вскоре вместе с татарином Файзуллой Ногаевым он был отправлен в аил манапа Боромбая. Валиханову было предложено собрать сведения о населении, а также о политическом и военном положении Восточного Туркестана. Ему было рекомендовано также более тесно связаться с манапами племени бугу.

Летом 1858 г. в составе торгового каравана Валиханов совершил свою поездку в Кашгар. К этому времени китайским властям удалось подавить восстание. Но отдельные волнения все же не прекращались. Идея создания независимого, самостоятельного государства оставалась по-прежнему популярной.

В этой поездке Валиханову удалось собрать важные сведения [1].

Во время путешествий по Семиречью Валиханов очень интересовался близким к казахам киргизским народом. В аилах бугинцев он еще в 1856 г. начал записывать отрывки известного киргизского эпоса «Манас». В своих работах он оставил ценные материалы об истории, культуре, быте и народном творчестве киргизов [2].

В 1858 г. в результате подписания русско-китайского Айгунского договора вопрос об Амурском крае был решен. Левый берег Амура отошел к России. В 1860 г. было признано право России на Уссурийский край. Временно напряженность в отношениях с Китаем ослабла. Но отношения России с Кокандским ханством стали приобретать все более напряженный характер.

Весной и летом 1857 г. позиции Кокандского ханства в Чуйской долине несколько пошатнулись. Нарастало новое возмущение среди казахского и киргизского населения, совпавшее с борьбой претендовавшего на ханский престол Малля-бека с его братом Худояр-ханом.

Главными причинами частых волнений в Кокандском ханстве всегда были тяжесть налогов и произвол властей. А. А. Катенин в донесении министру иностранных дел от 27 января 1858 г. указывал: «Вообще, говорят, поборы с народа огромны и собираются при всевозмож-

[1] См. *Ч. Ч. Валиханов*, указ. соч., стр. 79—150, 355—356.
[2] См. там же, стр. 179—194, 286—305 и др.

ной несправедливости и насилиях, так что не только киргизы, но и даже сами кокандцы желают будто бы нашего покровительства и с нетерпением спрашивают, скоро ли русские овладеют Туркестаном» [1]. Непосредственным толчком к восстанию кочевников являлись насилия и произвол ташкентского бека Мирза-Ахмата, о котором говорилось выше.

Некоторые киргизские племена Чуйской долины, принимавшие участие в выступлениях против Коканда и нападениях на кокандские крепости, в этот период снова предприняли попытки получить российское подданство. Гасфорд в отношении к генерал-губернатору Оренбургского края 28 сентября 1857 г. упоминал, что в 1857 г. «еще одно многочисленное колено рода сарыбагыш просило о поступлении в подданство его величества государя императора» [2].

После подавления восстания кокандцы значительно увеличили численность своих гарнизонов в Чуйской долине [3]. В Аулие-Ата стоял сильный гарнизон, который должен был следить за казахскими родами, пытавшимися бежать в пределы подвластной России территории. Кокандское правительство, напуганное совместным выступлением казахов и киргизов, стало искусственно разжигать между ними вражду, используя для этого против киргизов сыновей Кенесары, которые намеревались взыскать с киргизов кун за убитого отца [4].

Вскоре в связи с окончанием борьбы за ханский престол к власти пришел Малля-бек, свергнувший своего брата Худояра. При Малля-хане внутреннее положение Кокандского ханства стало понемногу укрепляться. Малля-хан сумел расположить к себе киргизских и кипчакских феодалов лучше, чем его предшественник. Почти все кокандские военные укрепления в Северной Киргизии в это время приобрели важное административно-политическое значение, обеспечивавшее власть хана над киргизами. Кокандцы пытались расположить к себе казахов Старшего жуза, посылали письма их биям и султанам. Однако они не решались напасть на подвластный России Заилийский край.

[1] ЦВИА МВД Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 18, док. 16.
[2] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 13, док. 21.
[3] Там же, д. 18, док. 140.
[4] Там же, док. 175.

Малля-хану удалось снова упрочить свою власть над северокиргизскими племенами, даже среди бугинцев. Смерть в 1858 г. старшего манапа Боромбая до некоторой степени облегчила это. Играя на раздорах бугинцев с сарыбагышами, представители хана стали добиваться признания бугинцами власти Коканда. Эта агитация имела частичный успех. Но в вопросе о подданстве среди бугинцев не было единства. Особенно это проявилось при выборе нового старшего манапа. Одна группа манапов, ориентировавшаяся на Коканд, выдвигала кандидатуру Мураталы. Другие — сторонники русской ориентации — выдвигали Качибека или сына Боромбая — Омурзака.

Гасфорд, учитывая важность событий, предложил начальнику Алатавского округа вмешаться в выборы старшего манапа. Перемышльский, прибыв в кочевья бугинцев, без особого труда сумел добиться признания временным старшим манапом Омурзака. А через год в этой должности был утвержден другой сторонник России — Качибек. Это, однако, вновь привело к обострению взаимоотношений бугинцев и сарыбагышей, которых кокандцы, как и прежде, использовали в своих целях. Между племенами вновь возобновились набеги, вскоре перешедшие в войну.

Относительное улучшение внутреннего положения Коканда дало возможность хану предпринять ряд мер против наступательного движения России как с Сыр-Дарьинской линии, так и со стороны Сибири. Это вызвало ответные действия России.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

БОРЬБА РОССИИ С КОКАНДСКИМ ХАНСТВОМ. УКРЕПЛЕНИЕ ПОЗИЦИИ РОССИИ В СЕВЕРНОЙ КИРГИЗИИ

С конца 50-х годов XIX в. в правительственных кругах России все настойчивее ставился вопрос о необходимости соединения Сибирской и Сыр-Дарьинской линий.

9 декабря 1858 г. оренбургский генерал-губернатор Катенин писал военному министру: «Занятие северных кокандских областей необходимо для прочного устройства военной границы Оренбургского края посредством соединения ее с Сибирской... Охранение подвластных нам ординцев, содержание Сыр-Дарьинской линии без значительного ущерба казны, пользование местными средствами, смирение дерзости кокандцев, развитие торговли между Ташкентом, Бухарою, с Сибирским и Оренбургским краями, Яркендом и Западным Китаем до тех пор будут неисполнимы, покуда мы не соединим Сыр-Дарьинскую линию с Сибирской южной границей»[1].

Рекогносцировка была осуществлена летом 1859 г. под руководством штабс-капитана Венюкова. На границе Киргизии с Заилийским краем было основано укрепление Кастек как опорный пункт для дальнейшего наступления на кокандские крепости в Северной Киргизии. Столкновений с кокандцами отряд Венюкова не имел.

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 20, док. 282.

Гарнизоны Токмака и Пишпека укрылись в крепостях, а киргизы Чуйской долины вступили с Венюковым в дружественные отношения, и ему удалось полностью выполнить свою задачу.

Рекогносцировка имела важное значение для укрепления связей с населением Чуйской долины. Она показала, что занятию русскими войсками Пишпека и Токмака киргизы не станут противодействовать.

Г. Х. Гасфорд отмечал: «Появление нашего отряда на Чу оказало большое влияние на тех дикокаменных, которые кочуют около Токмака и Пишпека, которые доселе, под влиянием кокандцев были к нам неприязненны. К начальнику рекогносцировки не раз являлись посланные от разных родов этих киргизов и просили его взять Токмак, дабы они могли бы без опасения мести ташкентцев, открыто сделаться нашими подданными. Штабс-капитан Венюков только потому не удовлетворил их желание, что ему было строго предписано мною не начинать никаких наступательных действий» [1].

В апреле — июне 1859 года была проведена также экспедиция Голубева в районе кочевья бугинцев. Небольшой отряд Голубева, прикрывая бугинцев от сарыбагышей и кокандцев, в то же время провел ценные исследования. Были изучены районы Кегень, Текеса и Иссык-Куля, определены широты и долготы ряда пунктов и т. д. [2] Движение отряда Венюкова вызвало тревогу кокандского хана. В Пишпеке и Токмаке были усилены гарнизоны. Кокандские отряды совершили нападения на Кастек и некоторые подвластные России казахские племена, кочевавшие по правобережью Чу.

14 декабря 1859 г. вопрос о занятии верховьев реки Чу и крепостей Пишпек и Токмак был решен окончательно. Военный министр сообщил об этом Гасфорду и переслал инструкцию, в которой указывалось, что экспедицию следует приурочить к началу военных действий против кокандской крепости Джулек со стороны Сыр-Дарьинской линии, намеченных на 1861 г. В случае же нападения на Заилийский край самих кокандцев генерал-губернатору Западной Сибири предоставлялось право, не

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 17, док. 197.

[2] См. *А. Голубев*, Краткий отчет о результатах Иссык-Кульской экспедиции, «Вестник РГО», ч. XXVIII, отдел I, вып. 4, 1860 г., стр. 183—198.

ожидая особого приказания, предпринять экспедицию против Токмака и Пишпека и занять их.

В 1860 г. борьба между Россией и Кокандским ханством из-за Северной Киргизии вступила в решающую фазу. Западносибирский генерал-губернатор считал устранение влияния кокандцев на бугинцев и другие пограничные с Заилийским краем киргизские племена первостепенно важным делом. Лучшим средством для этого могло бы быть, как он полагал, уничтожение кокандских крепостей в Чуйской долине. Он писал: «Это открытое нападение по крайней мере может решить дело разом и с несомненным успехом для нас, тогда как если мы допустим кокандцев продолжать свои происки, сбор зякета и т. п. в Дикокаменной орде, то мы долго не в состоянии будем потом умиротворить горные племена бугинцев, сарыбагышей, солто и проч.» [1]

Готовясь к экспедиции, Гасфорд стал сосредоточивать военные силы в укреплении Верное. Малля-хан, которому было известно о военных приготовлениях в Оренбургском и Западносибирском генерал-губернаторствах, в конце 1859 г. сделал попытку предупредить столкновение дипломатическим путем. Не достигнув результата, он стал энергично готовиться к отражению предстоящих наступательных действий России.

Хан обратился к бухарскому эмиру с предложением заключить союз против России. Одновременно кокандское правительство начало широкую агитацию среди киргизских и казахских племен. Агитация велась через мусульманское духовенство и бродячих дервишей под лозунгом «священной войны» — газавата. С той же целью разъезжали специальные агенты хана под видом духовных лиц и дувана [2]. Однако эта агитация в Северной Киргизии особого успеха не имела.

Немало подвластных Коканду киргизских и казахских племен, в последние годы вынужденных часто менять свое подданство, ждали развязки борьбы между Кокандом и Россией. Некоторые манапы и старшины советовали хану ускорить начало войны с Россией. Кокандские наместники все чаще подстрекали чуйских киргизов к нападению на подвластных России казахов.

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 23, док. 11.

[2] *Дувана* или *думана* — бродячие нищие, служители культа, живущие подаяниями.

К весне 1860 г. снова стал приобретать первенствующее значение вопрос о подданстве бугинцев. Кокандские власти пытались вновь утвердить свое влияние на племя бугу и намеревались построить укрепление на берегу Иссык-Куля [1]. Как и прежде, они использовали борьбу бугинцев с сарыбагышами, взаимоотношения которых снова обострились.

Во время одного из вооруженных столкновений в 1859 году в плен к бугинцам попал влиятельный сарыбагышский манап Тёрёгельди, и бугинцы, несмотря на требования и угрозы, не освобождали его, надеясь на поддержку начальника Алатовского округа. Тогда сарыбагыши начали готовиться к походу, чтобы освободить Тёрёгельди из плена [2]. В этих условиях кокандские правители Пишпека потребовали от бугинцев выплаты зякета, угрожая в случае отказа «послать 500 храбрых джигитов», которые силою возьмут его [3].

Дост-Мухаммед-дахта писал бугинским манапам: «Собрав войско, мы находимся в готовности. Если хотите поступить по правде, приезжайте к нам и мы передадим вам ваших пленных, где бы вы их не увидели; если не хотите, то мы с грозою немедленно явимся к вам. Высокопоставленный хан наш повелел нам, что если замедлит посланный нами посол и о нем не будет известия, то идти на вас и сделать расправу или наказать вас» [4].

Среди бугинцев в это время сложилось две группировки. Одна, во главе с манапами Мураталы, Тилекматом, Чон-Карачем и другими, держала сторону кокандцев. Другая, во главе с манапами Качибеком, Зарпеком, Кылычем и другими, склонялась на сторону России. Бугинские манапы русской ориентации просили начальника Алатовского округа прислать к ним военный отряд для ограждения их от притеснений кокандских властей. Но в то же время для обеспечения своей безопасности они частично выплачивали зякет и посылали депутации в Коканд с подарками Малля-хану.

Активизация деятельности кокандцев среди бугинцев и обращения последних к начальнику Алатавского округа заставили русские власти решительно потребовать от

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 23, док. 11.
[2] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 76, док. 283.
[3] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 23, док. 32.
[4] Там же, док. 17.

кокандского наместника в Пишпеке отказа от каких бы то ни было притязаний на бугинцев — подданных Российской империи.

Комендант Пишпека Атабек-дахта в своем письме к начальнику Алатавского округа полковнику Колпаковскому, объясняя основания предъявленных бугинцам требований, указал, что они издавна являются подданными кокандского хана и потому обязаны платить ему зякет. В ответном письме Г. А. Колпаковский заявил, что бугинцы по присяге 1855 года являются русскими подданными, и потому нападения на них будут рассматриваться как враждебные действия против России. Эта переписка не привела к улучшению отношений с Кокандом, и генерал-губернатор Западной Сибири Гасфорд предложил Колпаковскому прекратить всякие сношения с комендантом Пишпека, указав, что «в этом деле последним доказательством остается сила оружия» [1].

В это же время вновь обострились взаимоотношения чуйских киргизов с казахами Заилийского края. Сарыбагыши в ноябре 1859 г., напав на аулы казахов племени албан, угнали у них около тысячи голов скота. Раздоры между киргизскими и казахскими племенами в данный период отвечали интересам Коканда и поощрялись ханским наместником Пишпека.

Все эти обстоятельства заставляли Колпаковского и Гасфорда торопиться с военной экспедицией против крепостей Токмак и Пишпек. Для руководства предстоящими военными операциями в Заилийском крае в распоряжение Гасфорда был командирован полковник генерального штаба Циммерман.

5 февраля 1860 г. Колпаковский отправил из Верного к берегам Иссык-Куля казачий отряд из 70 человек с двумя ракетными станками и с двухмесячным запасом продовольствия под командою сотника Жеребятьева. Вслед за ними должен был выступить второй отряд, под начальством Венюкова, по маршруту Верное — Кастек и далее через проход Сюектёбё и Малый Кемин, перевалы Кокмойнок и Торуайгыр в Кётмалды (ныне Рыбачье).

16 февраля отряд Жеребятьева достиг восточной оконечности озера и остановился в кочевьях бугинцев.

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 23, док. 52.

Жеребятьев, ранее бывавший здесь, лично знал ряд бугинских манапов и немного владел киргизским языком. В отряде находился также переводчик, хорунжий Бородин, хорошо знавший киргизский язык. Ему было поручено ведение переговоров. Отряд Жеребятьева, обосновавшийся на реке Тюп, с выходом второго отряда на западную оконечность Иссык-Куля должен был двинуться ему навстречу по южному берегу озера, производя по пути топографическую съемку местности.

Экспедиция должна была показать не только военное превосходство над Кокандом, но и доброе, дружелюбное отношение России к киргизским племенам. В инструкции, данной Венюкову, осуществлявшему общее руководство отрядами, говорилось: «Экспедиция эта не должна иметь враждебного характера... следует строго не допускать солдат, а в особенности казаков, ни к каким насилиям, бесплатным поборам и обидам дикокаменных киргизов, какого бы рода они ни были, если только сами не будут нападать и враждебно действовать против нашего отряда»[1]. Бугинцам Гасфорд предписал объявить, «что они навлекут на себя грозу и потом горько будут раскаиваться, если подчинятся подстрекательствам кокандцев». Касаясь отношений с сарыбагышами и манапами других киргизских племен, Гасфорд указывал: «Надобно, чтобы при выступлении отрядов на Иссык-Куль всем дикокаменным киргизам было объявлено, что намерения наши совершенно мирны, что ни одна каракиргизская юрта не будет тронута русскими, если ее обитатели будут вести себя спокойно. Но пусть все знают, что за каждый враждебный шаг против нас будут расплачиваться головами»[2].

Об общей цели экспедиции Гасфорд писал: «Цель высылки отрядов состоит в пресечении кокандцам доступа на Иссык-Куль и утверждения их влияния там. Никаких наступательных действий производить не должно: в случае необходимости быть готовыми действовать энергически»[3]. Таким образом, отряд должен был окончательно закрепить господство России на берегах Иссык-Куля. Борьба шла не только за утверждение власти над бу-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 23, док. 54.
[2] Там же, док. 60.
[2] Там же, док. 43.

гинцами, но и за влияние на племя сарыбагыш. Это было очень важно в интересах дальнейшей борьбы за обладание всей Северной Киргизией.

На Венюкова была возложена также обязанность руководить всеми топографическими работами на Иссык-Куле. Ему были даны деньги для приобретения подарков влиятельным манапам и на другие расходы. Наряду с этим Венюкову предписывалось захватить в плен манапов, занимавших в то время враждебные позиции по отношению к России.

Узнав о продвижении русских отрядов на Иссык-Куль, сарыбагыши поспешно помирились с бугинцами, а последние освободили из плена манапа Тёрёгельди.

После прибытия на Иссык-Куль отряда Жеребятьева из крепости Куртка на южный берег озера прибыл кокандский отряд. Узнав о находившихся там русских военных силах, кокандцы отправили гонцов в укрепление Куртка и в Пишпек за подмогой, а сами стали строить на реке Кызылсу укрепление. К бугинцам они обратились с просьбой оказать содействие в подвозе строительных материалов, в то же время потребовав уплаты зякета. Часть бугинцев, подвластная манапам Мураталы, Тилекмату и Чон-Карачу, выплатила зякет и обещала помощь в строительстве укрепления. Но большинство бугинцев, считая свою связь с Россией крепкой и свое подданство окончательным, отказалось выполнить это требование.

Командир Сибирского корпуса, узнав о появлении кокандского отряда на южном берегу озера, потребовал от Колпаковского принять решительные меры как против кокандцев, так и против поддерживающей их части бугинцев. Он писал начальнику Алатавского округа: «Стараться истребить и взять в плен весь отряд. Если партия бугинских манапов Мурат-Али и Чон-Карача примет участие в действиях против нас, то истребить ее в устрашение прочим родам. Не поняв чести и ласк, пусть испытают кару и мзду. Начатый кокандцами на Иссык-Куле курган разорить, взятый ими зякет забрать. Преданных нам манапов обласкать и наградить»[1].

Получив от Гасфорда твердое указание вытеснить кокандцев с Иссык-Куля, Колпаковский решил начать

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 23, док. 84.

военные действия силами отряда Жеребятьева, выделив ему подкрепления из Верного. Жеребятьеву было предписано не допускать сбор зякета у бугинцев.

В начале мая Колпаковский сам выехал в район расположения восточного отряда. Одновременно выступил из Верного западный отряд. Положение дел вскоре начало принимать благоприятный для русских властей оборот. Многие бугинские манапы, до тех пор колебавшиеся, стали ориентироваться на Россию и даже потребовали от кокандцев, чтобы они удалились с берегов Иссык-Куля.

Получив подкрепление, сотник Жеребятьев направился от реки Каракол к реке Джууку, где стояли кокандские отряды, и остановился в 12 верстах от них. Кокандцы, заметив его приближение, в ночь на 7 мая снялись с позиций и через ущелье Джууку ушли к укреплению Куртка. После этого последние бугинские манапы, в частности, Мураталы, отказались от кокандской ориентации. Необходимость в военных действиях отпала.

Как только полковник Колпаковский прибыл на Иссык-Куль, к нему явились все манапы племени бугу, в том числе и недавние сторонники Коканда — Мураталы, Тилекмат и Чон-Карач. Они выразили полную покорность и «чувства преданности» Российской империи. Колпаковский первоначально намеревался захватить в плен и примерно наказать Мураталы и Тилекмата, но, уступая просьбам других манапов, а также опасаясь, как бы не запугать остальных бугинцев, он отказался от своего намерения и лишь пригрозил, что в случае новых нарушений Мураталы и Тилекматом присяги или же двуличного поведения они, как изменники, поплатятся, «не только своими головами, но и всем аульным состоянием, которое все будет предано огню и мечу» [1]. В то же время Колпаковский обласкал преданных России манапов и от имени генерал-губернатора Западной Сибири вручил им подарки и награды. Наиболее влиятельные манапы были приглашены в Верное. Таким образом было прочно утверждено влияние России над всеми родами бугинцев.

Западный отряд, снявшись с Малого Кемина и совершив трудный переход через крутые перевалы Кёкмойнок и Торуайгыр хребта Кунгей-Алатау, достиг берегов Иссык-Куля 20 мая.

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 23, док. 99.

В случае отказа сарыбагышей от заключения прочного мира с бугинцами и от мирного решения споров по барымте Венюков намеревался преследовать Тёрёгельди, как главу наиболее враждебных сарыбагышских манапов. Он хотел отобрать у них пашни и отдать их бугинцам, а в случае сопротивления — разорить несколько аилов объединенными силами бугинцев и казаков. Чтобы заставить сарыбагышей вернуть угнанный ими у племени албан скот и обеспечить спокойствие на Иссык-Куле, Венюков предполагал захватить Тёрёгельди и других влиятельных манапов и отправить их в Верное в качестве заложников.

Но Венюкову не удалось полностью выполнить свою задачу в отношении сарыбагышей. В это время часть их родов под управлением Адыла, Аджы и Калыгула кочевала на северном побережье Иссык-Куля. Эти манапы участвовали во всех набегах Тёрёгельди на бугинцев, а также совершали набеги на казахов Старшего жуза племени албан. Венюкову было предписано вызвать их в отряд, задержать и направить в Верное. Манап Адыл был захвачен, но другие, подозревая опасность, успели со своими родами откочевать далеко в глубь Тянь-Шаня и в сторону Сусамыра и Таласса. Не удалось Венюкову захватить и манапов Уметалы и Тёрёгельди, так как они к этому времени ушли в верховья Джумгала и далее в глубь Тянь-Шаня. Оставшиеся в долине Кочкора сарыбагышские роды, подвластные манапу Рыскулбеку, как и прежде, вели себя мирно и дружественно.

В первой половине июня рекогносцировка западного отряда закончилась, и 10 июня он вернулся на Малый Кемин. Но в связи с возможностью нового нападения Тёрёгельди и кокандцев Венюков по просьбе бугинцев оставил на Иссык-Куле до особого распоряжения отряд сотника Жеребятьева.

Оценивая рекогносцировку отрядов Венюкова и Жеребятьева, Гасфорд в донесении военному министру от 14 июня 1860 г., писал: «Результатом этих движений является не только совершенное восстановление нашего влияния у бугинцев, которых все манапы прибыли в Верное, но и удаление с Иссык-Куля кокандцев, захват

Адыла и бегство некоторых главнейших хищников рода сарыбагышей, одних за Небесные горы, а других в Таласс» [1].

Рекогносцировка выявила также военную слабость Коканда и, следовательно, возможность предпринять экспедицию против Токмака и Пишпека сравнительно небольшими силами.

Кокандцы, однако, не считали еще свои дела проигранными. Хан решил направить в Чуйскую долину более крупные силы, которые могли бы нанести чувствительный удар господству России в Заилийском крае и уничтожить ее влияние в Северной Киргизии. Кокандское правительство предполагало прежде всего захватить передовое русское укрепление в Северной Киргизии — Кастек и разрушить его. Подготовка к этому была начата еще до прибытия отряда Венюкова на Иссык-Куль.

Готовясь к серьезному столкновению с Россией, Малля-хан энергично проводил мобилизацию всех своих ресурсов. Он форсировал сбор зякета и других налогов с населения, увеличил пошлины и некоторые косвенные налоги, сократил расходы на двор, повел борьбу со всякого рода казнокрадами, взяточниками и т. д. Внутриполитическое положение страны хан старался укрепить путем примирения правящей киргиз-кипчакской верхушки с торгово-купеческими слоями, а также оседлыми узбекскими феодалами. Он усердно добивался привлечения на службу, особенно военную, кочевых феодалов, считая киргизов и кипчаков наиболее боеспособным резервом для укомплектования войск. Влиятельных представителей киргизской и кипчакской знати — Алымкула, Утенбая, Нурмухаммеда, Алымбека, Омурбека, Мингбая и других хан приблизил ко двору, одаривал подарками и прислушивался к их советам. Ему удалось расположить к себе и ряд крупных манапов Северной Киргизии — Джангарача, Байтика, Джантая, Мураталы и других.

Командующий Сыр-Дарьинской линией доносил оренбургскому генерал-губернатору: «Малля-бек, изгнав брата своего Худояра с помощью бухарского эмира и достигнув ханского достоинства в ноябре 1857 года, по-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 23, док. 114.

стоянно приобретает все более и более влияние не только в самом ханстве, но даже и среди соседних кочевых племен, как то: дикокаменных киргизов, кипчаков, каратавцев, почти всегда подчинявшихся ханам только номинально. Стесненный, с одной стороны, противодействием Худояра, опасаясь тайных козней эмира Бухарского, постоянно поддерживающего какого-либо претендента на престол с тайной целью воспользоваться неурядицей Коканда к личной своей пользе, и с другой, боясь близкого соседства русских, Малля-бек тем не менее с искусством ловкого азиатского политика твердо держался на шатком престоле, обнаруживая в делах внутреннего управления в противоположность расслабленному Худояру, замечательную деятельность» [1].

Но внешнее положение Кокандского ханства было по-прежнему тяжелым. Отношения с эмиром Бухарским оставались враждебными; попытки установления с ним мира и дружбы не дали положительного результата. Тогда кокандский хан, воспользовавшись отсутствием эмира, который в то время воевал с афганским правителем, в феврале 1860 г. сам напал на бухарскую крепость Ура-Тюбе. Однако эмир сумел быстро выставить против Малля-хана до 12 000 воинов во главе с Худояром. В отряде находились и два других претендента на кокандский престол — сыновья убитого в 40-х годах хана Мадали. Это столкновение еще более обострило отношения между кокандским ханом и бухарским эмиром.

Однако наиболее грозные события, имевшие для Кокандского ханства первостепенное значение, надвигались со стороны Западной Сибири и Оренбурга. Но к войне с Россией Коканд, несмотря на все усилия хана, оставался совершенно неподготовленным.

Сильно отсталый в технико-экономическом и культурном отношении феодальный Коканд не мог создать хорошо организованной и оснащенной современной военной техникой армии. По сравнению с Россией и европейскими государствами военная техника и организация войск Коканда были очень отсталыми. Правда, в последние годы были осуществлены некоторые улучшения: усовершенствовалась система укреплений, усиливалась крепостная артиллерия, улучшалось качество вооруже-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 23, док. 74.

ния, создавались новые пехотные части, проводилось обучение войск и т. д., но они далеко еще не отвечали требованиям современной войны.

В Кокандском ханстве почти не было регулярного обученного войска. Войска для поддержания порядка внутри страны, гарнизоны городов и крепостей вербовались в основном путем найма. Обычно после окончания полевых работ коменданты крепостей и наместники округов обращались к населению с призывом поступать на военную службу. Такие призывы почти всегда давали необходимое пополнение. Тяжелая жизнь дехкан — земледельцев и скотоводов, налоговый гнет, притеснения и произвол феодалов и чиновников толкали многих на военную службу, потому что она давала некоторые привилегии в мирное время. В случае же войны все подданные хана, способные носить оружие, обязаны были вступать в ополчение.

На вооружении кокандцев преобладало холодное оружие: сабли и пики. Огнестрельного оружия не хватало, поэтому оно выдавалось наиболее отличившимся и умеющим владеть им. Ружья были плохие, старых образцов — русские, турецкие, английские, голландские и иные. Артиллерия состояла из больших медных орудий и из малых разнокалиберных чугунных и железных пушек — «китайча». Отливка пушек производилась главным образом в Коканде, а производство пороха — в крепости Кумыш-Курган, расположенной между Кокандом и Ходжентом. Кокандские военачальники при столкновениях с хорошо вооруженным противником обычно рассчитывали численным превосходством восполнить слабость вооружения.

Командный состав вербовался главным образом из представителей феодалов, особенно из кочевников кипчаков. Деление на ранги: мингбаши — главный военачальник, пансаты — пятисотенные, юзбаши — сотенные и десятские, оставалось то же, что и в старинных монгольских войсках. Строгой военной дисциплины, предусмотренной определенным уставом, в кокандском войске не было. Ханы и феодалы воспитывали воинов в таком духе, что основным стимулом к войне для них нередко служило стремление к захвату добычи. Военачальники также обычно использовали свою должность как источник обогащения.

Обычно хан выступал в поход с отрядами своей личной охраны. По пути он забирал гарнизоны и ополченцев, оставляя в городах и крепостях лишь минимальное число воинов. Для руководства вооруженными силами хан иногда назначал главнокомандующего-мингбаши, а иногда предводительствовал сам. Из крепостей забирались и орудия, которые везли, в зависимости от дороги, на двухколесных телегах, лошадях, верблюдах и т. д. Боеприпасы возили в особых сундуках, расходовали их по мере надобности, без специальных положений или правил учета.

Кокандские войска в основном состояли из кавалерии, могли быстро перемещаться и за короткий срок покрывать дальние расстояния. Но, вооруженная наполовину только холодным оружием — пиками, саблями и айбалтами (боевыми топорами),— кокандская кавалерия при столкновении даже с незначительным, но хорошо вооруженным отрядом русских войск не могла долго противостоять и обращалась в бегство. При этом обоз и артиллерия всегда отставали и доставались противнику. Чтобы придать своим войскам устойчивость, кокандский хан решил усилить их пехотой, и к 1860 г. новые пехотные части были созданы. Солдат одели в форму и вооружили пиками и ружьями.

Снабжение в кокандской армии было поставлено плохо. Во время походов солдаты почти не получали казенного продовольствия, они питались или приобретенными на базарах продуктами, или за счет местного населения. Ядро войска, составленное из гарнизонных частей, во время походов получало вознаграждение, а ополченцы почти ничего не получали. Это привело к тому, что последние в походах нередко занимались грабежом. Для снабжения войска хан обычно приказывал торговцам и купцам открывать базар и торг вблизи лагерей. Во время передвижения войск маркитанты следовали за ними с продовольствием и товарами. Но во время военных действий торговля нередко совсем прекращалась [1]. Такая система снабжения приводила к тому, что войска нуждались в самом необходимом и часто оставались без достаточного питания.

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 24, док. 115, 238.

Численность кокандских войск никогда не была постоянной и зависела от многих обстоятельств: и от популярности того или иного похода, и от расположения подданных к хану в данный момент, и от возможности захвата добычи, и от времени года, и от предполагаемой трудности похода и т. д. Бывало, что хан за двадцать дней собирал до 40 тысяч воинов. Но постоянные феодальные междоусобия и особенно так называемая «кипчако-сартовская резня» усилили недовольство кочевников ханской властью. При таких обстоятельствах, по определению штабс-капитана Старкова, в 1860 г. хан мог выставить лишь около 25 тысяч воинов.

Гарнизоны крепостей имели более или менее постоянный состав [1]. В первой половине 1860 г. гарнизоны кокандских городов и крепостей имели приблизительно следующую численность воинов [2]:

Коканд	6000
Ташкент	4000
Туркестан	600
Джаны-Курган	60
Криучин	400
Беглербег	50
Шайдан	50
Чиназ	100
Чимкент	250
Сузак	60
Чулак-Курган	50
Аулие-Ата	600
Мерке	400
Ашмар	200
Пишпек	600

В связи с угрозой со стороны Сибирской и Оренбургской линий в 1860 г. были увеличены гарнизоны крепостей Туркестан, Аулие-Ата, Мерке, Пишпек.

Владения кокандского хана в Северной Киргизии защищала линия крепостей. В Чуйской долине, Таласске и Чаткале это были: Токмак, Пишпек, Аксу, Мерке, Чиназ, Иткечу, Аулие-Ата, Чулак-Курган и Сузак. Линия имела двоякое назначение: во-первых охрана границ, которые, однако, не были твердо установлены (со стороны Заилийского края кокандцы условно считали границей реку Чу); во-вторых, обеспечение власти хана над кочевниками к западу от Иссык-Куля, в Чуйской долине, Таласске и Чаткале. Крепости Аулие-Ата, Чулак-Курган и Сузак были отделены от центра ханства невысокими горными цепями Казы-Курт, Боролдай и Каратау по правой стороне Сыр-Дарьи; Токмак, Пишпек, Аксу, Мерке и Иткечу за горным хребтом Киргизского Алатау были наиболее отдаленными опорными пунктами. Сузак и Чулак-Курган были расположены на путях к Ташкенту с низовьев Чу, остальные — в стратегически важных пунктах по дороге от Ташкента к верховьям Чу. Чулак-Курган и Сузак находились в ведении туркестанского бека. Остальными, расположенными восточнее, ведал ташкентский парванаči. Из них наиболее крупной являлась Аулие-Ата. К 1860 г. важное значение приобрел Пишпек, как передовая крепость, обращенная в сторону русских владений в Заилийском крае. Комендант Пишпека являлся также начальником крепостей Токмак и Аксу. Крепости Иткечу и Мерке находились в ведении коменданта Аулие-Ата.

Общая протяженность линии от Токмака до Сузака достигала примерно 500 верст. Она вполне обеспечивала власть хана над киргизами и казахами. Но когда начались столкновения Коканда с Россией, этой линии оказалось явно недостаточно. К тому же ханство теперь подвергалось нападению с двух сторон — с Оренбургской и Сибирской линий, а нередко и с третьей — со стороны Бухарского эмирата.

Войска гарнизонов кокандских крепостей по своей организации и обучению, как уже отмечалось, стояли на очень низкой ступени. Плохо одетые, не имея достаточного материального и продовольственного снабжения, слабо вооруженные, обремененные тяжелыми работами в укреплениях, управляемые корыстными и жестокими начальниками, они не в состоянии были противостоять даже незначительным силам.

Хорошо ознакомившись с состоянием военных сил Кокандского ханства в Чуйской долине, капитан Венюков в 1860 г. писал: «Если бы не укрепления, в которых, как известно, все азиатцы защищаются очень храбро, часто отчаянно, то можно полагать, что отряд из 450 человек, ходивший в прошлом году на Чу, был бы в состоянии прогнать всех сартов до последнего из целой

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 24, док. 238; д. 23, док. 115.

[2] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 24, док. 238.

страны от берегов Иссык-Куля до Таласса и гор Казы-Курт» [1].

При обороне причуйских владений кокандцы могли рассчитывать в основном только на гарнизоны крепостей. Что же касается киргизов, кочевавших в Чуйской долине, то их нельзя было считать надежной силой для защиты ханских владений. Многочисленные тяжелые поборы, притеснения и произвол со стороны наместников, а также частые внутренние феодальные войны и дворцовые перевороты, от которых много страдали киргизы, вызывали в них ненависть и злобу к кокандским властям. Поэтому не случайно во время рекогносцировки Чуйской долины в 1859 г. некоторые киргизские племена через своих представителей призывали Венюкова захватить кокандские укрепления. Так, например, часть сарыбагышей убеждала Венюкова занять Токмак, обещая после этого принять подданство России.

Как известно, наступательные действия против крепостей Токмак и Пишпек были намечены на 1861 год. Но рекогносцировка Венюкова показала шаткое положение Кокандского ханства в кочевьях киргизских племен, а также его неспособность к серьезному противодействию. Появления незначительных русских отрядов на Иссык-Куле оказалось достаточно, чтобы вытеснить кокандцев с верховьев Чу. Эти успехи побудили начальника Алатовского округа и генерал-губернатора Западной Сибири осуществить экспедицию в 1860 г.

Еще в середине мая 1860 г., во время иссыккульской экспедиции Венюкова, Гасфорд направил в укрепление Верное полковника Циммермана. 21 июня 1860 г. Циммерман был назначен командующим военными силами, сосредоточенными в Заилийском крае для предполагаемой экспедиции [2]. Ему было поручено принять меры к улучшению труднопроходимых участков дорог, сделать их пригодными для движения артиллерии и колесного транспорта. В распоряжении Циммермана имелись инженерные и саперные офицеры.

Но Малля-хан также готовился к наступательным действиям против русских опорных пунктов в Заилийском крае, несмотря на осложнения в связи с вновь воз-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 23, док. 115.
[2] Там же, док. 118.

никшей борьбой феодальных группировок, умело использовавших в своих интересах народное возмущение в некоторых районах Южной Киргизии и Ферганской долины, что привело в июле 1860 г. к отдельным выступлениям против местных властей.

Приготовления хана в известной мере парализовались также враждебной деятельностью Худояра, имевшего в Коканде немало сторонников. Отряды войск эмира Бухарского постоянно устраивали мелкие налеты на границы Кокандского ханства. В ответ такие же нападения на владения Бухары предпринимали и отряды кокандских войск.

Тем не менее, благодаря энергичным действиям военачальника Канаата, а также правителя Ташкента Рустамбека, Малля-хану все же удалось организовать отправку военных сил и боеприпасов в Чуйскую долину [1]. Одновременно хан энергично продолжал накапливать денежные и другие средства, необходимые для ведения войны. Сбор средств проводился по всему ханству. В частности, кокандские власти под страхом смертной казни потребовали от каждой юрты чуйских киргизов и казахов рода дулат по одной хорошо откормленной лошади, пригодной для похода. Для обеспечения питанием уже собранных отрядов, а также для создания продовольственных запасов для войск, которые предполагалось сосредоточить в чуйских крепостях, киргизские племена были обложены сверх обычного зякета «особым сбором» — по тысяче баранов с каждого бия.

К началу июля 1860 г. кокандцы успели сосредоточить в Чуйской долине до 5000 воинов [2]. Они должны были неожиданно напасть на укрепление Кастек, с тем чтобы уничтожить его. Тревожные известия о готовящемся нападении кокандцев стали поступать отовсюду. Киргизы откочевали из окрестностей Кастека. В то же время участились набеги и барымта отдельных подстрекаемых кокандскими военачальниками старшин чуйских киргизов против подвластных России заилийских казахов.

1 июля комендант Пишпека отправил в сторону Кастека разведывательный отряд. Прибыв вечером 3 июля

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 23, док. 125.
[2] Там же, док. 27.

к укреплению, кокандцы целую ночь находились в засаде, выжидая удобного момента для угона табуна строевых лошадей. На рассвете отряд был обнаружен. Произошла стычка, и кокандцы отошли от Кастека. Начальник укрепления штабс-капитан Васильев, правильно оценив, что падение Кастека могло бы нанести заметный ущерб престижу России в Северной Киргизии, срочно затребовал подкрепление. В ночь на 5 июля из Верного выступили отряды во главе с полковником Циммерманом. К вечеру 6 июля они достигли поста Узун-Агач, недалеко от Кастека. Здесь Циммерман получил известие о прибытии в Пишпек из Ташкента 3 тысяч конных бойцов с пятью медными орудиями под начальством ташкентского правителя Рустамбека. Среди сосредоточенных в Пишпеке войск было и некоторое количество киргизов, выставленных манапами по требованию кокандских властей. Кроме того, ожидались подкрепления из Коканда.

5 июля конный кокандский отряд вторично появился около Кастека, но, не предприняв нападения, ушел обратно. 8 июля кокандские отряды снова пришли к укреплению [1]. Получив об этом известие, Циммерман в тот же день выступил из Узун-Агача и к вечеру прибыл в Кастек.

В ночь на 9 июля кокандские воины с криками и выстрелами бросились на укрепление. Дозорные цепи открыли по ним ружейный огонь, в укреплении забили тревогу, и гарнизон был приведен в боевую готовность. Кокандцы, убедившись, что им не удалось застать защитников укрепления врасплох, отошли на свои позиции.

Основные силы кокандцев вначале сосредоточивались в местности Бугумююз, в 35 верстах к западу от Кастека. Здесь же находился их обоз с продовольствием и боеприпасами.

На следующий день, 10 июля, на рассвете кокандцы возобновили нападение на Кастек с двух сторон. Недалеко от Кастека они сожгли заготовленные гарнизоном стога сена. Решив дать бой, Циммерман вывел основные силы из крепости. Завязалась ружейная и артиллерийская перестрелка. По численности кокандцы значительно превосходили силы Циммермана, но были несравненно слабее в вооружении. Появившиеся в разгар перестрелки новые отряды кокандцев со знаменами и значками открыли огонь из двух орудий, но их ядра не долетали до цели. Зато действие артиллерии Циммермана под командованием штабс-капитана Обухова было очень эффективным. Под прикрытием артиллерийского огня казаки вскоре пошли в атаку и заставили кокандцев отступить. За казаками двинулась артиллерия и пехота. Преследуя кокандцев, казаки вскоре достигли долины Жеренайгыра.

Сосредоточенные на Жеренайгыре кокандские силы насчитывали до 3000 человек. Они были разделены на две колонны; воины одной из них имели белую форму, другой — красную. Первые были ташкентцы. Заняв удобную позицию, артиллерия Циммермана открыла интенсивный огонь по главному скоплению противника. Меткие выстрелы производили большие опустошения в рядах кокандцев, и они вынуждены были снова отступить. Преследуя их, Циммерман остановил свой отряд в двенадцати верстах от Кастека. Кокандцы отошли к крепостям Токмак и Пишпек. Потери Циммермана были небольшие, у кокандцев же значительные [1].

Это предприятие кокандцев, столь неудачно закончившееся, преследовало широкие цели. Задача заключалась в том, чтобы, разрушив Кастек, идти в глубь Заилийского края, на укрепления Верное, и остановить движение царских войск со стороны Сибири. Кокандцы, придавая этому предприятию серьезное значение, поставили во главе своих сил таких важных сановников, как правитель Ташкента парваначи Рустамбек, начальник крепости Мерке Алишер-датха и начальник крепости Пишпек Атабек-датха.

Вскоре после событий у Кастека в Аулие-Ата прибыло пятитысячное войско. По плану хана, общее наступление в район Заилийского края намечалось начать после прибытия в Пишпек именно этих сил. Командование всеми военными силами кокандцев должен был осуществлять не Рустамбек, а сераскир Канаат-Ша, наиболее способный из кокандских военачальников. Канаат-Ша предъявил серьезные обвинения Рустамбеку за его преждевременные самовольные действия.

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 23, док. 129.

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 23, док. 125.

Кокандцы, подготовляя вторжение в Заилийский край, завязали сношения с некоторыми правителями казахов Старшего жуза [1]. Многие из правителей решили оставаться нейтральными, но в случае победы кокандцев намеревались поднять восстание против царской администрации в Заилийском крае и признать власть кокандского хана. Только решительные и быстрые действия заилийских отрядов Циммермана предупредили намечавшийся переход некоторой части казахов Старшего жуза на сторону Коканда.

Кокандские власти усиленно добивались также поддержки чуйских киргизов [2]. Они не только обязали их поставлять продовольствие и боевых коней, но и требовали участия в военных действиях. В этом отношении кокандскому командованию удалось добиться некоторых результатов. Влиятельные манапы племени солто Байтик Канаев, брат главного солтинского манапа Джангарача Султанбай, бий солтинского рода бёлёкпай Абайдылда и один из знатных сарыбагышских манапов Джантай явились в Пишпек с вооруженными джигитами и приняли участие в нападении на Кастек. Выступили также казахские бии Супатай, Байсеит, Керим, Алагуз и другие из тех, что оставались еще под влиянием Кокандского ханства.

Но активного участия в сражении у Кастека чуйские киргизы не приняли. Почти все они находились далеко от поля сражения, в местности Бугумююз. При дальнейшем же отступлении кокандских войск за Чу киргизы стали самовольно расходиться. Ко времени возвращения кокандцев в Пишпек почти все киргизы разошлись по своим кочевьям вопреки требованиям кокандских военачальников.

Поражение на Жеренайгыре подорвало авторитет кокандской власти в глазах киргизов. Некоторые роды изъявили желание откочевать на правый берег Чу и перейти в подданство России. Г. А. Колпаковский в своем донесении указывал, что «дикокаменные и зачуйские киргизы, убедившись в бессилии кокандцев, потеряли к ним всякое уважение; многие после отступления возвратились в свои аилы и на требование Рустамбека не

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 23, док. 126.
[2] Там же, док. 132.

явились в Пишпек и отказали в выдаче зякета, а некоторые, как слышно, хотят кочевать на нашу сторону, но боятся, чтобы правительство наше не преследовало их за вооруженное, хотя и вынужденное, участие в походе кокандцев против Кастека. Нельзя сомневаться, что желание зачуйских киргизов кочевать к нам есть такая мера, посредством которой хотят они избавиться от поборов и других своеволий кокандских властей, собранных в Пишпеке по случаю сосредоточения в оном значительного числа войск» [1]. Учитывая сомнительное поведение киргизов, кокандское командование задержало в Пишпеке некоторых биев и влиятельных манапов в качестве заложников.

Получив известие о прибытии в Аулие-Ата войск под начальством Канаат-Ша, русское командование ожидало, что будет предпринято новое наступление кокандцев на Заилийский край. В этих условиях все большее значение стал приобретать вопрос об усилении влияния на причуйских казахов и киргизов. Колпаковский разослал письма к манапам, в которых призывал их к дружбе с «могущественной Российской империей» и убеждал не поддерживать кокандцев. Но решающей мерой для закрепления русского влияния в Заилийском крае и Чуйской долине Циммерман считал новое движение за Чу и занятие крепостей Токмак и Пишпек. Вполне одобряя это намерение Циммермана, Гасфорд предписывал ему: «Если бы они и не предприняли более против нас никаких неприязненных действий, во всяком случае я считаю необходимым наказать их за дерзкое вторжение в наши пределы, а также и зачуйских киргизов, с ними в нападении участвовавших или им способствующих, и потому покорнейше прошу ваше высокоблагородие, дав войскам потребный отдых, когда уменьшится жара и по совершении уборки хлеба, двинуться с достаточным, по вашему усмотрению отрядом на укрепление Токмак и, взяв его, разрушить. Если бы представилась возможность занять и Пишпек, то это было бы весьма полезно, конечно с тем, чтобы разрушить и это укрепление, ибо оставаться в нем в настоящем году, когда еще ничего не сделано для занятия крепости и когда позднее осен-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 23, док. 134.

нее время не позволит устроить необходимые сообщения и снабжение, я нахожу неудобным» [1].

Одновременно Гасфорд предлагал Циммерману поддерживать взаимную вражду между казахскими правителями, чтобы ослабить враждебных России влиятельных султанов и поддержать тех, кто искренне держался стороны России. Он писал: «Весьма полезно было бы образовать между киргизами преданные нам партии, лаская влиятельнейших из биев, не вполне подчиняющихся своим султанам, и поддерживая взаимные между султанами несогласия. Так, например, Тазабека против Тезека, Суранчи против Али, чапраштинского Джантая против Суранчи и других, стараясь разузнать их взаимные отношения и степень влияния на своих родовичей» [2].

Кокандский хан, получив известие о поражении Рустамбека, отстранил его от должности правителя Ташкента и назначил на его место Канаат-Ша. Но хан пока воздержался от наступления в Заилийский край и в связи с полевыми работами отложил новые военные предприятия до окончания уборки урожая. В связи с этим значительное количество кокандских войск, которые быстро истощали запасы продовольствия в Пишпеке, было отпущено или переведено в другие крепости [3].

Кокандцы не ожидали в скором времени нападения царских войск. Однако они ошиблись: заилийский отряд под начальством Циммермана 23 августа выступил из Верного в Чуйскую долину [4]. Отряд двигался двумя колоннами. Левая, под начальством подполковника Шайтанова, шла по ущельям рек Каракастек и Сарыджас (приток Кастека) и далее через перевал в верховья реки Каракунуз. Правая колонна, под начальством самого Циммермана, двинулась через Бугумююз и проход Бешмойнок. 25 августа они соединились на реке Каракунуз.

Во время дневки на Каракунузе к Циммерману явились джигиты ряда манапов сарыбагышей, а также манап Шабдан, сын Джантая. Шабдан изъявил желание стать российским подданным и оказать содействие русскому отряду. Отсюда Циммерман разослал воззвания к киргизам и дулатовским казахам, кочевавшим за Чу. В них говорилось, что основной целью движения отряда является наказание кокандцев, нападавших на Кастек, но что в отношении киргизов и казахов отряд не имеет никаких враждебных намерений [1].

26 августа Циммерман снялся с Каракунуза и двинулся по направлению к Чу. Переправа через реку в этот период года не представляла трудности из-за мелководья. Перейдя Чу, отряд оказался у цели: недалеко находилось укрепление Токмак. Гарнизон — около 100 человек — был вооружен кроме ружей двумя небольшими орудиями.

Циммерман отправил коменданту укрепления Хакулы ультиматум о сдаче. В целях получения разведывательных сведений об укреплении, передать ультиматум было поручено казахским джигитам. Навстречу прибывшим из крепости выехали два кокандца, которые на требование сдачи укрепления попросили дать два дня сроку, чтобы получить ответ от их главного начальника, пишпекского коменданта Атабек-датхи. Циммерман потребовал сдать крепость через час, угрожая открыть артиллерийский огонь. Не получив ответа, он послал к крепости казахского бия Кувата, которому Ханкулы ответил, что не может «ни сдать укрепления, ни защищаться».

В 6 часов вечера был открыт артиллерийский огонь, который продолжался около часа. С наступлением сумерек появился парламентер, прося о пощаде. Огонь был прекращен. Оказалось, что артиллерийский огонь причинил укреплению значительные повреждения. Кокандцы объявили о готовности сдаться, но просили, чтобы Циммерман, по восточному обычаю, послал гарнизону «пулю изо рта», то есть знак того, что он гарантирует сдавшимся безопасность. Через полчаса Ханкулы явился и объявил о безусловной сдаче. Остатки гарнизона, около 70 человек, покинули крепость, которая была занята русским отрядом [2].

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп 1, д. 23, док. 136.
[2] Там же, док. 140.
[3] Там же, док. 149.
[4] Там же, док. 151; ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 24, док. 159.

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 24, док. 202.
[2] Там же, док. 202.

К вечеру 28 августа крепость была разрушена. В тот же день к Циммерману прибыл с казачьим отрядом полковник Колпаковский и с ними султан Тезек с отрядом джигитов в 150 человек.

Циммерману удалось получить от Хак-кулы более достоверные сведения о силах кокандцев в Пишпеке. Выяснилось, что туда прибыло подкрепление из Мерке во главе с комендантом этой крепости Алишером. 29 августа Циммерман выступил из Токмака по направлению к Пишпеку, и 30 августа его авангард достиг реки Аламедин, у восточной окраины города, на расстоянии пушечного выстрела от крепости. Во время переправы отряда через реку из крепости открыли интенсивный артиллерийский огонь. Крепостные стены были заполнены людьми, среди которых преобладали воины в красной форме. Это были сарбазы — регулярные кокандские войска.

Овладеть крепостью штурмом Циммерман счел невозможным и решил вести правильную осаду. В ночь с 30 по 31 августа были начаты осадные работы. С наступлением рассвета кокандцы, обнаружив направление осадных работ, открыли усиленный огонь из орудий и ружей, но их артиллерия по своей меткости и дальнобойности далеко уступала русской.

В 5 часов утра 31 августа был открыт огонь по крепости из всех батарей, продолжавшийся до вечера. Действия артиллерии с близкого расстояния производили в Пишпеке сильные разрушения. Около десяти часов вечера из крепости с криками «аман, аман», то есть «мир, мир», вышли два человека. Когда их привели к Циммерману, они объявили, что начальствующие в Пишпеке Атабек-датха и Алишер-датха просят пощады и готовы сдать крепость, и передали письмо, скрепленное их печатями. Оба датхи писали: «Почтенному и высокопоставленному начальнику русского войска следующее слово: придя со своими войсками, вы взяли Токмак, а потом пришли на нас; около пяти дней мы оправдывали соль, выданную нашим ханом, и дрались, но убедились, что нас победят, а потому, не имея возможности сопротивляться, мы высылаем к вам посланца и просим не делать всем нашим джигитам вреда, и если вы оставите нас благополучными, мы очистим и сдадим вам

крепость. Посылаем к вам муллу Абдрахима, пришлите и вы к нам доверенного человека» [1].

Циммерман приказал прекратить огонь и передал, что он требует сдачи крепости со всем гарнизоном, которому гарантирует сохранение жизни и имущества. Кроме того, он потребовал, чтобы один из начальников немедленно прибыл для переговоров. На рассвете явились оба датхи и объявили, что сдаются безусловно и предают себя и весь гарнизон «милосердию российского императора». Всего вышло из крепости 627 человек, и было взято значительное количество трофеев.

В период операций по взятию Токмака и Пишпека киргизы, кочевавшие в Чуйской долине, никаких враждебных действий против отряда Циммермана не предпринимали. Все аилы откочевали в глубь гор. Кроме того, в это время года значительная часть чуйских киргизов находилась на отдаленных высокогорных пастбищах в долине Сусамыра. Если бы у киргизов было желание защищать Кокандское ханство, они могли бы выставить значительные вооруженные силы и оказать существенную поддержку осажденным крепостям. Кокандские военачальники и лично хан приложили немало усилий, чтобы добиться их активной поддержки. Но большинство чуйских киргизов не примкнули ни к той, ни к другой стороне, безучастно выжидая, чем кончится борьба.

Такое отношение большинства киргизских племен определялось тем, что при уничтожении господства кокандцев в Северной Киргизии они ничего не теряли, кроме жестокой власти кокандского хана и его жадных до наживы чиновников. Но в то же время они еще не знали, что несет им власть царской России. Крупные манапы — Джангарач, Байтик и другие — держали свои силы наготове, скрываясь в горных ущельях. Их цель заключалась главным образом в обеспечении безопасности своих аилов. Однако не все правители киргизов относились нейтрально к происходившей борьбе. Среди них были и такие, которые, учитывая настроение народа и оценив соотношение сил, немедленно отозвались на обращение Циммермана и прибыли со своими джигитами в русский лагерь. Так, в частности, поступили

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 24, док. 169.

крупный сарыбагышский манап Джантай и его сын Шабдан.

Наконец, некоторые манапы враждебно относились к России, хотя и воздерживались от открытого участия в войне. Гасфорд 10 сентября 1860 г. предписал Циммерману строго поступать с этой группой киргизской знати. В частности, он дал указание захватить сарыбагышских манапов Уметалы, Тёрёгельди, а также и Джантая. Но Джантай, заблаговременно отправив своего сына с изъявлением покорности, сумел отвести от себя угрозу, что же касается Уметалы и Тёрёгельди, то их кочевья в то время находились вне пределов досягаемости отрядов Циммермана, в глубине Тянь-Шаня.

После занятия крепости Пишпек целый ряд киргизских старейшин, биев и влиятельных манапов послал к начальнику заилийского отряда депутатов с изъявлением желания принять подданство России.

5 сентября 1860 г. отряд приступил к разрушению Пишпека. К 10 сентября эти работы были окончены. В ночь на 11 сентября были сожжены все внутренние строения. Сохранились лишь некоторые постройки, находившиеся вне крепости.

Таким образом, цель, поставленная перед военными силами Алатавского округа в отношении Токмака и Пишпека, была полностью и без особого труда достигнута. Так закончилось первое значительное военное предприятие царской России против владычества кокандского хана в Северной Киргизии. Хотя заилийский отряд не закрепился в Чуйской долине, но разрушение Токмака и Пишпека имело серьезное значение для укрепления позиций России в Чуйской долине и на Иссык-Куле.

Гасфорд писал в рапорте Александру II от 20 сентября 1860 г.: «Важные результаты этой славной для нашего оружия экспедиции суть следующее: уничтожение влияния кокандцев на племена дикокаменных киргизов, живущих на верховьях реки Чу и на озере Иссык-Куль, успокоение киргизов Большой орды, окончательное утверждение нашего владычества в Заилийском крае и совершенное обеспечение в том крае наших казачьих водворений» [1].

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 24, док. 169.

Падение Пишпека произвело большое впечатление на причуйских казахов и в особенности на киргизов, поскольку эта крепость являлась наиболее мощным в военном отношении оплотом кокандского господства в Северной Киргизии. Циммерман писал Гасфорду: «Все зачуйские киргизы поражены были ужасом вследствие взятия Токмака и в особенности Пишпека» [1].

Однако вскоре после возвращения Циммермана в Верное положение в Чуйской долине стало изменяться. Быстрый отход русских отрядов из Чуйской долины к Кастеку, с одной стороны, прибытие в скором времени значительных военных сил хана в Аулие-Ата и энергичная их деятельность по подготовке новой крупной экспедиции в Заилийский край, с другой, делали власть России в Чуйской долине нереальной.

Несмотря на заявления почти всех манапов и биев чуйских киргизов об их преданности Российской империи, при тогдашних обстоятельствах трудно было надеяться на их постоянство. Сложность обстановки лишала их возможности окончательно определить свое отношение к борьбе между Россией и Кокандом.

Кокандцы стянули к Аулие-Ата крупные военные силы, до 10—15 тысяч человек, под командованием Канаата. Хан ставил перед ним задачу — восстановить крепость Пишпек, начать переговоры и потребовать от русских властей в Верном объяснений по поводу вторжения в пределы Кокандского ханства и разрушения Токмака и Пишпека. При Канаате находились влиятельный кипчакский сановник Нурмухаммед, пансаты Ниаскул, Керимкул, Мулла-Кашик и другие опытные кокандские военачальники, а также правитель алайских киргизов и бек Андижанского округа Алымбек-датха, прибывший во главе значительного отряда [2].

Канаат разослал из Аулие-Ата своих доверенных к киргизам и причуйским казахам с призывом к «священной войне» против «неверных». К главным манапам чуйских киргизов он отправил посланцев с подарками и приглашением присоединиться к нему. Крупные манапы племен солто и сарыбагыш — Джангарач, Джантай, Байтик и ряд других — стали склоняться на сто-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 24, док. 166.
[2] Там же, док. 160.

рону Коканда. Но главной причиной изменения их позиции явились не подарки и не агитация за «священную войну», а прибытие в Чуйскую долину небывалого количества ханских войск. Надеяться на поддержку русских отрядов было трудно.

В силу всех этих обстоятельств Джангарач, так же как и Джантай, несмотря на свои недавние дружественные отношения с Циммерманом и выраженное желание принять подданство России, теперь обещали приехать в лагерь Канаата и содействовать ему в его предприятии.

Колпаковский, получив сведения о приготовлениях кокандцев, вначале считал, что их действия ограничатся лишь занятием развалин Пишпека и попыткой восстановить его. Поэтому к началу октября заилийские отряды были расположены на зимние стоянки в укрепления Верное и Копал. Циммерман уехал, передав командование Колпаковскому.

В начале октября 1860 г. в Верное стали поступать тревожные известия о прибытии большого количества кокандских войск в Чуйскую долину. Это заставило Колпаковского спешно начать подготовку к отражению возможного наступления кокандцев на Заилийский край. Считая находящиеся в Верном силы недостаточными, Колпаковский вызвал войска из Копала.

Как и прежде, Колпаковский придавал важное значение дружественному расположению к России чуйских киргизов. Поэтому он направил в их аилы ряд воззваний. В одном из них говорилось: «Я уже писал вам о той заботливости нашего могущественного правительства, которое все готово сделать для вашего спокойствия. Спешу повторить вам и родовичам вашим нашу к тому готовность. Мы известились, что кокандцы и после падения Токмака и Пишпека снова хотят забрать вас в руки, а цель их заключается в желании только обобрать вас зякетом, без которого им нечем жить. Не верьте их уверениям в желании вам добра, они только коварствуют, и их подарки есть только вступление к тому, чтобы разорить ваш народ вконец. Их подарки вы не должны считать счастьем, а будущим бедствием. Русское же правительство раз дало слово защищать вас, и вы должны быть уверены, что оно его сдержит, хотя бы пришлось для вашего блага принести жертвы. Русские для вашего благоденствия не пощадят

ваших врагов, и если будет нужно, то не только остальные крепости кокандцев, но и самое их ханство падет под ударом нашего могущественного оружия. Вразумите эту правду вашему народу и поймите вашу пользу. Желаю вам спокойствия и надеюсь, что вы с достойным вам благоразумием оцените мои добрые желания» [1].

С 4 октября на Чу стали появляться передовые кокандские отряды. По всем данным, кокандцы намеревались напасть на Кастек. Колпаковский обязал начальника укрепления подготовиться и бдительно следить за передвижением кокандцев в Чуйской долине, постоянно сообщая ему получаемые известия [2]. 13 октября он приказал сотне есаула Усова перейти из Узун-Агача в Кастек для исполнения аванпостной и разъездной службы. Отряду Бутакова было приказано передвинуться из станицы Каскелен на Узун-Агачский пост. В тот же день туда из Верного была направлена рота пехоты, сотня казаков и конно-артиллерийский дивизион под начальством подполковника Шайтанова. Одновременно из Верного на Каскеленские выселки выступили отряды казаков из ополченцев. В середине октября наличный состав всех готовых к действию сил в Заилийском крае доходил до двух тысяч человек. Из них в Кастеке находилось 600 человек, в Узун-Агаче с отрядом Шайтанова — 450 и в Верном — 850 человек, составлявшие главный боевой резерв [3].

Наряду с этим Колпаковский, исходя из прошлого опыта, предпринял ряд мер, чтобы не допустить нового перехода на сторону кокандцев казахских старшин, находившихся в подданстве России. Гасфорд предписал во время возможных военных столкновений с Кокандом держать под арестом всех подозрительных казахских биев, заранее заманив их в Верное, что и было сделано Колпаковским. Одновременно Колпаковский стремился использовать тех султанов и биев, которых он считал преданными России. Наиболее влиятельных султанов — Байзака и Джангазы — он просил прислать отряды джигитов. Колпаковский хотел использовать этих джигитов главным образом для связи и разведки, а также для ночных нападений на неприятеля. Они должны были

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 24, док. 181.
[2] Там же, док. 183.
[3] Там же, док. 187.

угонять строевых лошадей у кокандцев и постоянно тревожить и отвлекать их, не принимая непосредственного участия в боях [1].

Канаат по прибытии в Чуйскую долину выразил большое недовольство главному манапу солтинцев Джангарачу за то, что он после взятия Циммерманом Пишпека послал к нему с поздравлением своих детей и брата. Канаат требовал от Джангарача, чтобы он на деле доказал преданность хану. Он приказал предоставить в распоряжение кокандских войск 500 строевых лошадей и по два капа [2] проса с каждого подвластного ему аила. Кроме того, в наказание Канаат возложил на Джангарача и Байтика и подвластные им племена все издержки по восстановлению крепости Пишпек и потребовал для этой работы тысячу человек. Во время движения Канаата на Узун-Агач Джангарач и Байтик должны были выставить вооруженных людей. Все эти требования были выполнены. К войску Канаата должны были примкнуть и многие манапы сарыбагышей с отрядами джигитов [3].

Правда, киргизы в военных столкновениях почти не принимали участия. Поэтому кокандские войска увеличивались за счет киргизских отрядов лишь номинально. В кокандских войсках имелись также неорганизованные добровольцы, которые, однако, не столько воевали, сколько занимались грабежом. Такой сброд отнюдь не усиливал боевой мощи кокандской армии.

Точных сведений о численности кокандских войск не сохранилось. Поступавшие к начальнику Алатовского округа сведения были противоречивы. Сопоставляя их, можно предполагать, что кокандцев насчитывалось примерно 12 тысяч человек, а киргизов и казахов — 4 тысячи [4]. Кроме того, в районе Кастека бродили мелкие казахские и киргизские шайки барымтачей.

Войска Канаата состояли в основном из конницы. Пехотинцев, более или менее обученных военному делу, было около тысячи, и до 600 человек из наемных персов, которых кокандцы называли кзыл-баши — красноголо-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 24, док. 187.
[2] *Кап* — мешок вместимостью от 4 до 5 пудов.
[3] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 24, док. 106.
[4] См. *П. Пичугин*, Вторжение кокандцев в Алатавский округ в 1860 г.,— «Военный сборник», т. 85, № 5, Спб. 1872 г., стр. 15.

вые. Но боеспособность этой пехоты была низкой, так как в ее рядах было немало рабов, забранных у купцов и других богатых людей. Они были не знакомы с военным искусством и не имели никакого желания сражаться. Они готовы были бежать с поля боя от первого смелого натиска противника [1]. Артиллерия кокандцев состояла из медных орудий, стрелявших пятифунтовыми ядрами.

Существенным недостатком кокандской армии являлось отсутствие продовольственных запасов и правильно организованного снабжения. Канаат обязывал киргизов поставлять необходимое продовольствие, но при движении войск это распоряжение выполнялось плохо. Система покупок продовольствия солдатами на базарах и у населения была сопряжена с трудностями и расшатывала дисциплину. Многие из кокандских воинов имели не вполне пригодных к походу коней. Затрудняли военные действия и наступавшие морозы, которые особенно страшны были для легко одетых воинов из южных вилайетов. В районе Кастека уже 15 октября начал выпадать снег, а по ночам сильно морозило [2].

Канаату были предоставлены широкие полномочия. Хан поручил ему управление не только Ташкентом, но и рядом крепостей, расположенных к востоку от Ташкента до верховий Чу. Ему же было предоставлено право по своему усмотрению начинать военные действия против царских войск, заключать перемирие, распоряжаться зякетом, собранным с киргизских и казахских племен, подведомственных ташкентскому наместничеству, и т. д. [3] При нем находился и его предшественник Рустамбек. Однако он больше интриговал и подкапывался под главнокомандующего, чем давал какие-либо дельные советы. Кроме того, видной фигурой среди кокандского командования был начальник ташкентских отрядов Шамаат-ходжа. Здесь были также коменданты крепостей Аулие-Ата — Мирза-Даулет, Мерке — Удайчи и Пишпека — Рахматулла и один из влиятельнейших представителей южнокиргизских феодалов — Алымбек-датха, муж известной впоследствии «алайской царицы» Курман-джан-датхи. Шамаат-ходжа и Алымбек-датха тоже интриговали против главнокомандующего. Разно-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 24, док. 183.
[2] Там же, док. 187.
[3] Там же, док. 183.

гласия и интриги в среде командного состава кокандских войск пагубно отразились на ходе военных операций.

Хотя Канаат разработал план наступления до деталей, осуществить его на деле не удалось. Основной причиной явилось то обстоятельство, что в распоряжении Канаата было не дисциплинированное и хорошо вооруженное войско, а скорее малообученное ополчение.

Начиная с 16 октября, кокандские отряды и отдельные группы казахских джигитов стали появляться между Кастеком и Верным.

18 октября к вечеру Колпаковский прибыл в Кастек. К этому времени все наличные силы Заилийского края были сосредоточены в пунктах непосредственных военных действий [1].

Канаат, расположив основные силы в лагере на речке Жеренайгыр, передвинул свой авангард в урочище, в 20 верстах на запад от Кастека. Его войска занимали фланговую позицию по отношению к главному оперативному пути из Верного в Кастек. Часть сил Канаат обходным движением послал для нападения на Узун-Агач. Этим отрядом командовал датха Алымбек.

Основные военные действия начались на пикете Узун-Агач, где командование находившимся там отрядом было поручено поручику Соболеву. Здесь находилась рота пехоты и сотня казаков, всего до 350 человек при двух легких орудиях [2]. Утром 19 октября с пикета стали видны отряды кокандцев почти на всех окружающих высотах. К 20 октября численность кокандцев вокруг Узун-Агача значительно увеличилась. В тот день конница предприняла атаку на пикет, но встреченная картечью, вынуждена была отступить. После этого кокандцы кружились перед пикетом, не предпринимая, однако, новых атак.

В течение двух дней, 19 и 20 октября, кокандская кавалерия не могла овладеть дорогой из Кастека на Верное и захватить пикет Узун-Агач. В этих безрезультатных действиях кокандцы, однако, понесли значительные потери, и начало задуманных ими операций складывалось для них далеко не благоприятно. Один из военных деятелей того времени, П. Пичугин, писал: «Хороший план Канаат-Ша рушился вследствие вялого исполнения; авангард его скорее шутил, чем действительно нападал» [1].

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 24, док. 188.
[2] Там же, док. 194.

И в самом деле, авангард кокандских войск, направленный на Узун-Агач под командованием Алымбека, действовал очень вяло. Это до некоторой степени было связано с составом частей, находившихся под его командованием. Здесь преобладали киргизы и казахи и в незначительном количестве имелись регулярные войска. Киргизы и казахи, вооруженные главным образом пиками и саблями, создавали много шума и крика, носясь нестройными толпами вокруг пикета, но решительных атак не предпринимали.

Получив известие о неудаче Алымбека, Канаат-Ша 20 октября с основными силами двинулся в долину реки Каракастек. Изменив свой первоначальный план, Канаат-Ша решил вызвать на открытый бой сосредоточенные у Узун-Агача и Кастека силы Колпаковского, рассчитывая одним сильным ударом покончить с ними. Канаат надеялся на огромное численное превосходство своего войска и поэтому был уверен, что ему удастся раздавить противника.

В тот же день с основными силами выступил на Узун-Агач и Колпаковский.

Благополучно прибыв на Узун-Агач, он созвал совещание и, узнав подробности двухдневных боев, решил на следующий же день атаковать неприятеля. Оставив для охраны пикета небольшой отряд, он с остальными силами выступил по направлению к лагерю кокандцев, расположенному в долине реки Карасу. Там его встретили две колонны кокандцев с белыми знаменами. Колпаковский приказал части артиллерии выдвинуться вперед и открыть огонь по строевым частям и по густой толпе киргизов и казахов, находившихся на окрестных высотах.

Артиллерия быстро заставила кокандскую конницу оставить свои позиции и отступить. Кокандцы иногда переходили в контрнаступление, но, встреченные картечью, с большими потерями отступали. Кое-где происходили и рукопашные схватки. Вскоре кокандцы очистили долину и скрылись за горной возвышенностью.

[1] *П. Пичугин*, указ. соч., стр. 22.

Колпаковский предпринял движение вверх по реке Каракастек, рассчитывая здесь завязать бой с неприятелем, так как широкая долина представляла удобное поле для действий артиллерии, и стал выбирать позиции для сражения в соответствии с расположением основных кокандских сил. Но вскоре отряд Колпаковского был окружен со всех сторон. Одна за другой стали наступать колонны кокандской пехоты и кавалерии, которые, однако, встречаемые картечью с близкой дистанции, откатывались назад, неся большие потери.

21 октября вечером Канаат-Ша собрал военный совет. Усилившиеся разногласия в среде высшего командования и постоянные интриги лишили Канаата в этот момент необходимой решительности. Он колебался, не зная, как поступить дальше. На совете им был предложен план вторичного нападения на Узун-Агач. Рустамбек и Шамаат-ходжа резко высказались против нового нападения. Шамаат-ходжа даже угрожал, что если будет решено начать новое наступление, он уведет своих ташкентцев. Алымбек-датха, возглавлявший киргизские и казахские отряды, также резко выступил против Канаата, угрожая, что и он не поведет свое войско в бой. В результате решено было считать поход оконченным и возвратиться назад за Чу. Правда, были и другие мотивы для окончания похода: позднее время года, наступавшие холода, недостаток продовольствия и непригодность лошадей. Впоследствии, в своем объяснении хану, Канаат-Ша выставил их как основную причину прекращения похода.

22 октября Канаат-Ша двинулся с Каракастека к Сарым-Саку и далее, не останавливаясь, за Чу. Следом двинулся с Жеренайгыра его лагерь.

События 21 октября, известные в истории под названием узунагачского боя, правильнее было бы назвать каракастекским боем, так как сражение в основном проходило в долине реки Каракастек.

Таким образом, кокандские войска возвратились без всяких результатов. Кокандцы не были еще разгромлены. Их военачальники даже считали, что они вовсе не проиграли сражения, а скорее одержали победу, заставив Колпаковского отступить на дорогу Кастек — Узун-Агач. Конечно, это мнение кокандских военачальников, в частности Канаата, было неверным, но имело некоторые основания. Действительно, Колпаковский,

одержав победу в решающем сражении, не довел бой до разгрома кокандских войск, не преследовал их, а вернулся назад. Изучавший историю этого сражения П. Пичугин указывал, что «кокандцы не понесли в нем решительного поражения, строго говоря, даже не были разбиты; но воинский жар их остыл, а испытанные сильные потери их... сделали то, что они не решились на второе нападение, а отступлением своим признали себя побежденными» [1].

Что касается киргизов, то, как уже указывалось, массового и активного участия в столкновении России и Коканда они не принимали, а в каракастекской операции участвовали лишь отдельные группы, выставленные некоторыми манапами. Во время боя эти вспомогательные силы почти никакой роли не играли.

Пичугин указывал, что «масса (киргизов.— *Б. Д.*) держалась на почтительном расстоянии от ракетных станков, впрочем, увеличивала декоративный эффект представлявшегося отряду зрелища» и что «киргизов-зрителей» русские войска оставили «почти без внимания» [2].

После событий на Каракастеке, основываясь на донесении Колпаковского, Гасфорд предложил не принимать репрессивные меры против киргизов. В отношении к начальнику Алатавского округа 27 октября 1860 г. Гасфорд писал: «Живущего на Кебине сарыбагышского манапа Менде ласкать и привязать. Другим сарыбагышам — Гумебет-Али, Джантаю — обещать прощение, если отстанут от кокандской партии. Относительно Джан-Карача и рода султов нельзя в настоящее время принять решительных мероприятий, до тех пор пока не устроится укрепление на реке Чу, во всем им внушать очевидную их пользу и преимущества быть под покровительством русских, которые их оставляют свободными в вере, в неприкосновенности владения их землями и управления по родовым обычаям, не требуя никакого зякета, чем оставаться под игом кокандцев, собирающих с них по произволу зякет и стесняющих их свободу. С булекпаями также полезно сблизиться. Сверх того объявить всем этим племенам, что заключение мира

[1] *П. Пичугин,* указ. соч., стр. 39.
[2] Там же, стр. 27, 28.

с бухарцами и ожидаемое от эмира Багадур-хана содействие есть чистая ложь и что напротив того эмир находится в самых лучших отношениях с великим российским падишахом» [1].

Пассивность киргизских племен во время каракастекских событий значительно облегчила действия Колпаковского. Он хорошо понимал, что одна из главных причин неудачи кокандцев заключалась в том, что киргизы их не поддержали. В донесении Гасфорду 26 октября 1860 г. он писал, что «Канаат-Ша мог бы иметь успех, во-первых, если бы киргизы, на которых он рассчитывал, все единодушно пристали к нему, и, во-вторых, если бы не застала поздняя осень и недостаток продовольствия и подножного корма» [2].

Узунагачское сражение имело большое значение для окончательного закрепления позиций России среди причуйских казахов и укрепления влияния в Северной Киргизии. В результате победы Колпаковского при Каракастеке окончательно упрочилась власть царской России над казахскими племенами Старшего жуза. Эта победа оказала огромное влияние и на киргизские племена Северной Киргизии, которые на деле убедились в неспособности кокандцев защищать свои владения.

События 1860 г. показали также, что борьба за Северную Киргизию неизбежно должна закончиться победой России. Это обстоятельство привело к сближению с Россией вслед за бугинцами и другие киргизские племена.

Таким образом, в 1860 г. борьба закончилась в пользу России. Успехи России в Северной Киргизии в последующие годы были в значительной степени предопределены событиями у Узун-Агача.

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 24, док. 199.
[2] Там же, док. 197.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПРИНЯТИЕ ПОДДАНСТВА РОССИИ ЧУЙСКИМИ И ТЯНЬШАНЬСКИМИ КИРГИЗАМИ

После узунагачских событий русские власти стали действовать более решительно в Семиречье. Некоторые старшины Старшего жуза во время узунагачских событий не оправдали надежд царской администрации. Одни скрыто поддерживали кокандцев, другие сочувствовали им. Поэтому решено было применить к ним более жестокие меры, вплоть до заключения в тюрьму, наложения штрафов, выселения в другие районы. Г. Х. Гасфорд писал по этому поводу Колпаковскому: «Нахожу необходимым при настоящих обстоятельствах принять меры самой бдительной осторожности не только против внешнего неприятеля, но и внутри края» [1]. В частности, Гасфорд предлагал более решительно действовать против вольных отрядов казахских султанов, привыкших к набегам и барымте и еще плохо подчинявшихся распоряжениям царской администрации.

Это вызывалось также необходимостью обеспечить безопасность торговых путей. Последние события отрицательно повлияли на объем торговых операций с кочевыми племенами, среднеазиатскими ханствами и с Китаем. Караваны из Ташкента в Кульджу и обратно теперь вместо обычного пути по Заилийской долине стали ходить по южному побережью Иссык-Куля. Они нередко разграблялись кочевниками, и число их стало заметно

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 24, док. 220.

сокращаться. Сократилось и количество караванов из Ташкента в сторону кочевьев казахов Старшего жуза [1]. Для развития торговли необходимо было прежде всего обезопасить караванные пути от нападений местных феодалов и обеспечить спокойствие и порядок в крае.

Для этого, в частности, следовало усилить в Заилийском крае разъезды легких казачьих отрядов. Они же должны были предотвращать враждебные действия кокандцев и отдельных манапов зачуйских киргизов, а также и казахских старшин, в частности племен дулат, кашкоро и чапрашты, поведение которых вызывало подозрение [2]. Но в то же время Гасфорд рекомендовал кое-где поддерживать распри казахских и киргизских правителей. Он указывал Колпаковскому, что «старые расчеты между дулатами и бугинцами могли бы также быть возобновлены с пользою для нас» [3]. Как и другие руководители колониальной политики царизма в Средней Азии и Казахстане, Гасфорд не гнушался прибегать и к таким мерам, как разжигание вражды между племенами.

Указания Гасфорда определили на некоторое время отношение начальника Алатавского округа Колпаковского к казахским и киргизским старшинам. Он теперь не так легко доверял им, когда они выражали свою преданность царскому правительству. Так, когда влиятельный манап племени солто Джангарач Эшкоджоев после событий под Узун-Агачем заявил о своем желании стать российским подданным, Колпаковский не поверил в его искренность, так как имел сведения о дружественных отношениях Джангарача с кокандцами [4].

В отношении причуйских казахов и киргизов Колпаковский, однако, вышел за пределы, указанные Гасфордом, и прибег к грубым насильственным мерам, которые затруднили дальнейшую борьбу России с Кокандом. Это имело место, в частности, в отношении киргизских племен сарыбагыш и солто и казахских племен кашкоро, чапрашты и джаныс. В начале января 1861 г. часть аилов племен сарыбагыш и солто вследствие недостатка подножного корма для скота на левом берегу Чу перешла на правый берег и для зимовья заняла местность на юге

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 24, док. 222.
[2] Там же.
[3] Там же, док. 219.
[4] Там же, док. 235.

Кастекского ущелья. В это же время отложившийся от подвластных России казахов кашкоровский бий Керим со своими аилами также из-за отсутствия кормов передвинулся на восток и расположился в верховьях реки Джаманты. Тогда же в район Курдая прибыл табун лошадей казахских аилов племен чапрашты и джаныс. Те и другие во время последних событий придерживались кокандской ориентации. Получив известие о перемещении аилов, начальник Алатавского округа, оценив обстановку как благоприятную для наказания этих племен за их прежние набеги и за сочувствие кокандцам, сформировал в укреплении Кастек два отряда: один под начальством есаула Бутакова для действий против сарыбагышей и солто, другой под командой сотника Жеребятьева — против казахов бия Керима [1]. К казачьим отрядам присоединились некоторые казахские бии с отрядами своих джигитов.

9 января вечером оба отряда под прикрытием темноты одновременно выступили из Кастекского укрепления. На другой день отряд Жеребятьева достиг реки Джаманты, а отряд Бутакова — южной стороны Кастекского ущелья, где натолкнулся на пять аилов сарыбагышских родов, подвластных манапам Худояру и Сооронбаю. Здесь же находился аил бёлёкпаевского манапа Биралы. Отряд Бутакова сразу же напал на киргизов, которые, оказав вначале сильное сопротивление, вскоре бежали, оставив свои аилы. Отряд сжег несколько юрт и угнал значительное количество скота, а казахи, участвовавшие в набеге, захватили женщин и детей и часть домашнего имущества [2]. При обратном движении отряда Бутакова сарыбагыши безуспешно преследовали его. Киргизы понесли потери убитыми и ранеными.

В то же время отряд Жеребятьева у реки Джаманты неожиданно напал на казахов, взял в плен бия Керима, а подчиненные ему аилы заставил перекочевать в сторону Заилийского края. Одновременно выделенный Жеребятьевым небольшой отряд под начальством хорунжего Ростовцева в районе Курдая и Ргайты угнал 786 лошадей, принадлежавших чапраштинским и джанысовским казахам.

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 25, док. 7.
[2] Там же, док. 8.

Во время этих событий кокандцы не сумели оказать поддержки дружественным им казахским и киргизским племенам. Накануне набегов казахский бий Суранчи, знавший о намерениях Колпаковского, просил пишпекского коменданта Рахматуллу оказать вооруженную помощь. Но Рахматулла не смог удовлетворить его просьбу вследствие малочисленности кокандского гарнизона в Пишпеке.

Эти действия Колпаковского привели к обострению отношений с некоторыми племенами чуйских киргизов и способствовали укреплению власти кокандского хана над ними. Действия отрядов Бутакова и Жеребятьева не получили одобрения генерал-губернатора Западной Сибири Гасфорда. В ответ на донесение Колпаковского Гасфорд указал на желательность в дальнейшем более умеренных действий в отношении колеблющихся между Россией и Коканд киргизских и казахских племен. Он писал: «Благоразумными мерами можно надеяться возвратить в наше подданство отложившиеся от нас киргизские (т. е. казахские.— *Б. Д.*) племена Причуйского края... Нельзя не сожалеть также, что 47 женщин и детей, захваченных в аулах, отданы киргизам (казахам.— *Б. Д.*), участвовавшим в набегах. Не находя со своей стороны никакого основательного повода выдавать беззащитных женщин и детей нашим киргизам, участвовавшим в набеге, поручаю вашему высокоблагородию немедленно отправить их в соплеменные им кочевья и о последующем донести мне» [1].

Гасфорд исходил из того, что действительными противниками России в Северной Киргизии были не киргизские племена и не казахские роды Старшего жуза. Последние почти все уже стали подданными Российской империи, и только незначительная их часть проявила колебания во время последних вооруженных столкновений. Гасфорд считал необходимым сосредоточить основное внимание на дальнейшей борьбе с Кокандским ханством, а не с этими племенами. Тем более, что у некоторых подвластных Коканду племен в это время наблюдалась тяга к России. Отдельные киргизские роды Чуйской долины, изнуренные чрезмерными налогами и военными наборами во время последних событий, были не против перекочевки в пределы российских владений.

[1] ЦИА Каз. ССР, ф. 3, д. 60, л. 3.

Оренбургский генерал-губернатор А. П. Безак писал военному министру 25 января 1861 г.: «Укрепления Пишпек и Токмак, хотя и занимаются кокандскими войсками под начальством Садыкбека, брата бывшего ташкентского правителя Рустамбека, но единственно только с целью удержать киргизов от перекочевок в наши пределы и имеют приказание отступить при первом известии о приближении русских войск» [1]. Действия военных сил Алатавского округа против сарыбагышей и бёлёкпаев только усилили колебания киргизских племен, стремившихся прежде к принятию подданства России, и располагали их в пользу кокандского хана.

Осуждение Гасфордом нападения казачьих отрядов на аилы сарыбагышей и бёлёкпаев заставило Колпаковского вступить в переговоры с ними. Колпаковский указал, что нападение было ответом на их набеги, совершенные в 1858 г. на подвластных России казахов, когда сарыбагыши вместе с солтинцами при поддержке кокандского отряда разорили их аилы, захватили скот и взяли в плен женщин и детей. Эти же мотивы Колпаковский приводил в свое оправдание и генерал-губернатору. В качестве другой причины он привел также факт разграбления сарыбагышами в 1858 г. торгового каравана русских купцов [2].

Между тем западносибирский генерал-губернатор по-прежнему придерживался наступательной политики в деле намеченного соединения Сибирской и Сыр-Дарьинской линий. По его мнению, Россия в ближайшие годы должна была добиться окончательного присоединения Северной Киргизии. Поэтому главной целью деятельности начальника Алатавского округа в этот период была подготовка нового наступления против опорных пунктов кокандцев.

В связи с призывом кокандского хана к газавату Гасфорд придавал серьезное значение соответствующей контрпропаганде среди местного населения. Он писал: «Что касается до войны за веру, которую кокандцы собственно для своих интересов и к гибели киргизов стараются разжигать, то уверить сих последних, что русское правительство никогда и никому не препятствовало

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 25, док. 3.
[2] Там же, док. 38.

исполнять обряды своей веры по установленным каждым вероисповеданием правилам, а напротив, само устраивало в разных местах киргизской степи магометанские мечети, и что воюет не противу веры» [1].

В феврале 1861 г. Колпаковский представил подробный план новой экспедиции для нанесения окончательного удара господству кокандцев в Северной Киргизии [2].

В начале 1861 г. Гасфорд вышел в отставку. На его место генерал-губернатором Западной Сибири был назначен генерал-лейтенант Дюгамель. Подытоживая свою десятилетнюю деятельность в качестве генерал-губернатора, Г. Х. Гасфорд в приказе от 16 февраля 1861 г. по войскам Сибирского корпуса писал о присоединении к империи судоходной реки Или, всего Заилийского края и предгорий Небесного Хребта [3]. Он рассматривал Северную Киргизию как территорию, уже находящуюся под властью или по меньшей мере под влиянием Российской империи. В действительности это было не совсем так. В центре Тянь-Шаньского хребта еще нетронутыми стояли опорные пункты кокандского владычества — крепость Куртка на Нарыне, крепости Джумгал и Тогуз-Торо в одноименных долинах. Расположенные здесь гарнизоны еще ни в какие столкновения с отрядами царских войск не вступали и охраняли власть кокандского хана над тяньшаньскими киргизами. Чтобы утвердить господство России во всей Северной Киргизии, предстояла еще борьба с Кокандским ханством.

Сражение 21 октября 1860 г. на реке Каракастек нанесло серьезный удар господству кокандцев в Чуйской долине, но Малля-хан еще надеялся восстановить свою сильно пошатнувшуюся власть над северокиргизскими племенами путем организации отпора новому наступлению России. Восстановленный Пишпек должен был вновь стать оплотом хана в Северной Киргизии и опорным пунктом в дальнейшей борьбе. Проповедь «священной войны» использовалась ханом как средство мобилизации народа на войну.

Малля-хан думал даже о создании союза среднеазиатских ханств, направленного против России. Особенно

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 24, док. 222.
[2] Там же, док. 22.
[3] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 25, док. 34.

большое значение он придавал союзу Коканда с Бухарой, пытался урегулировать свои отношения с эмиром бухарским и вступить с ним в дружественные отношения во имя «священной войны за веру». Но он не встретил сочувствия со стороны эмира, который условием для такого союза выставил ряд неприемлемых требований. В то же время эмир стремился к укреплению дружественных отношений с Россией, особенно после отмены в 1859 г. пошлин с привозимых в Россию бухарских товаров. В этих условиях отношения Бухары и Коканда оставались враждебными, и эмир неизменно поддерживал разных претендентов на кокандский престол, в частности Худояра [1]. Отношения Бухары и Коканда не наладились и после смерти эмира Насруллы.

После разрушения Токмака и Пишпека и узунагачских событий более или менее надежным укрепленным пунктом кокандцев в Чуйской долине оставалась только крепость Аулие-Ата. Кокандцы, ожидая нападения, стали сосредоточивать здесь военные силы, предназначаемые для действий в Заилийском крае. Восстановленные Пишпек и Токмак сами по себе уже не могли служить опорой в борьбе за Северную Киргизию, и гарнизоны этих укреплений в основном лишь вели наблюдение за населением Чуйской долины и обеспечивали сбор зякета.

Канаат из Ташкента вскоре поехал в Коканд для личного свидания с ханом. Одной из причин неудачи при Узун-Агаче Канаат назвал несогласия в его войске, а также неповиновение его приказам ряда начальников, в частности Алымбека-датхи и Шамаат-ходжи. Несмотря на серьезные обвинения, предъявленные Алымбеку, хан все же не решился сразу наказать его, опасаясь вызвать недовольство подвластных ему племен, в частности алайских киргизов. Генерал-губернатор Оренбургского края Безак, знавший об этом, писал 8 февраля 1861 г. военному министру: «Хан Малля-бек во избежание возмущения, в особенности между дикокаменными киргизами, не решается сделать, однако, строгое взыскание по жалобе Канаата, а хочет склонить его к примирению с влиятельнейшими людьми, бывшими под его начальством» [2].

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 24, док. 266.
[2] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 25, док. 27.

Хотя Чуйская экспедиция окончилась неудачей, хан обласкал Канаата, признал все его доводы убедительными и оставил правителем Ташкента, поручив ему исправить свои военные неудачи в дальнейшей борьбе против царской России.

Канаат, несмотря на бесконечные интриги и противодействие отдельных влиятельных военачальников, неутомимо стал вести подготовку к новой войне не только в Чуйской долине, но и на Сыр-Дарьинской линии. Хан, оценив энергию своего военачальника, наделил его еще большей властью. Канаат получил высший военный чин — беглер-беги, ему было предоставлено право распоряжаться военными силами и средствами не только Ташкентской, но и некоторых других областей.

Главное внимание Канаат направил на Чуйскую долину. Положение кокандского гарнизона в Пишпеке зимой 1861 г. было тяжелым. В крепости не было запаса боеприпасов. Недоставало продовольствия, и в то же время гарнизон выполнял тяжелые работы по восстановлению крепости. Это привело к развитию дезертирства. Восстановление крепостных стен велось очень вяло.

В начале апреля 1861 г. Канаат с частью своих войск выступил из Ташкента в Аулие-Ата, а оттуда в Пишпек. Одновременно в Пишпек и Мерке были доставлены боеприпасы. Поход имел целью восстановление пошатнувшегося в результате узунагачских событий влияния кокандского хана среди кочевников Чуйской долины. Кроме того, Канаат должен был обеспечить восстановление Пишпека и сбор зякета с киргизских и казахских племен, считавшихся подвластными Коканду. Для этой цели он часть своих военных сил мелкими партиями еще из Аулие-Ата разослал по казахским и киргизским аилам. Но главной задачей Канаата являлось мирное урегулирование дальнейших отношений с Россией без ущерба для интересов ханства.

В начале мая Канаат отправил к начальнику Алатавского округа своего посланца Мухамед-Юсуфа, который, прибыв в Верное, представился Колпаковскому и передал письмо Канаата. Это письмо как исторический документ, характеризующий взаимоотношения кокандского ханства с русскими властями в тот период, представляет определенный интерес. Канаат писал: «Пристав,

я слышал, что ты человек очень умный, в совете добрый и превосходно рассудительный. Сам подумай хорошенько и рассуди откровенно и честно, если мы, двое слуг высоких корон наших государей, будем виновниками всех зол, вопреки прежнего желания сохранить взаимную дружбу, и двое задумаем между собой вероломство и неприязнь, что выйдет из этого? Поэтому, если ты истинно благородный человек своему государю и думаешь о спокойствии и пользе своего народа, то не верь и не доверяйся лукавству и вздору киргизов и не увлекайся их обманчивым языком.

Их дело расшевелить нас, а потом только быть потешным свидетелем позорища и впоследствии спасать свои головы от чьего бы ни было подданства. Мы, в чем бы ни было, им ничего не верим, советуем и тебе то же самое.

По всему вышеизложенному и если ты желаешь по-прежнему сохранить условия на дружбу и мир между двумя государями, то я прошу тебя — возврати нам с этим же послом все наше оружие, которое ты захватил в прошлом году в Токмаке и в Пишпеке. До твоих волостей и крепостей нам нет дела, пусть его не будет у тебя и до наших. Не лучше ли вместо войны подумать о благоденствии и спокойствии сирот, вдов и бедного народа своего государства. Если же твое сердце и желание направлены к худому и злому, то дай об этом через посла ясный... ответ и возврати посла поскорее. В этом случае, я со своими громадными силами буду готов встретить вас на позорище битвы и войны. Все владения суть божии владения, и жребий войны для мусульманина и кяфира равен. Будет угодно богу, счастье достанется мусульманину, а не кяфиру.

Впрочем, как хочешь: хочешь спокойствия, устрой его, хочешь войны — мы пришли. Ты со своей стороны или готовься, и где тебе хочется назначить место, мы готовы. Остальное вам скажет мулла Мухамед Юсуф, верьте ему»[1].

В ответ Колпаковский написал Канаату следующее письмо: «Письмо ваше, посланное с Мухамед-Юсуфом, я получил и поспешаю на него отвечать... Меня очень удивило одно, что вы осенью прошлого года снова вторг-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 25, док. 77.

лись в наши владения и хотя говорили, что не с намерением драться с нами, а возвратить своих подданных кочевников за Чу; если бы это была правда, то и тогда вы противоречите себе. Идя возвращать волости, вам не следовало рассылать киргизам свои прокламации, провозглашая, что вы идете за веру и намерены все русское стереть с лица земли. Я имею таких много ваших воззваний в своих руках, и они-то и противоречат словам вашим. Притом скажите, кто звал вас в чужую землю и кто дал вам право называть кочующих по сю сторону Чу дулатов и чапраштов подданными. Они когда-то, может быть, и были ваши, но время и обстоятельства заставили их добровольно перейти к нам, принять присягу перед кораном на подданство блестящей короне нашего великого падишаха. Угнав легкомысленных из них к себе за Чу, вы заставили их нарушить клятву и, так сказать, поругаться над кораном и присягой...

Собранные вами в Аулие-Ата несметные силы не наведут страху на тех, кто уже в первый раз побежал вас...

Нисколько не отвергая вашего желания сохранить взаимный мир, я первый готов его поддержать, прошу одного условия — не ходить к нам через Чу и все недоразумения решать путем взаимных решений.

Что касается до просьбы вашей возвратить вам все оружие, взятое нами в Токмаке и Пишпеке, то я этого ни в коем случае не могу сделать и от меня это не зависит. У нас есть правило, что по законам войны победитель владеет оружием в возмездие за его храбрость, поэтому я не могу и не в праве изменить этого правила.

Заключение вашего письма меня, повторяю, не устрашило. Меряться силами, которые испытали наши войска в делах с вами при Ак-Мечете, в Токмаке, Пишпеке, на Кастеке и, наконец, под Узун-Агачем, я буду готов прежде, чем вы, да и не советовал бы вам испытывать испытанное. Подавайте лучше первые руку примирения, а за мною дело не станет» [1].

Письма Канаата и Колпаковского впоследствии были доведены до сведения министра иностранных дел и императора, которые нашли ответ Колпаковского вполне

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 25, док. 77.

правильным. Таким образом, отношения между кокандскими властями и начальником Алатавского округа развивались в этот период без военных столкновений. Стала налаживаться торговля, нарушенная в результате событий прошлого года. 19 марта через станицы, расположенные в урочище Алматы возле Верного, прошел первый торговый караван из Ташкента в Кульджу, а затем караваны из Ташкента и Коканда в Западный Китай через Верное стали проходить все чаще и в увеличенных составах. Некоторые из них останавливались в алматинских станицах для торговли. Русские власти Алатавского округа, заинтересованные в развитии торговых связей, оказывали содействие в обеспечении безопасности этих караванов [1].

Но при всем том главное внимание начальника Алатавского округа по-прежнему было сосредоточено на подготовке дальнейшего продвижения в Северную Киргизию. В связи с этим возник вопрос о возведении укреплений вблизи кочевий чуйских киргизов. Еще при Гасфорде Колпаковский наметил в качестве подходящего места для возведения укреплений правый берег Чу у Чумычского брода.

23 марта новый генерал-губернатор Западной Сибири генерал-лейтенант Дюгамель приступил к исполнению своих обязанностей [2]. Вскоре он совершил поездку по своему генерал-губернаторству и 19 мая прибыл в укрепление Верное.

Еще раньше Дюгамель командировал своего начальника штаба полковника Кроеруса в Чуйскую долину. В результате рекогносцировки, проходившей с 9 по 17 мая, Кроерус решительно отверг проект строительства укрепления на Чу. Он правильно понимал тогдашнее положение чуйских киргизов и то обстоятельство, что их отношение к России во многом зависит от давления, оказываемого на них кокандцами. Кроерус писал: «В настоящее время по долине реки Чу кочуют: 1) часть киргизов Большой орды, 2) часть соплеменных им дикокаменных киргизов и, наконец, 3) там расположено несколько ханских укреплений. Эти племена не столько по единоверию, сколько по местному положению сво-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 25, док. 80.
[2] Там же, док. 54.

ему на границе Кокандского ханства и вынуждаемые материальной силой из расположенных среди них укреплений находятся совершенно под влиянием кокандского правительства, действуя, может быть иногда поневоле, враждебно против нас...

Следовательно, чтобы водворить тишину и спокойствие на южной границе Западной Сибири, нужно уничтожить влияние кокандцев на чуйских и дикокаменных киргизов и тем вывести их из фальшивого положения, в котором они находятся как в отношении России, так и Коканда, и тогда нет сомнения, что эти номады присстанут к своим соплеменникам, кочующим в пределах империи. Влияние, приобретенное кокандцами на чуйских и дикокаменных киргизов, как сказано выше, основано не столько на единоверии этих народов, сколько на материальной силе, которою владеют кокандцы, имея несколько укреплений среди кочевий русских и дикокаменных киргизов, а именно Пишпек, вновь отстроенный, Мерке, Аксу и Иткечу. Из этих пунктов кокандские гарнизоны во всякое время могут наказать чуйских и дикокаменных киргизов за малейшее неповиновение и вместе с тем взволновать подвластных нам киргизов Большой орды» [1].

Совершенно правильно определив всю сложность политического положения киргизских племен Чуйской долины, Кроерус считал, что добиться окончательного их перехода в подданство России можно только в том случае, если Пишпек, Мерке, Аксу и Иткечу будут заняты постоянными военными отрядами российских войск. Дюгамель, однако, не согласился с мнением Кроеруса, опасаясь длительной войны с Кокандом. Излагая свое мнение по этому вопросу военному министру, он писал: «Эта бесплодная борьба без всяких результатов, наконец, невольно заставит нас предпринять экспедицию в более широких размерах, которая, может быть и против нашего желания, окончится покорением всего Кокандского ханства. Вот отчего я всякий шаг за реку Чу считаю опасным по своим последствиям» [2].

Политика Дюгамеля отличалась более мирным характером, чем политика его предшественника. Дюгамель был противником дальнейшего расширения пределов подвластной России территории за счет кокандских владений. Он находил необходимым пока остановиться на достигнутых успехах в Заилийском крае и окончательно упрочить положение России в этом районе. В донесении военному министру Дюгамель писал: «Для успокоения тревожного состояния умов и для настоящего преуспевания Заилийского края, содержащего в себе столько источников богатства, нужно еще одно, а именно — прочный мир. Тогда только вновь водворенные казачьи поселения окрепнут и достигнут желаемого благосостояния, и потому весьма желательно, чтобы наши отношения к Коканду были бы определены путем мирных переговоров» [1].

Окончательное решение о дальнейшей политике в Заилийском крае было вынесено Особым комитетом 20 июня 1861 г. В постановлении комитета было сказано: «По видам собственно стратегическим, в отношении к средствам обороны нашей границы с Кокандом, и по соображениям политическим, для открытия торговых путей в Кашгар и другие пункты Средней Азии, нам было бы выгодно перенести нашу пограничную линию вперед, в местность более благоприятную по естественному своему положению. Но такое предприятие при настоящих обстоятельствах оказывается несвоевременным, и поэтому казалось бы возможным разрешить генерал-лейтенанту Дюгамелю отменить в нынешнем году постройку укрепления на р. Чу, заняться преимущественно работами в укреплении Верном и внутренним устройством Заилийского края и потому в случае предложения кокандцев не уклоняться от мирных сношений с ними, но не иначе, как в виде перемирия, отнюдь не поставляя положительно границу нашу на р. Чу и не связывая нас в видах на будущее время. Вместе с тем, не теряя из виду непрочность и ненадежность всяких обстоятельств с кокандцами, враждебность их отношений с нами на западной стороне против Джулека,— содержать в готовности отряд в укреплении Верном или в Кастеке по мере надобности и местного удобства на случай неприязненных действий кокандцев» [2].

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 25, док. 50.
[2] Там же.

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 25, док. 50.
[2] Там же, док. 110.

Решение Особого комитета, представленное императору, получило его одобрение.

Но попытка Колпаковского урегулировать отношения с Кокандом путем мирных переговоров, в плане которых происходила его переписка с Канаатом, а потом и с беком крепости Пишпек Рахматуллой, успеха не имела. Вскоре едва наладившиеся взаимоотношения с Кокандом снова обострились. Это произошло в связи с прибытием на Иссык-Куль к бугинцам летом 1861 г. посланных Рахматуллой вместе с сыном манапа Мураталы сборщиков зякета. Кокандские власти, поддержанные отдельными бугинскими манапами, в частности Мураталой, Тилекматом и другими, опять стали добиваться у бугинцев признания власти хана и выплаты зякета. Мураталы интриговал против манапа Качибека и враждебно относился к русским властям.

Одновременно кокандские власти начали действовать против некоторых родов подвластных России казахов Заилийского края, чтобы заставить их изменить свое подданство. Они воспользовались барымтой чуйских киргизов племени солто, которые предприняли набег на аилы казахов, участвовавших в нападении на киргизские аилы отряда Бутакова в январе 1861 г. 16 июня группа солтинцев численностью до 300 человек совершила нападение на пять аулов подвластных России казахов, кочевавших в низовьях реки Каскелен на северо-запад от Заилийского пикета. С получением известия об этом Колпаковский немедленно приказал войсковому старшине Бутакову, находившемуся в Кастеке, преследовать эту «шайку барымтачей и наказать их». Бутаков с казачьим отрядом выступил из Кастека в ночь на 17 июня, и к утру 18 июня авангард его отряда настиг барымтачей за Курдайским перевалом. У них было отбито около 300 баранов, но с остальной добычей киргизы успели переправиться через Чу и скрыться [1].

Это событие способствовало также обострению отношений между кокандскими и русскими властями в Заилийском крае, так как набеги солтинцев были совершены при подстрекательстве кокандских властей, и это было известно начальнику Алатавского округа.

Старший манап бугинцев Качибек Шералин донес

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 3, оп. 185, д. 120, св. 10, док. 5—6.

начальнику округа о действиях кокандцев среди бугинцев [1]. Получив письмо Качибека, Колпаковский предъявил ультимативное требование Рахматулле отозвать сборщиков зякета из кочевий бугинцев. Одновременно он сообщил об этом Дюгамелю и просил разрешения отправить небольшой отряд на Иссык-Куль для поддержки бугинцев и уничтожения вредного для России влияния на них манапов Мураталы, Тилекмата и др.

Получив известие о готовящемся выступлении русского отряда, кокандские сборщики, не успев полностью собрать зякет, оставили аилы бугинцев и вернулись обратно в Пишпек. Однако осенью того же года кокандцы вновь отправили к бугинцам сборщиков зякета, которые опять склонили на свою сторону манапа Мураталы и находившегося под его влиянием манапа Тилекмата и стали собирать зякет. Качибек не мог воспрепятствовать им, так как кокандцы угрожали бугинцам нападением на их аилы, а скорой помощи от Колпаковского не предвиделось.

Такое положение с бугинцами в последние годы создавалось неоднократно. Поэтому Колпаковский пришел к окончательному убеждению в необходимости постоянного водворения русских военных сил на Иссык-Куле. 22 октября 1861 г. он писал Дюгамелю: «Бугинцы, кочующие от Верного на 18 дней ходу, часто по слабости своей и недоверию их к нам отдаются на произвол нахальных кокандцев, лишь бы только спасти свой скот от упадка зимою. Я поспешаю почтительнейше донести обо всем этом вашему высокопревосходительству и осмеливаюсь доложить, что по отдаленности этого племени, которое мы обязаны защищать от вторжения к ним кокандцев, я в настоящее время не могу ничего сделать для их защиты, кроме письменных сношений и убеждений и что положение бугинцев не будет обеспечено до тех пор, пока не будет находиться постоянно на Иссык-Куле среди их кочевьев какая-либо самостоятельная воинская наша команда. Без этой поддержки и нашей силы подданство бугинцев к России будет только номинальное и охранение их советами будет внушать в них недоверие к нашей силе и ложное понятие об неумении нашем владеть кочевниками» [2].

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 25, док. 96.
[2] Там же, док. 175.

В ответ Дюгамель 21 ноября 1861 г. предписал начальнику Алатавского округа: «Я признаю необходимость для защиты бугинцев, как подданных русского императора, принять более решительные меры постоянным занятием озера Иссык-Куля. В этих видах поручаю вашему высокоблагородию представить мне соображения, где именно по дороге из Верного через Санташский проход по Заукинскому перевалу можно будет возвести передовой пост» [1]. Колпаковский предложил возвести передовой укрепленный пост на южной стороне Иссык-Куля, между реками Каракол и Джыргалан. Условия местности здесь как по изобилию местных строительных материалов, так и в отношении топлива и покосных лугов были самые подходящие. Выбор места был определен не только соображениями защиты аилов бугинцев, но и необходимостью обеспечить безопасность караванных торговых путей через перевал Джууку в Кашгар. Колпаковский предполагал основать укрепление в 1862 г. Это должно было не только обеспечить защиту бугинцев, но и означало закрепление господства России в Иссыккульской котловине.

Наряду с постройкой укрепления он находил необходимым начать и гражданскую колонизацию края созданием здесь русских поселений, которые, развивая хлебопашество, могли бы обеспечивать гарнизон крепости продовольствием. В этом деле Колпаковский возлагал надежды и на бугинцев, которые с водворением спокойствия на берегу Иссык-Куля могли вновь успешно заняться земледелием, заброшенным здесь в последние годы в связи с войной.

Одним из серьезных вопросов было определение будущей организации управления у бугинцев. Колпаковский придерживался в этом отношении очень осторожной политики и первоначально считал необходимым оставить бугинцам максимальную свободу в их внутреннем управлении. Он считал, что действия «русских чиновников должны ограничиваться в соглашении тяжущихся сторон и только в нужных случаях, в видах поддержания власти старшего манапа, в настоянии к исполнению его решений, признаваемых по шариату. Личное же

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 25, док. 175.

участие чиновников в решении киргизских дел должно быть строго воспрещено» [1].

Колонизаторская сущность политики царизма, которая впоследствии привела киргизский народ к полному закабалению в интересах эксплуататорских классов России, пока еще почти не проявлялась. На первых порах, когда главным вопросом было утверждение и закрепление власти царизма, киргизским племенам предоставлялась свобода и даже привилегии как в части их политических прав, так и в части налогового обложения, земельных владений и т. д.

Основание укрепления на берегу Иссык-Куля, однако, было невозможно без овладения кокандскими крепостями в Чуйской долине. Это неизбежно вело к обострению отношений с Кокандом. Дюгамель особенно не торопился и соблюдал большую осторожность, но события, развернувшиеся на границе Оренбургского края, ускорили наступление и со стороны Западной Сибири.

Командование царских войск давно намечало планы наступления на Кокандское ханство одновременно со стороны Западной Сибири через Чуйскую долину и со стороны Оренбургского генерал-губернаторства по Сыр-Дарьинской линии.

Для обеспечения успеха военных предприятий в Северной Киргизии еще Гасфорд считал желательным отвлечь часть военных сил хана от Чуйской долины движением русских отрядов со стороны Оренбурга вверх по Сыр-Дарье [2]. При Катенине также была признана целесообразность такого движения. Преемник Катенина генерал-адъютант Безак на основании соответствующих указаний военного министерства начал приводить этот план в исполнение. Он распорядился возвести укрепление в 100 верстах от форта Перовского, вверх по Сыр-Дарье, на месте кокандской крепости Джулек [3]. В связи с этим с весны 1861 г. отношения с Кокандом в этом районе значительно обострились.

Отряды царских войск достигли Джулека и основали здесь новое укрепление. Вскоре сюда, в лагерь начальника Сыр-Дарьинской линии генерал-лейтенанта

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 25, док. 183.
[2] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 24, док. 224.
[3] Там же.

Дебю, явился Сейт-ходжа, посланник туркестанского бека Сабдан-ходжи, с протестом против постройки на Сыр-Дарье русской крепости. Генерал Дебю, однако, отверг этот протест и продолжал строительство укрепления [1].

Безак в качестве ближайшей задачи в дальнейшем наступлении ставил овладение крепостью Туркестан. В связи с этим вверх по Сыр-Дарье была направлена экспедиция на двух пароходах «с ученой целью» [2].

Туркестан был одним из сильнейших кокандских укреплений на Сыр-Дарьинской линии. После разрушения Яны-Кургана в 1861 г. Туркестан, расположенный на расстоянии 120 верст от последнего, являлся ближайшей пограничной крепостью. Население города в этот период достигало 6 тысяч человек.

Но овладение Туркестаном, по мысли Безака, должно было явиться лишь подготовительным шагом к завоеванию Ташкента, где должно было осуществиться соединение Сибирской и Сыр-Дарьинской линий. «Для достижения этой цели (т. е. соединения линий.— *Б. Д.*),— писал он,— нужно непременно овладеть Ташкентом. От него через укрепление Аулие-Ата идет удобная дорога на Кульджу и Чугучак, и я полагаю, что Сибирскому корпусу весьма легко в первый год построить укрепление в Пишпеке, а на следующее лето овладеть крепостью Аулие-Ата и прийти к Ташкенту на соединение с войсками Оренбургского корпуса, которые, устроив на Сыре, смотря по удобству и по ближайшей линии к Ташкенту, укрепление как для прикрытия флотилии, так и для сосредоточения в нем продовольственных припасов, могут совокупно с Сибирским корпусом приступить к овладению Ташкентом» [3].

Ташкент был важнейшим экономическим пунктом во всей Средней Азии. Здесь сходились все торговые пути из Бухары, Хивы, Китая и России. Военно-стратегическое и торговое значение этого города обеспечивало ему ведущее положение в Кокандском ханстве. В торговых связях с Бухарой и Кашгарией Ташкент играл исключительную роль. Все это учитывалось царским правительством.

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 25, док. 102.
[2] Там же.
[3] Там же, док. 179.

Для достижения успеха Безак считал необходимым активное содействие со стороны Западной Сибири. Поэтому, естественно, Безак выражал недовольство слишком мирной политикой западносибирского генерал-губернатора по отношению к Коканду. Он писал по этому поводу: «До сих пор Сибирский корпус постоянно подвигался вперед, чем значительно отвлекались силы кокандцев. Имея это в виду, оренбургское начальство могло менее опасаться за свои укрепления, выдвинутые вверх по Сыру,.. С промедлением же в отношении занятия Пишпека и при открытии с кокандцами со стороны Сибири мирных сношений они, не опасаясь ничего, оттуда могут обратить все свои силы на Сыр-Дарью и угрожать Джулеку» [1]. Безак при этом выразил уверенность, что генерал Дюгамель, ближе ознакомившись с положением пограничного края, убедится в необходимости более активных действий по отношению к Коканду.

Безаку, конечно, было известно, что военные предприятия более крупного масштаба могли привлечь внимание других государств, прежде всего английского правительства. Но, по его мнению, англичан больше должно было тревожить движение русских на юг по Аму-Дарье, в сторону Индии, чем движение вверх по Сыр-Дарье. Кроме того, Безаку было известно содержание письма министра иностранных дел русскому послу в Лондоне, датированное августом 1859 г., в котором было указано, что Россия не отказывается от выгодного устройства своих дел в Средней Азии из-за того, что это противоречит интересам Англии.

Безак считал нужным соединить линии как можно скорее. «Медлить этим не следует,— писал он,— так как теперь не трудно справиться с Кокандом, но если англичане дадут им хорошую артиллерию и исправное нарезное оружие, то тогда задача сделается несравненно труднее и обойдется гораздо дороже» [2]. Предлог для овладения Ташкентом, по мнению Безака, найти было нетрудно. На ближайшее же время он считал необходимым, чтобы со стороны Западной Сибири была предпринята рекогносцировка от Верного через укрепления

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 25, док. 179.
[2] Там же.

Пишпек и Аулие-Ата до укрепления Сузак, то есть на расстояние более 500 верст. Так, по его мнению, можно было лучше выяснить возможные пути и условия соединения линий. Военный министр одобрил точку зрения Безака.

Одним из обстоятельств, ускоривших решение командования царских войск перейти к активным действиям, было новое ухудшение внутриполитического положения в Кокандском ханстве, связанное с борьбой между различными группировками придворных, а также с выступлением против хана одного из крупных киргизских феодалов — Алымбека, который нашел себе поддержку не только на юге Киргизии, в частности в Алае, но и в Северной Киргизии.

До 1860 г. Алымбек-датха занимал должность наместника хана в Андижанском округе. В 1860 г., во время похода Канаата в Заилийский край, он по повелению хана, собрав значительный отряд во вверенном ему округе, выступил на помощь Канаату. В Чуйской долине среди северокиргизских племен его значение как представителя киргизских феодалов значительно возросло. Хотя хан приказал Алымбеку находиться в подчинении Канаата, он это делал весьма неохотно, а киргизские феодалы даже считали главнокомандующим не Канаата, а Алымбека. Во время узунагачских и кастекских событий все вспомогательные киргизские отряды находились под командованием Алымбека, но, как известно, непосредственного участия в бою не принимали. Канаат обвинил Алымбека во время поездки к хану в измене и потребовал применения к нему самого жестокого наказания. Хан на основе доноса Канаата и допроса других военачальников нашел Алымбека виновным. Однако, зная о его большом влиянии в Андижанском вилайете и особенно среди алайских киргизов, не привлек его к ответственности, оставив хакимом Андижана.

В феврале 1861 г. Малля-хан, совершая поездку по ханству, был в Андижане. Здесь поступили серьезные жалобы на Алымбека. После этого хан тайно вынес ему смертный приговор.

Алымбек был вызван из Андижана в Коканд. Но один из придворных раскрыл ему решение хана. Алымбек бежал к алайским киргизам и приступил там к под-

готовке восстания. Ему удалось поднять почти всех алайских киргизов племен адыгене и монгуш. Однако силы Алымбека оказались недостаточными ни для наступления на Коканд, ни для оказания сопротивления посланным против него войскам. Поэтому он, оставив Алай, ушел в Центральный Тянь-Шань и обосновался в верховьях Нарына. Здесь к нему немедленно присоединились виднейшие сарыбагышские манапы — Уметалы, Аджы, саякский манап Осмон и другие — с подвластными им родами. Это бостоятельство укрепило его положение. Хан был вынужден отказаться от враждебных действий и решил примириться с ним. С этой целью он отправил к Алымбеку своих представителей в количестве 40 человек. Однако Алымбек не только не поддался уговорам ханских посланцев, но задержал их в качестве пленников, а затем умертвил. Получив об этом известие, Малля-хан выслал против мятежного манапа значительный военный отряд, но этот отряд, оказавшись среди гор и ущелий и не имея связи с Коканом, потерпел поражение и почти весь был истреблен.

Несмотря на временные успехи, положение Алымбека оставалось трудным. Он колебался: идти ли ему на примирение с ханом или же попытаться стать самостоятельным правителем киргизов. Не надеясь на возможность осуществления последнего намерения своими силами, он искал связей с русскими властями в Семиречье, чтобы заручиться их поддержкой в случае возникновения серьезной, большой войны с Кокандским ханством. В известной мере этими обстоятельствами и объяснялись попытки ряда виднейших правителей племени сарыбагыш, кочевавших в верховьях Чу, вступить в это время в дружественные отношения с начальником Алатавского округа и даже выслать в Верное своих сыновей в качестве аманатов.

Дюгамель писал 8 июня 1861 г. военному министру: «Алымбек будто бы намерен остаться среди дикокаменных киргизов, кочующих в верховьях Нарына, между озером Иссык-Куль и Мало-Бухарской равниной и сделаться независимым правителем этого народа, вступив предварительно в дружеские с нами сношения.

Имея в виду, что сближение с Алымбеком полезно для нас в том отношении, что может благоприятствовать безопасному следованию караванов в Кашгар, я пред-

писал полковнику Колпаковскому: в случае если Алымбек действительно откроет с ним сношения, то, не отказывая ему в нашем расположении, стараться поддерживать дружеские с ним отношения»[1].

Восстание Алымбека было выгодно для царского правительства, так как вело к ослаблению Кокандского ханства. Хан не успел покончить с выступлением Алымбека, как его положение еще более осложнилось в связи с новым обострением отношений с Бухарой. Весной 1861 г. борьба за пограничную крепость Ура-Тюбе вновь разгорелась. В июне крепость была занята Малля-ханом[2], но этот успех был достигнут ценой ослабления позиций ханства на других участках.

Несмотря на исключительно трудное положение, хан готовился и к противодействию отрядам царских войск, наступления которых он ожидал главным образом со стороны Сыр-Дарьинской линии. Он стал сосредоточивать военные силы в основном в окрестностях Туркестана, Ташкента и Сузака и через своих агентов склонять кочующие на Сыр-Дарьинской линии казахские племена к перекочевке в кокандские владения. Одновременно отдельные кокандские отряды предприняли набеги на подвластные России казахские аулы.

В связи с этими событиями оборона левого фланга Сыр-Дарьинской линии стала приобретать для русского командования важное значение. А. П. Безак в августе 1861 г. произвел осмотр укрепления Джулек и нашел необходимым для его безопасности овладеть укреплением Яны-Курган, расположенным в 90 верстах южнее. С этой целью 20 сентября специальный отряд под начальством генерал-лейтенанта Дебю был направлен к Яны-Кургану и 22 сентября начал его осаду. 24 сентября крепость вынуждена была сдаться[3]. Укрепления Яны-Кургана были взорваны. В ответ Канаат с отрядом из 2000 человек приблизился к Джулеку, однако, не решившись напасть на укрепление, отступил и стал сосредоточивать свои силы около развалин Яны-Кургана. Здесь, на острове Бур-Кутты, Канаат приказал возвести новое укрепление, назвав его Дин-Курган, то есть

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 25, док. 116.
[2] Там же, док. 94.
[3] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 26, док. 32.

«оплот веры». Борьбу против России он по-прежнему стремился вести под лозунгом «газавата».

Командование оренбургского корпуса решило принять меры против нового укрепления кокандцев. В начале 1862 г. к Дин-Кургану был направлен отряд под начальством генерала Дебю[1], который 20 января вынудил защитников крепости к сдаче.

Эти неудачи, однако, не остановили Канаата, он неутомимо продолжал сбор сил для решительных наступательных действий. Численность войск он довел до 10 тысяч и ожидал еще прибытия дополнительных отрядов из Коканда.

События на Сыр-Дарье ускорили развертывание военных действий в Заилийском крае. В отношении к генерал-губернатору Западной Сибири от 24 февраля 1862 г. военный министр Милютин указал на необходимость активизации дальнейших действий в Северной Киргизии. Исходя из соответствующего решения Особого комитета, он писал Дюгамелю: «Что же касается до самой системы, которой должно следовать со стороны Западной Сибири, то, хотя мирные отношения к соседям составляют неизменное желание его величества, однако же при теперешнем состоянии Коканда, при дикости этого народа и его вражде к нам, более и более обнаруживающейся в последнее время, нельзя ожидать успеха ни от мирных с ними сношений, ни от строго оборонительного образа действий»[2]. Военный министр особенно подчеркивал желательность активизации действий со стороны Западной Сибири в целях ослабления позиций Коканда на Сыр-Дарьинской линии.

К началу 1862 г. в Заилийском крае было сосредоточено 19 рот пехоты, то есть почти вдвое больше, чем в начале 1861 г. Этих сил, если добавить артиллерию и казаков, было вполне достаточно не только для обороны края, но и для наступления против кокандцев в Чуйской долине.

Начальник штаба сибирского корпуса отношением к начальнику Алатавского округа от 26 февраля 1862 г. по поручению Дюгамеля распорядился о подготовке к выступлению за Чу летучего отряда. Он писал: «Отряд

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 26, док. 32.
[2] Там же, док. 25.

этот, если надобность потребует, будет двинут к р. Чу, по направлению к Пишпеку, с целью отвлечь кокандские войска, которые будто бы угрожают Сыр-Дарьинской линии. Цель движения заключается, собственно, в отвлечении неприятельских сил, а не в решительных с ними военных действиях» [1]. Выступление отряда Дюгамель приурочивал к весне, когда появится подножный корм. Повод для выступления найти было нетрудно, так как в последнее время между казахами Старшего жуза и подвластными Коканду киргизами участились взаимные набеги и мелкая барымта.

В начале марта 1862 г. группа киргизов племени солто под предводительством манапа Булан-Чолока перешла Чу, вторглась в кочевья кашкоровских казахов и напала на аулы султана Аблеса Адилова, однако встретила отпор казахов, которых поддержали отряды царских войск. Киргизы были разбиты, часть из них попала в плен. Среди пленных было 25 манапов, которых Колпаковский приказал отвезти в Верное и держать там до окончания расчетов по барымте [2].

Несколько раньше, в начале февраля, такое же нападение на казахов племен албан и субан, управляемых султаном Тезеком Нуралиевым, было совершено бугинцами. Эти набеги были проявлением обычной межплеменной вражды. Подобные набеги издавна использовались кокандцами, а в описываемое время и царскими властями Западной Сибири в целях утверждения своего влияния среди кочевников. Эти события и дали Колпаковскому повод для выступления.

Военные силы Кокандского ханства в Чуйской долине были слабы. Это было связано не только с тем, что Канаат сосредоточил свои главные силы против Сыр-Дарьинской линии, но и с тем, что в то время в самом ханстве, как уже указывалось, происходила борьба феодальных группировок.

В начале 1862 г. против Малля-хана был составлен заговор, в котором участвовал ряд его ближайших советников. В заговоре был замешан и Канаат. Заговорщики ставили своей целью убить Малля-хана и возвести на престол Худояра. Получив приглашение от заговор-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 26, док. 26.
[2] Там же, док. 31.

щиков, Худояр при содействии бухарского эмира с тремя тысячами воинов направился в пограничную с Кокандским ханством крепость Тузак. Однако заговор был раскрыт и некоторые главари его были преданы казни.

Не успел Малля-хан окончательно расправиться с участниками этого заговора, как против него был составлен новый заговор с участием ближайших родственников казненных и ряда влиятельных лиц из окружения хана. Среди них были бывший комендант Ак-Мечети и затем Туркестана Шадман-ходжа, хаким Маргелана Алымкул, Кыдырбек-датха, Кудайназар-датха, Китайбай и другие. В заговоре участвовал и Алымбек, который ставил условием своего примирения и признания власти Коканда ставил устранение Малля-хана, как своего личного противника.

Заговорщикам в начале февраля 1862 г. удалось убить Малля-хана. Но ханом был провозглашен не Худояр, а племянник Малля-хана Шах-Мурад. Часть правящей придворной верхушки не согласилась с этой кандидатурой и по-прежнему выдвигала Худояра. Эту группировку возглавляли Канаат и Рустамбек. Их противниками были киргизские и большая часть кипчакских феодалов, в свое время усердно содействовавшие изгнанию Худояра. Они теперь поддерживали кандидатуру Шах-Мурада, но при удобном случае не прочь были выдвинуть на престол претендента из своей среды [1].

Новый хан Шах-Мурад предложил Канаату явиться в Коканд, обещая ему должность главнокомандующего войсками. Но Канаат не поехал. Оставшись в Ташкенте, он стал готовиться к обороне на случай наступления против него нового хана и в то же время начал переговоры с Худояром, находившимся еще в бухарских владениях. Канаат просил Худояра прибыть со своими вооруженными силами, обещая впустить его в Ташкент, с тем чтобы в дальнейшем добиться его возведения на кокандский престол [2].

В начале марта 1862 г. Худояр прибыл в Ташкент, и Канаат провозгласил его кокандским ханом. Тогда Шах-Мурад во главе 14-тысячного войска, в котором

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 26, док. 9, 49.
[2] Там же, док. 50.

преобладали кипчаки и южные киргизы, двинулся на Ташкент и осадил его.

Эта внутренняя борьба, которая не прекращалась до изгнания Худояр-хана в июле 1863 г., естественно серьезно отражалась на обороне ханства как со стороны Сыр-Дарьинской линии, так и в Чуйской долине. Дюгамель, достаточно знакомый с положением Кокандского ханства, писал военному министру: «При беспрерывных неурядицах, волнующих это ханство, при разноплеменном составе его народонаселения, нельзя ожидать единодушного сопротивления... Кокандцы не могут рассчитывать на сочувствие и помощь кочевого народонаселения, т. е. на киргизов разных родов, которых они ожесточили против себя своими поборами и притеснениями»[1]. В этих условиях предполагаемое движение Колпаковского за реку Чу должно было иметь полный успех. Таким образом, момент для экспедиции был более подходящий, чем когда-либо.

19 марта 1862 г. Дюгамель предложил Колпаковскому сосредоточить в укреплении Кастек достаточный отряд и, приняв над ним командование, через Курдайский горный проход выступить за Чу и двинуться к Пишпеку, но не нападать на эту крепость, а выяснить, насколько кокандцы успели ее восстановить. Далее отряд должен был следовать на запад, к кокандским укреплениям Аксу и Мерке. Основная цель движения должна была состоять в том, чтобы, угрожая кокандцам с этой стороны, отвлечь их внимание от Сыр-Дарьинской линии. Одновременно надо было произвести рекогносцировку местности. В отношении киргизских племен Чуйской долины Дюгамель писал Колпаковскому: «Дикокаменным киргизам объявить, что цель наша не в завоеваниях, а в доставлении мира и тишины киргизам, подданным русского государя, и в избавлении их от притеснения кокандцев»[2].

Колпаковский выступил из Кастека 22 апреля[3]. Переправившись через Чу около Чумыча, отряд далее двигался по направлению к крепости Аксу, находящейся между Пишпеком и Мерке[4]. По пути Колпаковский

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 26, док. 64.
[2] Там же, док. 35.
[3] Там же, док. 52.
[4] Там же, док. 56.

получил сведения, что в Аксу стоит небольшой отряд. Чтобы получить более подробные сведения о кокандцах, он решил захватить этот отряд в плен и с этой целью направил туда сотню казаков с двумя орудиями под начальством капитана Проценко. Но кокандцы покинули Аксу до прибытия отряда.

От Пишпека до Аксу отряд проходил кочевьями племени солто, подчиненного влиятельному манапу Джангарачу. Во время стоянки отряда в Аксу он явился к Колпаковскому и выразил благодарность за миролюбивое отношение к подвластным ему киргизам. Колпаковский со своей стороны заверил Джангарача в своем дружественном расположении к киргизам.

Почти все киргизское население Чуйской долины на появление отряда Колпаковского смотрело как на событие, имеющее важное значение в их дальнейшей судьбе. Генерал-губернатор Западной Сибири в отношении военному министру от 30 мая 1862 г. писал: «Видя стройное движение нашего отряда и неприкосновенность стад своих и имущества, а также успокоенные объявлением, сделанным им полковником Колпаковским, что цель наших действий не завоевание, а доставление мира и тишины киргизам, подданным государя императора, и избавление их от притеснений кокандцев, султы везде встречали отряд радостными приветствиями»[1].

Отряд не стал разрушать Аксу и двинулся по направлению к реке Каинды. В 35 верстах от Аксу находилась маленькая крепость Шиштюбе, гарнизон которой также бежал. После небольшого привала отряд оставил это укрепление, также не разрушив его, и последовал далее на запад, к крепости Мерке, отстоявшей от Шиштюбе на расстоянии 45 верст.

Для захвата Мерке Колпаковский направил отряд из двух сотен казаков, при двух горных орудиях и двух ракетных станках. Начальником отряда был вновь назначен капитан Проценко. Навстречу отряду для переговоров из крепости вышли два кокандца, но Проценко потребовал, чтобы явился сам комендант. После этого комендант Пардыбай объявил, что он безоговорочно сдается. Когда отряд занял позиции против ворот укрепления, кокандский гарнизон, сложив оружие, сдался[2].

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 26, док. 66.
[2] Там же.

Колпаковский, захватив по дороге небольшое укрепление Чалдовар, покинутое кокандцами, вскоре также подошел к Мерке.

Во время этих операций не наблюдалось никаких враждебных действий со стороны местного населения. К Колпаковскому явились старшины окрестных казахских и киргизских племен и выразили желание стать российскими подданными. Дюгамель писал военному министру: «В лагерь наш под Мерке к полковнику Колпаковскому явились старшины окрестных родов киргизских Дикокаменной и Большой орд. В уверенности, что мы пришли занять Чуйские земли навсегда, они выразили полную подчиненность России и под впечатлением безукоризненного поведения наших войск относительно их аулов предложили несколько десятков быков, которые и были приняты и обращены на мясные порции отряду» [1].

В Мерке были взорваны две крепостные башни и пороховой погреб, но полностью крепость не была разрушена. После этого отряд отправился обратно и 3 мая, совершив четыре перехода, достиг Пишпека. Кокандцы встретили его интенсивным огнем и почти все время, пока происходила рекогносцировка, вели перестрелку, однако гарнизон из крепости не выходил.

6 мая, снявшись из-под Пишпека, отряд направился к Чумычскому броду, 8 мая переправился через Чу, перешел через Курдайский перевал, 12 мая прибыл в укрепление Кастек и 15 мая вернулся в Верное [2].

Таким образом, поход Колпаковского за Чу продолжался с 22 апреля по 14 мая. Было выяснено, что на всем пути до Мерке нет препятствий для движения военных сил. От Пишпека до Мерке имелась хорошая грунтовая дорога, удобная для движения артиллерии и обоза. Были намечены пункты для возведения укреплений. Эта рекогносцировка имела еще то значение, что она дала понять местному населению Чуйского края, что крепость Пишпек не может служить серьезной преградой для русских военных сил, если они начнут продвижение в глубь подвластной Коканду территории, в сторону Аулие-Ата и Ташкента. На основании результатов этой рекогносцировки западносибирский генерал-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 26, док. 66.
[2] Там же, док. 61.

губернатор мог составить на будущее более конкретный план действий, который он и изложил в записке военному министру от 26 мая 1862 года.

Казахская степь Сибирского ведомства по административному управлению тогда разделялась на две области: область сибирских киргизов, которая называлась правым флангом, и Семипалатинская область — левый фланг. Оба фланга были отделены от Кокандского ханства рекой Чу, которая и считалась границей. Но эта граница была условной, и русские неоднократно переходили ее. Местность на обоих флангах с точки зрения ведения военных действий имела совершенно различный характер. Южная часть правого фланга, прилегающая к реке, представляла бесплодную солончаковую равнину, выразительно названную Голодной степью. Скудная растительность была пригодна только для верблюдов и овец. К этому следует добавить отсутствие воды, которую можно было достать в знойное лето только из немногих колодцев. Движение значительных частей здесь было невозможным. Голодная степь являлась серьезной естественной преградой как для вторжения кокандцев, так и для наступления со стороны России. Поэтому на правом фланге можно было действовать только небольшими отрядами.

В пределы Кокандского ханства военные силы могли быть направлены с левого фланга, где имелись такие опорные пункты, как укрепления Верное и Кастек, с сосредоточенными в них значительными гарнизонами и запасами вооружения и боеприпасов. Укрепление Верное, находясь в узле главных караванных путей, ведущих в Коканд, Кашгар и Кульджу, представляло тогда весьма важный стратегический пункт.

Из кокандских военных укреплений в Чуйской долине — Таучубек, Токмак, Пишпек, Аксу, Шиштюбе, Иткечу, Мерке, Аулие-Ата, Чулак-Курган, Сузак — некоторые уже не существовали. Наибольшее стратегическое значение имела крепость Аулие-Ата, через которую пролегали пути из Западной Сибири в Кокандское ханство. Горные цепи были здесь сравнительно легко проходимы, и войска, перевалив через хребет, отделявший долину Таласса от долины Чирчика, могли выйти на оперативный простор и продвигаться в сторону Ташкента.

Дюгамель одобрял мнение Безака о необходимости овладения Ташкентом совместными силами сибирского и оренбургского корпусов. Он считал также необходимым, в случае если предполагаемое движение на Ташкент будет осуществляться в 1863 г., уже осенью 1862 г. овладеть Пишпеком и разрушить его.

Милютин в письме к Дюгамелю разъяснил решение Особого комитета и изложил точку зрения правительства по поводу этих проектов. Он писал: «Комитет одобрил предположения генерал-адъютанта Безака лишь в общих видах, и командиру отдельного Оренбургского корпуса в будущем 1863 г. разрешено только произвести рекогносцировку Туркестана, а прежде всего признано необходимым, чтобы как генерал-адъютант Безак, так и ваше высокопревосходительство, озаботились собранием об означенном пространстве сведений, сколь возможно более точных... Содействие со стороны Западной Сибири, о котором ходатайствует командир отдельного Оренбургского корпуса для производства высочайше разрешенной в будущем 1863 г. рекогносцировки и для дальнейших своих действий в долине Сыр-Дарьи, состоит в диверсии и в предположениях в 1863 г. занять Пишпек, а в 1864 г. Аулие-Ата... Ежегодные движения наших отрядов в долину р. Чу, которые продолжаются уже с 1859 г., и разрушение построенных в ней кокандских укреплений, по всей вероятности, принудят кокандцев оставить навсегда эту долину, подобно тому, как они оставили Джулек и другие ближайшие к нему укрепления на Сыр-Дарье после повторных движений наших войск и после разрушения Ак-Мечети в 1853 г.»[1]

Таким образом, военный министр указывал на необходимость усиления наступательных действий как со стороны Оренбурга, так и со стороны Западной Сибири.

Но осуществление намеченного движения в определенной мере касалось Цинской империи. Установление правильных взаимоотношений с Китаем являлось тогда одним из существенных вопросов внешней политики царской России. Продвижение России в сторону Илийского края и Северной Киргизии давно обращало на

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 26, док. 77.

себя внимание китайского правительства. Однако серьезных конфликтов между Россией и Китаем не возникало. Это объяснялось главным образом упадком Цинской империи. Тяжелый социальный и национальный гнет, частые внутренние феодальные войны и крестьянские восстания, экономическая и военная отсталость Китая, отсутствие единого централизованного руководства в армии и в государственном аппарате, продажность и взяточничество чиновников были характерными чертами Цинской империи этого периода.

Как указывалось выше, в 1856—1860 гг. произошли так называемые вторая и третья «опиумные войны», в которых Китай потерпел поражение от Англии и Франции и вынужден был заключить ряд неравноправных договоров. Зависимость Китая от иностранных держав все более возрастала. В этих условиях продвижение России в пределы Заилийского края и Северной Киргизии проходило без противодействия со стороны цинской монархии. Незначительные пограничные конфликты улаживались обычно без особого труда. Но с весны 1862 г. китайские чиновники, как это случалось и раньше, стали предъявлять претензии на сбор налогов с некоторых подвластных России казахских и киргизских племен, кочевавших в пограничных с Китаем районах. Особенно настойчиво эти требования предъявлялись к бугинам, кочевья которых простирались до пограничных районов Каркыры и Текеса.

Чтобы воспользоваться местными пастбищами, бугинцы не останавливались перед выплатой своеобразной дани цинским чиновникам. Кроме того, во время неоднократных отступлений в пограничные с Китаем районы в период войн с сарыбагышами бугинцы, ища защиты, объявляли себя китайскими подданными.

Все эти обстоятельства при отсутствии в тех местах твердо установленных государственных границ дали повод маньчжурским властям рассматривать бугинцев как подданных Китая. Теперь пограничные китайские власти, получив отказ бугинцев выплачивать им дань, захватили некоторых бугинских старшин в плен. Подобные конфликты нередко возникали и с казахами, кочевавшими на границах Кульджинского края. Узнав об этих событиях, начальник Алатавского округа предложил пограничным отрядам охранять права подданных

России от притязаний китайских властей. Колпаковский донес о возникших осложнениях вышестоящим органам, и этот вопрос обсуждался Особым комитетом.

События, связанные с притязаниями китайских властей к племени бугу, а также попытка кокандцев собрать с них зякет заставили начальника Алатавского округа принять решение отправить весной 1862 г. на Иссык-Куль отряд. В начале июня отряд под начальством капитана Проценко выступил на Иссык-Куль. Достигнув кочевий бугинцев на восточном побережье озера, он был радушно встречен ими. Подробно ознакомившись с положением бугинцев, Проценко пришел к выводу, что угроза для них со стороны властей маньчжурского правительства является реальной и что они могут подпасть под их власть. Колпаковский, разделяя опасения Проценко, в донесении Дюгамелю писал: «Положение бугинцев весьма шатко и может быть поддержано только положительным нашим там водворением с устройством крепости в нынешнее же лето. Хотя ваше высокопревосходительство и изволили отложить устройство в той стороне нашего укрепления до весны будущего года, но по настоящим обстоятельствам я вполне разделяю мнение штабс-капитана Проценко о необходимости содержать в той части вверенного мне округа не временный, а постоянный отряд для охраны киргизов и поддержания нашего влияния на них; они после последнего столкновения нашего с китайцами не знают, к кому пристать, и готовы броситься то в ту, то в другую сторону».

Далее Колпаковский писал: «Оставление сего отряда до весны, по моему соображению, важно там, собственно, потому, что с удалением его, если в нынешнее лето переговоры о границе не будут окончены, бугинцы, по легкомыслию своему и подстрекательству китайцев, могут отложиться в Китай и, находясь там, повредят вопросу о границе. С другой стороны, оставление его там признается полезным и потому, что после долгих обещаний наших оказывать бугинцам защиту против кокандцев и враждебных сарыбагышей и для поддержания власти старшего манапа нам следует исполнить свое обещание» [1].

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 26, док. 85.

Мнение Колпаковского Дюгамель нашел правильным и дал согласие оставить на зиму отряд на Иссык-Куле. Но вскоре положение в пограничных районах Китая изменилось. В 1862 г. началось грандиозное восстание против цинского правительства в провинциях Шэньси и Ганьсу, а затем и в Синьцзяне, которое привело к падению здесь власти маньчжуров. В связи с этим правительство России могло действовать гораздо свободнее, не опасаясь осложнений в отношениях с Цинской империей.

Находившийся в районе Иссык-Куля отряд капитана Проценко обследовал границы на Каркыре и в пределах Текеса. Бугинцы оказывали отряду всестороннюю поддержку; многие манапы со своими джигитами сопровождали отряд по берегам Иссык-Куля и на Текесе. Впоследствии начальник Алатавского округа в донесении Дюгамелю должен быть отметить, что «продолжительное пребывание русского отряда в нынешнем году в бугинских кочевьях дало возможность на деле видеть степень приверженности этих киргизов к русским, а вместе с тем доставил случай некоторым из них показать свое усердие. Я надеюсь, что вы разделяете мнение о необходимости поощрить это усердие, тем более, что у бугинцев, не часто видящих русских у себя, поощрение это будет иметь особую цену» [1]. Особенное усердие проявили манапы Рыскулбек, племянник Сарпека — Бегалы и сын манапа Чон-Карача — Байсеит. Им были исходатайствованы награды и производство в офицерские чины [2].

Внутреннее положение Кокандского ханства в 1862 г. также благоприятствовало походу русских войск. Как известно, Шах-Мурад с основной частью вооруженных сил направился в поход на Ташкент, где находились Ханаат и Худояр, провозглашенный кокандским ханом. Другая часть войск Шах-Мурада пошла к Чимкенту. Ханаат подготовился к обороне Ташкента и даже сосредоточил здесь гарнизоны других крепостей, находившихся под его управлением. В частности, в Ташкент был вызван туркестанский бек со своим гарнизоном, и Туркестан был оставлен без защиты, несмотря на угро-

[1] ЦИА Каз. ССР, ф. 3, д. 1, л. 5.
[2] Там же.

зу, нависшую над ним в то время со стороны оренбургского корпуса.

Гарнизон осажденного Ташкента оказал упорное сопротивление, и Шах-Мураду город взять не удалось. Вскоре выступление войск бухарского эмира против Коканда и занятие им Ходжента заставили Шах-Мурада снять осаду Ташкента. Во время обратного движения хана в Коканд был раскрыт заговор и убиты видные военачальники из киргизов — Кыдырбек, Ырыскул и Кудайназар-датха. Разногласия киргизских и кипчакских феодалов облегчили борьбу Худояра за престол.

Воспользовавшись затруднительным положением Шах-Мурад-хана, Канаат и Худояр со своими войсками вышли из Ташкента и быстрым движением заняли столицу ханства еще до прибытия Шах-Мурада. У ворот Коканда Шах-Мурад был встречен выстрелами и в сражении под стенами города потерпел поражение. Кипчаки и киргизы, составлявшие основные силы Шах-Мурада, разбежались, хан также бежал в пределы Киргизии.

Заняв престол, Худояр-хан обратился к населению с призывом продолжать войну с кипчаками и киргизами, главными предводителями которых выступали Алымкул и Сарымсакбай. После окончательного их поражения он намеревался начать войну против России. Во время этих событий пострадало много киргизов и кипчаков. Однако беспощадный разгром их аилов и жестокость Худояра еще более озлобили киргизов и кипчаков, делая невозможным примирение между ними и ханом.

Худояр-хан отнюдь не был выдающимся правителем. Слабохарактерный, он был неспособен решать трудные задачи, которые внутренняя и внешняя обстановка поставили в то время перед Кокандским ханством. В своем отношении к военному министру Дюгамель верно отметил слабости Худояра. «Утверждение в ханстве Худояр-хана, правителя малоспособного и склонного к гаремной жизни,— писал он,— могло бы служить отчасти ручательством, что кокандцы не станут нас тревожить пограничными ссорами, если бы во главе правления претендента не стоял Канаат, человек смелый и предприимчивый. Но во всяком случае пока Шах-

Мурад не потеряет окончательно сочувствия дикокаменных киргизов и кипчаков и пока эмир Бухары будет следовать в отношении Коканда своекорыстной политике покойного отца (эмира Насруллы.— *Б. Д.*), до тех пор, несмотря на всю воинственность Коканда, можно предполагать, что кокандцам будет довольно дела у себя дома»[1]. Как правильно подметил Дюгамель, наиболее способным в окружении Худояр-хана в это время был Канаат.

Кипчаки и киргизы вновь сделали попытку взять столицу, но потерпели поражение и вынуждены были отступить. Коканд был занят эмиром бухарским, прибывшим на помощь Худояр-хану. Одной из основных причин поражения киргизов и на этот раз были раздоры в их лагере.

Однако и после этого кипчаки и киргизы продолжали оказывать сопротивление хану. Им удалось временно занять города Наманган, Маргелан, Ходжент и другие. В конце августа и в начале сентября 1862 г., в период наибольших своих успехов, они выпустили ряд воззваний ко всем киргизским племенам Кокандского ханства. Воззвания призывали не подчиняться хану, нападать на гарнизоны кокандских крепостей и уничтожать тех представителей местных властей, которые держали сторону Худояра.

Воззвания нашли отклик почти у всех киргизских племен, в том числе и у бугинцев. Они попали также к чуйским киргизам, отношение которых к кокандскому правительству уже давно было двойственным. Особенно активно реагировали на воззвание киргизы племени солто, подвластные манапу Байтику Канаеву. Враждебную позицию по отношению к Кокандскому ханству занял и ряд видных манапов племени сарыбагыш и тяньшаньских киргизов; они стали угрожать гарнизону кокандской крепости Куртка. Таким образом, междоусобная борьба, происходившая в Кокандском ханстве, получила отклик почти по всей Киргизии. Особенно активной была борьба киргизов против ненавистного им Худояр-хана в Чуйской долине.

Стихийный протест чуйских киргизов проявился в форме отказа от выплаты зякета и в стычках с мелкими

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 26, док. 76.

кокандскими отрядами. Этими обстоятельствами решил воспользоваться манап Байтик, который под давлением киргизов, страдавших от поборов и насилия коменданта крепости Пишпек Рахматуллы, попытался начать военные действия против кокандцев. С этой целью он составил заговор против пишпекского бека, к которому привлек некоторых других влиятельных правителей племени солто. Байтик вступил также в связь с наиболее сильным племенем — сарыбагыш, влиятельнейший манап которого Джантай согласился поддержать его вооруженными силами. Целью восставших было нападение на Пишпек и разрушение этой крепости.

Байтик намеревался обманным путем заманить Рахматуллу в свой аил и убить его. В этих целях он летом 1862 г. пригласил Рахматуллу к себе в аил в качестве гостя. Рахматулла, уже знакомый с настроениями киргизов, не принял приглашения, так как находил опасным для себя пребывание в горных кочевьях, вдали от крепости. В случае нападения киргизов Рахматулле действительно было бы крайне трудно справиться с ними даже при наличии сильной охраны.

Но Байтик продолжал подготовку к выступлению против кокандцев. Свои приготовления, а также заговор против Рахматуллы, он держал в строгой тайне, и это дало ему возможность впоследствии, обманув бдительность Рахматуллы, осуществить свой замысел.

В начале сентября аил Байтика откочевал с гор в долину Чу, в расположенную не очень далеко от Пишпека местность Акчий. Байтик устроил там большой той и пригласил на него Рахматуллу. На этот раз Рахматулла, учитывая, что аил Байтика находится поблизости от крепости, решил принять приглашение.

Приехав к Байтику с отрядом из 60 сарбазов, Рахматулла все же чувствовал себя неспокойно. Он дал приказ не отпускать лошадей на пастбище, а держать их наготове возле юрты, где происходило пиршество. Ружья сарбазов были сложены возле юрты. Чтобы затруднить отступление Рахматуллы, Байтик приказал незаметно обрезать стремена у лошадей сарбазов. Когда той подходил к концу, брат Байтика Байгазы подал сигнал к окружению юрты. Сарбазы, опрокинув юрту и отбиваясь от напавших на них киргизов, посадили Рахматуллу на лошадь и дали ему возможность

в сопровождении нескольких человек из охраны вырваться из окружения. Но джигиты Байтика нагнали их уже недалеко от Пишпека и манап Кокум Чайбеков смертельно ранил Рахматуллу копьем.

Один из сарбазов, отпущенный киргизами, прибежав в крепость, сообщил о смерти Рахматуллы. Тогда его сын немедленно привел в оборонительное положение гарнизон Пишпека, численность которого доходила до 600 человек. Ворота крепости были закрыты, торговля прекращена. Киргизов, находившихся в Пишпеке на базаре, задержали в качестве заложников. Гарнизон Пишпека, однако, не решился перейти к наступательным действиям, а заперся в крепости.

Байтик, осадив Пишпек, немедленно известил о происшедших событиях другие киргизские племена, в частности сарыбагышей, главный манап которых Джантай немедленно выступил против Токмака. Таким образом, обе кокандские крепости — Токмак и Пишпек — оказались осажденными чуйскими киргизами. Однако взять Пишпек без артиллерии было невозможно. Нападающие могли только вести перестрелку с гарнизоном, не нанося повреждений стенам крепости, которые к тому времени были почти полностью восстановлены. Поэтому киргизы решили начать длительную осаду, рассчитывая на истощение запасов продовольствия и боеприпасов в крепости.

Иначе развивались события у Токмака. Здесь крепость еще не была полностью восстановлена, артиллерии не было, да и численность гарнизона была невелика. Поэтому сарыбагышам удалось после непродолжительной осады взять Токмак и разрушить.

Будучи не в состоянии овладеть Пишпеком, киргизы напали на аркатских сартов[1] и подвергли их поселок разграблению; было угнано до 50 тыс. голов скота, захвачено имущество, пленены женщины и дети.

Положение Байтика в случае появления военных сил Худояр-хана могло оказаться опасным, поэтому он решил обратиться за помощью к Колпаковскому и послал к нему своего брата Сатылгана с просьбой прислать отряд и артиллерию. Колпаковский немедленно доложил

[1] Выходцы из Коканда и Ташкента, поселившиеся около Пишпека.

об этом Дюгамелю и получил указание выступить против Пишпека, овладеть им и разрушить.

Выступление Колпаковского стало необходимым не только потому, что этот вопрос, независимо от обращения Байтика, уже был решен положительно, но и потому, что отказ произвел бы на чуйских киргизов невыгодное для России впечатление [1].

Отряд выступил из Верного 3 октября с запасом боеприпасов и продовольствия на 25 дней. 5 октября отряд был у Кастека, 6-го — двумя колоннами начал движение к реке Чу. Силы Колпаковского состояли из 8 рот пехоты по 150 человек в каждой, двух сотен казаков, дивизиона легкой артиллерии и двух взводов горных орудий. Кроме того, для навесного огня отряду были приданы 7 полупудовых мортир и ракетные станки [2]. Пехота и полевая артиллерия под личным командованием Колпаковского через Курдайский перевал направились к Кассыкскому броду, а казаки с двумя горными орудиями под начальством капитана Проценко стали продвигаться по Кастекскому ущелью и вдоль реки Каракунуз к Чумычскому броду. 13 октября оба отряда соединились под Пишпеком и расположились на реке Аларча, в двух верстах от западного фаса крепости.

По прибытии Колпаковского под Пишпек к нему явился со своими джигитами Байтик. Колпаковский обласкал его и объявил, что его отряды «пришли избавить зачуйских киргизов навсегда от притеснений сартов». Байтик со своей стороны выразил готовность оказать помощь Колпаковскому — предоставить ему вьючный скот, продовольствие, рабочую силу и вооруженных джигитов. Считая свой отряд достаточно сильным для взятия крепости, Колпаковский отказался от помощи джигитов Байтика, но не отказался от рабочей силы, нужной для разрушения Пишпека после его падения.

Вечером 13 октября отряд Колпаковского окружил крепость и начал осадные работы. Гарнизон Пишпека оборонялся упорно. Колпаковский отмечал: «Действительно, гарнизон оборонялся весьма деятельно; во всем видна была энергия, изобретательность и некоторое искусство: разрушения, причиненные днем, всегда исправлялись в течение ночи, производились новые приспособления, пробивались новые амбразуры и бойницы и, сообразно с ходом наших работ, перетаскивались орудия, появились у неприятеля и ракеты» [1]. Через перебежчиков стало известно, что Рахматуллу заменял в качестве начальника сарбазов его помощник, батырбаши Тюрекул, который был намерен защищаться до конца.

Ожидая скорого наступления морозов, Тюрекул рассчитывал, что осада долго продолжаться не будет. Кроме того, он считал, что разбить стены крепости осаждавшим не удастся, а крепостной ров, заполненный водой, по его мнению, делал невозможным подкоп. В составе гарнизона имелись беглые русские солдаты, принимавшие деятельное участие в обороне крепости.

Утром 23 октября из Верного прибыл новый транспорт со снарядами, после чего по крепости был открыт сильный артиллерийский огонь, совершенно подавивший кокандские орудия. К 24 октября подкоп был доведен до крепостного рва и начался переход через него. Этот последний момент осадных работ оказался чрезвычайно трудным ввиду отчаянного сопротивления гарнизона. Колпаковский отмечал, что «ров в это время в буквальном смысле горел от бросаемых со стен горючих материалов». В 11 часов пополудни 24 октября в крепости поднялся шум, и осажденные прекратили огонь. Через несколько минут из-за стены раздались крики «аман». Вскоре к Колпаковскому явился Тюрекул, вручивший ему письмо с печатью Рахматуллы о сдаче Пишпека. Все защитники крепости сдались Колпаковскому как военнопленные. 26 декабря началось разрушение Пишпека.

В операции по взятию Пишпека Колпаковский особо отметил помощь, оказанную ему киргизами манапа Байтика. В донесении генерал-губернатору Западной Сибири от 19 ноября 1862 г. он писал: «Означенный манап как до прибытия под Пишпек отряда, так и во время всей осады этой крепости вел себя чрезвычайно похвально и своим усердием и преданностью вполне заслужил

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 26, док. 93.
[2] Там же, док. 113.

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 26, док. 113.

достойной награды... Усердие, преданность и открытая вражда Байтика к сартам выходит из ряда обыкновенного, то я награждение его кафтаном нахожу не вполне достаточным, почему я имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство исходатайствовать ему в награду большую золотую медаль на Анненской ленте для ношения на шее»[1].

Вторичное занятие Пишпека имело большое значение. Теперь открывалась возможность беспрепятственного движения на Аулие-Ата, а это был важный шаг на пути к соединению Сибирской и Сыр-Дарьинской линий. Кроме того, разрушение Пишпека вносило определенную ясность в положение чуйских киргизов, которые до этого неоднократно изъявляли желание принять подданство России и затем оказывались фактически вновь под властью кокандцев.

После разрушения Пишпека отряд Колпаковского 2 ноября начал обратное движение, так как оставаться здесь было невозможно: приближалась зима и перевалы через горы могло занести снегом. 10 ноября он достиг Верного.

Кокандское господство над киргизскими племенами Чуйской долины фактически было почти уничтожено. Внутренняя борьба, происходившая в Кокандском ханстве, исключала возможность быстрого восстановления крепости Пишпек, а также восстановления власти хана над чуйскими киргизами. Главным опорным пунктом ханства в Чуйской долине оставалась Аулие-Ата, но эта крепость уже не могла обеспечить господства над киргизами, так как Худояр-хан в то время был не в состоянии послать туда сколько-нибудь значительные подкрепления. Население Чуйской долины с ненавистью смотрело на этот последний оплот кокандского господства в их кочевьях. Киргизы Чуйской, Таласской и Чаткальской долин ждали дальнейшего движения русских войск и взятия ими Аулие-Ата, однако возвращение отряда Колпаковского в Верное вынудило их к самостоятельным действиям.

Байтик еще во время осады Пишпека заявлял Колпаковскому о своем намерении выступить против Мерке и Аулие-Ата. Последняя вскоре действительно подверглась нападению киргизов и кипчаков. Дюгамель в отношении от 12 декабря 1862 г. писал в Петербург: «По уходе наших войск от разоренного Пишпека прибыло под Аулие-Ата, с целью овладеть этим городом, 500 кипчаков и 1000 дикокаменных киргизов рода багиш, под начальством манапа Сарымсака. Город защищают 3000 сартов и киргизов Большой орды, кочующих по Таласу. Кипчаки и багиши, встретив сопротивление гарнизона, превосходящего их числом, обратились к манапам дикокаменных киргизов рода султы и сарыбагыш, прося их принять участие в действиях против Аулие-Ата. Как кажется, просьба эта была уважена»[1].

Это нападение на Аулие-Ата было связано главным образом с продолжавшейся еще внутренней борьбой в Кокандском ханстве, в которой киргизские и кипчакские феодалы во главе с Алымкулом упорно продолжали выступать против Худояр-хана, поддерживаемого эмиром бухарским. Они в своих целях широко использовали волнения народных масс киргизов и кипчаков, недовольных грабительской политикой Худояр-хана и его приближенных.

Летом 1862 г. крупные города Ферганской долины — Андижан, Наманган и Маргелан — были взяты Алымкулом. Однако, несмотря на это, киргизские племена Чуйской долины после ухода отрядов Колпаковского, не имея реальной поддержки со стороны России, продолжали колебаться в вопросе принятия российского подданства. Если бы в это время кокандцы развернули активные действия, то, несомненно, ряд киргизских племен снова перешел бы на их сторону, как это случалось и раньше. Но теперь положение большинства из них, в особенности тех, кто находился под властью Байтика, было особенно сложным, так как в борьбе против Худояр-хана они зашли настолько далеко, что примирение с ним было для них почти невозможным. В случае усиления Коканда этим племенам грозило бы полное разорение. Поэтому они теперь как никогда ощущали необходимость покровительства России.

Русские власти, учитывая сложное положение киргизских племен Чуйской долины, понимали, что, если сейчас не оправдать их доверия и не поддержать их,

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 26, док. 115.

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 26, док. 123.

влияние на эти племена может быть утрачено. Поэтому Колпаковский стал настаивать на организации новой экспедиции в Чуйскую долину весной 1863 года. Экспедиция должна была, по его соображениям, не только воспрепятствовать восстановлению Пишпека, но и явиться рекогносцировкой кокандских владений до Аулие-Ата, Чулак-Кургана и Сузака. Мнение Колпаковского вполне согласовывалось с прежними установками по вопросу соединения двух линий. Оно нашло полную поддержку генерал-губернатора Западной Сибири, который в отношении от 26 марта 1863 г. предписал Колпаковскому немедленно подготовить в Верном отряд для выступления за Чу. Ему вменялось также в обязанность выслать летучие отряды для дальнейшей рекогносцировки в сторону Аулие-Ата и Сузака и в другие районы Чуйской долины. Отряды должны были исследовать кратчайшие и удобные пути к этим крепостям, оградить от возможных нападений кокандских войск все принявшие сторону России киргизские племена и очистить Чуйскую долину от кокандцев. Вместе с тем Колпаковскому предписывалось не предпринимать никаких действий против самой крепости Аулие-Ата [1]. Одновременно было решено, если будут благоприятные условия, предпринять в этом году экспедицию и в Центральный Тянь-Шань, где проживало много киргизских племен, которые, воспользовавшись последними междоусобицами в Кокандском ханстве, всячески пытались избавиться от власти Худояр-хана.

К началу мая 1863 г. предназначенные для экспедиции военные силы были сосредоточены в Кастеке. Еще до этого в Чуйскую долину для разведки и оказания поддержки киргизам был направлен небольшой отряд под командованием войскового старшины Бутакова.

4 мая Колпаковский со своим отрядом выступил из Кастека и, перейдя Курдайский перевал, 9 мая достиг Чумычского брода на Чу, где соединился с отрядом Бутакова [2]. 11 мая Колпаковский прибыл в Пишпек. Здесь был сформирован особый летучий отряд из двух рот, взвода артиллерии и сотни казаков под командованием подполковника Лерхе. Оставшаяся основная часть

[1] ЦИА Каз. ССР, ф. 3, д. 513, св. 22, л. 10—12.
[2] Там же.

отряда Колпаковского занялась разрушением остатков крепости. Киргизы Чуйской долины оказывали Колпаковскому всестороннюю помощь, в частности поставками вьючного скота и продовольствия. Кроме того, они предоставили для разрушения крепости около 400 человек.

Вступление отряда Колпаковского в Чуйскую долину и движение летучего отряда Лерхе к Аулие-Ата происходили в совершенно мирной обстановке. Киргизы и казахи Старшего жуза, воспользовавшись присутствием Колпаковского, занялись при его посредничестве разрешением споров по барымте. Колпаковский поручил решение этих споров совету биев, обеспечивая исполнение их решений. Как видно из этого, правящая байманапская верхушка киргизов уже в то время опиралась на царские власти.

Кокандцы не только не принимали каких-либо мер противодействия отряду Колпаковскому, но заранее оставляли свои позиции, покидая крепости. 7 мая гарнизон Мерке численностью до 200 человек, получив известие о вступлении русских отрядов в Чуйскую долину, отправился к Аулие-Ата [1]. На отступающие части кокандских гарнизонов нападали главным образом группы киргизов, подвластных манапам Байтику и Джангарачу. Их нападению подвергся, в частности, гарнизон крепости Мерке, причем был убит комендант Мерке Пардабек с несколькими джигитами. Остальные спаслись бегством и добрались до Аулие-Ата [2]. Отступавшие из чуйских крепостей кокандские гарнизоны не получали вооруженной помощи из центра, так как в это время боровшиеся против Худояр-хана киргизские и кипчакские феодалы оказывали сильный нажим и на столицу ханства.

Кочевавшие по пути движения отряда Лерхе киргизские и казахские племена враждебности к нему не проявляли, встречали мирно и дружелюбно. Характеризуя отношение к отряду племен, проживавших в окрестностях Аулие-Ата, Лерхе в донесении Колпаковскому

[1] ЦИА Каз. ССР, ф. 3, д. 513, св. 22, л. 140.
[2] Брат Байтика Мануйтбас, возглавлявший отряд, который напал на кокандцев, преподнес подполковнику Лерхе лошадь Пардабека, его саблю, кинжал и печать.

писал: «Наши и некоторые дикокаменные ждут нас с нетерпением, приносят в жертву каждый день баранов, чтобы мы скорее пришли» [1].

В окрестностях Мерке Лерхе обратился с воззванием к влиятельным киргизским правителям Джангарачу, Худайбергену и другим. Он писал, что у него нет никаких других целей, кроме установления покоя и тишины среди местного населения и освобождения его от притеснений кокандцев.

В середине мая Джангарач обратился с письмом к Колпаковскому, в котором заявил о своем дружественном расположении к русским властям. Желая уверить в своей преданности, Джангарач писал: «Когда бежали из Мерке сарты, все их имущество досталось мне в добычу. На Чу также остались мои дети, которых поручаю покровительству сына генерала. Я же, увидев свободную и большую землю, решил воспользоваться ею. Для меня мусульмане не составляют истинных друзей, хотя я на Востоке, а всегда принадлежу западному белому царю... К Аулие-Ата я нахожусь во враждебных отношениях» [2].

22 мая отряд Лерхе достиг Аулие-Ата и расположился лагерем в пяти верстах от крепости, на правом берегу Таласса. 23 мая в лагерь явился посланец коменданта крепости Атабека с намерением узнать о целях отряда. Лерхе, не отвечая Атабеку, 24 мая произвел рекогносцировку местности вокруг Аулие-Ата. Рекогносцировка показала слабость крепости: стены тонки, непрочны и растянуты на большое расстояние, гарнизон и его вооружение недостаточны для обеспечения обороны. Лерхе сделал вывод, что занятие Аулие-Ата не представит особой трудности.

26 мая Колпаковский с главными силами выступил из Пишпека к Сузаку. Но в это время он получил сообщение от временно исполнявшего должность начальника Алатавского округа подполковника Глазенапа о происшедших на юго-восточной границе Заилийского края стычках с пограничными китайскими военными силами. Поступило также известие о том, что китайцы сосредоточивают отряды в пограничных укреплениях

[1] ЦИА Каз. ССР, ф. 3, д. 513, св. 22, л. 173—175.
[2] Там же, л. 176.

Гурен, Аяк-Караулы и в Кульдже [1]. В связи с этими событиями Колпаковский решил закончить рекогносцировку и предложил Лерхе вернуться. 3 июня отряд Лерхе снялся из-под Аулие-Ата и 5 июня под Мерке соединился с главными силами.

Основной заботой Колпаковского стало теперь обеспечение безопасности Заилийского края со стороны Цинской империи. Движение на Сузак было прекращено, намечавшаяся рекогносцировка нижней части долины Чу по направлению к крепости Иткечу и Таласской долины была отменена. Предназначенные для этого силы направлялись на усиление пограничных отрядов на китайской границе.

Чуйская экспедиция к 30 июня была окончена. Русское командование получило ценные данные. Была произведена топографическая съемка местности от Пишпека до Аулие-Ата и на обширном пространстве вокруг этого города, были составлены схемы, сняты планы и чертежи кокандских крепостей в этом районе и намечены пути движения войск. Существенным было также обеспечение безопасности чуйских киргизов и закрепление влияния России над ними [2].

Отдельные столкновения пограничных отрядов России и Китая в тот период были до некоторой степени неизбежными. Районы кочевий подвластных России казахских племен Заилийского края и киргизских племен бугу, черик и других не были отделены какой-либо определенной границей от принадлежащей Китаю территории. Пекинский трактат 1860 г. не внес достаточной ясности в вопрос о границах в районе Заилийского края и Кашгарии. С передвижением пограничных кочевых племен в ту или иную сторону вновь и вновь возникал вопрос о границах, и в связи с этим могли в любое время возникнуть пограничные споры, конфликты и вооруженные стычки. В данном случае это и произошло. Но эти столкновения обычно не имели серьезных последствий, и русско-китайские взаимоотношения оставались в основном мирными.

Одновременно с экспедицией в долину Чу в 1863 г. была осуществлена рекогносцировка Центрального

[1] Это было связано главным образом с волнениями, начавшимися среди таранчинского населения Кульджийского края.
[2] ЦГАОР Узб. ССР, ф. 1575 ВУА, д. 7-с, л. 82.

Тянь-Шаня. Отряд, предназначенный для этого, был назван кашгарским. Командовал отрядом капитан Генерального штаба Проценко.

Центральный Тянь-Шань в то время являлся одним из важнейших районов кочевий северокиргизских племен сарыбагыш, саяк, частично бугу, чонбагыш, черик, монголдор и других, находившихся под властью кокандского ханства, а частично в зависимости от Китая (чонбагыш, черик). Эти племена в связи с внутренней борьбой в Коканде, особенно в последние годы, стали проявлять заметное стремление к независимости.

Движение русских отрядов на Тянь-Шань в 1863 г. вызывалось прежде всего необходимостью отторгнуть от Коканда местные племена. Киргизы племен солто, сарыбагыш и бугу, имевшие зимовья в Чуйской долине и на берегах Иссык-Куля, во время летних кочевок уходили далеко за Александровский хребет, на высокогорные пастбища Сусамыр, Кочкор, Джумгал, Сонкёль, а бугинцы, перевалив Терксей-Алатау, пользовались также пастбищами районов Тарагая, Аксая, Арпы и т. д. Во время летних перекочевок эти племена не только близко соприкасались с подвластными Коканду тяньшаньскими племенами, но часто и смешивались с ними, что очень затрудняло вопрос об их подданстве и создавало почву для конфликтов.

Кроме того, необходимость утверждения влияния России в Центральном Тянь-Шане вызывалась интересами развития торговых связей с Западным Китаем, и особенности с Кашгаром, который издавна играл очень большую роль в торговле среднеазиатских ханств. Теперь, по мере утверждения господства России в Чуйской долине и на Иссык-Куле, вопрос об установлении прямых торговых отношений с Кашгаром становился неотложным. Русские власти решили открыть прямой путь из Заилийского края в Кашгар и учредить там консульство и торговую факторию. До этого времени очень ограниченные торговые операции русских купцов с Кашгаром осуществлялись в основном со стороны Сыр-Дарьинской линии через Кокандское ханство и со стороны Верного через Кульджу.

Капитан Проценко, являвшийся сторонником установления прямых торговых связей с Кашгаром через Нарын, в донесении Дюгамелю писал: «Трудности кашгарского нашего вопроса состоят не в приезде консула, но в завязке и развитии непосредственной торговли с Кашгарией, ибо только при этом условии пребывание нашего консула в Кашгаре, как и во всяком другом пункте, будет рационально и неубыточно.

Развитие нашей торговли составляет одну из главных целей нашего стремления в Азии. Кроме Кашгара, в Средней Азии есть для торговли Ташкент, Коканд и Андижан, затем Яркенд, Хотан, Бухара, Хива и другие... С Ташкентом и Бухарой мы имеем уже значительные торговые сношения; Кашгария же стоит до сих пор от нас отдельно. Торговля с нею, идущая через Кульджу и Коканд, самая ограниченная. Завязать с нею непосредственную торговлю возможно только при устройстве безопасных путей сообщения. Меры для достижения этой безопасности будут лучшими мерами для развития торговли. И только приняв такие меры, можно думать об основании консульства и торговой фактории в Кашгаре»[1].

Торговый путь на Кашгар мог быть проложен с наибольшей выгодой со стороны Северной Киргизии. Расстояние от Верного до Кашгара по прямой линии составляло примерно 400 верст. Это был кратчайший путь. Он пролегал мимо западной оконечности Иссык-Куля и через среднее течение Нарына. Здесь горные цепи Тянь-Шаня были легче проходимыми, чем к востоку от Иссык-Куля.

Освоение торгового пути в Кашгар предполагало предварительное занятие района Нарына, так как без возведения там постоянного укрепления невозможно было обеспечить безопасность движения караванов. Указывая на необходимость занятия Центрального Тянь-Шаня, капитан Проценко в своем уже упоминавшемся донесении писал: «Осуществление предположенной цели открытия торговли с Кашгарией, основание там нашего консульства и торговой фактории вызывает нас на новое движение в Средней Азии — на занятие реки Нарына, верховьев реки Сыр-Дарьи и части Тянь-Шаня».

Поскольку в Тянь-Шане имелись кокандские укрепления, было ясно, что на своем пути отряд неизбежно будет иметь столкновения с кокандцами.

---

[1] ЦГАОР Узб. ССР, ф. 1575 ВУА, д. 8-с, л. 130.

3 мая 1863 г. кашгарский отряд выступил из К стека, прошел по ущелью Боом к Иссык-Кулю, а отт да через Кызартский перевал проник в долину Джу гал, где стояла кокандская крепость того же назван Долины Джумгала и Кочкорки в то время были нас лены племенами саяк и сарыбагыш. Сарыбагыши, а также некоторые роды саяков, ненавидевшие влас Худояр-хана, не желали поддерживать кокандский га низон. Поэтому с их стороны отряд не встречал враж дебных действий. Наоборот, ряд правителей саяков сарыбагышей, в том числе самый влиятельный из них Уметалы, выразили готовность оказать помощь отряд в операциях против крепости Джумгал. Со своими дж гитами они сопровождали Проценко. Такое отношени местных жителей значительно способствовало успех действий отряда. Киргизы предоставили отряду выюч ный скот, служили проводниками, резали скот для пи тания солдат.

Однако, как показали последующие события, неко торые манапы, хотя и поддерживали стремление мест ных киргизов с помощью русских отрядов уничтожить кокандские укрепления и изгнать кокандцев, в то же время не доверяли Проценко и не одобряли намерения принять русское подданство. Они все еще таили надеж ду добиться независимости в управлении своими рода ми и племенами.

Гарнизон Джумгала насчитывал менее 50 человек Воины были плохо вооружены, многие имели только холодное оружие. Такой слабый гарнизон, застигну тый врасплох, не получая поддержки при общем враж дебном отношении к нему населения, не мог оказать какого-либо сопротивления. Кокандцы вынуждены были бежать. Крепость была взята без боя и разрушена. После этого Проценко через Сонкёль направился в главной кокандской крепости на Тянь-Шане — Куртке. И туда его сопровождали киргизские отряды. Хотя Куртка была значительной крепостью и имела относи тельно сильный гарнизон, кокандцы и здесь не стали обороняться и заблаговременно отступили. В конце мая Куртка также была занята без боя и разрушена при помощи киргизов, в том числе и подвластных Уметалы.

Появление русских отрядов на Нарыне и разруше ние Куртки сразу же развязали руки киргизам, нена

видевшим Худояр-хана и его наместников. Саяки, кочевавшие в окрестностях Тогуз-Торо, начали самостоятельные действия. 8 июня они разрушили это укрепление. Об этом сообщал Дюгамель военному министру 17 июля 1863 года [1]. Волнения начались и среди киргизов Атбашинской долины. Незначительный кокандский гарнизон Атбаши также вынужден был бежать.

После ухода кокандцев из укрепления Тогуз-Торо положение отряда Проценко в районе Нарына стало совершенно безопасным. Поэтому он решил двинуться с частью отряда вверх по Нарыну, чтобы выбрать место для строительства моста. В нескольких переходах выше Куртки находилось место, где раньше был мост, построенный китайцами. Проценко отправился туда с 80 верховыми стрелками и 97 казаками, с одним ракетным станком и одним орудием. Он прибыл к месту 12 июня в сопровождении киргизов, среди которых были Осмон и Чаргын — главные манапы саяков и сарыбагышей. Осмотрев местность, Проценко 14 июня выступил обратно на соединение с отрядом, оставшимся в Куртке.

Тем временем в тылу у Проценко некоторые сарыбагышские и саякские манапы с одобрения манапов Уметалы и Осмона 19 июня в местности Экичат неожиданно напали на отряд подпоручика Зубарева [2], который в начале июня отправился из Нарына на Котмалды за продовольствием и боеприпасами. Зубарев благополучно прошел с отрядом до Котмалды и, приняв там доставленные запасы, отправился обратно. В это время на него было произведено нападение. Отряд Зубарева, заняв оборонительную позицию, вынужден был отбиваться. Подоспевший 21 июня отряд Проценко заставил киргизов рассеяться.

Капитан Проценко в своем отчете указывал на это событие как на случайное столкновение, не имевшее сколько-нибудь серьезного значения для взаимоотношений русских властей с киргизскими племенами. «Враждебные действия кара-киргиз в этом году против отряда, рекогносцировавшего Тянь-Шань,— писал он,— не дают никаких оснований предполагать особое сопро-

[1] ЦГАОР Узб. ССР, ф. 1775 ВУА, д. 8-с, л. 80.
[2] ЦИА Каз. ССР, ф. 3, д. 11, л. 20—21.

тивление со стороны нарынских кочевых жителей, не
враждебность сарыбагышей и саяков проявилась вслед
ствие причин совершенно случайных. Она напоминала
только ту неожиданную измену и враждебность, кото
рую выказали и заилийские киргизы в 1850 году, во вре
мя первого похода русских под укрепление Таучубек[1].

Хотя в официальных донесениях командования цар
ских войск не придавалось особого значения этому со
бытию, но на самом деле оно создавало некоторые за
труднения продвижению русских отрядов на Тянь-
Шань. Впоследствии Н. А. Северцов, посетивший этот
край в 1867 г., указывал, что возмущение Уметалы было
вызвано надеждой расширить свои кочевья за счет че
риков, кочевавших в районе Нарына, и усилить свое
влияние среди соседних киргизских племен. Уметалы
понимал, что в этом предприятии он не может рассчи
тывать на поддержку царской администрации[2].

Позиция Уметалы до некоторой степени определялась
также событиями, происходившими в Коканде. Умета
лы, поддерживавший связь с главарями восставших в
Ферганской долине киргизов и кипчаков, не хотел ук
крепления русских отрядов на Тянь-Шане. После изгна
ния военных сил Худояр-хана с Тянь-Шаня он стал опа
саться отряда Проценко и, понимая его силу, делал
вид, что желает добровольно перейти в российское под
данство.

После этих событий Проценко решил продолжать
поиски дороги в Кашгар через Центральный Тянь-Шань.
Однако к этому времени в связи с некоторыми тревож
ными обстоятельствами на китайской границе от Кол
паковского пришло приказание направиться на усиле
ние кегенского отряда[3].

Экспедиция капитана Проценко имела важное зна
чение для утверждения влияния России на киргизские
племена Тянь-Шаня. Опорные пункты кокандского вла
дычества на Тянь-Шане — Джумгал, Куртка и Тогуз-
Торо — лежали в развалинах. Эти укрепления, в течение
десятилетий бывшие местом пребывания кокандских чи
новников, торговцев и феодалов, выколачивавших тяже

[1] ЦГАОР Узб. ССР, ф. 1575 ВУА, д. 8-с, л. 130.
[2] См. *Н. Северцов,* Путешествия по Туркестанскому краю, стр. 211—212.
[3] ЦГАОР Узб. ССР, ф. 1575 ВУА, д. 7-с, л. 80.

ные поборы с киргизского населения, центрами распространения ислама и пунктами сосредоточения кокандских военных сил, перестали существовать. Кокандское правительство ничего не могло предпринять, так как внутреннее состояние ханства и давление на него со стороны Сыр-Дарьинской линии совершенно исключали возможность посылки военных сил на Тянь-Шань.

Во время кашгарской экспедиции многие киргизские племена Центрального Тянь-Шаня изъявили желание стать подданными Российской империи.

Правда, нападение на отряд Зубарева вызвало некоторое недоверие русских властей к тяньшаньским киргизам. Но быстрая ликвидация этого инцидента без серьезного ущерба для русского отряда и покорность только что бунтовавших манапов вскоре привели к тому, что влияние России на тяньшаньские племена стало чувствоваться совершенно определенно. Это обстоятельство не только обеспечивало прочное утверждение влияния России среди киргизов Чуйской долины и Иссык-кульской котловины, но открывало также перспективу в ближайшее время наладить торговые связи с Кашгаром через Нарын. Кроме того, экспедиция Проценко оказала влияние на поведение пограничных с Кашгарией киргизских племен, среди которых наиболее крупным было племя черик.

По уровню экономического развития черики не уступали тяньшаньским киргизам, скотоводство у них было широко развито. В то же время это племя в наибольшей степени подвергалось иноземному гнету и произволу. При отсутствии твердо установленной пограничной линии между Кокандом и Китаем в районах кочевий чериков последние иногда облагались налогами с двух сторон — и китайцами, и кокандцами. Отдельные аилы чериков время от времени разорялись то кокандскими, то китайскими военными отрядами под предлогом наказания их за «измену». Положение этого племени было весьма затруднительным, поэтому не случайно, что народные массы чериков жили в нищете[1].

Длительное пребывание на берегах Иссык-Куля русских отрядов и окончательное утверждение влияния России среди племени бугу обратило взоры чериков

[1] См. *Ч. Ч. Валиханов,* указ. соч., стр. 74—75.

к России, и они еще весной 1863 г. в количестве 5 тысяч юрт решили принять российское подданство. С этой целью их правители во главе со старшим манапом Турды-Мамед Тойматовым от имени всего племени обратились со следующим письмом к начальнику Алатавского округа:

«Старшие и младшие рода чирик манапы сим доверяем с общего согласия нашего Найману Аджибекову и Улуке Хасенову ходатайствовать пред вами о принятии нас на подданство; род чириков по меньшей мере состоит из 5000 кибиток.

Терпя разные насилия и притеснения от соседей наших всех четырех сторон, мы решили идти в подданство одного великого народа, подобно манапу Бурамбаю, который также подобно нам, не обретая спокойствия от своих соседей, пошел в подданство белого падишаха и тогда стал жить спокойно, почему и мы нарочито посылали людей к брату Бурамбая старшему манапу Сарпеку за советом и объяснением, который нам вполне объяснил все порядки и законы его императорского величества и его справедливость, а также то, что кто бы в какой вере ни находился, одинаково пользуется его правосудием, почему мы по общему совету и согласию добровольно решились быть подданными великого падишаха, подобно бугинцам, и с этой целью посылаем к вам несколько человек манапов просить особу вашу о принятии нас в подданство, с надеждой, что вы не откажете нам в просьбе и донесете о том великому падишаху, мы же поднимали св. коран и будем служить до капли крови. Земли наши отстоят от Кашгарии на три дня езды, а зимние кочевки только на один день, от г. Турпана и Аксу также три дня езды, а соседи наши чон-багыши, а враги сары-багыши».

К письму была приложена печать старшего манапа Турды-Мамеда Тойматова и тамги биев Абдрамана, Ашима, Курсакбая, Коджабека, Ашымбека, Атамбека, Керимбека, Турдуке, Чубара, Сопая, Адыльбека и Джолбуна [1].

Вслед за этим письмом было направлено следующее прошение: «1279 года (по мусульманскому летосчислению.— *Б. Д.*) месяца Сафара подают это письмо нижеименованные представители рода чирик манапы: Турдеке Имемес Исенбаев и прочие по собственной и доброй их воле правителю Большой Орды и бугинцев, бангбаши приставу о следующей просьбе: мы все, от малого до старика, подаем эту просьбу и покорнейше просим препроводить ее к белому царю с ходатайством принять нас на подданство, а мы, с своей стороны, готовы собственноручно и добровольно поднять коран и присягнуть на верность, с обещанием до последней ложки крови служить царю» [1].

Представители чериков в апреле прибыли в Верное. Начальник Алатавского округа сделал соответствующее представление генерал-губернатору Западной Сибири. Находя нужным удовлетворить желание чериков, Дюгамель 28 апреля 1863 г. писал вице-канцлеру: «Принятие племени черик в подданство России... будет для нас выгодно в том отношении, что через распространение на них нашего влияния, можно ожидать самых благоприятных последствий, как для спокойствия подвластных России киргизов рода бугу, так и в видах обеспечения торговых путей в Кашгарию, пролегающих по местам, обитаемым этими киргизами. При том, с переходом чериков в подданство России должно ожидать, что и другие роды... киргизов, а в особенности сарыбагыши, также последуют их примеру и тогда окончательно распространится решительное влияние России над сими племенами до самых пределов Кашгарии. Если будет разрешен вопрос о принятии чериков в подданство России, то для управления бугинцев и чериков надо в будущем году построить укрепление на Иссык-Куле» [2].

Одновременно Дюгамель писал военному министру: «Представляя при сем к вашему превосходительству копию с отношения моего к государственному вице-канцлеру о желании, изъявленном дикокаменными киргизами племени черик принять подданство России, имею честь уведомить, что в видах ограждения сих киргиз от притеснения их ближайших соседей, я полагал бы необходимым построить на оз. Иссык-Куль небольшие укрепления» [3]. Вопрос о принятии чериков в подданство России

[1] АВПР, фонд главного архива 1—7, д. 2, л. 5—6.

[1] АВПР, фонд главного архива 1—7, д. 2, л. 7.
[2] Там же, л. 1—2; см. также ЦГИАМ, ф. ВУА, д. 36—60, л. 1—7.
[3] ЦГИАМ, ф. ВУА, д. 36—60, л. 1—2.

вскоре был поставлен Горчаковым перед императором и получил положительное решение. 21 мая 1863 г. Горчаков телеграфировал об этом генерал-губернатору Западной Сибири [1].

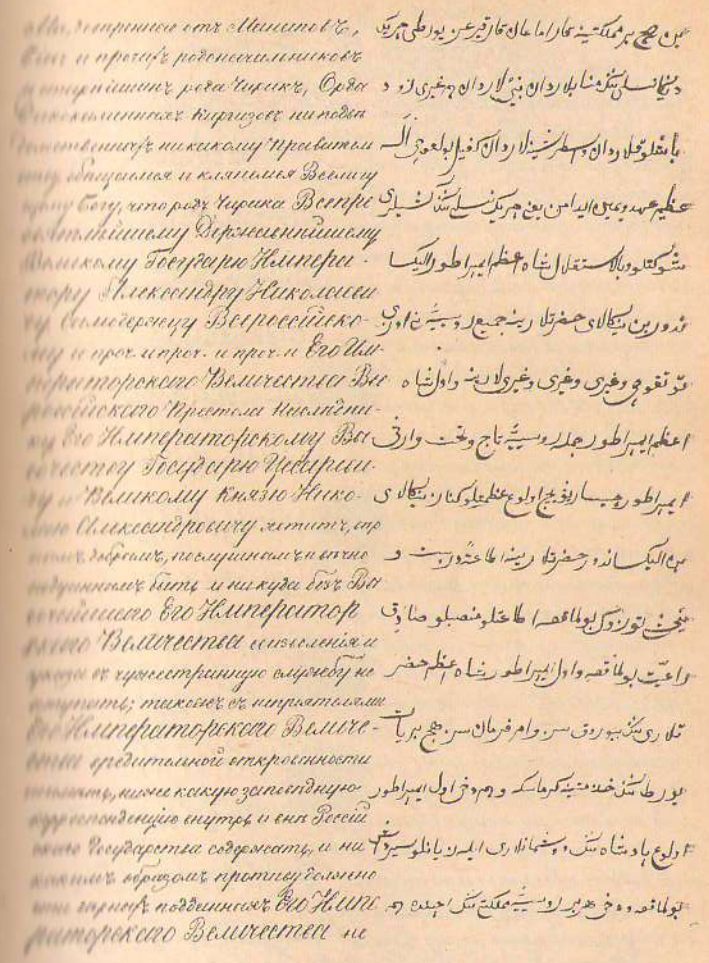
В конце лета 1863 г., после рекогносцировки капитана Проценко на Нарын, решимость чериков принять российское подданство окончательно окрепла. Их депутация вскоре прибыла в Омск, к генерал-губернатору Западной Сибири. 13 октября 1863 г. депутация чериков в торжественной обстановке, в присутствии многих важных военных и гражданских чинов штаба и канцелярии западносибирского генерал-губернаторства, а также некоторых казахских султанов, была допущена к присяге от имени всего племени.

Текст присяжного листа гласил: «Мы, доверенные от манапов, биев и прочих родоначальников и старшин рода чирик.., не подведомственных никакому правительству, обещаемся и клянемся,.. что род чирик... хочет верным, добрым, послушным и вечно подданным быть и никуда без высочайшего е. и. в. соизволения и указа в чужестранную службу не вступать. В заключение же сей нашей клятвы целуем слова священного Алкорона» [2].

Дюгамель в честь такого важного события наградил каждого депутата халатом первого разряда. Кроме того, согласно представлению начальника Алатавского округа, Дюгамель выслал почетнейшим манапам племени черик награды: Турдуке Мамедову — большую золотую медаль и бархатный халат первого разряда, Керимбеку Сазонову — большую серебряную медаль и суконный халат первого разряда и другим манапам — по суконному халату первого разряда [3].

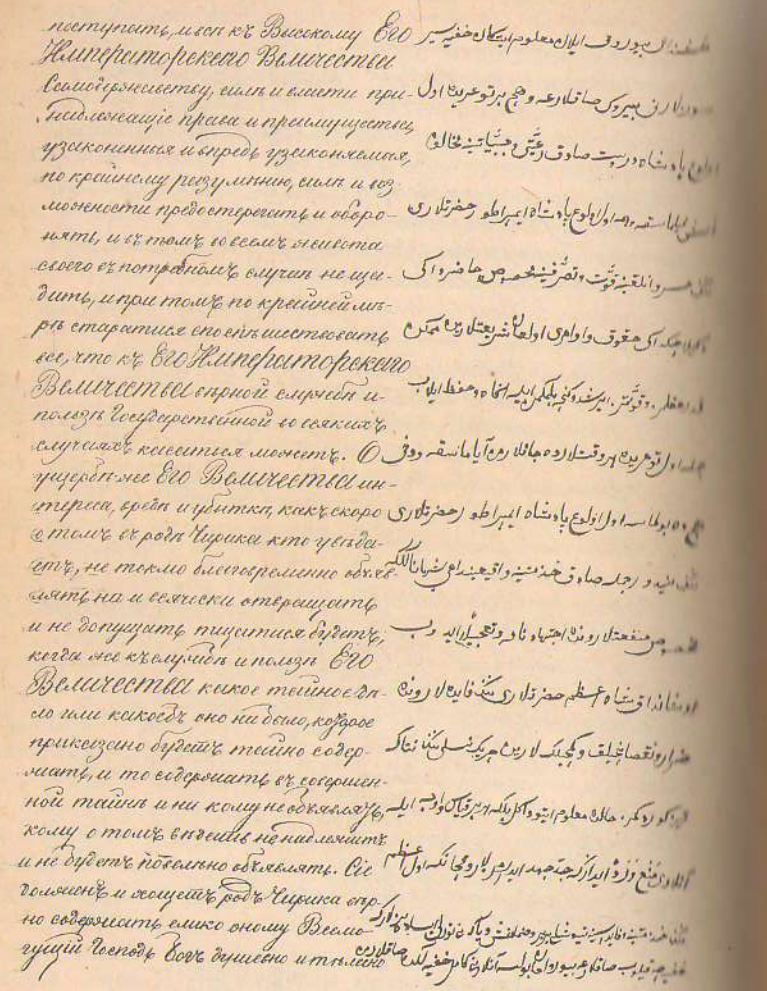
Наряду с чериками в этот же период изъявила желание принять подданство России часть племени бугу — тыным-сеит. Эта часть бугинцев, состоявшая из многих родов, кочевала в верховьях Нарына и почти никогда не спускалась к берегам Иссык-Куля. У них было больше экономических и культурных связей с киргизскими племенами Тянь-Шаня, чем с единоплеменниками-бугинцами, жившими на берегах Иссык-Куля. Решив принять русское подданство, тыным-сеиты изъявили желание

[1] АВПР, фонд главного архива 1—7, д. 2, л. 9.
[2] Там же, л. 12—14.
[3] ЦГАОР Узб. ССР, ф. 1575 ВУА, д. 8-с, л. 120.



Присяга племени черик (чирик).

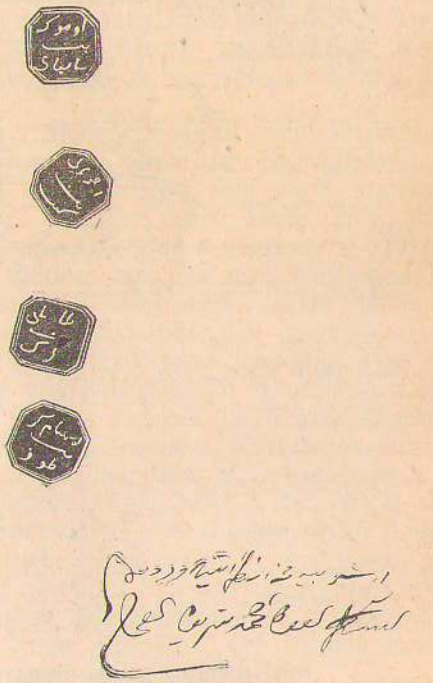
Подлинник на русском и чагатайском языках.
Уменьшено.



Присяга племени черик (чирик).

Подлинник на русском и чагатайском языках.

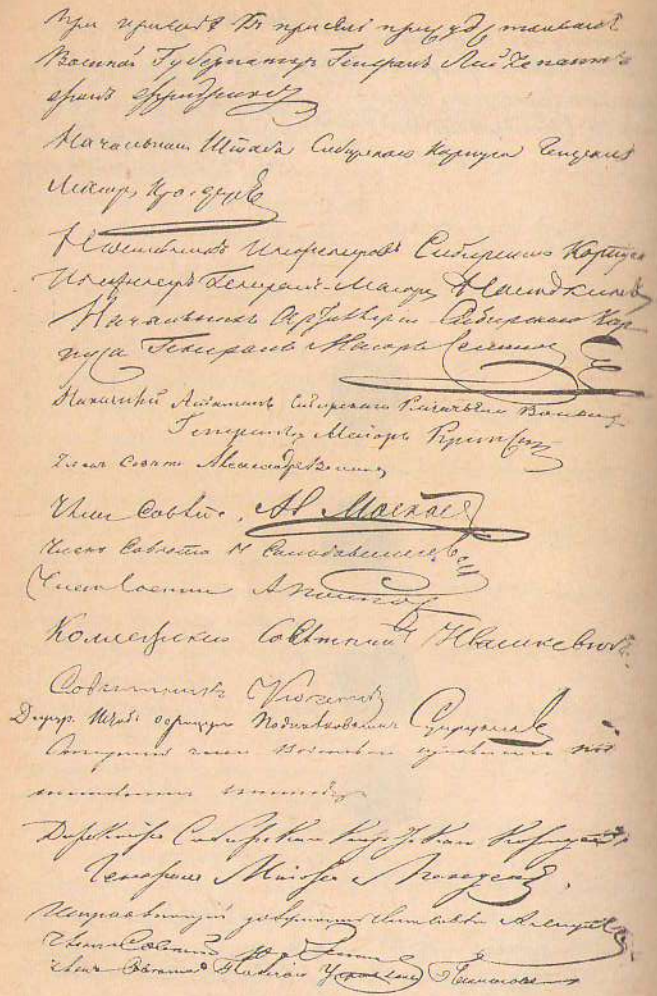
Уменьшено.



Присяга племени черик (чирик).

Подлинник на русском и чагатайском языках.

Уменьшено.



Присяга племени черик (чирик).
Подлинник на русском и чагатайском языках.
Уменьшено.

откочевать из окрестностей Нарына в Иссыккульскую долину, что ими и было сделано. Здесь они слились с другими бугинцами и прочно вошли в подданство России.

Примеру чериков и тыным-сеитов вскоре последовала часть саяков, кочевья которых непосредственно соприкасались с Нарыном, Джумгалом и Кочкором. Саякские роды, только что освобожденные от власти кокандских наместников в результате разрушения Джумгала и Куртки, были заинтересованы в закреплении своих связей с Россией. Они стремились приобрести покровительство и защиту русских властей на случай нападения кокандских отрядов. Особенную инициативу проявили в этом направлении те саякские роды, которые во время взятия отрядом Проценко Куртки разрушили укрепление Тогуз-Торо. Они искали теперь русского подданства, чтобы обезопасить себя от возможной мести кокандских властей.

Эти события сильно способствовали распространению влияния Российской империи почти на все северокиргизские племена. Теперь важно было закрепить достигнутые успехи. Для этого прежде всего необходимо было дать не только словесные обещания защищать эти племена от притеснений кокандских или китайских властей, но и реально обеспечить их безопасность. Это требовало возведения в наиболее важных районах среди кочевьев киргизов укреплений с постоянным пребыванием там русских отрядов, что соответствовало и колониальным интересам России. В 1863 г. такими районами являлись берега Иссык-Куля и пограничная с Китаем полоса.

Китайские чиновники еще пытались перетянуть на свою сторону пограничные киргизские и казахские племена. Дюгамель в отношении к канцлеру от 26 ноября 1863 г. указывал: «Китайцы продолжают волновать умы в орде и рассылать к старшим султанам и другим влиятельным людям письма возмутительного содержания, в которых, между прочим, уверяют, что весной начнут снова против нас неприязненные действия» [1].

Колпаковский, опасаясь вторжения китайских отрядов или отрядов повстанцев в район кочевий бугинцев, настаивал на немедленном возведении укрепления в

[1] ЦГАОР Узб. ССР, ф. 1575 ВУА, д. 8-с, л. 137.

Иссыккульской долине. Он писал Дюгамелю: «Вопрос о проведении государственной границы породил волнения между киргизами и много других беспорядков и в том числе неоднократное покушение китайцев к прочному водворению на Иссык-Куле... Когда черики, искавшие покровительства России, приняты уже в подданство, возвращение наших войск с Иссык-Куля утратит всякое влияние на тамошний край... С удалением нашего отряда к ним тотчас явятся кокандские сборщики податей и китайские агенты для привлечения на свою сторону, а может быть, даже и войска для занятия Иссык-Куля»[1]. Наряду с этим постоянное пребывание русских отрядов в Иссыккульской долине должно было обеспечить безопасность торговых путей в Кашгар. Необходимость оставления отряда на Иссык-Куле была одобрена и Дюгамелем. Колпаковскому было предложено подыскать удобное место для укрепления. Начальник штаба сибирского корпуса Кроерус официально сообщил Колпаковскому о разрешении оставить на зиму отряд на Иссык-Куле в районе кочевий племени бугу. Небольшой русский отряд обосновался у реки Джууку, на южном берегу Иссык-Куля, построив там временное укрепление.

Одновременно Колпаковский усилил и меры морального и политического воздействия на киргизские племена. В частности, он разослал наиболее влиятельным манапам воззвания, в которых говорилось, что взаимоотношения между Россией и Китаем издавна были мирными и в дальнейшем останутся такими же. Пограничные инциденты Колпаковский объяснял незаконными действиями китайских пограничных властей, а слухи о якобы подготовляемых Китаем военных мероприятиях против России квалифицировал как не имеющие под собою никаких реальных оснований.

Воззвания Колпаковского, а также пребывание русских отрядов в стратегически важных пунктах пограничных районов, несомненно, сказались на настроениях киргизских и казахских племен, кочевавших поблизости от китайской территории. Наряду с этим на пограничные племена оказало некоторое влияние поражение китайских военных отрядов в мелких столкновениях с русскими летом 1863 г. Никаких серьезных осложнений

[1] ЦГАОР Узб. ССР, ф. 1575 ВУА, д. 8-с, л. 138.

в отношениях с Китаем не произошло. Маньчжурское правительство, целиком поглощенное борьбой против крестьянских и национально-освободительных восстаний в Западном Китае, не в состоянии было пойти на серьезный конфликт из-за перекочевок казахских и киргизских племен. В результате споры о подданстве пограничных племен легко разрешались дипломатическим путем и большею частью в пользу России.

Не менее благоприятно для царского правительства развивались события и на Сыр-Дарьинской линии. Здесь небольшой отряд войск под командованием начальника Сыр-Дарьинской линии полковника Черняева в 1863 г. беспрепятственно прошел до крепости Туркестан, которая в это время не имела необходимых средств для обороны. Однако Черняев, согласно данной ему инструкции, не нападал на Туркестан, а направился к Каратауским горам, а затем 30 мая без сопротивления занял Сузак, жители которого изъявили желание вступить в российское подданство. 8 июня ему сдался гарнизон укрепления Чулак-Курган и вскоре приняла подданство России часть казахов племени бештамгалы, кочевавших на Каратау. После этого отряд Черняева беспрепятственно возвратился к Джулеку. Одновременно пароходы «Урал» и «Сыр-Дарья» под начальством А. И. Бутакова прошли до урочища Баилдыр-Тугай, на расстояние 810 верст. В результате этих рекогносцировок были изучены значительные пространства в районах соединения Сибирской и Сыр-Дарьинской линий. Экспедиция Бутакова изучила также условия судоходства по Сыр-Дарье.

Кокандское ханство и в 1863 г. терпело одну неудачу за другой и не могло препятствовать наступлению военных сил России как со стороны Сибирской, так и со стороны Сыр-Дарьинской линии. Серьезные неудачи Кокандского ханства в 1863 г., впрочем как и прежде, объяснялись, несомненно, военным превосходством России, но в известной мере они объяснялись и тяжелым внутренним положением ханства и враждою с Бухарой и Хивой. В Кокандском ханстве, как известно, часто разгоралась борьба феодальных группировок. В эту борьбу почти все время вмешивался бухарский эмир, а по временам и хивинский хан.

В конце 1862 г. в Хиве был выдвинут новый претендент на кокандский престол — сын Мадали-хана Султан-

Махмуд. Хивинский хан помог Махмуду проникнуть на территорию Кокандского ханства. Эмир Музаффар, с помощью которого Худояр-хан занял престол, пытался не пустить Махмуда в пределы Коканда, но это ему не удалось. В сопровождении группы своих приверженцев Махмуд дошел до Ташкента. Однако здесь его не приняли. Тогда Махмуд направился к киргизам, но по дороге из Ташкента к Каратау был схвачен отрядами Худояр-хана и по приказанию последнего казнен вместе с частью своих спутников.

Но положение Худояр-хана в связи с усилившейся борьбой против него киргизов и кипчаков оставалось тяжелым. Кипчаки и киргизы, прекратив военные действия на зиму 1862/63 года удалились в горы. Пользуясь этим, бухарский эмир решил примирить Худояр-хана с кипчаками и киргизами и послал к ним махрама — посредника для ведения мирных переговоров. Но из этой попытки ничего не вышло. Киргизы и кипчаки не приняли мирных предложений и с февраля 1863 г. возобновили военные действия. Войска Худояр-хана, высланные против них под начальством ташкентского правителя Ахмата, были разгромлены. Тогда эмир Бухары выслал в Коканд подкрепление под начальством бывшего коменданта крепости Ак-Мечеть Якуб-бека. Но, несмотря на эту помощь, киргизы и кипчаки продолжали одерживать победы. Под Маргеланом они нанесли поражение бухарским войскам.

Эти события заставили Музаффара принять еще более деятельное участие в делах Кокандского ханства. В марте с 12-тысячным войском он лично прибыл в Коканд. Из Ферганской долины киргизы и кипчаки вынуждены были отступить, но продолжали действовать в других частях ханства. Музаффар призвал признать ханом Худояра, однако фактически сам стал управлять Кокандским ханством. В большую часть кокандских городов и крепостей эмир назначил своих беков, в Коканде стал чеканить монету со своим именем как верховный правитель. Однако успеха он не добился. Киргизы и кипчаки вместе с казахами из окрестностей Чимкента и Аулие-Ата осадили ряд городов. В результате сообщение между центром Кокандского ханства и его окраинами было почти совершенно прервано.

В июне киргизы и кипчаки большими силами подступили к Коканду. Эмир начал сомневаться в возможности справиться с ними. В то же время мятежные элементы в Бухарском эмирате, пользуясь долгим отсутствием Музаффара, подняли восстание в Шахрисябзе. Возникла также опасность для Бухары со стороны кабульского хана. Все это заставило эмира в конце июля возвратиться в Бухару. Вместе с ним вынужден был уйти и Худояр-хан, державшийся на престоле главным образом с помощью бухарских военных сил. После этих событий власть в Кокандском ханстве целиком перешла в руки киргизов и кипчаков. 9 июля они провозгласили ханом Султан-Сеида, сына Малля-хана, которому было тогда 12 лет. Таким образом, только в июле 1863 г. прекратилась ожесточенная внутренняя борьба в Кокандском ханстве.

С утверждением на престоле в Коканде нового хана во главе правительства стала группировка феодалов из кипчаков и киргизов, среди которых имелись энергичные и способные деятели. Опекуном малолетнего хана и регентом был назначен мулла Алымкул, отличавшийся энергичным и сильным характером. В качестве советников при нем состояли Шадман-ходжа, Алымбек-датха, Юлдашбек-датха, Мингбай-датха, Бекмухамед и некоторые другие представители феодальной знати, пользовавшиеся большим влиянием среди своих племен и при дворе. Беками важнейших городов и крепостей также были назначены новые люди из сторонников киргизов и кипчаков: правителем Ташкента стал Шадман-Ходжа, беком Туркестана — Мырза-Даулет, беком Аулие-Ата — Атабек и т. д.

Начальник Сыр-Дарьинской линии полковник Веревкин в отчете о состоянии сыр-дарьинских укреплений за 1863 г. писал: «С самого начала уже можно было видеть, что во главе ханского правительства стоят люди, не принадлежавшие к ничтожной категории людей, составлявших правительство при Худояр-хане. Деятельность правительства тотчас же обратилась к приведению военных и финансовых средств ханства в лучшее состояние и обеспечению для партии кипчаков прочного положения. С этими целями в самом Коканде начали собирать и формировать войска, лить орудия (которых отлито уже 17), а город укреплять, стараясь, кроме того,

окружить его преимущественно родами киргизов, кото-
рых преданность новому правительству не подлежал
сомнению... Таким образом, Кокандское ханство, нах
дившееся в конце прошлого года по причине смут и меж
доусобиц в самом плачевном состоянии, теперь начал
как бы воскресать и устраиваться» [1].

Новое правительство спешно увеличивало гарнизоны
пограничных городов и крепостей, усиливало их воору
жение. Укрепления, разрушенные царскими войсками
такие, как Сузак и Чулак-Курган, были вновь заняты
кокандскими отрядами. В Ташкенте численность гарни
зона была доведена с 300 до 4000, в Туркестане — до
2000 человек. Начались работы по укреплению крепост
ных стен, углублению рвов, усиливалась артиллерия и
т. д. Наряду с этим новый хан и его регент, а также
беки андижанский, ташкентский, туркестантский и ау
лиеатинский стали рассылать письма к киргизским и
казахским племенам, призывая их быть верными новому
хану. Обращение правительства нашло живой отклик
среди кочевников. Представителям Алымкула и Алым
бека удалось склонить ряд киргизских племен, в частно
сти тяньшаньских, на свою сторону. В Чуйской долине
выразили сочувствие новому правительству манапы
Джангарач и Байтик.

Но внешнее положение Кокандского ханства оста
валось крайне тяжелым. Попытка заключить союз с Хи
вой не дала положительных результатов, не удалось на
ладить мирные отношения и с Бухарой. Кокандское
посольство даже не было допущено к эмиру, который
поклялся во что бы то ни стало вновь занять своими
войсками Коканд. Наряду с этим много опасностей для
правительства таилось и внутри ханства. Слишком раз
нородны были общественно-экономические условия, в ко
торых жили киргизские и казахские племена, кипчаки и
оседлое население ханства — узбеки, таджики и другие
народности. Веревкин в указанном выше **отчете** писал:
«Партия кокандцев или сартов, хотя и униженная в на
стоящее время, но обладающая наиболее значительными
богатствами и сравнительно большею цивилизацией, не
считает себя окончательно побежденной и готова при
первой возможности снова поднять голову, особенно при

[1] ЦГАОР Узб. ССР, ф. 1575 ВУА, д. 8-с, л. 157.

вторе извне. Да и сама господствующая партия не со-
ставляет однородной, плотной среды, ибо в нее входят
киргизы разных родов, кипчаки, дикокаменные, дула-
товцы и пр., а у каждого из этих родов свои собствен-
ные интересы и мало привычки к подчиненности».

Вскоре началась борьба между Алымкулом и Алым-
бек-датхой, в результате которой последний был убит.

Нельзя было ожидать, чтобы правительство могло
предпринять какие-либо меры для возвращения утрачен-
ных владений на Иссык-Куле, в Чуйской долине и по
Сыр-Дарье. Правда, в Центральном Тянь-Шане новому
правительству удалось ненадолго восстановить власть
хана и вновь привлечь ряд киргизских племен в под-
данство Коканда. Но в последующие годы, в связи с но-
вым продвижением русских войск на Тянь-Шань, эта
власть была утрачена.

Анализируя состояние Кокандского ханства с точки
зрения его способности к сопротивлению царской Рос-
сии, Веревкин писал: «Можно с достоверностью утвер-
ждать, что положение дел в Кокандском ханстве, хотя
и значительно улучшилось сравнительно с прежним, все
же не позволит кокандскому правительству, несмотря
на все желание его, предпринять что-либо серьезное
против нас».

И действительно, как показал последующий ход со-
бытий, отсталое, слабое Кокандское государство при
всем напряжении своих сил не в состоянии было обеспе-
чить защиту против царской России своих жизненно важ-
ных крепостей и городов — Аулие-Ата, Туркестана, Чим-
кента и Ташкента.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

УПРОЧЕНИЕ ГОСПОДСТВА РОССИИ В КИРГИЗИИ

К 1864 г. центральным стал вопрос о завершении соединения Сибирской и Сыр-Дарьинской линий. Практические шаги были сделаны уже в 1863 г., когда со стороны форта Перовского под руководством Черняева, как говорилось выше, были произведены рекогносцировки вверх по течению Сыр-Дарьи, в окрестности крепости Туркестана и к северу от хребта Каратау. Было выяснено, что соединение линий и создание устойчивой границы государства на юго-востоке не представит особой трудности.

Рекогносцировки показали, что наиболее удобной является линия, проходящая через Сузак, Чулак-Курган и далее — через горы Каратау к Аулие-Ата. Такое направление давало возможность достигнуть цели даже без овладения Ташкентом и Туркестаном. По плану Черняева, необходимо было в 1864 г. военными силами Западной Сибири занять Аулие-Ата и устроить в Пишпеке или Чалдываре промежуточное укрепление для сообщения с Кастеком и такое же промежуточное укрепление создать между Аулие-Ата и Чулак-Курганом. Со стороны Оренбурга необходимо было занять постоянным отрядом Сузак и Чулак-Курган и соединить их через посты с Джулеком.

1 августа 1863 г. министры иностранных дел и военный, уже пришедшие к единому мнению о необходимости соединения линий в 1864 г., представили свой проект

Александру II, который наложил резолюцию: «Исполнить». 12 августа 1863 г. военным министром были даны соответствующие инструкции генерал-губернаторам Оренбурга и Западной Сибири[1].

20 сентября и 13 ноября 1863 г. Дюгамель, однако, обратился в военное министерство с возражениями против срока соединения линий. Но соображения Дюгамеля не имели серьезных оснований, было решено «с будущего 1864 г. приступить к соединению передовых Сибирской и Оренбургской линий на предложенных генерал-адъютантом Безаком основаниях, т. е. занять Сузак войсками отдельного Оренбургского и Аулие-Ата отдельного Сибирского корпусов с тем, чтобы впоследствии перенести границу на Арысь, проведя оную от Аулие-Ата через Чимкент на Туркестан»[2].

В соответствии с полученными указаниями Дюгамель распорядился сосредоточить в Верном войска, которые весной 1864 г. должны были овладеть крепостью Аулие-Ата и расположиться там. Дюгамель дал также указание основать промежуточные посты между Аулие-Ата и Верным[3].

Вместе с военным наступлением в глубь Кокандского ханства должна была начаться и колонизация Чуйской долины. Первоначально это вызывалось чисто военными соображениями: для обеспечения сообщения между Кастеком и Аулие-Ата требовалось учреждение нескольких промежуточных постов с небольшими гарнизонами. Наряду с этим предполагалось вызвать охотников из казаков для образования новых казачьих станиц, а также крестьянских поселений в Чуйской долине. Колпаковский считал необходимым создание постов в Токмаке, Пишпеке и Мерке, которые должны были обеспечить также охрану торговых караванов и воспрепятствовать барымте между казахами и киргизами. Особое значение он придавал Пишпеку.

Командующим экспедиционным отрядом, отправлявшимся из Верного, назначался полковник Черняев (впоследствии генерал и военный губернатор Туркестанской области (1865—1866 гг.), затем туркестанский генерал-губернатор (1882—1884 гг.)).

[1] ЦГАОР Узб. ССР, ф. 1575 ВУА, д. 7-с, л. 99.
[2] ЦГАОР Узб. ССР, ф. 1575 ВУА, д. 8-с, л. 149.
[3] Там же, л. 151.

Соответствующие распоряжения получил и оренбургский генерал-губернатор. Милютин 9 февраля 1864 г. предложил Безаку одновременно с отрядом Черняева выслать сильный отряд по направлению к Сузаку. На основании этого распоряжения Безак снарядил в форте Перовском специальный отряд под начальством нового начальника Сыр-Дарьинской линии полковника Веревкина. Все эти мероприятия должны были обеспечить прочное утверждение господства России в Чуйской долине и прилегающих районах Северной Киргизии.

В Кокандском ханстве к этому времени власть сосредоточила в своих руках в основном группировка кочевых кипчакских феодалов, захвативших важные гражданские и военные должности. За малолетством хана Султан-Сеида фактическая власть находилась в руках представителя кипчакской знати регента Алымкула Хасанова.

Южные киргизы, во время борьбы Алымкула с Худояр-ханом активно выступавшие против последнего, теперь признали власть нового хана. Некоторые их представители заняли гражданские и военные должности. Хотя северокиргизские племена не принимали непосредственного участия в изгнании Худояр-хана из Коканда, ряд правителей этих племен сочувствовал правительству Алымкула. В ноябре 1863 г. крепость Мерке, оставленная кокандцами во время экспедиции полковника Лерхе, была снова занята ханским отрядом. Из Ташкента Нурмухаммед разослал крупным киргизским манапам и даже некоторым заилийским казахским старшинам письменное обращение и подарки. После этого часть племени солто, управлявшаяся манапом Джангарачем, уплатила зякет кокандским властям. Но основная часть племени солто, подвластная манапу Байтику, а также сарыбагыши, подвластные Джантаю, Худояру и другим манапам, пока отказывались платить зякет, хотя и на них стало заметно распространяться влияние Коканда.

Наиболее преданный русскому правительству сарыбагышский манап Джантай Карабеков в январе 1864 г. представил Колпаковскому ряд писем и прокламаций кокандского правительства. Подобного рода письма были получены из Коканда правителями солто Байтиком и манапом Байгазы[1]. В этих письмах кокандское правительство объявило «прощение» киргизским племенам за их прежние враждебные Коканду действия, в частности за убийство пишпекского бека Рахматуллы и коменданта Мерке Пардыбека. Алымкул писал: «Уважаемым и прямодушным высоким друзьям и старым доброжелателям нашим Джантаю и Худояру и всем почетным людям сарыбагыш... За то, что вы до сих пор не поспешили прибыть к хазрет-хану с поздравлением и для узнания его благополучия и получения его щедрот, мы по родственному к вам чувству весьма огорчены, но все-таки по чувству того же родства мы надеемся на вас и думаем, что вы не приезжали из опасения по делу Парды-бека и Рахматуллы, и если это действительно так, то вы нисколько не опасайтесь, потому что после воцарения на ханство, в пятый день месяца сафара, великого нашего хана, объявлена амнистия. На случай же врагов внешних и наказания в пример перед народом негодяев и ослушников внутренних мы формируем войска и приводим в порядок оружие. К вам же единственно из чувства родства послали доверенное лицо парванчи Койчи, по прибытии которого вы должны во всем его слушаться и поступать согласно его воле. С ним посылаются наши подарки»[1].

Аулиеатинский бек Атабек писал: «Почтенным Байтику и Байгазы, сослуживцам и детям. Речь следующая: посланное вами письмо через датху Кудайбергена в мои руки доставлено, за содержание, заключенное в нем, я остаюсь очень довольным, а равно и за разные известия, из которого не видно лжи ни на конец волоса. Что же касается до Рахматуллы, то он погиб за свои противозаконные действия и достойно получил наказание божие. Объясненные известия в письме вашем доставили много удовольствия, которые сообщены великому хану и минбаши, отколь и получите великую награду»[2].

Кроме того, в своем письме Атабек призывал Байтика напасть на казахского старшину Байзака, изменившего кокандцам, и соблазнял возможностью захвата большого количества его скота.

В начале 1864 г. из Ташкента в Аулие-Ата прибыл Нурмухаммед и созвал здесь манапов таласских и чуй-

[1] ЦИА Каз. ССР, ф. 3, д. 513, л. 149—150.

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 27, док. 32.
[2] ЦИА Каз. ССР, ф. 3, д. 13, л. 149—150.

ских киргизов, а также биев и старшин казахских племен, кочевавших в окрестностях Аулие-Ата. Из киргизских манапов на это собрание приезжали Джангара, Маймыл, Тынаалы и другие, вновь изъявившие свою преданность Кокандскому ханству и обязавшиеся в дальнейшем снова выплачивать зякет [1]. Вслед за Джангара чем кокандцам удалось установить дружественные отношения и с Байтиком. Положение кокандского правительства в Чуйской долине заметно улучшилось. Одновременно начали обостряться отношения между киргизами Чуйской долины и казахами Старшего жуза.

Весной 1864 г. Колпаковский предложил войсковому старшине Бутакову выступить с отрядом в Чуйскую долину с целью разведать состояние военных сил кокандцев. Кроме того, Бутакову было дано задание: по прибытии на Чу, под предлогом окончания взаимных расчетов с заилийскими казахами, пригласить к себе манапов племен солто и бёлёкпай — Байтика, Корчу, Кёкюма, Чойбека, Байсалбая и других, задержать и отправить их в укрепление Верное [2].

17 марта 1864 г. Бутаков выступил из Кастека с отрядом в 200 человек, при двух ракетных станках. Отряд сопровождала группа казахских старшин и биев. По мере продвижения отряда Бутакова в сторону Чу изменялось и отношение киргизских манапов к Коканду. В пути к Бутакову явился манап Мырсалы, сообщивший сведения о положении чуйских киргизов. Он передал несколько писем кокандцев, направленных его отцу Джантаю. Явился также один из видных сарыбагышских манапов — Менгде с изъявлением готовности оказать содействие отряду [3]. 26 марта прибыли манапы Байтик Канаев, Узбек Бошкоев и Осмон Рыскулбеков [4], а вслед за ними манапы Корчу, Макеш и Шамдык. Они сопровождали отряд часть пути, потом их отправили в Верное, где на некоторое время задержали. В результате попытка кокандцев привлечь на свою сторону правителей чуйских киргизов была парализована. Это обстоятельство имело немаловажное значение для дальнейшего поведения чуйских киргизов. Дюгамель в своем

[1] ЦИА Каз. ССР, ф. 3, д. 652, л. 1—3.
[2] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 2, д. 27, док. 42.
[3] ЦИА Каз. ССР, ф. 3, д. 652, л 4—5.
[4] Там же, л. 7—8.

донесении военному министру писал: «Имея таким образом в своих руках более влиятельных манапов, можно полагать, что родовичи их не откочуют с Чуйской долины и не будут вредить действиям наших отрядов» [1]. Киргизы, как и прежде, не проявляли никаких признаков вражды к отряду Бутакова.

Во время пребывания в Чуйской долине Бутакову удалось получить более подробные сведения о кокандских военных силах вообще и в Аулие-Ата в частности. Состояние войск Кокандского ханства по-прежнему было тяжелым. Солдаты были плохо одеты и вооружены, запасов продовольствия почти не было, а ханская казна была истощена. Вследствие почти беспрерывных внутренних волнений трудящиеся массы жили в нищете, торговля и ремесла пришли в упадок. Кроме того, значительная территория кочевых районов ханства в 1864 г. была охвачена джутом, из-за которого был массовый падёж скота. Взаимоотношения с Бухарой оставались враждебными [2].

Слабость внутреннего положения Кокандского ханства при общем мирном расположении чуйских киргизов к России создавала благоприятную обстановку для экспедиции против Аулие-Ата. 1 мая 1864 г. Черняев во главе экспедиционного отряда свыше 2500 человек выступил из Верного [3]. В составе отряда находилась научная экспедиция, руководимая членом Русского географического общества Н. Северцовым. 2 мая отряд был на реке Чёмюлгён, 3 мая ночевал у пикета Узун-Агач, 4 мая прибыл к Кастеку.

Кокандцы, получив сведения о выступлении Черняева, ограничились лишь увеличением гарнизона Аулие-Ата до 1500 человек и созданием наблюдательного поста в Мерке. Киргизские аилы, расположенные в районах Токмака и Пишпека, оставались спокойными.

12 мая из своего лагеря у Токмака Черняев обратился к киргизам со следующим воззванием: «По воле великого государя я вступаю в земли ваши с тем, чтобы на вечные времена водворить в них спокойствие и порядок. Намерения нашего правительства теперь, как и

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, отд. II, № 6788.
[2] Там же.
[3] Там же, № 6769.

прежде, заключаются в том, чтобы защитить преданных нам население от грабежей и насилия, обеспечить следование караванов, покровительствовать торговле и промышленности, примирить враждующие между собой роды и тем доставить возможность каждому спокойно пользоваться трудами рук своих. Для достижения этих целей русские войска несколько раз уже приходили по призыву вашему, но лишь только уходили, как враги снова нападали на вас. Вследствие этого многие между вами неоднократно просили и теперь просят о принятии их под покровительство русского правительства и об устройстве крепостей для ограждения от постоянных притеснений кокандцев. Просьбы услышаны нашим великим государем, войска, мною предводимые, посланы с тем, чтобы навсегда остаться в землях ваших, и горе тому, кто отныне дерзнет нападать на вас. Отряд мой имеет с собой все необходимое и ни в чем не нуждается. Предупредите тех, которые не знают еще русского войска и судят о нем по войскам кокандским, чтобы никто ничего не опасался и оставался спокойно на своем месте»[1].

Еще до получения этого воззвания ряд манапов сарыбагышей, кочевавших по дороге от Кастекского ущелья к Токмаку, явились к Черняеву и изъявили свою готовность оказать содействие отряду в его движении на Аулие-Ата[2].

Заблаговременно посланное ко всем известным киргизским старшинам воззвание Черняева принесло благоприятные результаты. По приходе на Чу, около Токмака, Черняев встретил аилы сарыбагышского рода тынай. Обычно при враждебных намерениях киргизские аилы откочевывали. Теперь же аилы тынаев жили совершенно мирной жизнью у своего зимовья и на пашнях около Токмака. Сразу же по прибытии Черняева к нему явились главные родоначальники сарыбагышей — манапы Джантай, Худояр, Тёрёгельди, Менгде и другие. Они также изъявили желание оказать содействие отряду Черняева путем доставки вьючного скота для транспортировки грузов, скота для продовольствия, строительных материалов для укрепления Токмака и т. д. Они про-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 2, д. 27, док. 72.
[2] Там же.

[illegible] также разрешить им участвовать со своими отрядами джигитов в операции против Аулие-Ата.

Черняев оказал им хороший прием, решил их споры и расчеты с казахами Старшего жуза, возникшие на [illegible] барымты, и преподнес им подарки. В донесении [illegible] от 17 мая 1864 г. Черняев писал, что киргизские старшины «для выражения особенной своей преданности вызвались бесплатно доставить лес для устраиваемого в их кочевьях укрепления. Сверх того, бии эти присоединили к милиции отряд своих сыновей и ближайших родственников. За такое искреннее доброжелательство я дал всем биям сарыбагышским халаты, часы и другие подарки»[1].

В середине мая около развалин Токмака Черняев заложил укрепление с целью обеспечить безопасность сообщения между Верным и Аулие-Ата. Комендантом был назначен войсковой старшина Бутаков, на которого было возложено также исправление дорог, транспортировка военных и продовольственных запасов[2]. За укреплением было сохранено старое название — Токмак.

Постройка укрепления имела большое значение для окончательного упрочения подданства чуйских киргизов России: у них теперь создавалась уверенность в постоянном утверждении российского господства в Чуйской долине и окончательном устранении опасности нападения кокандского хана. Черняев в донесении генерал-губернатору Западной Сибири писал: «Решаясь на заложение Токмакского укрепления, я имел в виду крайнюю необходимость устроить этапные пункты во время следования отряда к Аулие-Ата как для обеспечения движения транспорта, так в особенности для того, чтобы окончательно убедить население в намерении правительства утвердиться в Зачуйском крае и тем доставить возможность туземцам открыто принять нашу сторону, не опасаясь мести кокандцев»[3].

16 мая Черняев отправился к Мерке, не встречая на пути никакого сопротивления. У развалин Пишпека в лагерь Черняева явились многие влиятельные родоначальники киргизов племени солто. Особенно важно было

[1] Турк. окр. арх., № 7, Шт. Сиб. корп.
[2] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 27, док. 74.
[3] Турк. окр. арх., № 1, Шт. Сиб. корп.

прибытие Байтика и Корчу — наиболее видных манапов, недавно активно барымтовавших с казахами Старшего жуза. Они, так же как и сарыбагышские манапы, обратились к Черняеву с просьбой разрешить им участвовать в походе против Аулие-Ата и изъявили готовность оказать всестороннее содействие отряду. Черняев указывал: «В Пишпеке присоединились к отряду со своими джигитами манапы Байтик и Корчу, кочующие около развалин этой крепости, и в лагерь наш прибыли без Абайдалла, Саза-мулла и другие, которые никогда не являлись прежде к русскому начальству. Вообще кара-киргизы, с которыми приходилось иметь близкие сношения, оказывали нам полное доверие и охотно приводили в отряд скот для продажи»[1]. Правда, некоторые роды солто, в частности подвластные манапам Джангарачу и Бошкою Канаеву, накануне прибытия отряда Черняева в Чуйскую долину откочевали в верховья Таласса. До некоторой степени это было связано с тем, что за последнее время ими было угнано значительное количество скота из аулов Старшего жуза, этот скот они должны были вернуть казахам при взаимных расчетах.

Черняев в упомянутом выше донесении Дюгамелю указывал, что откочевка киргизских аилов вызывалась «желанием их уклониться от расчетов по барымте с нашими киргизами (то есть казахами.— *Б. Д.*) потому, что число угнанного ими в последнее время скота доходило до нескольких тысяч, и они после голодной зимы не в состоянии были бы возвратить и третьей доли... Принимая во внимание этот уважительный факт, а также запутанность и многосложность обоюдных претензий и непримиримую вражду, существующую с давних пор между нашими кайсаками и каракиргизами, трудно было рассчитывать на полюбовное их соглашение».

Но тем не менее Бошкой Канаев послал своего сына Узбека с джигитами для участия в походе против Аулие-Ата. Черняев направил письмо Бошкою и другим киргизским манапам, откочевавшим на Таласс, с объяснением цели экспедиции. Когда Черняев прибыл в Мерке, он получил письменное обращение от Бошкоя, в котором тот объявлял себя подданным Российской империи[2].

[1] Турк. окр. арх. № 7, Шт. Сиб. корп.
[2] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 27, док. 210.

Следует отметить, что в сложных и противоречивых условиях, в которых происходило присоединение Киргизии к России, отдельные представители киргизских феодалов выступали и против присоединения. Это были манапы Уметалы (сарыбагыш), Осмон и Чаргын (саяк), Мураталы и Тилекмат (бугу), Джангарач и Маймыл (солто) и другие. В определении позиции этих манапов главную роль играли их личные конфликты с другими, соперничавшими с ними манапами, а также поддержка их Кокандским ханством. Их позиция объективно отражала исторически реакционную тенденцию и вела к сохранению в Киргизии господства Кокандского ханства. Но наиболее дальновидные правители киргизов, правильно оценив создавшееся положение, не оказывали противодействия неизбежному ходу событий и сами добровольно шли в подданство России, как, например, Бокомбай и Качибек (бугу), Джантай и Шабдан (сарыбагыш), Байтик (солто), Турдуке (черик), Рыскулбек (саяк) и другие. Эта группа манапов, наиболее влиятельная и представлявшая подавляющее большинство населения Северной Киргизии, объективно отражала прогрессивную тенденцию в истории киргизского народа. Однако и те манапы, которые не хотели или не могли понять обстановку, не в состоянии были оказать сколько-нибудь серьезное влияние на ход событий и помешать присоединению Киргизии к России.

Отдельные племена и роды киргизов, придавленные феодально-ханским гнетом и деспотизмом, иногда вопреки своим интересам вынуждены были следовать за своими родоначальниками — манапами. Но при всем этом народные массы все же имели возможность выражать свои интересы. В условиях сложных феодальных отношений и господства патриархально-родовой формы быта родовым правителям трудно было не считаться с настроением своего рода или племени. Поэтому народные массы, больше всего желавшие мира и спокойствия, часто выступали главной силой в определении позиции и решений манапов относительно принятия подданства того или иного государства.

24 мая без боя была занята крепость Мерке. Черняев задержался здесь на несколько дней, в течение которых укрепление было несколько исправлено, приведено в оборонительное положение и занято гарнизоном.

Во время движения Черняева от Токмака к Мерке была произведена разведка в сторону хребта Киргизский Алатау небольшим отрядом под начальством капитана Красовского. Вместе с отрядом следовали Н. Северцов и горный инженер Фрейзе. Разведка установила совершенно мирное настроение племен, кочевавших по северному предгорью Алатау.

В середине мая 1864 г. умер манап Джангарач. Его дети, а также Чойбек и другие манапы из Таласса также послали своих представителей к Черняеву. Последний хорошо принял посланцев, подтвердил им, что подвластные Бошкою и Джангарачу солтинские роды считаются подданными России, и просил их в дальнейшем не считать себя подданными Коканда. В донесении Черняева генерал-губернатору Западной Сибири указывалось: «Находя весьма важным для нас привлечь на свою сторону фамилию Джан-Гарача и таких сильных манапов, каковы Бочкай, Байсеит и Теналы, я обнадежил этих родоначальников, что просьба их о принятии в русское подданство будет уважена»[1].

Во время стоянки в Мерке Черняев организовал суд с участием влиятельных биев киргизов и казахов. Четыре дня решались споры между киргизами и казахами Старшего жуза на почве барымты. Это привело к установлению и в этом районе мирных отношений между племенами. В упомянутом донесении Черняев писал: «Можно предполагать теперь, что вражда между каракиргизами и кайсаками, происходившая главнейшим образом от постоянной баранты, с устройством наших укреплений может быть ослаблена, а претензии их между собой будут к осени совершенно окончены»[2].

В отряде Черняева состоял Чокан Валиханов. Участвуя в переговорах с местными правителями, он многое способствовал установлению дружественных взаимоотношений русских властей с населением, а также справедливому решению споров между казахами и киргизами. Подчеркивая его заслуги, Черняев в том же донесении отмечал: «Достижению такого благоприятного результата наших сношений с туземцами много спо-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. I, д. 27, док. 210.
[2] Там же.

собствовал своими знаниями и усердием штабс-ротмистр Валиханов».

28 мая Черняев снялся из-под Мерке и, не встречая на пути препятствий, дошел до Аулие-Ата. Город управлялся семью аксакалами — старшинами, назначавшими беком,— комендантом из числа кандидатов, выбираемых жителями, от которых аксакалы получали вознаграждение за свою службу.

Черняев 3 июня расположился лагерем в семи верстах от Аулие-Ата. В пяти верстах от лагеря, на высоте Текурмас, вскоре были замечены кокандские воины. Черняев направил на эту высоту сотню казаков, горный взвод, роту стрелков и вспомогательные отряды киргизов и казахов. После короткой схватки кокандцы отступили на следующую высоту, ближе к городу. Численность кокандских воинов доходила до тысячи человек. С подходом главных сил Черняева кокандцы поспешно переправлялись на левый берег реки Таласс, куда были вывезены из крепости 4 орудия под прикрытием пеших сарбазов и кавалеристов. Но меткий огонь артиллерии Черняева принудил их отступить в крепость. Вечером этого же дня, желая избежать разрушения города и кровопролития, Черняев отправил Чокана Валиханова к аулиеатинскому беку Нияз-Алы-датхе с требованием безоговорочной капитуляции, обещая безопасность жителям города и его гарнизону[1].

К указанному сроку кокандцы не дали ответа. Черняев приказал открыть по городу огонь из 4 легких и 4 батарейных орудий. На другой день в 6 часов утра возвратился посланный Черняева в сопровождении одного аулиеатинского купца. Комендант просил 14 дней срока на решение вопроса о сдаче крепости. Черняев поручил парламентерам сообщить беку, что предложенные условия остаются неизменными, и приказал снова открыть артиллерийский огонь.

На другой день на левый берег Таласса были переправлены две с половиной роты пехоты, горный взвод и сотня казаков под начальством подполковника Лерхе, и под их прикрытием была произведена капитаном Красовским и инженер-офицером Криштановским более детальная рекогносцировка укреплений. Выяснилась

[1] ЦГИА, ф. ВУА, отд. II, № 6769.

слабость обороны западной стороны. Кроме того, на подступах к крепости с той стороны было много укрытий. Поэтому Черняев решил овладеть городом штурмом с запада, не прибегая к подкопным работам.

4 июня в 6 часов утра, оставив в лагере небольшой резерв [1], Черняев с остальными силами, состоявшими из пяти рот пехоты, сотни казаков и 8 орудий, под проливным дождем переправился на левый берег реки и, подойдя к городу с западной стороны на расстоянии 400 сажен, открыл интенсивный огонь. Вскоре кокандские отряды были выбиты с позиций и начали отступление в крепость. Передовые части Черняева пошли в атаку и на плечах отступающих ворвались в город. За ними последовали артиллерия и остальные части войск. Беку Нияз-Али с 400 сарбазами удалось бежать. Пешие сарбазы, бросив оружие, смешались с жителями. Через два часа крепость полностью была занята русскими войсками. Такой легкий успех без значительных потерь был достигнут главным образом в результате превосходства и успешного действия русской артиллерии.

Временно исполняющим должность коменданта крепости Черняев назначил полковника Багацевича и дал ему подробную инструкцию в отношении соблюдения безопасности, а также мер для приведения в надлежащий порядок строений и укреплений, необходимых для постоянного пребывания здесь русского гарнизона [2].

Одновременно с действиями Черняева против Аулие-Ата было предпринято наступление и со стороны Сыр-Дарьинской линии против крепости Туркестан. Отряд численностью свыше 1600 человек с 10 орудиями под командованием полковника Веревкина 9 июня подошел к Туркестану. 13 июня, после боевых операций, продолжавшихся 3 дня, Веревкин овладел городом. Туркестанский бек Мирза-Даулет с 300 человек своего гарнизона бежал к Ташкенту. Выступление Веревкина против Туркестана облегчило положение Черняева, так как кокандцы не могли немедленно направить сосредоточенные в Ташкенте силы на помощь гарнизону Аулие-Ата.

Накануне падения Туркестана в Ташкент прибыл со значительными силами кокандский главнокомандующий

[1] В лагере осталось две роты пехоты, две сотни казаков при двух горных орудиях, а также отряды киргизов и казахов.

[2] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 27, док. 89.

Мингбай. Он намеревался сосредоточить свои силы в Чимкенте и затем предпринять наступление против Аулие-Ата или Туркестана. В это же время к Ташкенту направились из Коканда новые отряды под личным начальством регента Алымкула. В силу этих обстоятельств Веревкин, чтобы избежать дробления своих сил, после взятия Туркестана не решился выслать отряд для занятия Сузака и Чулак-Кургана, как было намечено по плану.

Более решительно действовал Черняев. После занятия крепости Аулие-Ата он отправил за хребет Карабура легкий отряд, чтобы удержать от участия в подготовляемых Алымкулом военных операциях против Аулие-Ата кочующие в Чаткальской долине киргизские племена.

Начальником отряда был назначен подполковник Лерхе. Его отряд выступил из Аулие-Ата 19 июня 1864 г. и 20 июня к вечеру достиг Карабуринского ущелья, где остановился на ночлег. Здесь стояло несколько мелких кокандских укреплений — курганов, господствовавших над важным проходом через перевал. Находившиеся в них посты с приближением отряда Лерхе перешли через перевал на южную сторону Карабуринского хребта.

Движение по Карабуринскому ущелью представляло большие трудности. Тропинки, проложенные караванами по ущелью, пересекались рекой Карабура. Отряд после трудного перехода, перевалив через снежный хребет, 24 июня достиг Чаткальской долины. Здесь, через глубоководную реку Чаткал, берущую начало в горах Караджа, в нескольких местах были наведены мосты для переправы караванов и перегона скота, за что кокандцы взимали определенную пошлину.

На левом берегу Чаткала, недалеко от Каракаспакского ущелья, находился пикет, возле которого жили кокандские сборщики зякета. В четырех верстах от этого пикета, вниз по течению реки, находилось главное кокандское укрепление в Чаткальской долине — Чиназ [1].

[1] Чиназ имел вид правильного четырехугольника, стены его, как и у всех кокандских крепостей, были глинобитные, по углам имелись башни для орудий, внутри крепости находились жилые строения. В этом укреплении помещался главный кокандский наместник в Чаткале и кокандский гарнизон. В крепости находились и лавки торговцев.

Гарнизон Чиназа, а также сборщики зякета с приближением отряда Лерхе отступили вниз по течению реки Чаткала в боковые горные ущелья. По приказанию Лерхе укрепление Чиназ было разрушено, и 25 июня отряд двинулся дальше по правому берегу реки для разведывания путей и переправ, ведущих к Намангану.

Основным населением Чаткальской долины были киргизы племен саруу, багыш, кытай, кушчу и другие. К отряду Лерхе они относились мирно. Многие представители племен Чаткала обратились к начальнику отряда с просьбой о принятии их в русское подданство. Лерхе в донесении Черняеву от 1 июля 1864 г. писал: «Кочующие по Карабуринскому и Каракаспакскому ущелью киргизы являлись постоянно ко мне на походе с просьбой о принятии их в подданство белого царя. Более значительные из этих манапов — Кедрали, Ине Берды и Саты-Мон (рода саруу) сопровождали отряд и прибыли с нами в Аулие-Ата на принятие подданства России»[1].

В Чаткале среди киргизов видную роль играл как сторонник кокандцев известный своим религиозным фанатизмом манап Сарымсак, признанный кокандским ханом старшим манапом. Он пытался уговорить других манапов послать вооруженных всадников для подкрепления войска Алымкула. Собрав до 200 вооруженных джигитов, Сарымсак углубился с ними в горы. Поднявшись со своими аилами к снежным вершинам хребта, он считал себя в безопасности. Лерхе направил к нему посланцев с предложением мира, но Сарымсак их прогнал и на письмо Лерхе не ответил. Тогда для пленения Сарымсака был отправлен взвод конных стрелков. 28 июня отряд достиг кочевья. Однако Сарымсак успел скрыться. Его джигиты, удивленные появлением отряда Лерхе в этих почти неприступных местах, тотчас бежали, оставив лошадей, рогатый скот, баранов и различное имущество.

В результате этой экспедиции пала власть Коканда на Чаткале и местные киргизы приняли русское подданство. Сарымсак под воздействием своего рода, рядовые члены которого были заинтересованы в спокойной, мир-

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, отд. II, № 6769.

ной жизни, вскоре также возбудил перед генералом Черняевым ходатайство о принятии его с подвластным ему родом багыш в подданство России. Его просьба была удовлетворена.

Оренбургский генерал-губернатор Крыжановский в письме военному министру от 26 ноября 1865 г. указывал: «Вследствие ходатайства кочующего в числе 150 юрт за Карабурою рода багыш манапа Сарымсака о принятии его в подданство России с разрешением кочевать по ту сторону карабуринских гор, на урочище Бакаир, генерал-майором Черняевым разрешена этому манапу испрашиваемая перекочевка».

7 июля Черняев с отрядом численностью в 1300 человек при 10 орудиях и 2 ракетных станках начал наступление на Чимкент, представлявший собою узел торговых дорог и важный военно-стратегический пункт. Перед этим, 28 июня, Черняев обратился к Веревкину с просьбой поддержать его со стороны Сыр-Дарьинской линии, но Веревкин ограничился лишь посылкой отряда из 300 человек с 3 орудиями под начальством капитана Мейера. 10 июля через разведчиков Черняев получил сведения о сосредоточении в Чимкенте значительных отрядов под предводительством Мингбая, а также о движении из Ташкента к Чимкенту кокандских войск под командованием Алымкула. 14 и 15 июля произошел ряд столкновений отрядов Мейера и Черняева с передовыми силами кокандцев.

Утром 16 июля Алымкул прислал к Черняеву посланца с мирными предложениями. Алымкул писал: «Начальнику отряда, пришедшему с войском из Алматов и Аулие-Ата. Прежде белый царь и кокандский хан были в хорошей дружбе, но с недавнего времени между ними и вами нашлись такие люди, которые заставляют вас ссориться, а также известно вам, что когда воцарился у вас нынешний государь, то наш молодой хан послал к нему посланников узнать о его здоровье, но в настоящее время наш хан услыхал, что войска белого царя заняли Аулие-Ата и Туркестан и пришли сюда, вследствие чего, я, собрав гарнизон и кавалерию, пришел с войском в Чимкент, чтобы узнать... зачем вы пришли, проливать ли кровь ваших воинов и наших, или за кем-нибудь другим, и чтобы не терять вам свои войска,

а нам свои, то сначала переговорить, и когда вы не хотите с нами сеориться, то дайте нам ответ о вашем своем приходе, или же хотите драться, то посмотрим, кто из нас сильнее. Может быть хотите осмотреть земли, то также дайте ответ, а если хотите быть с нами в дружбе, то уведомите нас, а мы, смотря на это уведомление, ответим вам. Выбирайте же, что вам лучше»[1].

Черняев ответил Алымкулу следующим письмом: «Регенту Кокандского ханства Мулла Алимкулу. Письмо ваше, присланное с Мирсабиром... я получил, в земли ваши я пришел с войсками по воле нашего великого белого государя и могу согласиться только на временное прекращение военных действий, но на заключение постоянного мира полномочия не имею. Если же вы желаете вступить с русским правительством в переговоры, чтобы иметь прочный мир, что, конечно, послужит к несомненной выгоде ханства и спокойствию, то я со своей стороны могу предложить вам избрать лучших почетных людей и отправить их через мое посредство в Петербург, где и будет с ними заключено должное условие. Проехав Россию и увидев благосостояние миллионов наших подданных, они убедятся в могуществе белого царя и ясно поймут все выгоды дружественных к нам отношений, от которых вполне зависит успех упавшей ныне у вас торговли, составляющей главный доход к процветанию ханства. Ответ на это письмо я ожидаю на этом же месте и приближение ваших войск буду считать за нежелание снарядить посольство к могущественнейшему из царей, а что именно ханство ваше может ожидать от нашего великого государя — послы могут услышать от меня»[2].

С этим письмом в кокандский лагерь Черняев послал Н. А. Северцова. Алымкул при приеме Северцова объявил ему, что оренбургский отряд Мейера, окруженный со всех сторон его войсками, просил у него пощады, и он, желая быть с русскими в дружбе, отпустил его без вреда. Одновременно Алымкул потребовал возвращения Коканду Аулие-Ата и Туркестана, на что Северцов ответил, что он не уполномочен вступать в какие-либо объяснения по таким вопросам и не советует упоминать

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 28, док. 407.
[2] ЦГИА Узб. ССР, ф. 103-с, оп. 1, д. 27, док. 251.

об этом и в письме к Черняеву. Однако Алымкул отправил вторично к Черняеву посланца с письмом, в котором просил Черняева о возвращении Аулие-Ата и Туркестана[1].

Письмо Алымкула Черняев оставил без ответа, а посла приказал выпроводить из лагеря. От Алымкула вскоре прибыл другой посол, который, не упоминая ни слова о предыдущем письме, передал от имени регента согласие на отправление посольства в Петербург.

Чтобы проверить искренность желания кокандского правительства заключить мир, Черняев объявил послану, что посольство будет отправлено в Петербург только на следующих предварительных условиях:

1) посольство должно иметь грамоту от хана на заключение мира на тех условиях, какие ему будут предложены;

2) немедленно предоставить свободу действий всем казахским султанам и биям, письменно заявившим о своем подданстве России, а также тем казахам Старшего жуза, которые насильно задерживались кокандцами в подданстве ханства;

3) распустить собранные в Чимкенте войска;

4) впредь до возвращения послов временной границей принять реку Арысь[2].

Не получив к назначенному сроку ответа, Черняев двинулся со своими силами на Чимкент. Однако под Чимкентом он встретил сильное сопротивление и вынужден был вернуться в Аулие-Ата. На пути отступления Черняева неприятельская конница пыталась атаковать его, но, встреченная огнем артиллерии, ушла обратно. Начальник кокандской кавалерии Мингбай был смертельно ранен. Отступление Черняева было временным, он намеревался захватить Чимкент в ближайшее время и тем самым завершить соединение Сибирской и Сыр-Дарьинской линий.

Теперь на очереди встал вопрос об устройстве передовой линии укреплений от Верного до Туркестана. Наиболее приемлемый проект представил полковник Полторацкий в записке от 9 июля 1864 года[3]. Проект Полто-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 27, док. 187.
[2] Там же.
[3] ЦГВИА, ф. ВУА, отд. II, № 6769.

рацкого сводился к следующему: на огромном простран-
стве от Аральского моря до Иссык-Куля сохранялись
или создавались вновь крепости: Форт № 1, форт Пе-
ровский, Туркестан, Чимкент, Аулие-Ата и Верное с про-
межуточными укреплениями, такими, как Форт № 2
Джулек, Мерке, Токмак и Илийское. Кастек, с возве-
дением Токмака потерявший значение, предлагалось
упразднить, как и некоторые другие крепости старой
Сибирской линии.

Назначение Форта № 1 заключалось в обороне ни-
зовьев Сыр-Дарьи от хивинских и туркменских вторже-
ний. Укрепление Верное с устройством новой линии
переставало быть передовым, но сохраняло значение
опорного пункта для поддержания власти над казахами
Старшего жуза и ограждения владений России от враж-
дебных действий со стороны Западного Китая. В соот-
ветствии с этим полковник Полторацкий считал необхо-
димым дать передовой линии следующее устройство:

1) упразднив управление Сыр-Дарьинской линии,
форты № 1 и № 2 подчинить начальнику Аральской
флотилии, возложив на него оборону низовьев Сыр-
Дарьи;

2) укрепление Верное оставить по-прежнему в веде-
нии начальника Алатавского округа;

3) из укреплений Перовского, Джулек, Туркестан,
Чимкент (после его занятия), Аулие-Ата, Мерке и Ток-
мак образовать передовую Ново-Кокандскую линию
с центром в Аулие-Ата или Чимкенте;

4) начальнику Ново-Кокандской линии, вследствие
значительной ее отдаленности как от Оренбурга, так и
от Омска, предоставить широкие права и самостоя-
тельность.

Имея в виду, что оренбургскому генерал-губернатору
предстояло иметь сношения с Хивой и Бухарой, Полто-
рацкий считал необходимым возложить на него же сно-
шения с Кокандом и подчинить ему и Ново-Кокандскую
линию. Все это, по мнению Полторацкого, должно было
обеспечить единство руководства действиями в Средней
Азии, а также лучшее устройство управления вновь при-
соединенными территориями [1].

[1] См. *Д. И. Романовский,* Заметки по средне-азиатскому во-
просу. Прилож. 8, Спб. 1868, стр. 146.

Представленный военным министром на рассмотре-
ние императора проект Полторацкого 18 июля получил
одобрение. Милютин писал Безаку: «Государь импера-
тор 18 минувшего июля высочайше повелеть соизволил
на всех укреплений, возводимых на вновь занятом про-
странстве от р. Чу до Сыр-Дарьи по бывшее кокандское
укрепление Яны-Курган включительно, образовать в виде
временной меры передовую Кокандскую линию» [1]. На-
чальником Ново-Кокандской линии был назначен гене-
рал-майор Черняев [2].

Создание Ново-Кокандской линии имело следствием
значительное укрепление господства России над Север-
ной Киргизией.

В 1864 г. из Верного был направлен небольшой от-
ряд на Иссык-Куль. Колпаковский считал необходимым
для окончательного упрочения господства России на се-
вере Киргизии возведение укреплений на берегу Иссык-
Куля, в Чуйской долине и на Тянь-Шане. В этих укреп-
лениях он полагал необходимым водворить постоянные
гарнизоны, которые охраняли бы интересы России в этих
местах, а также обеспечивали безопасность и защиту
киргизских племен со стороны кокандцев и Китая и внут-
реннее спокойствие края.

Колпаковский считал также важным и уже назрев-
шим вопрос о колонизации Чуйского края и всей Север-
ной Киргизии путем переселения крестьян и создания
казачьих станиц. Дюгамель в принципе одобрил его мне-
ние. 19 июня 1864 г. он писал военному министру:
«С занятием Зачуйской страны до р. Таласа ввиду необ-
ходимости прочнее утвердить русское влияние и осед-
лость на землях, принадлежащих России, на основании
Пекинского трактата и проекта пограничной линии, за-
явленного китайским комиссаром, устроенные прежде
станицы сделались более внутренними и утратили значе-
ние пограничных казачьих поселений... Для упрочения
нашего владычества на всем этом огромном простран-
стве лучшее и даже единственное средство заключается
в водворении оседлого народонаселения вдоль протяже-
ния вновь проектируемой границы» [3].

[1] См. *Д. И. Романовский,* указ. соч., стр. 146.
[2] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 20, док. 114.
[3] ЦГВИА, ф. ВУА, отд. II, № 6790.

Но осуществить колонизацию новых территорий Дюгамель предлагал постепенно, начиная с районов, имеющих важное военно-стратегическое значение, а именно с линии, простирающейся от западной оконечности Иссык-Куля до Аулие-Ата. Для этой цели он полагал разрешить охотникам из Сибирского казачьего войска учредить на намеченных местах новые станицы. Но так как таких охотников было недостаточно, то предусматривалось на первое время допустить переселение из крестьян Западной Сибири с зачислением их в казаки Семиреченского казачьего войска. Впоследствии же предполагалось допустить и свободное заселение Северной Киргизии крестьянами как сибирских, так и внутренних губерний России без зачисления их в казаки, с освобождением от уплаты податей и от рекрутской повинности на 10 лет. На первое время эти переселенцы должны были находиться в ведении военного министерства. Дюгамель писал в том же отношении: «При этих условиях я уверен, что колонизация местностей, прилегающих к кокандским владениям и к Китаю, очень быстро подвинется вперед, и подобная гражданская колонизация гораздо сильнее содействует развитию хлебопашества и преуспеванию всего края, чем чисто военное поселение».

Но отношения с Кокандом все еще оставались неурегулированными. Кокандское правительство активно готовилось к отражению дальнейшего продвижения военных сил России. Наряду с укреплением Чимкента и Ташкента оно стало всячески разжигать среди населения религиозный фанатизм. Народ призывался даже к войне в целях возвращения «священного» Туркестана, где находилась чтимая мусульманами мечеть Ходжи Ахмеда Ясеви. Но Алымкул не ожидал нападения Черняева в ближайшее время и ушел с основными силами в Ташкент, а оттуда в Коканд для организации похода на Тянь-Шань. Черняев воспользовался уходом Алымкула и решил овладеть Чимкентом немедленно.

В начале сентября 1864 г. Черняев двинул на Чимкент сильные отряды с двух сторон — от Аулие-Ата и от Туркестана [1]. 19 сентября оба отряда соединились под Чимкентом. Была произведена рекогносцировка укреплений города. Несмотря на то что Чимкент защищал довольно крупный гарнизон, состоявший из лучших кокандских воинов под начальством хакима Мирза-Ахмета, в результате успешных военных операций, продолжавшихся с 19 по 22 сентября, Черняев овладел Чимкентом.

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 27, док. 243.

Падение Чимкента имело важное значение. Черняев в донесении оренбургскому генерал-губернатору писал: «Цитадель, построенная на неприступной возвышенности, и остальные укрепления с небывалой до сего у кокандцев фланговой обороной, сильное вооружение артиллерией, с громадным запасом разрывных и других снарядов, и десятитысячный гарнизон, составленный из лучших войск ханства, дают мне право доложить вашему высокопревосходительству, что падение Чимкента, повергающее к подножью его императорского величества обширный край с населением полмиллиона, свидетельствует о серьезном значении этого события» [1].

После падения Чимкента силы Коканда сосредоточились в Ташкенте. Среди жителей этого города существовало две группы, из которых одна, состоявшая по преимуществу из торгово-купеческих слоев, стремилась установить близкие отношения с Россией. Другая же группировка не желала сближения с Россией, но, не надеясь на способность Коканда отстоять Ташкент, стремилась к союзу с Бухарским эмиратом, как наиболее могущественным из среднеазиатских государств.

Черняев решил не давать времени кокандским властям укрепить Ташкент и 27 сентября двинулся туда. 1 октября его отряд достиг Ташкента. 2 октября Черняев предпринял штурм города с южной стороны, защищенной стеной протяженностью в 24 версты, но атака была отбита. После неудачной осады, продолжавшейся до 4 октября, он вынужден был вернуться в Чимкент [2].

Вскоре в Ташкент прибыл со значительным войском Алымкул и, правильно оценив нависшую опасность, деятельно занялся укреплением города, а также отливкой пушек в ташкентских мастерских.

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 27, док. 243.

[2] См. «Извлечения из донесений генерала Черняева от 14 октября 1864 г. № 1142», «Русский Туркестан», вып. 3, 1872 г. Приложения, стр. 73—75.

В городе создалось чрезвычайно тяжелое положение. После занятия Черняевым линии по реке Арыс прекратилось движение караванов. В то же время в городе сосредоточивались войска. В результате цены на жизненные припасы сильно повысились. Четверть хлеба вместо 5 рублей теперь стоила 12, овца вместо 3 руб. 50 коп. стоила от 7 до 9 рублей. Сильно вздорожали почти все предметы первой необходимости. Этим воспользовались сторонники бухарской ориентации и составили заговор против регента Алымкула. Заговор имел целью передачу Ташкента бухарскому эмиру, который продолжал выдвигать на ханский престол Худояра. Но Алымкулу удалось раскрыть заговор. Зачинщики понесли суровое наказание.

Однако и после расправы Алымкула с заговорщиками сторонники бухарской ориентации усиленно распространяли слухи о предстоящем прибытии в Ташкент Худояр-хана с войском эмира. Они продолжали тайно поддерживать связь с эмиром. В этих условиях бухарский эмир потребовал от Алымкула передачи ему Ташкента. Но тот ответил, что намерен оборонять Ташкент как от России, так и от Бухары, и в крайнем случае предпочтет передать его русским, но не эмиру. Отношения между Кокандом и Бухарой резко обострились, что исключило возможность защиты Ташкента их совместными силами [1].

После неудачи Черняева под Ташкентом в 1864 г. в военном министерстве и министерстве иностранных дел решили пока остановиться на достигнутых успехах и в ближайшее время новых походов в среднеазиатские ханства не предпринимать [2]. Ходатайство Черняева о посылке депутации кочевых племен и оседлых жителей подчиненных ему районов в Петербург было отклонено.

В записке обоих министров от 20 ноября 1864 г. говорилось: «На основании вышеизложенных соображений министерства иностранных дел и военного, по взаимным обсуждениям системы будущих действий наших в Средней Азии, пришли к заключению, что в настоящее время Россия может ограничиться достигну-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 27, док. 288.
[2] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 28, док. 38.

тыми уже результатами, отказываясь от дальнейшего наступления и приняв границею линии от китайских пределов по Тянь-Шаньскому хребту, водораздельной черте между долинами Чу и Таласа и бассейном Сыр-Дарьи, затем по одному из отрогов Кази-Курта, вперед Арыса на Сыр-Дарью» [1].

Но Черняев не оставил намерения захватить Ташкент и по своей инициативе подготовлял силы как в Чимкенте, так и в Туркестане и Аулие-Ата к новому походу. Одновременно он занимался приведением в порядок системы управления Ново-Кокандской линии, в частности вопросом обложения покибиточным сбором кочевых казахских и киргизских племен, уже окончательно признавших подданство России.

Но в этом деле на первых порах царское правительство придерживалось очень осторожной политики. Принявшим подданство России северокиргизским племенам, так же как и многим казахским племенам Старшего жуза, давались немалые льготы, прежде всего в части уплаты налогов. Для укрепления завоеванных позиций, а также для успешного осуществления дальнейших колониальных устремлений царизма такая политика должна была сыграть немаловажную роль.

К этому времени в Китае назревали серьезные события. В 1862 г. в северо-западных провинциях Китая вспыхнуло восстание дунган против гнета Цинской династии, проходившее под религиозным лозунгом борьбы за ислам, против китайцев-буддистов. Вскоре восстание перекинулось в Джунгарию. Особенно активное участие принимали в восстании уйгуры Кульджинского края — таранчи. К ним присоединилась и часть пограничного казахского населения.

Маньчжурское правительство, ослабленное в результате войны с Англией и Францией и борьбы против тайпинского движения, не могло подавить восстания. В Кульджинском крае власть захватили таранчи. В 1864 г. образовалось два самостоятельных ханства: Дунганское — в Урумчунском округе и Таранчинское — в Илийской провинции. Незадолго до того, в 1863 г., восстание вспыхнуло и в Кашгарии. Восстанием были охвачены города Аксу, Кашгар, Яркенд и Хотан.

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 28, док. 38.

В это время влиятельным лицом в Кашгаре был киргиз Садык-бек, располагавший значительными вооруженными силами. Но для отражения возможного наступления китайских войск он чувствовал себя все же слабым и обратился к кокандскому правителю Алимкулу с просьбой о помощи. Одновременно он просил направить в Кашгарию Бузурука, сына Джангир-ходжи, намереваясь провозгласить его ханом [1]. В 1864 г. Бузурук-ходжа в сопровождении небольшого отряда из 50 человек под начальством Якуб-бека прибыл в Кашгар и был с радостью встречен жителями. Садык-бек передал управление Бузурук-хану, надеясь играть при нем первую роль. Но вскоре он увидел в Якуб-беке соперника, и между ними началась тайная борьба, которая должна была окончиться только смертью одного из них.

Якуб-беку на первых же порах удалось поссорить Бузурука с Садык-беком, и последнему пришлось бежать. Якуб-бек был назначен главнокомандующим. Ему суждено было вскоре сыграть видную роль в Восточном Туркестане. Он сумел в течение трех лет объединить под своей властью Кашгар, Янгигисар, Яркенд и Хотан и, преодолев в 1865 г. сопротивление кипчаков и киргизов, в 1866 г. стал ханом «Джетти-шаара», назвав себя «багдаулетом», то есть «счастьем». Бывший хан Бузурук-ходжа был отправлен в Мекку на поклонение мусульманским святыням.

Кашгарские, а также пограничные киргизы принимали активное участие в движении народов Синьцзяна, причем Якуб-бек определенно стремился привлечь их на свою сторону. В войсках Якуб-бека из них комплектовалась кавалерия. Их использовали также для гарнизонной службы и для почтовой гоньбы чабарами (курьерами) [3]. Некоторые пограничные киргизские племена, признав себя подданными Якуб-бека, стали платить ему дань [4].

Киргизы немало способствовали укреплению Якуб-бека. Подполковник Корнилов, специально ездивший

[1] См. *А. Н. Куропаткин,* указ. соч., стр. 130, 131.
[2] См. там же, стр. 135.
[3] См. там же, стр. 166.
[4] См. там же, стр. 176.

в Кашгарию для изучения ее военных сил, писал: «Из всех контингентов, которые могут быть выставлены туземным населением Кашгарии, серьезного внимания заслуживают только киргизы. Если бы китайцы сумели надлежащим образом организовать дело, а главное заручиться доверием и преданностью киргиз, они могли бы создать из них весьма порядочную конницу, особенно пригодную для сторожевой и разведывательной службы и ведения малой войны» [1].

Якуб-бек действительно был очень заинтересован в использовании киргизов, так как его боевые отряды, сформированные из оседлых жителей Кашгарии, были очень слабы. «Относительно частей, формируемых из оседлых жителей Кашгарии,— писал Корнилов,— можно заметить, что в полной боевой непригодности таких частей нет никакого сомнения: из забитого, запуганного кашгарлыка или яркендлыка даже в умелых руках не выйдет сколько-нибудь порядочного солдата... Что касается до боевых качеств монгольской милиции, то они весьма невысоки: искусная политика китайского правительства и распространение буддизма окончательно убили в монголах тот высокий воинский дух, которым отличались армии Чингис-хана и его ближайших преемников» [2].

Возможно, что Корнилов недооценивал боеспособности частей, формируемых из оседлых жителей Кашгарии, но во всяком случае киргизы были для Якуб-бека ценным резервом при укомплектовании кавалерийских частей. Кроме того, для оседлого населения Кашгарии исключительно важны были связи с киргизами, как поставщиками скота и продуктов скотоводства. Поэтому Якуб-бек не прочь был в дальнейшем распространить свою власть и на другие киргизские племена. Это обстоятельство беспокоило русские власти, и начальник Алатавского округа внимательно следил за действиями Якуб-бека в отношении пограничных киргизских племен. Правительство России, официально не признавая государство Якуб-бека, однако не отказывалось от торговых и дипломатических переговоров с ним, стремясь наладить торговлю и в то же время не допу-

[1] *Корнилов,* указ. соч., стр. 362.
[2] Там же, стр. 362—363.

стить расширения его влияния на другие территории в частности на Северную Киргизию. Со своей стороны и Якуб-бек, не отказываясь от налаживания взаимоотношений с Россией, в своей внешней политике стал искать связей с Турцией, Англией и другими государствами.

Летом 1864 г. Якуб-бек, после занятия городов Аксу и Турфан, намеревался продолжить свой поход до города Кульджи кратчайшим путем через перевал Музарт. Но начальник Алатавского округа двинул к перевалу сильный отряд под начальством полковника Поторацкого, который занял перевал и разрушил находившийся здесь мост [1]. В то же время другой отряд был двинут к верховьям реки Кегень, по направлению к буддийскому монастырю Сумбе. Эти походы предпринимались, с одной стороны, для содействия успешному окончанию переговоров с китайскими властями по вопросу об уточнении границ некоторых районов, а с другой стороны, для сбора сведений о военных силах Якуб-бека и о ходе восстания в пограничных областях Западного Китая. Китайские власти отнеслись дружественно к русским отрядам, так как правительство Китая намеревалось просить помощи у правительства России для подавления восстания.

Восстание дунган и таранчи оказывало определенное влияние на пограничные казахские и киргизские племена. Среди них широко распространялись воззвания повстанцев. В результате некоторые аулы казахских племен албан, а также отдельные киргизские роды стали откочевывать в пределы Китая. Бывали также случаи насильственного увода пограничных киргизских родов как отрядами Якуб-бека, так и китайскими войсками.

Бугинцы, за исключением отдельных незначительных отрядов, не принимали участия в восстании и пока еще не испытывали давления со стороны Кашгара. Но положение пограничного с Кашгарией племени черик было трудным. «Во время пребывания генерал-майора Колпаковского на озере Иссык-Куль,— писал Дюгамель,— явились к нему двое почетных людей из дикокаменных киргизов рода чирик и доставили письмо от старшего

[1] ЦИА Каз. ССР, ф. 3, оп. 1, д. 687, св. 30, л. 55—56.

манапа Турдуке. В этом письме манап Турдуке заявляет от имени всего чириковского народа жалобу на китайских инсургентов, действующих в Кашгаре под предводительством ходжей, которые делают чирикам разные притеснения: берут насильно и в большом количестве верблюдов для перевозки тяжестей и разный скот для продовольствия своего войска. Самого же Турдуке с 50 джигитами силою увлекли под Кашгар. Находясь в таком положении Турдуке просит защитить чириковский род, принявший подданство России» [1].

Обострение положения на границе с Кашгарией сделало необходимым постоянное пребывание русского отряда на Иссык-Куле. Но в связи с необходимостью усиления в этот период отряда Черняева Дюгамель 7 августа предложил Колпаковскому выслать военные силы из Верного в Аулие-Ата, а для пополнения гарнизона Верного снять иссыккульский отряд с занимаемой им позиции на реке Кызыл-Су [2]. Колпаковский в своем отношении к Дюгамелю от 25 августа 1864 г. убедительно просил генерал-губернатора разрешить оставить отряд на постоянное пребывание в кочевьях бугинцев.

Излагая обстоятельства, которые делали необходимым постоянное пребывание русского гарнизона на озере Иссык-Куль, Колпаковский указывал в качестве главного аргумента на необходимость обеспечения защиты бугинцев и чериков. «С удалением нашего отряда с Иссык-Куля,— писал он,— нельзя ручаться, что киргизы китайского владения считали бы кочевки наших киргизов неприкосновенными, по всей вероятности постараются воспользоваться этим случаем и если не убеждением, то насильно заставят большую часть бугинцев перейти на сторону китайцев, не говоря уже о том, что последствием этого будет крайнее разорение наших киргизов, но главное снова тот край придет в движение... Враждебные же им соседи — сарыбагыши, более воинственные, чем бугинцы, при всяком удобном случае будут грабить кочевки их, а мы не в состоянии будем защищать их, ни наказать барантачей, и, кроме того, потеряем всякое влияние как на бугинцев, так и

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 27, док. 231.
[2] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 20, док. 184.

в особенности на вновь присягнувших на подданство России чириков... В видах сохранения спокойствия в том крае и распространения нашего влияния оставление отряда в кочевьях бугинцев есть крайняя необходимость, в особенности неудобно после двухгодичного его там пребывания отозвать вдруг и оставить преданных нам бугинцев на верный грабеж и разорение» [1].

Дюгамель удовлетворил просьбу Колпаковского, и отряд был оставлен на Иссык-Куле. Генерал-губернатор Западной Сибири писал: «Я утверждаю сделанное вами распоряжение зимовать на Иссык-Куле одной роте пехоты, 50 казаков и взводу горной артиллерии и постройки для них средствами отряда временного укрепления и помещения» [2].

Постоянное пребывание русских отрядов на Иссык-Куле и в Чуйской долине укрепило подданство северо-киргизских племен. Не только бугинцы, кочевавшие на берегах Иссык-Куля, но и черики, и другие племена, кочевавшие в отдаленных пограничных с Кашгарией районах Центрального Тянь-Шаня, теперь реально чувствовали власть Российской империи.

В 1864 г. влияние России начало проникать и в Южную Киргизию, в частности в Кетменьтюбинскую долину. В декабре 1864 г. крупный манап Рыскулбек, стоявший во главе 10 тысяч юрт племени саяк, обратился к генералу Черняеву с просьбой о принятии его с подвластными ему родами в подданство Российской империи. Рыскулбек направил Черняеву следующее прошение: «Начальнику Ак-Мечети, Туркестана, Чимкента, Аулие-Ата, Пишпека и Токмака свидетельствую свой поклон и приношу следующую просьбу: я, Рыскулбек, кочующий между Андижаном и Кетмень-Тюбе и управляющий 10 тыс. кибиток саяковского рода, изъявляю настоящим письмом свое желание вступить в верноподданство белого царя вместе с управляемым мною народом. Если просьба эта будет принята и вы сообщите мне о том, я, оставаясь на местах прежних кочевок, буду служить государю и вам. Места на Кетмень-Тюбе с давнего времени принадлежат мне и я оттуда никуда не укочую. Сарыбагыши и султы уже два года делают

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 27, док. 208.
[2] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 20, док. 221.

притеснения, и если вы пришлете мне письмо ваше, то они не посмеют больше притеснять меня» [1].

Как видно из письма Рыскулбека, непосредственной причиной его обращения были притеснения со стороны племен солто и сарыбагыш. Летом 1864 г. в районах летних кочевок на Сусамыре и Кетмень-Тюбе произошло столкновение Рыскулбека с солтинским манапом Байсаком из-за пастбищ. Солтинцы совместно с сарыбагышами разгромили аилы Рыскулбека и угнали много скота. Как известно, межплеменные войны бывали нередко и раньше. Но тогда все споры решались при посредничестве кокандских властей. Теперь же, с принятием подданства России, сарыбагыши и солтинцы не считали себя обязанными подчиняться кокандским чиновникам. Подвергаясь нападениям племен солто и сарыбагыш и не имея поддержки кокандцев, Рыскулбек должен был искать защиту у русских властей.

Семенов-Тян-Шанский писал, что «каждый род, вступивший в подданство России, избавлялся тем самым от набегов со стороны родов, находившихся уже в русском подданстве, и мог победоносно бороться со следующим, еще независимым родом, так как чувствовал себя под покровительством и защитой России. Тогда и следующий род, окруженный со всех сторон возможными врагами, вынужден был искать себе в свою очередь спасение в переходе в русское подданство» [2].

8 марта 1865 г. Дюгамель писал военному министру: «Представляя копию рапорта генерал-майора Черняева с копию письма саяковского рода манапа Рыскулбека, имею честь покорнейше просить разрешения принять манапа Рыскулбека с подвластными ему 10 тысячами кибиток в подданство его величеству государю императору» [3]. 18 марта 1865 г. Милютин сообщил Дюгамелю о разрешении Александра II принять в русское подданство Рыскулбека вместе с подчиненными ему родами [4].

Однако осенью 1864 г. произошли некоторые изменения в положении тяньшаньских племен. В начале

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 28, док. 393.
[2] *П. П. Семенов-Тян-Шанский,* Путешествие в Тянь-Шань в 1856—1857 годах, стр. 142.
[3] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, д. 29, док. 76.
[4] *См. А. Г. Серебренников,* Туркестанский край, «Сборник материалов для истории его завоевания», ч. 1, 1847, 1864, 1865 гг., Ташкент 1914, стр. 108.

августа 1864 г., то есть до потери Чимкента, Алымкул вступил во главе значительных сил на Тянь-Шань. Манап Уметалы, стоявший во главе части племени сарыбагыш, отделения эсенгул, кочевавшего в Нарыне и Атбаши, а также манап Осмон, стоявший во главе части племени саяк, кочевавших в Тогуз-Торо, со всеми подвластными им аилами перешли на сторону Алымкула и признали власть кокандского хана. Алымкул, легко восстановив крепость Куртка, прошел по Джумгалу в Кочкорской долине. Он имел даже намерение вторгнуться через Киргизский Алатау по Шамсийскому перевалу в Чуйскую долину [1].

Но, получив известие об отпадении Чимкента, Алымкул вынужден был поспешно направиться в Коканд, а оттуда к Ташкенту. Все же ему удалось до некоторой степени восстановить власть Коканда над тяньшаньскими киргизами, хотя и пришлось отложить вторжение в Чуйскую долину до будущего года.

Действия кокандцев на Тянь-Шане вызвали необходимость усиления русских войск Заилийского края и в Чуйской долине.

21 января 1865 г. Черняев обратился к военному министру с просьбой об усилении левого фланга Ново-Кокандской линии. Он указывал на необходимость обеспечения защиты летних кочевий принявших подданство России киргизских племен. «Зимой пространство от Аулие-Ата до Иссык-Куля,— писал он,— покрыто снегами, заваливающими горные проходы, но летом дороги через горы открываются и киргизы откочевывают от Мерке и Токмака в самые предгорья. Для прикрытия их летних кочевьев укрепления наши становятся уже недостаточными и необходимо выслать отряд. К тому же левый фланг населен каракиргизами — племенем наиболее диким, и между которыми Алимкул, как однородец их, может скорее надеяться встретить сочувствие, чем между киргизами Большой орды. Поэтому необходимо, чтобы из Верного в марте месяце направлены были две роты с горным взводом в Токмак с тем, чтобы можно было при перекочевке киргизов передвинуть вместе с ними и отряд в верховья Таласа или Сусамыра» [2].

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 105-с, оп. 1, д. 29, док. 33.
[2] Там же, док. 23.

Усиления войск на левом фланге требовал также генерал-майор Колпаковский. Он учитывал не только действия Алымкула на Тянь-Шане, но и восстание в Западном Китае, на границе с которым необходимо было усилить отряды как для удержания от участия в восстании подчиненных России пограничных казахских и киргизских родов, так и для ограждения подвластной России территории от дунганских и таранчинских повстанцев, а также и от Якуб-бека.

В связи со всеми этими обстоятельствами к весне 1865 г. военные силы Заилийского края были значительно усилены путем передвижения военных отрядов из Семипалатинска и других пунктов Западной Сибири в Верное и оттуда в Чуйскую долину и на китайскую границу, в частности на Кеген.

Осложнения на границе с Западным Китаем, а также активизация кокандцев на Тянь-Шане требовали скорейшего административного устройства Ново-Кокандской линии и усиления ее обороны.

Генерал Черняев еще в конце 1864 г. снова обратился к военному министру с просьбой разрешить ему занять Ташкент для окончательного упрочения позиций в районе Ново-Кокандской линии. Правительство отказало в этой просьбе, но нашло необходимым немедленно предоставить генералу Черняеву необходимые силы и средства для обеспечения безопасности вновь присоединенной территории от Иссык-Куля до Туркестана. В связи с этим было решено образовать из вновь приобретенных районов новую административную единицу с сосредоточением военного и гражданского управления в одних руках. Милютин представил царю проект образования новой, Туркестанской области. Проект был утвержден, и 12 февраля 1865 г. был издан приказ военного министерства, где говорилось: «Государь император, в видах лучшего устройства Оренбургского края и Западной Сибири, высочайше повелеть соизволил:

1. Учрежденную в минувшем году в Зачуйском крае передовую линию соединить с Сыр-Дарьинской линией и образовать из всего пограничного со средне-азиатскими владениями пространства, от Аральского моря до озера Иссык-Куль, одну область с присвоением оной наименования Туркестанской.

2. Управление новой областью поручить особому военному губернатору, возложив на него же командование всеми расположенными там войсками.

3. Военного губернатора Туркестанской области подчинить в военном отношении командующему войсками Оренбургского края, а в гражданском — оренбургскому генерал-губернатору» [1].

Военным губернатором Туркестанской области был назначен генерал Черняев. Министр иностранных дел в феврале 1865 г. предписал оренбургскому генерал-губернатору по возможности придерживаться мирных отношений с Кокандом и добиться предоставления российским подданным в Коканде прав и преимуществ, необходимых для ведения нормальной торговли, а пока «по возможности избегать всякого вмешательства во внутренние дела ханства... Вооруженное вмешательство,— говорилось далее,— могло бы быть допущено лишь в том случае, когда подобным вмешательством можно было бы предупредить нарушение наших пределов и наших торговых интересов, но и тогда мы должны предпринимать эти действия с твердой решимостью не делать новых поземельных приобретений и не переносить далее нашу границу». В отношении Ташкента говорилось: «Мы решились не включать этого города в пределы империи, потому что сочли несравненно выгоднейшим ограничиться косвенным на него влиянием, весьма действительным, по близости наших военных сил... С восстановлением же прежней независимости город этот не служит удобным орудием в случае необходимости действовать на Коканд, а отчасти и на Бухару, и вместе с тем становится для нас оградой против всяких внезапных покушений Коканда и Бухары» [2].

Этой инструкцией были определены и основы дальнейших действий Черняева в отношении киргизских племен, принявших подданство России. «Что касается до горной страны, лежащей к западу от озера Иссык-Куль,— указывалось в той же инструкции,— то проведение там нашей укрепленной линии должно зависеть исключительно от стратегических соображений, но министерство иностранных дел полагает, что кочующим там

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, отд. II, № 6795.
[2] Там же.

покаменным киргизам, принявшим номинальное русское подданство, должно быть заявлено, что действительное наше покровительство и вооруженная защита будут оказываемы только тем, которые будут находиться внутри нашей линии, с предоставлением им всех прав и с возложением на них всех обязанностей русских подданных; таким образом, те из этих киргизов, которые стали бы тревожить этих наших подданных, должны подвергаться карательным мерам со стороны наших отрядов».

В инструкции указывалось также на необходимость установления тайных сношений с влиятельными ташкентскими торговцами, интересы которых были связаны с Россией, с помощью которых можно было бы усилить позиции сторонников российской ориентации.

Но, несмотря на эту инструкцию и подобные ей указания нового генерал-губернатора Оренбургского края Н. А. Крыжановского, Черняев не отказывался от мысли захватить Ташкент. Весной 1865 г. для этого сложилась благоприятная обстановка в связи с вновь начавшейся войной между Бухарой и Кокандом. Эмир бухарский вторгся в пределы Кокандского ханства и занял город Чимкент. Черняев решил немедленно воспользоваться этим обстоятельством и начал поход против Ташкента. 20 апреля он взял крепость Ниязбек, что дало возможность отрезать Ташкент от воды, а также от посевов и садов в окрестностях города [1]. После взятия крепости Ниязбек Черняев некоторое время надеялся на добровольную сдачу Ташкента, но тем временем к Ташкенту подошли значительные силы из Коканда под командованием Алымкула. Первое крупное столкновение сил Алымкула с отрядами Черняева произошло 9 мая вне стен города. В этом сражении Алымкул погиб [2]. Отряды кипчаков и киргизов при известии о гибели Алымкула покинули осажденный город и разбрелись по своим кочевьям. После этого среди населения Ташкента усилилось стремление опереться на поддержку бухарского эмира Музаффара и с его помощью отстоять город. В Бухару было отправлено посольство. Вскоре в Таш-

[1] См. *Д. И. Романовский*, указ. соч., приложение 14—15, стр. 156—157.
[2] По некоторым сведениям, Алымкул был убит сторонниками эмира бухарского во время атаки выстрелом в спину.

кент прибыл представитель эмира Искандербек, который должен был руководить обороной города.

В ночь с 14 на 15 мая Черняев начал штурм Ташкента, 17 мая, после трехдневных уличных боев, ташкентские власти вступили в переговоры о сдаче, и город полностью был занят отрядами Черняева [1].

Взятием Ташкента положение Сыр-Дарьинской и Сибирской линий упрочилось окончательно. Дальнейшее продвижение царских военных сил могло привести к столкновению с остальными среднеазиатскими ханствами — Бухарой и Хивой. Английские дипломаты начали широкую кампанию против России, трубя на весь мир о «захватнических» действиях России в Средней Азии и «замыслах» российского правительства в отношении захвата Индии.

В этих условиях царское правительство, опасаясь осложнений во взаимоотношениях с Британской империей, решило дальнейших активных действий в Средней Азии не предпринимать, а закрепиться на достигнутых позициях.

В сентябре 1865 г. Н. Крыжановский, приехав в Ташкент, объявил его независимым владением, но с оставлением в нем русского гарнизона и советовал Черняеву придерживаться более осторожной политики в отношении Бухары и Коканда. Такое указание согласовывалось с мнением военного министерства. Военный министр в своем отношении Крыжановскому писал, что «настоящее общее положение дел в Европе требует крайней осторожности в наших действиях на восточных окраинах» и что «сравнительно малозначащие предприятия в Азии могут породить серьезные затруднения для нашей европейской политики, дав новый повод обвинить нас в завоеваниях и в честолюбии» [2].

В этот период эмир бухарский, пользуясь трудным положением Кокандского ханства, захватил некоторые его районы. В то же время эмир потребовал вывода из Ташкента русского гарнизона, рассчитывая присоединить город к Бухаре. Но Черняев, несмотря на предупреждение оренбургского генерал-губернатора, стал активно

[1] См. *Д. И. Романовский*, указ. соч., приложение 15—17, стр. 157—162.

[2] ГА МИД, Аз. деп., 1862 г., № 15, ч. II, 1—9.

действовать и в отношении Бухары. В ответ на требование бухарского эмира оставить Ташкент Черняев задержал всех бухарских купцов, находившихся в Ташкенте и в Туркестанской области. В качестве ответной меры эмиром были задержаны в Бухаре послы Черняева.

Эти самовольные действия Черняева вызвали недовольство как Крыжановского, так и военного министра. В начале февраля в Петербурге был решен вопрос о смене Черняева. На его место был назначен редактор газеты «Русский инвалид» генерал-майор Романовский. Однако Романовский вынужден был некоторое время продолжать военные операции против Бухары.

Эмир бухарский не мог решительно действовать против Черняева, а потом и его преемника Романовского. Его силы на некоторое время оказались связанными борьбой против Коканда. Раздираемое внутренними междуусобицами, ослабленное борьбой враждующих между собою группировок оседлой и кочевой знати, Кокандское ханство не могло уже долго сопротивляться.

После падения Ташкента хан Султан-Сеид был зарезан по указанию эмира, но в Коканде киргиз-кипчакская знать провозгласила нового хана и решила не допускать туда ставленника эмира — Худояра. Между киргизской и кипчакской знатью начались обычные раздоры. Эмиру удалось разбить кипчаков и киргизов и взять Коканд. Победа ознаменовалась обычными жестокостями. Крыжановский писал, что после взятия Коканда эмир «немедленно начал в нем все те неистовства, которыми владетели Средней Азии имеют обыкновение прославлять имя свое. Целые пирамиды отсеченных голов, длинные ряды повешенных, замученных, на кол посаженных и пр. должны были служить народам Азии очевидным доказательством торжества эмира. Кипчаки удалились в горы, заняли позицию, приготовленную им мудрым Алымкулом на черный день, и, невзирая на значительную утрату в людях, понесенную ими как при защите, так и ежедневными убийствами, совершенными эмиром, не только не покорились ему, но и одержали славную победу над бухарским войском, вздумавшим атаковать их позицию» [1].

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, отд. II, № 6795, ч. II.

Увлеченные успехом кипчаки со всей артиллерией покинули горные позиции и сразились с эмиром в откр той долине, но здесь потерпели поражение, потеря всю артиллерию и разбежались в горы по киргизски кочевьям, а частью в Кашгар. В результате эмиру уд лось вновь посадить в Коканде ханом Худояра [1]. Эмир возвратился в Бухару, захватив большую добычу. Но положение Худояр-хана в Коканде, несмотря на пора жение кипчаков и киргизов, оставалось непрочным, к показали последующие события.

Россия в войне с Кокандом в течение 1864 и 1865 г достигла решающих успехов. К ней были присоединен жизненно важные районы ханства с городами Турк стан, Аулие-Ата, Чимкент и Ташкент. Через два год после занятия Ташкента, в 1867 г., Туркестанская об ласть была преобразована в Туркестанское генера губернаторство, состоявшее из областей Сыр-Дарьи ской и Семиреченской, с центром в Ташкенте. Генера губернатор Туркестана Кауфман был наделен широкими полномочиями, вплоть до права объявления войны и з ключения мира со среднеазиатскими ханствами.

В следующем, 1868 г. хан Худояр признал зависи мость Коканда от России, подписав неравноправный до говор, по которому лишился права самостоятельных сношения с другими государствами, признал за Россией все отторгнутые к 1865 г. от Кокандского ханства земли, предоставил право свободной торговли российским куп цам во всех частях ханства на одинаковых правах с ко кандскими купцами. В том же году признал свою вас сальную зависимость от России эмир бухарский, а в 1873 г.— хивинский хан. Кокандское ханство, лишенное по договору 1868 г. большой части своей территории, т перь ограничивалось в основном пределами Ферганской долины.

Если после занятия Ташкента господству России в Семиречье и на Тянь-Шане Кокандское ханство угро жать уже не могло, то положение на границе с Запад ным Китаем оставалось тревожным. Восстание дунган и таранчей, а также уйгуров против Цинской империи успешно развивалось. Колпаковский в донесении запад носибирскому генерал-губернатору 15 февраля 1865 г.

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, отд. II, № 6795, ч. II.

указывал: «В последнее время инсургенты через своих эмиссаров успели взволновать все приилийские киргизские роды абданов и всех бугинцев, находящихся под протекцией китайцев... Бугинцы, в особенности кочующие по Текесу, выжидают только прибытия ходжей — святоборцев с войском, чтобы заявить им свою преданность и готовность содействовать имуществом. Вообще все киргизы находятся в напряженном выжидательном положении, готовые броситься при первой возможности на сторону инсургентов» [1].

Киргизы, принявшие участие в восстании, действовали главным образом против калмыков, которые охраняли границы Цинской империи. Отдельные представители киргизских феодалов — Балбай и другие — временно примыкали к восставшим с целью грабежа и захвата скота, пленных и другой добычи у калмыков. Колпаковский отмечал это в том же донесении: «Киргизы, сторонники дунганов, совершенно ограбили калмыков, отняли у них весь скот и многих людей увлекли в плен. От буддийского монастыря в Сумбе оставлены одни развалины и человек 30 избитых калмыков, истекающих кровью и умирающих голодной смертью... В грабеже калмыков участвовали не только киргизы китайского протектората, но и наши подданные бугинцы, албаны и даже сарыбагыши, кочующие в окрестностях Токмака; многие из них обогатились калмыцким скотом и имуществом».

Часть бугинцев, кочевавших в пределах Западного Китая и принимавших более близкое участие в восстании, вскоре, однако, откочевала в пределы России и объявила себя российскими подданными. Такой их поступок Колпаковский объяснял боязнью мести со стороны калмыков и китайских властей.

Более широкое участие в восстании народов Китайского Туркестана приняли черики. Колпаковский писал о них: «Известия же о положении наших новых подданных чериков также весьма неутешительны: кочуя на урочищах Кокшала, в Нарыне, вдали от нашего влияния, они сделались участниками действий инсургентов, дав им в Кашгаре верблюдов, лошадей, баранов и 150 человек джигитов. Бывший правитель Кашгара Ходжа-Са-

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, отд. II, № 6794.

дыкбек, направившись в Коканд с 12 тыс. войска, оста
вил при себе брата старшего манапа чериков Турауе
Абласана с 50 джигитами. Действия свои черики оправ
дывают тем, что, находясь среди враждебных им наро
дов, они без нашего содействия не могут стать во враж
дебное к ним отношение, почему и просят о посылке для
защиты их кочевок отряд в 300 человек. И так как та
кового не было, то это и может служить предлогом
к оправданию их действий в союзе с инсургентами» [1].

Говоря о других пограничных племенах, Колпаков
ский отмечает возможность их участия при известных
условиях в восстании: «Положение прочих киргизов,
писал он,— ближайших к китайской границе, также
чрезвычайно двусмысленное, которые, с напряженным
вниманием следя за происходящими событиями на вос
токе, готовы при первой возможности пристать к инсур
гентам» [2].

Участие пограничных киргизов в восстании вызвало
беспокойство генерал-губернатора Западной Сибири, так
как дальнейшие успехи повстанцев, несомненно, усилили
бы брожение и беспокойство среди подвластных России
северокиргизских племен и казахов Старшего жуза.
Кроме того, восставшие разграбили русскую торговую
факторию в Кульдже.

Принимая во внимание все эти обстоятельства, Кол
паковский считал нужным занять русскими отрядами
Чугучак, Кульджу, а затем по возможности и Кашгар.
Обосновывая необходимость занятия охваченных вос
станием пограничных районов Западного Китая, он пи
сал: «Если принять в расчет положение наших и дико
каменных киргизов, их образ мыслей и преданность
инсургентам, как изволите усмотреть ниже, то для обе
спечения границ сего края и предупреждения беспоряд
ков между киргизами, нам не только необходимо выста
вить пограничные отряды, но даже считаю долгом вновь
выразить мнение в пользу занятия Чугучака, Кульджи
и Кашгара» [3].

Однако разрешения на оккупацию Кульджинского
края Колпаковский не получил, но решено было все

[1] Турк. окр. арх. 1865 г., № 17, Шт. Оренб. окр.
[2] Там же.
[3] ЦГВИА, ф. ВУА, отд. II, № 6794.

серно усиливать на границе с Западным Китаем русские
отряды и образовать новые пограничные посты, в част
ности на Кегене, Текесе и в других пунктах. Особенно
был усилен отряд под начальством капитана Белинского,
находившийся на берегу Иссык-Куля. С весны 1865 г.
интенсивные работы велись по строительству Аксуйского
укрепления, находившегося в районах кочевий бугинцев.

Весной 1865 г. к бугинцам на реку Текес прибыли
посланцы восставших. Колпаковский 11 мая 1865 г. в до
несении генерал-губернатору Западной Сибири писал:
«На р. Текес прибыло несколько ходжей, присланных
ханами... они начали склонять бугинцев присоединить
ся к восстанию и, угрожая в противном случае при
ходом из Кашгарии в первых числах мая 12 тыс. войска,
предложили им перекочевать в пределы Китая, а кстати
ограбить общих их врагов — калмыков. При невозмож
ности нашему отряду, расположенному на р. Аксу, по
раннему времени года, когда лежал еще снег, иметь
близкое наблюдение за киргизами, кочующими на реке
Текес, а также вследствие склонности киргизов к легкой
добыче, ходжам было нетрудно увлечь бугинцев; бо́ль
шая часть их аулов решилась с открытием подножного
корма откочевать в Китай... В ожидании же наступления
более поздней весны около 1500 человек бугинцев под
предводительством ходжей и главных своих правителей
отправились на грабеж калмыков, кочующих на
р. Алмяз. Здесь калмыки окончательно разграблены, ли
шились почти всего имущества и многие из них пали
жертвой зверства ходжей, руководителей бугинцев» [1].

Чтобы воспрепятствовать дальнейшему передвиже
нию бугинцев в Китай, на реке Текес был образован рус
ский наблюдательный пост, после чего бугинские прави
тели были вынуждены прекратить грабеж калмыков.

Тяжелое положение пограничных калмыков и маньч
журов иногда заставляло их обращаться за защитой
к русским отрядам. В первых числах мая в отряд под
поручика Никольского прибыло несколько калмыцких
семейств. Лишившись последнего имущества и остав
шись без пищи и крова, они просили оказать им защиту
и позволить поселиться в пределах российских владений.
Подпоручик Никольский разрешил им это. Но вскоре

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, отд. II, № 6794.

Колпаковский дал указание начальнику иссыккульского отряда капитану Щетинину в дальнейшем просьбы калмыков о переселении в пределы России стараться отклонять и только в крайнем случае, когда ограбленные калмыки оказывались на краю гибели, оказывать им временное гостеприимство, но не принимать в подданство России. Однако положение калмыков было настолько тяжелым и безвыходным, что они продолжали настойчиво обращаться за защитой к начальнику иссыккульского отряда. Последний, учитывая крайне тяжелое положение калмыков, разрешил отдельным их группам расселиться на берегу Иссык-Куля, приказав бугинцам не причинять им никаких притеснений и предупредив их, что в противном случае будут приняты суровые меры, вплоть до ареста и исключения из подданства России [1].

Одновременно Колпаковский, основываясь на указании правительства, стал более решительно действовать по отношению к киргизским племенам, примыкавшим к восставшим дунганам. Пограничными отрядами были перехвачены воззвания руководителей дунган, адресованные манапу Сарпеку. Были установлены связи и с других бугинских манапов с отдельными руководителями восстания. Пограничным отрядам было приказано не допускать более откочевки киргизских аилов в пределы Китайского Туркестана и препятствовать установлению связи восставших с киргизскими племенами.

В донесении генерал-губернатору Западной Сибири от 17 мая 1865 г. Колпаковский писал: «Поручик Николь-ский, командуя небольшим отрядом, выставленным на р. Текес для наблюдения за бугинскими киргизами, донес мне, что 6 числа настоящего месяца он, узнав о намерении бия Суанбека, кочующего в долине р. Сарджас, откочевать в Кашгар и принять сторону дунган, командировал с целью его возвратить несколько стрелков, казаков и надежных киргиз. Посланные, не застав Суанбека на месте, догнали его в верховьях Сарджаса около перевала Капкак, и предложили возвратиться в наши пределы, но Суанбек, пользуясь численным перевесом своих киргиз, вместо того чтобы исполнить требование, напал на нашу команду, связал и, нанеся побои,

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, отд. II, № 6794.

продолжал дальнейшее движение. Начальник Текесского отряда, узнав о случившемся, немедленно командировал казаков, которые, догнав Суанбека, освободили наших людей, а самого Суанбека доставили в отряд, где он находился под арестом. Об этом деле я предписал начальнику Кегенского отряда произвести строгое расследование, и если виновность Суанбека подтвердится, то он будет доставлен в Верное для поступления с ним по закону» [1].

Но несмотря на принятые русскими властями меры, некоторые казахские старшины, в частности Саурук и Дуаралы, а из бугинских манапов Балбай, продолжали принимать участие в восстании, выразившееся в грабительских нападениях на пограничных калмыков.

Бугинский манап Балбай еще в 1864 г. откочевал в глубь Текеса. До этого он был удостоен нескольких наград за свою службу России. Однако, несмотря на это, чувствуя себя стесненным постоянным пребыванием русских отрядов на Иссык-Куле, он во главе своего рода (токойлу) откололся от остальных бугинцев. Действия Балбая не были вызваны какими-либо серьезными причинами. Необузданный, привыкший издавна к буйной, разбойничьей жизни, проведший всю жизнь со своей дружиной в грабительских набегах на саяков, сарыбагышей, казахов и калмыков, он теперь никак не мог примириться с мирной жизнью, которую стремились установить в кочевьях киргизов русские власти. Именно это обстоятельство и было причиной его откочевки в горы, в глубь Текеса. Следует отметить также, что с обоснованием военных отрядов на Иссык-Куле и упрочением здесь господства Российской империи стали проявляться, хотя пока еще в очень слабой степени, колониальные методы политики царизма. Это повлияло на отдельных бугинских и казахских родовых старшин и толкнуло их к попытке избегнуть российского подданства. Для Балбая особенно невыносимой была власть бугинца Сарпека Сасыкина, который, опираясь на поддержку русской администрации, злоупотреблял своим положением старшего манапа бугинцев.

Примеру Балбая, Саурука и Дуаралы готовились последовать и некоторые другие бугинские манапы

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, отд. II, № 6794.

и казахские старшины. Действия Балбая объективно были направлены на отход от России, что впоследствии привело бы его к подчинению власти Якуб-бека или феодального Китая.

Чтобы окончательно решить вопрос о подданстве этих своевольных старшин, Колпаковский предложил начальнику иссыккульского отряда вступить с ними в переговоры через верных России бугинских манапов. Один из них, Тилекмат, отправил своих джигитов Аналгула и Кульджыгача к Сауруку с письмом, в котором убеждал его перекочевать на подвластную России территорию, а также просил подействовать на Балбая в целях его возвращения на Иссык-Куль [1]. Дуаралы и Саурук ответили, что они являются русскими подданными, а места, где они кочуют, считают подвластной России территорией. Они обещали, если необходимо, вернуться на старые свои кочевья. После этого Дуаралы и Саурук написали письмо начальнику Алатавского округа с выражением верности России [2]. Словесно передал обещание перекочевать обратно и Балбай. Но заявления Саурука, Дуаралы и Балбая ничем не были подкреплены. На словах они заявляли о своей верности России, а на деле не признавали никаких обязанностей, возлагаемых на них как на российских подданных. Поэтому было решено весной 1867 г. направить на Текес специальный отряд для возвращения этих старшин в пределы России.

Оставить Саурука, Балбая и Дуаралы безнаказанными с точки зрения укрепления господства России в Киргизии было невозможно, так как их действия являлись примером для других пограничных казахских и киргизских аилов. Их безнаказанность могла быть истолкована как доказательство бессилия русских властей и поощрила бы других старшин к участию в восстании, происходившем в Западном Китае.

В мае 1867 г. из Верного выступил на Текес особый отряд под начальством полковника Полторацкого. В отряде были джигиты некоторых казахских старшин. Бугинский манап Зарпек также выделил отряд джигитов во главе со своим сыном Кючюком. Кючюк служил в ка-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 11-с, оп. 3, д. 15, л. 8.
[2] Там же, л. 15.

честве разведчика и проводника по диким ущельям Текеса. 27 мая, прибыв на реку Сумбе, Полторацкий в тот же день отправил вперед группу киргизов. Разведчики возвратились на другой день с известием, что Саурук с частью аилов стоит «на один день езды», то есть верстах в 80-ти.

29 мая отряд Полторацкого (108 пехотинцев и 63 казака, при двух орудиях) двинулся вниз по реке Текес и 30 мая достиг реки Качак-Су. Здесь было захвачено семь киргизов-барымтачей, которые дали подробные сведения об аилах Саурука, Балбая и других.

На рассвете 31 мая, подойдя к аулам Саурука на расстояние шести верст, Полторацкий выслал вперед легкий отряд и джигитов Кючюка. Им было приказано прежде всего захватить главных родоправителей отложившихся аилов. Это задание было выполнено успешно [1]. Дуаралы, Балбай и Сабатыр-мулла были доставлены в Верное и заключены в тюрьму. Их аилы снова перешли границу и расселились по старым кочевьям. Часть скота, принадлежавшего этим старшинам, была отобрана и пущена в продажу. Деньги были употреблены на покрытие расходов по экспедиции Полторацкого.

Колпаковский решил наказать пленников, чтобы показать всем остальным старшинам, что всякие попытки нарушения условий подданства не останутся безнаказанными.

Отдельные аилы бугинцев и прежде кочевали в пограничных районах Текеса и Кегеня. Маршруты кочевок установились издавна. Об этом писали начальнику Алатавского округа манапы Мураталы, Балакарач, Балбай, Нурдёёлёт, Токсоб, Найман и другие: «Старинные наши зимовки были на Текесе и Кегене, а летние — на Сарыджасе и Арасане... А потому просим вас дозволить нам заняться хлебопашеством на зимовках Текеса, а Сарыджас занять под летние кочевки. Места эти мы занимали со времен Узбек-хана... Нас перед вами оклеветали, что мы бежали сюда» [2].

Дуаралы, Саурук, Сабатыр-мулла и Балбай содержались в заключении до приезда в Верное в октябре

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 11-с, оп. 3, д. 15, л. 5—8.
[2] ЦГА Каз. ССР, ф. 3, д. 615, л. 44.

1867 г. Кауфмана. К этому времени умер один из пле-
ников — Балбай.

Кауфман, ознакомившись с делом Саурука, Балбая
и Дуаралы, нашел справедливым оправдать этих лю-
Военному министру он писал: «Во всяком случае
Дуаралы султан, Саурук и прочие были пойманы ранее
чем истек шестимесячный срок, назначенный им на раз-
мышление, и, следовательно, их едва ли можно подверг-
гать наказанию, не подрывая доверия к слову русского
начальства» [1].

Кауфман объявил арестованным прощение в при-
сутствии знатных казахских старшин Семиреченской об-
ласти, предупредив, однако, что если кто-либо вздумает
еще раз откочевать на территорию Китая, то будет
исключен из числа подданных Российской империи,
после чего с ним поступят как с врагом [2].

После этой истории среди бугинцев и казахов Стар-
шего жуза, кочевавших в пограничных районах, уста-
новились относительное спокойствие и порядок.

В это время несколько тревожное положение созда-
валось и на Тянь-Шане. Восстановление влияния Ко-
канда на Нарыне после похода туда в 1864 г. Алымкула
являлось для русских властей особенно нетерпимым
в связи с возможным вторжением на эту территорию
войск Якуб-бека. Появление войск Якуб-бека в районах
кочевья киргизских племен Тянь-Шаня было вполне
возможно в связи с установившимися в этот период
союзными отношениями между Кокандом и Якуб-беком.
Но после утверждения на Кокандском престоле Худояр-
хана и страшной резни, сопровождавшей захват Ко-
канда эмиром бухарским, а также после жестоких ре-
рессий против кипчакско-киргизской группировки, отно-
шение тяньшаньских киргизов к Коканду стало прини-
мать все более враждебный характер. Все яснее стано-
вилась неизбежность восстановления власти Российской
империи, подданными которой недавно являлись мест-
ные племена.

В 1865 г. обратились с просьбой о принятии в рос-
сийское подданство киргизские роды борукчу и эсенгул
племени сарыбагыш. Во главе рода борукчу, насчиты-
вавшего свыше тысячи юрт, стояли манапы Шамен-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 11-с, оп. 3, д. 15, л. 21—22.
[2] Там же.

Кодон, Байчиле и Джаманак. Военный губернатор Семи-
реченской области поддержал ходатайство и разрешил
им перекочевать на старые кочевья к западу от Иссык-
Куля, в район Кунгей-Алатау, Кётмалды и Кочкорки [1].
Вопрос о принятии родов борукчу и эсенгул в поддан-
ство России был решен в 1866 г.

Но положение осложнялось тем, что в Куртке стояли
вооруженные силы хана и влияние Коканда на Тянь-
Шане еще сохранялось. Колпаковский в донесении гене-
рал-губернатору Западной Сибири в июне 1865 г. писал,
что «...в укреплении Куртка действительно есть кокан-
дские войска, которые, собирая ясак с чериков и других
подданных России киргизов, кочующих по реке Нарын,
заставляют их неоднократно обращаться ко мне с
просьбой о защите их от притеснения и поборов курт-
инского гарнизона» [2].

Со стороны Кашгарии пограничные киргизы, в част-
ности черики, также испытывали притеснения. «Новые
наши подданные черики,— указывается в донесениях
русских властей,— заявили аксуйскому отрядному на-
чальнику, что независимо от многих других беспокойств
и неурядиц в их аулах, появились сборщики податей
из г. Уч-Турфана и Кашгара, привезли манапам и по-
четным людям подарки и требовали зякет, но черики
отказываются от платежа зякета и вновь заявляют
просьбу о высылке в Нарынский край отряда для их
охраны» [3].

В 1867 г. господству России в Северной Киргизии
стало угрожать государство Якуб-бека, который пытался
создать в Центральной Азии такое же самостоятельное
феодальное ханство, как Бухара, Хива и Коканд. Он
стремился расширить свои владения за счет Китая, с
одной стороны, и за счет Северной Киргизии и тянь-
шаньских владений Кокандского ханства — с другой.
В это время возможность распространения власти Якуб-
бека на пограничные киргизские племена до некоторой
степени была реальной. В одном из донесений русских
властей указывалось: «Номинально подданные нам че-
рики, кочующие на реках Нарыне и Кокшал, терпят
препятствия от Якуб-бека, который требует, чтобы они

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 336, д. 22, л. 7.
[2] ЦГВИА, ф. Штаба Сиб. корпуса, д. 308, л. 1—2.
[3] ЦГВИА, ф. Штаба Сиб. корпуса, д. 289, л. 89, 96.

признали его подданство, перекочевали к Кашгару и платили бы ему ясак, в противном случае он грозит их разграблением их аулов... Хотя начальник аксуйского отряда и передал черикам, чтобы они ни под каким видом не переходили в подданство Якуб-бека и не платили бы ему ясака, а для ограждения себя перекочевывали бы по возможности ближе к иссыккульскому краю, но до тех пор, пока долины реки Нарына, где по преимуществу кочуют черики, не будут нами заняты, или представится возможность оказать какую-либо фактическую помощь притесняемым черикам» [1].

В создавшихся условиях становилось необходимым ограждение интересов России на Тянь-Шане, так как усиление Якуб-бека означало усиление Англии, которая стояла за спиной кашгарского владыки и не собиралась отказываться от притязаний на среднеазиатские ханства.

Прочное утверждение власти России на Тянь-Шане способствовало бы укреплению ее позиции и в Кашгарии. А это имело не только стратегическое значение в соперничестве с Англией из-за влияния в Средней Азии, но и большое экономическое значение. Как русские, так и английские купцы стремились завоевать для своих товаров рынок Восточного Туркестана и использовать его как транзитный путь для торговли с Китаем. Именно эти обстоятельства усиливали необходимость посылки военной экспедиции на Нарын летом 1867 года.

После окончания рекогносцировочной операции по Кегеню и Текесу отряд Полторацкого был направлен в начале июля 1867 г. на Тянь-Шань. По пути к Нарыну Полторацкий в долинах Кочкора и Джумгала нашел аилы сарыбагышей, подвластные Тёрёгельди, который вместе с зависимыми от него манапами изъявил готовность оказать всяческое содействие отряду. Они дали лошадей и быков для перевозки грузов и людей в качестве проводников и разведчиков.

Одной из своих задач Полторацкий считал подчинение сарыбагышского манапа Уметалы, который порвал отношения с русскими. Сарыбагыши сообщили, что Уметалы со своими аилами кочует на Чатыркёле. Но когда Полторацкий достиг Чатыркёля, аилов Уметалы здесь уже не было, так как он, получив сведения о движении отряда, далеко откочевал на труднодоступные вершины плато Кара-Куджура.

С приближением Полторацкого к Нарыну кокандский гарнизон, стоявший в Куртке, так же как и в 1863 г., оставил укрепление и через Тогуз-Торо и перевал Когарт ушел в Ферганскую долину. Получив сведения о появлении аилов Уметалы в горах Арпы, Полторацкий направился туда, а затем к верховьям Аксая, но не смог настигнуть Уметалы и возвратился обратно в долину Нарына. Здесь Полторацкий произвел осмотр местности с целью выбора места для предполагаемого укрепления.

Полторацкий достиг полного успеха в отношении всех тяньшаньских племен, за исключением подвластных Уметалы родов. Все остальные племена Тянь-Шаня, еще с 1863 г. считавшие себя подданными России, по изгнании кокандского гарнизона из Куртки стали фактическими подданными России.

Ведя топографические съемки в верховьях Нарына, Полторацкий вступил в переговоры с правителем Кашгарии Якуб-беком. Он предложил ему установить нормальные торговые сношения с Россией. Тот ответил согласием на установление торговых связей и на открытие русской торговой фактории в городе Кашгаре. В результате русские купцы Первушин и Хлудов с караванами были пропущены в Кашгар, но по прибытии туда оказалось, что их товары решил купить сам Якуб-бек по установленной им цене.

При возвращении Хлудова Якуб-бек отправил с ним своего племянника Шады-Мырзу для переговоров с туркестанским генерал-губернатором об установлении регулярных торговых связей, а также об определении границ между владениями Якуб-бека и России. Шады-Мырза был направлен Кауфманом в Петербург, но там отказались вести с ним официальные переговоры. Министр иностранных дел Горчаков по этому поводу заявил: «Наше правительство, находящееся в дружественных отношениях с Китаем, никогда не станет вступать ни в какие переговоры с восточными туркестанцами, явными бунтовщиками против пекинского правительства» [1].

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, 1867 г., д. 34.

[1] «История народов Узбекистана», т. II, АН Узб. ССР, Ташкент 1947, стр. 246.

Отношения Якуб-бека с Россией обострились, что способствовало дальнейшему сближению его с Англией. Тем более необходимо было упрочить господство России в Центральном Тянь-Шане. Командованием Западной Сибири с согласия военного министра было решено в следующем, 1868 г. направить специальный отряд на Нарын и возвести там укрепление для постоянного пребывания русских военных сил.

В сентябре 1867 г., уже после возвращения с Нарына отряда Полторацкого, произошли события, значительно укрепившие положение России среди тяньшаньских киргизов. Манап Уметалы Ормонов со всеми подвластными ему родами вновь принял русское подданство. Это произошло в период пребывания на Тянь-Шане научной экспедиции Н. А. Северцова. В 1867 г. Северцов намеревался принять участие в экспедиции полковника Полторацкого на Чатыркёль, но не успел прибыть к выступлению отряда. Военный губернатор Семиреченской области Колпаковский предоставил Северцову охранный отряд и необходимые средства для организации научной экспедиции в горы, к югу от Иссык-Куля, в верховья Нарына и за Нарын.

Из укрепления Верное Северцов выехал 14 сентября на восточную оконечность Иссык-Куля. 24 сентября он прибыл на Аксу. «Аксуйский пост, учрежденный в 1865 г. по поводу восстания дунгеней против Китая и последовавших беспорядков у нашей семиреченской границы,— писал Н. Северцов,— я застал уже несколько обстроенным и получил в нем квартиру в весьма порядочном 3-комнатном домике, построенном из прекрасных еловых бревен. Была даже в этом зародыше города и торговая татарская слободка, с товарами более на киргизскую руку. Проходили в Аксу небольшие караваны из Кашгара»[1].

В Аксу Северцову был предоставлен отряд из 86 человек. Вскоре он прибыл к Джууку, где у входа в ущелье находилось небольшое земляное укрепление и стоял взвод стрелков. Укрепление было возведено с целью ограждения бугинцев от нападения подвластных Уметалы сарыбагышей. Других постов на берегах Иссык-Куля не было. Гражданская колонизация этих мест

[1] *Н. Северцов,* указ. соч., стр. 148.

только начиналась. Около Джууку Северцов встретил одного из первых русских переселенцев. «Он был послан,— пишет Северцов,— своим обществом землю высматривать для переселения, походил по Семиречью и добрался до Иссык-куля, где жил уже второй год, наживая деньгу на обратный путь и наживал успешно. Пришел он без гроша, поистратившись дорогой, нанялся работать при постройке аксуйского поста, а там присоединился к заукинским кара-киргизам, устроил мельницу, купил лошадей, собрал телегу, стал промышлять извозом, возить хлеб и ставить муку на аксуйский пост и заукинский пикет, а в 1867 г. нанял уже и засеял киргизские поля, с платой за орошение из урожая»[1].

С 1866 г. началось заселение берегов Иссык-Куля уже не одиночками, а группами переселенцев. Осенью 1867 г., когда Кауфман приехал в Верное, к нему уже обратились десятки крестьян, желавших поселиться на берегах Иссык-Куля. В следующем году желающих было уже несколько сотен. С этого времени на Иссык-Куле появляются русские поселения.

Н. А. Северцов стремился проникнуть по возможности далее к югу от Иссык-Куля, чтобы взять полный геологический разрез Тянь-Шаньской системы на иссык-кульских меридианах и нанести на карту вершины Нарына, Атбаши и Аксая. Эта работа дополняла съемки, произведенные ранее полковником Полторацким.

На Атбаши в то время находились зимовки манапа Уметалы. Характеризуя деятельность Уметалы после его разрыва с русскими властями, Северцов указывал: «Умбет-алы прошел по всему Карагоджуру на Малый Нарын, перешел Большой Нарын близ его истоков, оттеснил за-нарынских чириков и в долине Атпаши нашел себе крепкий притон и центр набегов не хуже карагоджурского; там устроился пашнями и зимовками, а летом бродил по сырту, причем грабил и кашгарские караваны, шедшие торговать с кара-киргизами не его аулов, и барантовал со всеми соседями: и с саяками, и с бугинцами, которых оттеснил с верхне-нарынского сырта беспрестанными угонами скота во время летнего кочевания. Тут он покорил и переселил на Малый Нарын

[1] *Н. Северцов,* указ. соч., стр. 165.

богинское отделение молдур, да и довольно других бугинцев были захвачены, в раздробь, отдельными аулами; Умбет-алы, отложившийся с 5—6 тыс. кибиток, насчевал к 1867 г. с лишком с 8 тыс. на огромном пространстве, от Карагоджура и вершин Нарына до Чатыркуля, Аксая и Арпы»[1].

От набегов подвластных Уметалы сарыбагышей теперь больше других страдали бугинцы, подвластные старшинам Арзымату и Атабеку. Они были вытеснены с сырта и, потеряв почти все свои джайлоо, должны были ограничиться узкими долинами у Барскона и Тонга. Но и здесь они нередко подвергались набегам сарыбагышей, подчиненных Тёрёгельди. Поэтому бугинские старшины приняли активное участие в движении отрядов полковника Полторацкого и Северцова на Нарын, чтобы с их помощью обеспечить себе необходимые пастбища. Присоединились к Северцову и манапы Арзымат и Атабек со своими джигитами. Но Северцов и не думал нападать на Уметалы, как предполагали Арзымат и Атабек. Он только хотел произвести научную разведку Внутреннего Тянь-Шаня.

19 октября на стоянке при реке Шаркыратма Северцов встретил группу киргизов, вооруженных пиками и саблями. Из их показаний выяснилось, что Уметалы с братом Чаргыном и вассальным манапом Осмоном откочевал с Атбаши на правый берег Нарына, к своим старым кочевьям у Кара-Куджура. От них стало известно также, что движение отряда Северцова на Аксай привело Уметалы в замешательство: он устроил собрание подвластных ему старшин и, обсудив положение дел, объявил свое решение вновь и окончательно вступить в подданство России. Это решение было принято всеми подчиненными Уметалы аилами и, по киргизскому обычаю, утверждено жертвоприношениями. После этого, 16 октября, аилы Уметалы откочевали с Атбаши и двинулись по реке Оттук.

Н. А. Северцов опасался, что покорность Уметалы имеет целью лишь замаскировать подготовку к нападению на отряд. В целях рекогносцировки к Малому Нарыну был послан легкий отряд казаков. Сам Северцов остался на Большом Нарыне, на месте бывшего китайского моста. Но вскоре стало ясно, что намерение Уметалы вступить в подданство России было искренним, так как другого выхода у него не было.

[1] *Н. Северцов,* указ. соч., стр. 212—213.

После экспедиции на Тянь-Шань капитана Проценко в 1863 г. Уметалы несколько раз менял подданство. Он пробовал принять и кашгарское подданство, но Якуб-бек отнесся к нему очень сурово, и Уметалы ушел из его владений. Враждебные отношения сложились у него и с кокандским ханом Худояром. Уметалы беспощадно грабил торговые караваны, что приносило серьезный ущерб торговле Коканда с Кашгарией и еще больше усиливало враждебность к нему правителей Кашгара и Коканда. Что касается соседних киргизских племен, то Уметалы был во вражде со всеми: и с бугинцами, и с чериками, и с саяками, уже принявшими подданство России.

Находясь во враждебном окружении, Уметалы в одно лето дважды видел за Нарыном, в своих кочевьях, русские военные отряды. Эти рекогносцировки он правильно расценил как подготовку к занятию Нарына и Атбаши, что и подтвердилось постройкой в 1868 г. Нарынского укрепления. «Сойти с Атпаши для продолжения прежней вольно-разбойничьей жизни,— указывал Н. Северцов,— было некуда при только что объясненных враждебных отношениях к Кашгару и Кокану; оставалось только обеспечить возможную безнаказанность прежних разбоев добровольным возвращением в русское подданство, причем, по занятии нами Нарына, сохранялись его аулам просторные кочевья...

Взбунтовался он в удобное время, когда мы готовились к войне с Коканом, а кашгарцы — к восстанию против Китая; и то и другое вспыхнуло в 1864 г., а он возмутился в 1864 г.— и покорился тоже еще не слишком поздно, когда в Кашгаре установилось твердое правление Якуб-бека и наши отряды за Нарыном показали ему конец войны, до того занимавшей русские войска в Средней Азии»[1].

20 октября, когда Северцов был еще у реки Шаркыратма, вернулся с Малого Нарына отряд казаков. С ним прибыл монголдорский старшина Кичине-батыр. Он преподнес Северцову в подарок шкуру пестрой тянь-

[1] *Н. Северцов,* указ. соч., стр. 311.

шаньской рыси, которая представляла ценность для зоологической коллекции.

Во время стоянки на Нарыне к Северцову явились посланцы Уметалы во главе с его сыном Чакмакташем. Его советником был Байбагул, доверенный джигит Уметалы. Они передали заявление Уметалы о том, что он и все его аилы добровольно принимают подданство России.

Н. Северцов, желая мирно окончить свою предпринятую не с военной, а с научной целью экспедицию, не думал о наказании сарыбагышей. Он согласился на переговоры с посольством Уметалы, но с условием, что тот подчинится решению командования Семиреченской области о вознаграждении пострадавших от барымты и грабежей его джигитов. Одновременно Северцов потребовал личного свидания с Уметалы, чтобы окончательно выяснить вопрос о подданстве и в случае необходимости поддержать перед туркестанским генерал-губернатором просьбу о помиловании за нападение на отряд Зубарева в 1863 г.

Чакмакташ немедленно известил об этих условиях своего отца. Свидание произошло у реки Оттук. Северцов так описывает Уметалы: «Это был толстый хромой старик, лет под 60, черты его широкого скуластого лица были типично кара-киргизские, выражение на первый взгляд добродушное и несколько вялое. Но всматриваясь ближе, можно было заметить на этой апатичной физиономии отпечаток хитрого ума и твердой воли. Одет был просто, в армячинном халате сверх нагольного тулупа; слез с лошади при помощи двух киргизов. Он был болен... Воздержался от мяса и водки, до которой прежде, подобно большинству кара-киргизов, был великий охотник... Его вялость и апатичный вид происходили может быть от болезни, во всяком случае наружность не показывала грознейшего из кара-киргизских батырей, чем он, однако, был и притом наследственно, по смерти своего отца Урмана. Впрочем он никогда и не был таким смелым рубакой, как его отец, а побеждал более военными хитростями... Хромым Уметалы был еще смолоду и уже потому не отличался особенной физической силой и ловкостью, а потом отяжелел и отек от кумыса и кумысной водки и в последнее время не водил сам шаек барантачей, а рассылал их под предводительством опыт-

ных наездников, вроде присланного ко мне Байбагула. Одним словом, если Урман являлся в некотором роде Ахиллом среднего Тянь-Шаня, то его сын Уметалы скорее напоминал хитроумного мужа Одиссея, но набеги этого киргизского Одиссея были всегда удачны, а нападения на него богинцев, саяков и пр. всегда неудачны; он заставал врагов врасплох, а его никогда — да и покорился он, как уже сказано, только предвидя вероятный разгром своих аулов, а не дождавшись его»[1].

Уметалы преподнес Н. Северцову в подарок трех кударов — орлов. Относительно своего подданства он объявил, что оно является «окончательным, безусловным и искренним», согласился на вознаграждение за убытки от его нападения на отряд Зубарева в 1863 г. и вообще на уплату штрафа, какой русские власти наложат на него. Он просил только, чтобы ему были возвращены его прежние кочевья.

При возвращении Н. Северцова Уметалы отправил с ним Чакмакташа и Байбагула для представления Кауфману, который в это время посетил Верное. Он также дал Северцову «свою тамгу, печать, на белом листе бумаги, чтобы на этом листе написать обязательство, какое от него генерал-губернатор потребует; по киргизским обычаям, эта тамга на белом листе уже сама по себе составляла обязательство безусловной покорности»[2].

Еще до встречи с Н. Северцовым Уметалы, получив известие о предстоящем приезде Туркестанского генерал-губернатора в Верное, отправил туда другого своего сына — Акташа с джигитом Тазабеком с письмом к Колпаковскому, в котором наряду с просьбой о принятии его в подданство России излагал причины своих войн с бугинцами и откочевки в глубь Тянь-Шаня.

Колпаковский хорошо принял Акташа и представил его Кауфману. Было решено принять вновь Уметалы со всеми его аилами в русское подданство, но с условием, чтобы, во-первых, Уметалы более не повторял свои набеги на другие киргизские племена, а жил спокойно и мирно, во-вторых, чтобы он уплатил возмещение за убитых и раненых во время нападения на отряд Зубарева. Северцов отмечал: «Таким образом вернулся в наше под-

[1] *Н. Северцов*, указ. соч., стр. 356.
[2] Там же, стр. 343.

данство, без выстрела, вследствие одних моих загадочных для него переходов на Атпаше и Аксае, этот кара-киргизский батырь, четыре года господствовавший на среднем Тян-шане, от Иссык-куля до гор Кок-кия, и от истоков Нарына до Куртки; на всем этом пространстве восстановились порядок и спокойствие, а вернулся он с 3000 кибиток и с своими подручниками, Чаргыном и Османом, у которых их было еще 2000 тыс.»[1]

В дальнейшем все вопросы, касающиеся Уметалы, были отрегулированы без особого труда, и он окончательно вернулся в число подданных России. Колпаковский, однако, учитывая прежние проступки Уметалы, решил лишить его того положения, которое он занимал среди сарыбагышей. Н. Северцов пишет об этом: «Когда в следующем 1868 г. было введено новое положение и кара-киргизы разделены на волости — сообразно с местами их зимовки — с выборными старшинами, то все три старшины тем самым лишились прежней власти и ни один не был вновь избран в волостные старшины. Уметалы, утомленный своей бурной жизнью, тогда спокойно остался частным человеком, богатым (несмотря на уплаченные штрафы) и уважаемым своими однородцами. Чаргын последовал его примеру, привыкши во всем следовать за старшим братом»[2].

Таким образом, 1867 год явился заключительным в процессе принятия российского подданства северокиргизскими племенами. Но Южная Киргизия еще оставалась под властью Кокандского ханства.

* *
*

Присоединение Южной Киргизии к России было осуществлено в результате ликвидации Кокандского ханства в 1876 году. Как и в Северной Киргизии, здесь имелись серьезные экономические и политические причины, толкавшие южнокиргизские племена на присоединение к России.

Период существования Кокандского ханства в качестве вассала России (1868—1876 гг.) был наиболее тяжелым для народных масс. Серьезные поражения в

[1] *Н. Северцов,* указ. соч., стр. 344.
[2] ЦГИА Узб. ССР, ф. 1-КТГГ, оп. 14, д. 11, л. 12—13.

борьбе с царской Россией и потеря значительной части территории с многотысячным населением и богатыми ремесленными городами — Ташкентом, Чимкентом, Ходжентом и другими — ослабили Кокандское ханство, финансы были истощены, а источники пополнения государственной казны сократились; значительно сократились также материальные и людские ресурсы для пополнения ослабленных войск. Коканд, бывший в середине XIX в. одним из крупных ханств Средней Азии, теперь стал небольшим и слабым вассальным государством. Для дальнейшего продвижения русских вооруженных сил в глубь ферганской долины и окончательного завоевания всей территории ханства уже не было серьезных препятствий. Но и в этот период царское правительство, учитывая международное положение и особенно опасаясь осложнения отношений с Англией, находило целесообразным сохранение видимости самостоятельности Кокандского ханства.

Царское правительство справедливо полагало, что в ослабленном Кокандском ханстве можно будет свободно хозяйничать и при сохранении его самостоятельности. С целью укрепления позиций России в Коканде туркестанский генерал-губернатор считал даже полезным оказывать поддержку хану Худояру. Такой позиции русское правительство и придерживалось. В свою очередь хану было очень важно для укрепления своей неустойчивой власти опереться на русское самодержавие, что ему до некоторой степени удалось. Так складывался тесный союз между ханом и туркестанским генерал-губернатором.

Несмотря на вассальное положение, хан Худояр по отношению к своим подданным по-прежнему вел себя как хищный и жестокий правитель. Стремясь компенсировать потери в доходах, понесенные в результате значительного уменьшения владений, Худояр-хан и окружавшая его феодально-служилая и чиновничья знать все более увеличивали налоги с населения. Влиятельное мусульманское духовенство, привыкшее к праздной, паразитической жизни, также пыталось восполнить убыль в своих доходах за счет усиленного выколачивания средств из народа.

Кокандские торговцы, лишенные былых привилегий, уравненные в правах с русскими купцами, в условиях

жестокой конкуренции уже не могли извлекать прежние прибыли. В своих невзгодах они винили хана. Опасаясь потерять опору в этом очень влиятельном сословии, Худояр стремился сохранить его поддержку путем предоставления налоговых льгот. Но это отражалось на доходах казны, компенсировать которые хан мог опять-таки только за счет народа.

Все это привело к невероятному усилению налогового гнета. Современники единогласно свидетельствуют о чудовищном увеличении налогов в Кокандском ханстве в этот период [1]. Сохранилось немало и документальных материалов, подтверждающих свидетельства современников.

Жестокая политика хана особенно хищнически и грабительски проводилась среди менее организованного кочевого населения. Чрезмерное увеличение налогов встречало сопротивление народа. В последние годы правления Худояр-хана участились случаи расправы со сборщиками налогов: их убивали, а собранные ими скот, имущество, деньги и другие ценности распределялись среди населения. Это особенно часто случалось в кочевьях киргизов.

Но дело не ограничивалось только ростом налогов. Чрезвычайно тягостной для народа была насильственная мобилизация на государственные работы. Не только починка и строительство дорог и мостов, крепостных стен и укреплений, оросительных систем, но и сооружение новых каналов и постройка ханских дворцов производились в принудительном порядке силами населения. Современники сообщают об исключительно тяжелых для народа условиях ханских государственных работ. При очень плохой организации питания, ужасающих жилищных условиях, отсутствии врачебной помощи и минимальной заботы о санитарно-гигиенических условиях труда районы, где проводились эти работы, превращались в рассадники различных инфекционных заболеваний и места массовой гибели рабочего населения [2]. Рабочие часто оказывали сопротивление надсмотрщикам и начальникам, отказывались работать и при первой

[1] См. «Туркестанские ведомости» № 17, 1876 г.; *М. А. Терентьев*, История завоевания Средней Азии, т. II, Спб. 1906.

[2] См. *Н. О. Петровский*, Очерки Кокандского ханства, «Вестник Европы», кн. 10, М. 1875, стр. 745.

возможности бежали. Беглецов наказывали беспощадно, вплоть до зарывания живыми в землю [1].

С начала 70-х годов в районах кочевий южнокиргизских племен стали возникать стихийные народные волнения, пока еще неорганизованные и локальные. Эти разрозненные выступления трудящихся масс киргизов находили сочувствие и поддержку со стороны трудящихся узбеков и прежде всего деревенской бедноты. Современники отмечали: «Дурное управление, непосильные налоги и поборы, установленные Худояр-ханом ради личного обогащения, переполнили чашу терпения населения Ферганы и вызвали волнение прежде всего у киргизов восточной части ханства» [2]. Наиболее заметным из этих выступлений было восстание алайских киргизов 1871 года. Но Худояр-хану удавалось без особого напряжения сил подавлять эти выступления.

Такова была обстановка, когда весной 1873 г. началось крупное восстание южных киргизов, направленное против кокандского господства. Непосредственным поводом к восстанию послужил насильственный сбор зякета. Начались вооруженные столкновения населения с ханскими отрядами, сопровождавшими сборщиков зякета. Грандиозное восстание охватило вскоре Алай и всю Южную Киргизию. Во главе восставших стал киргиз Исхак-мулла.

Исхак родился около 1844 г. в селении Ухне Маргеланского вилайета. Отец его Хасан происходил из рода бостон. В молодости он сумел получить духовное образование и стал мударрисом «Ак-медресе» в Маргелане. Исхак также учился в «Ак-медресе» и, получив духовное образование, некоторое время служил имамом при одной из мечетей в Андижане. Однако он вскоре бросил духовную карьеру и, связавшись с торговцами, переехал в Ташкент. Во время своих переездов и работы по селам и городам ханства Исхак сошелся с многими лицами, которые немало рассказывали ему о былом могуществе и славе Кокандского ханства, об его всевластных временщиках, о произволе и насилии Худояр-хана, о тяжелом положении народа и т. д. «В Ташкенте

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6868, л. 111—112.

[2] *Н. Корытов*, Самозванец Пулат-хан. «Ежегодник Ферганской области», т. I, вып. 1902 г., Новый Маргелан 1902, стр. 20.

он сошелся с кураминцем Абду-Мумыном Аталыком, сообщает Н. П. Корытов,— старым воякой, выросшим в смутах прежнего времени. Сподвижник Алымкула, Аталык, испытав мощь русского оружия, в силу необходимости должен был обратиться к мирному занятию земледелием; у него-то в качестве работника и остался жить Мулла-Исхак.

Вероятно рассказы Абду-Мумына о Мусульманкуле, Алымкуле, о восстаниях кипчаков и киргиз, потрясавших ханство и ставивших на престол своих ханов, произвели сильное впечатление на молодого Муллу-Исхака и породили в нем стремление к приключениям» [1].

Мулла-Исхак, хорошо знавший тяжелую жизнь трудящихся масс, сочувствовал им и резко осуждал хищническую политику Худояр-хана. Но его социально-политические взгляды были ограничены условиями той патриархально-феодальной среды, в которой он жил, и отсталым религиозно-фанатическим мировоззрением. Его идеалом было создание сильного Кокандского ханства с «хорошим» ханом во главе, который позаботился бы об улучшении положения всего народа.

Среди южных киргизов с 1872 г. повсеместно происходило глухое брожение; назревало мощное восстание против Худояр-хана. Но, по традиции, против хана могли выступать лишь кто-либо из «законных» претендентов — потомок ханов. Киргизы нашли такую кандидатуру в лице Пулат-бека, сына Ибрагим-бека. Последний в свое время, после убийства его отца Алим-хана, бежал из Коканда от преследовавшего его Омар-хана. В 1842 г. после убийства Мадали-хана, Ибрагим-бек выступил претендентом на ханский престол, но попал в плен к сторонникам занявшего место Мадали-хана Ширали и был убит. Теперь главари подготовляемого восстания вспомнили о его сыне Пулат-беке, который проживал в одном из медресе в Самарканде.

В 1872 г. киргизы племен кутлук-сеит и найман отправили своих представителей во главе с Шир-датхой к Пулат-беку, приглашая его приехать к ним в Наманганский вилайет и стать во главе восстания, объявив себя ханом Коканда. Но Пулат-бек, считая это авантюрой, отказался.

[1] *Н. Корытов,* указ. соч., стр. 20.

Пулат-бек пользовался большой популярностью среди недовольных Худояр-ханом феодалов. Это объяснялось и враждебным к нему отношением со стороны правящей династии, и воспоминаниями о временах Алим-хана, когда Кокандское ханство переживало период расцвета. С именем Пулат-бека у части феодалов связывались надежды на возрождение ханства, как это было при Алиме. Учитывая эти обстоятельства, представители киргизов предложили Исхаку принять имя Пулат-бека. Источники рассказывают об этом следующее: «Бывшая у Пулат-бека депутация приехала в город Ташкент и остановилась в доме кураминца Абду-Мумына, которому рассказала о своей миссии в город Самарканд и о постигшей ее неудаче. Речи эти слышал проживающий у Абду-Мумына киргиз Мулла-Исхак Мулла-Хаван-углы. Мулла-Исхак сблизился с депутатами и, под влиянием Абду-Мумына, предложил депутатам себя вместо несговорчивого потомка династии Мингов... Он заявил полное согласие принять имя Пулат-хана, что не могло представить никакой опасности для депутатов, так как посылавшие их главари и население не знали в лицо действительного Пулат-бека. Так создалось самозванство Муллы-Исхака» [1].

Основной движущей силой восстания являлись мелкие и средние скотоводы и дехкане, испытавшие на себе всю тяжесть грабительской политики кокандского правительства, произвол и насилие ханских чиновников и феодальной знати. Но восстание не имело ясно выраженной программы действий и не представляло конечной цели и задач движения.

При отсталых, патриархально-феодальных отношениях, в условиях сильной забитости и придавленности трудящихся масс повстанцы не могли ясно осознать свои классовые интересы и четко сформулировать свои требования. Наряду с этим многие феодалы пытались использовать восстание в личных интересах, для укрепления своего положения. Одни не хотели остаться в стороне из-за боязни потерять свое влияние среди народа, другие, по преимуществу крупные феодалы, решили воспользоваться движением, чтобы свести личные счеты с Худояр-ханом. Некоторые из киргизских, кипчакских и

[1] *Н. Корытов,* указ. соч., стр. 22.

узбекских феодалов примкнули к восстанию в надежде усилить Кокандское ханство путем устранения Худояр-хана — вассала России — и избрания нового хана, независимого от туркестанского генерал-губернатора.

Таким образом, в составе участников восстания переплетались различные социальные группы, интересы которых расходились. Но, несмотря на неоднородный социальный состав, восстание 1873—1874 гг. в Южной Киргизии в целом носило антифеодальный, народно-освободительный характер.

Но были отдельные представители киргизских феодалов, интересы которых были тесно связаны с Худояр-ханом. Они не только не поддерживали восстания, но боролись против восставших на стороне хана или оставались нейтральными. Это были главным образом крупные феодалы, которых хан привлекал на высшие военные и гражданские должности, наделял титулами и обеспечивал им надежную поддержку в эксплуатации трудящихся масс. Так, «царица Алая» Курман-джан-датха на первом этапе не принимала участия в восстании и осталась нейтральной. Абдрахман Афтобачи, сын Мусульманкула, был главнокомандующим военными силами Коканда, подавлявшими восстание.

После неудачи под городом Ханабадом весной 1873 г. и предательского убийства Худояр-ханом 40 видных главарей движения[1] восставшие нанесли ряд поражений ханским отрядам и заняли города Узген, Ош, Сузак, Ассаке и Андижан. Восставшими были также взяты военные укрепления Уч-Курган, Булакбаши и ряд других.

В занятых повстанцами селах и городах узбекское население в своем подавляющем большинстве горячо сочувствовало восстанию, а беднейшая часть активно его поддерживала. В совместной борьбе против ханско-феодального гнета и эксплуатации складывалась дружба трудящихся масс разных народов, входивших тогда в состав Кокандского ханства. В момент наибольшего успеха восстания в нем участвовал 41 род Южной Киргизии, всего около 132 500 юрт[2].

[1] Худояр-хан якобы для ведения переговоров пригласил к себе 40 человек из числа видных руководителей восстания и всех их вероломно предал казни.

[2] См. «История Киргизии», т. I, АН Кирг. ССР, Фрунзе 1958, стр. 275.

Размах восстания и успехи повстанцев сильно напугали Худояр-хана; он мобилизовал все свои силы. В октябре 1874 г. под Наманганом, у селения Кассан, командующий ханским войском Абдрахман Афтобачи в решающем сражении нанес повстанцам поражение. Понеся серьезные потери, повстанцы рассеялись, руководители бежали в отдаленные кочевья, а Пулат-хан с группой своих приверженцев ушел в Чаткал, в пределы Аулиеатинского уезда Сыр-Дарьинской области.

Худояр-хан жестоко расправился с участниками восстания. Многие аилы подверглись грабежу, разгрому, нередко полному уничтожению. Трупы валялись на дорогах и в селах, повешенные месяцами болтались на деревьях для устрашения населения. Однако эти жестокие репрессии не привели к упрочению власти хана над Южной Киргизией. Наоборот, они еще больше усилили недовольство народных масс и серьезно усилили тягу южнокиргизских племен к принятию подданства России. Одновременно участники восстания повсеместно готовились к новому выступлению против хана.

Недостаточно организованным и очень плохо вооруженным повстанческим отрядам трудно было бороться с регулярными ханскими войсками, в связи с чем повстанцы искали помощи извне. Наиболее важной для восставших могла быть поддержка России. Поэтому представители южнокиргизских племен неоднократно обращались за помощью к местной царской администрации. Через своих представителей и посланцев они даже просили русские власти о принятии их в подданство России, но особенно настаивали на отказе России в помощи Худояр-хану.

Ряд родов южных киргизов в этот период, не ограничиваясь письменным обращением и посылкой депутации к русским властям с просьбой о принятии их в подданство, самовольно стали оставлять свои кочевья и откочевывать в Северную Киргизию, подвластную России. Так, например, «летом 1873 г. 1700 кибиток повстанцев перекочевали из восточной части Ферганы на территорию Токмакского уезда. Осенью того же года 800 семейств восставших киргизов переселились из районов, примыкающих к Андижану, в Аулие-Атинский уезд. Они обратились к военному губернатору Семиреченской

области с просьбой о принятии их в российское под-
данство»[1].

Многие южнокиргизские племена, потерпевшие пора-
жение в вооруженной борьбе с кокандским ханом, те-
перь рассматривали принятие подданства России как
единственный путь к облегчению своей тяжелой участи.

Однако помощи со стороны русской администрации
Туркестанского края повстанцы не получили. Царское
правительство не могло оказать восставшим такую по-
мощь и в силу своей общей охранительной политики, и
в силу союзных отношений с вассальным Худояр-ханом,
а также из-за опасения вызвать дипломатические ослож-
нения с Англией. В этот период царское правительство
придерживалось очень осторожной политики в Средней
Азии, что было вызвано главным образом обострением
англо-русских противоречий. Царизм довольствовался
тем, что, фактически поставив Кокандское ханство в
положение своей колонии, вполне обеспечивал себе
здесь господствующее положение. Кокандский хан был
марионеткой в руках туркестанского генерал-губерна-
тора, поэтому последний отказал в помощи повстанцам и
поддержал Худояр-хана.

Восстание показало, как глубоко проникло недоволь-
ство кокандским ханом в гущу населения. Несмотря на
свою стихийность, неорганизованность и локальность,
восстание сильно расшатало господство Коканда над
Южной Киргизией. Установить спокойствие в ханстве не
удавалось. Назревало новое, еще более грандиозное вы-
ступление народа. В этих условиях недовольные Худояр-
ханом феодальные круги, торгово-купеческие слои го-
родского населения и мусульманское духовенство стали
все более открыто выражать недовольство Худояр-ха-
ном. Они резко осуждали хана за то, что он стал по-
слушным слугой царского правительства.

Такая обстановка в ханстве благоприятствовала но-
вому выступлению Пулат-хана против Худояра. В нача-
ле 1875 г. он в сопровождении группы приверженцев вы-
ступил из Чаткала, где имел временное убежище. В это
время в юго-западной части ханства, в Ляйляке, где
были кочевья киргизов родов авахат и кесек, вновь на-
чались волнения. Пулат-хан, имевший связь с главара-

[1] «История Узбекской ССР», т. I, кн. 2, стр. 94.

ми подготовляемого в этом районе восстания, прибыл
туда и нашел полную поддержку у местного населения.
Влиятельные старшины Мулла-Касым и Орозалы по-
могли Пулат-хану вновь организовать вооруженные от-
ряды из нескольких сот человек[1].

Вскоре восстанием были охвачены районы Узгена и
Оша. Феодально-клерикальные элементы и торгово-ку-
ческая знать также в значительной части примкнули
к повстанцам. В июле 1875 г. под Андижаном к восстав-
шим перешла часть ханских войск во главе с главно-
командующим Абдрахманом Афтобачи и рядом высших
военачальников. Вслед за ними изменили Худояр-хану
его старший сын Насрэддин, правивший Андижанским
округом, и брат Мурад-бек, правивший Маргеланским
округом. Перешел на сторону восставших со своим от-
рядом и другой сын Худояр-хана, Мухаммед-Амин-бек.
К ним присоединились многие военачальники и намест-
ники хана со своими отрядами и гарнизонами городов.

Это сразу усилило повстанцев, но в то же время
привело к сильному изменению социального состава
восставших и характера самого восстания. Теперь в вос-
стании стала преобладать феодально-монархическая тен-
денция, направленная на создание независимого от Рос-
сии ханства, способного обеспечить господство феода-
лов, духовенства и торгово-купеческих слоев. Борьба
против Худояр-хана означала борьбу против его могу-
щественного покровителя — царской России.

Духовенство и светские феодалы, чтобы увлечь за со-
бой народные массы, пытались всеми способами влиять
на их сознание и прежде всего всячески играли на рели-
гиозных чувствах населения. Был пущен в ход издавна
известный, излюбленный духовенством и феодалами
лозунг «священной войны» мусульман против «невер-
ных» — «газават». Этим путем представители феодаль-
ной знати и мусульманского духовенства, захватившие
руководство восстанием, прежде всего отводили удары
трудящихся масс от себя, направляя борьбу не против
феодальной знати, духовенства, торговцев и ростовщи-
ков, а против Худояр-хана и его покровителя — России.
В этих условиях движение неизбежно должно было при-
нять характер национальной розни. Оно отрывало на-

[1] См. *Н. Корытов*, указ. соч., стр. 23.

роды Южной Киргизии от русского народа. Объективно теперь восстание служило укреплению патриархально-феодальных устоев киргизского общества, упрочению ханской власти в Коканде, усилению феодально-ханского гнета над трудящимися массами киргизского и узбекского народов.

Представители феодальной знати во главе с Абдрахманом Афтобачи и духовенство, пробравшиеся к руководству восстанием, ориентировались на такие отсталые феодальные государства Востока, как Турция, Иран, Афганистан и Джеты-шаар, за спиной которых стояли капиталистические государства Запада, Англия в частности.

Худояр-хан, совершенно бессильный подавить восстание, спешно обратился к своему покровителю — генерал-губернатору Кауфману, умоляя его об отправке в Коканд русского войска. Но хан не успел дождаться помощи. 22 июля 1875 г. он вынужден был бежать из своей столицы под прикрытием эвакуировавшегося из Коканда русского посольства. Восставшие без боя заняли Коканд и провозгласили ханом Насрэддина.

Новый хан прежде всего должен был достигнуть примирения с царскими властями. Кауфман, учитывая бессилие Худояр-хана, в свою очередь был вынужден примириться с совершившимся в Коканде переворотом. В результате соглашения, заключенного с Коканом 4 августа 1875 г., Насрэддин был признан кокандским ханом. Однако это не привело к установлению прочного мира. Повстанцы продолжали борьбу за создание независимого Кокандского ханства, их отряды нападали на подвластные России территории в долине Ангрена и в окрестностях Ходжента и Ташкента. Новый хан под давлением антирусски настроенных феодалов, духовенства и торговцев не запрещал такие набеги. Он закрывал на них глаза в надежде, что, быть может, удастся вернуть отобранные Россией территории ханства и добиться независимости. Кауфман должен был двинуть сильный русский отряд, который у крепости Махрам нанес поражение кокандцам.

29 августа русские войска заняли Коканд. 22 сентября был заключен договор, по которому Кокандское ханство попадало в еще большую зависимость от России, чем при Худояр-хане. По этому договору Насрэддин при-

знал себя вассалом России, лишился права самостоятельных сношений с другими государствами, а также права объявления войны и заключения мира, признал отошедшими к России земли, расположенные по правому берегу верхнего течения Сыр-Дарьи с городом Наманганом, разрешил свободный доступ в ханство российских купцов и предпринимателей. Кроме того, кокандское правительство должно было уплатить контрибуцию.

Насрэддин и некоторые окружавшие его феодалы примирились со своим вассальным положением. Но не все сложили оружие. Недовольные ханом вскоре подняли новое восстание. Они отказывались повиноваться Насрэддину и признали власть Пулат-хана. «Пулат-хан,— сообщает Н. П. Корытов,— со своими приверженцами из Ляйляка пробрался в восточную часть ханства и к нему собрались многие из влиятельных представителей кипчаков и киргиз, занимавших своими кочевьями восточные и южные горные районы ханства; а именно: Уразали, Бутабек, Багыш-бек, Мулла Юлдаш, Кийк-Бай Пансат, Иефадиар, Мирза-Кул, Яр-Мат, Иш-Мат, Амаль-Иш Агасы, Ша-Мирза, Умар-бек, Хасан-бек, Сулейман-Удайчи, кураминец Абду-Мумын и другие. Эти лица, не признавшие хана Наср-Этдина, как ставленника русских, собравшись в кишлак Бута-Кара за Андижаном, провозгласили ханом Пулат-хана и по древнему обычаю подняли его на белом войлоке»[1].

Несмотря на недавнее поражение, Пулат-хану удалось вновь собрать значительные вооруженные силы, состоявшие в основном из дружин киргизских феодалов, и распространить свое влияние на ряд районов Кокандского ханства. Своим местопребыванием он избрал селение Ассаке. Н. Корытов сообщает: «Вскоре у Пулат-хана составился значительный отряд в 12 тысяч всадников, главный контингент которого составляли киргизы, самый беспокойный элемент в Кокандском ханстве. Киргизы, составлявшие главную силу и опору Пулат-хана, постепенно захватили управление занятой ими восточной части ханства (нынешние Ошский, Андижанский и часть Маргеланского уездов)»[2].

---

[1] *Н. Корытов,* указ. соч., стр. 26.
[2] Там же, стр. 27.

Главными сподвижниками Пулат-хана в это время были Абду-Мумын из племени курам, Сулейман-Удайчи из племени найман, Оморбек-дахта из племени адыгене, Орозалы и Мулла-Касым из родов авахат и кесек, Мулла-Муса из рода бостон и другие.

По мере усиления Пулат-хана примирение его с Насрэддином становилось невозможным, и по всему ханству усилилась борьба между сторонниками двух ханов. Пулат-хан вел беспощадную борьбу со сторонниками Насрэддина. Источники передают, что «правление Пулат-хана ознаменовалось небывалой жестокостью, а казни проводились ежедневно», что «кратковременное его пребывание в Маргелане ознаменовалось теми же жестокими казнями, как и в Ассаке. 12 палачей из киргиз, одетых в особый красный костюм, с арсеналом ножей всяких размеров за поясом, имели постоянную работу»[1].

Кокандский хан вскоре направил против Пулат-хана войска под начальством своего родственника Султан-Мурат-бека. Но эти силы у селения Файзабад были полностью разбиты. Под Андижаном военные силы Пулат-хана нанесли поражение русскому отряду генерала Троицкого, а затем, 9 октября 1875 г., ханским войскам. Вскоре восставшие заняли Коканд. Насрэддин бежал под защиту царских властей в Ходжент. Волнения среди населения столицы и близлежащих сел облегчили занятие Коканда. «Наибольшее участие приняли жители кишлаков Яны-кургана и Бачкира, руководителем которых явился Хассан-Калля»[2]. К ним примкнули трудящиеся города. Тогда против Пулат-хана выступили сильные отряды царских войск под командованием генерала Скобелева, которым удалось 11 ноября 1875 г. под селением Балыкчи разбить силы Пулат-хана. Решающее поражение Пулат-хан потерпел под Андижаном, который 9 января был занят Скобелевым.

После этого видные представители феодальной знати, стоявшие у руководства восстанием, решили пойти на соглашение с царским командованием. Абдрахман Афтобачи и ряд других видных кокандских феодалов прекратили борьбу и изъявили покорность России. Но

[1] *Н. Корытов,* указ. соч., стр. 30, 32.
[2] Там же, стр. 31.

Пулат-хан упорно продолжал сопротивляться. 28 января 1876 г. отрядами Скобелева был взят последний опорный пункт Пулат-хана — крепость Уч-Курган. Вскоре Пулат-хан с отрядом своих приближенных был предательски захвачен в Исфайрамском ущелье одним из представителей киргизских феодалов рода дёёлёс Мырзабулом и выдав царским властям в Андижане. С группой своих сподвижников он был казнен в Маргелане.

После подавления восстания Кокандское ханство было уничтожено, а его территория 19 февраля 1879 г. под названием Ферганской области была присоединена к России.

Однако наиболее непокорные и решительные противники российской ориентации, ряд крупных феодалов и военачальников, сгруппировались в Алае и продолжали сопротивление. В апреле 1876 г. в местности Яны-Арык они во главе с Абдылда-беком, сыном Курман-джан-датхи, дали сражение отряду генерала Скобелева, но были разбиты. Остатки их группы под предводительством Абдылда-бека, Худояр-халцы, Худайкула и других феодалов продолжали действовать до июля 1876 г. Для окончательной их ликвидации в июле 1876 г. была организована карательная экспедиция под начальством генерала Скобелева. В составе семиреченского отряда, участвовавшего в алайском походе, был киргизский отряд манапа Шабдана Джантаева. Скобелеву без особого труда удалось разбить силы Абдылда-бека и вступить в дружественные отношения с «алайской царицей» — Курман-джан-датхой.

Алайским походом завершилось подавление сопротивления последних противников русской ориентации и присоединение Южной Киргизии к России.

Таким образом, к 1876 г. вся Киргизия вошла в состав Российской империи. Отныне дальнейшее историческое развитие киргизского народа было тесно связано с судьбой русского и других народов, находившихся в составе русского государства.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПРОГРЕССИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КИРГИЗИИ К РОССИИ

Присоединение к России — важное прогрессивное явление в истории киргизского народа. Несмотря на реакционно-колонизаторскую политику царского самодержавия, включение Киргизии в состав Российской империи объективно сыграло в истории киргизского народа большую прогрессивную роль.

Если посмотреть в глубь веков, то немало тяжелых картин трагической истории киргизского народа предстанет перед глазами исследователя. В условиях феодального и буржуазного общества киргизский народ, как и многие другие малые народы, постоянно являлся объектом притеснений со стороны других государств: монгольских и джунгарских ханов, Цинской империи и кокандских ханов. Интересы киргизского народа приносились в жертву корысти завоевателей и «своих» феодалов, приспосабливавшихся к иноземному господству. Киргизский народ, все более оттесняемый из плодородных, богатых районов в пустыню и скалистые горы, попадал в худшие условия для развития хозяйства и культуры. Лишенный возможности вступать в активные экономические, политические и культурные связи с другими, более развитыми народами и государствами, изолированный от влияния мировой цивилизации, киргизский народ отставал в своем развитии. Хозяйство и быт кир-

гизов, не претерпевая серьезных изменений по пути прогресса, имели застойный характер и сохраняли средневековые черты. Народ находился в темноте, свет образования в его среду не пробивался. Придавленный феодально-ханским гнетом, запуганный и униженный иноземными владыками, в вечной бедности и нищете жил киргизский народ.

Присоединение к России ознаменовало собой важный этап и поворотный пункт в последующей истории киргизского народа, связав дальнейшую его судьбу с судьбой одного из ведущих народов мира — великого русского народа, впоследствии сыгравшего всемирно-историческую роль в судьбах человечества. Киргизия вошла в состав более передовой в общественно-политическом отношении и развитой в культурно-экономическом отношении Российской империи, включилась в систему несравненно более развитого хозяйства и политических отношений. Киргизский народ получил возможность приобщиться к богатству материальной и духовной культуры великого русского народа.

В результате присоединения к России киргизский народ оказался в составе огромной империи, в которой назревали великие революционные события. Дворянский период революционного движения, яркими представителями которого были декабристы, в начале второй половины XIX в. сменился «разночинским», которому в 90-х годах XIX в. пришел на смену пролетарский период революционного движения. Россия превращалась в центр мирового революционного движения. Именно это имело решающее значение для судьбы киргизского народа.

Основоположники научного коммунизма еще в 50-х годах подчеркивали прогрессивное значение присоединения к России. В письме к Марксу в 1851 г. Энгельс писал о России как о стране, которой по отношению к Востоку суждено сыграть прогрессивную роль: «Напротив, Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... Господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар...»[1]

В 60—70-х годах Маркс и Энгельс отчетливо представляли назревание в России величайшего революцион-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. XXI, стр. 211.

ного взрыва. Маркс указывал, что «Россия представляет собою передовой отряд революционного движения в Европе»[1]. В. И. Ленин в 1907 году, в предисловии к переписке Ф. А. Зорге, писал: «...Маркс и Энгельс были полны самой радужной веры в русскую революцию и в ее могучее всемирное значение. На протяжении почти двадцати лет мы видим в данной переписке это страстное ожидание революции в России.

Вот письмо Маркса от 27 сентября 1877 года. Восточный кризис вызывает восторг у Маркса. «Россия давно уже стоит на пороге больших переворотов, и все необходимые для этого элементы уже созрели... И при благосклонности матери-природы, мы доживем до этого торжества»»[2].

Направление исторического развития киргизского народа с момента присоединения к России пошло по тому пути, который впоследствии, в результате Великой Октябрьской революции, привел киргизский народ к советскому социалистическому строю и освобождению от всякого социального и национального гнета, к достижению подлинной свободы и счастья в дружной семье равноправных народов нашей великой Родины.

Однако присоединение Киргизии к России происходило в условиях господства самодержавия. Как и другие народы империи, киргизский народ подпал под жестокое социальное и национальное угнетение, трудящиеся массы киргизов подверглись порабощению со стороны царских чиновников, военщины, торгово-ростовщических элементов; усилился также гнет баев и манапов, опиравшихся на поддержку царизма.

Не царское правительство и его чиновники, не господствовавшие тогда в России эксплуататорские классы помещиков и буржуазии, а трудовые массы русского народа, передовые представители русской интеллигенции — ученые, ссыльные политические деятели — революционеры, трудящиеся массы русских крестьян-переселенцев были проводниками революционно-демократических идей и могучей передовой культуры великого русского народа в среду киргизов.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Избр. произв., т. 1, Госполитиздат, 1955, стр. 3.

[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 12, стр. 335—336.

К 1865 году, после присоединения к России основной части Северной Киргизии и значительной территории Кокандского ханства по Сыр-Дарье, перед царским правительством стал вопрос об организации управления в этих краях. Это диктовалось как необходимостью упрочения господства России на вновь присоединенной территории, так и интересами фиска и политическими соображениями. Происходившие в 60-х годах в пограничных с Северной Киргизией районах Западного Китая восстания дунган и других народов грозили перекинуться на берега Иссык-Куля и в восточную часть нынешнего Казахстана.

Для выработки проекта управления Туркестанским краем была создана особая комиссия. Проект был утвержден правительством, и на его основе в 1865 г. была создана Туркестанская область, преобразованная затем в Туркестанское генерал-губернаторство. Новое генерал-губернаторство было подчинено военному министерству, тогда как другие находились в ведении министерства внутренних дел. Отчасти это было связано с тем, что присоединенные к России районы Средней Азии и Казахстана граничили с владениями Бухары, Хивы и коренными областями Кокандского ханства, а также западными провинциями Китая.

Согласно «Положению об управлении Туркестанским краем», большая часть Северной Киргизии вошла в Семиреченскую область. В Иссыккульский уезд были включены Иссыккульская котловина, долины Кочкора, Джумгала, Нарына, Атбашы и Тогуз-Торо; долины Большого и Малого Кемина и вся Чуйская долина вошли в Токмакский уезд, позже переименованный в Пишпекский. Таласская и Чаткальская долины вошли в состав Аулиеатинского уезда Сыр-Дарьинской области. Южные киргизы в основном вошли в Ошский уезд и частично в Андижанский, Наманганский и Маргеланский уезды Ферганской области. Незначительная часть киргизов вошла в состав Ходжентского уезда Самаркандской области (см. карту административного деления).

Как видно, при административно-политическом устройстве Туркестанского края царские власти игнорировали интересы населявших его народов. Тем не менее по сравнению с господствовавшей прежде патриархально-

феодальной раздробленностью новое административно-политическое устройство киргизов было прогрессивным.

Различные государственные образования Средней и Центральной Азии, в которые входили в течение своей многовековой истории киргизы, состояли из различных этнических групп, не имевших прочных экономических связей. Государства эти быстро распадались. Территория расселения киргизского народа часто разрывалась на части завоевателями и начинавшийся процесс национальной консолидации нарушался. Экономическое и политическое разобщение племен, частые опустошения территории киргизов иноземными завоевателями, сопровождавшиеся, как, например, при вторжении калмыцких ханов, истреблением населения — все это не раз создавало угрозу существованию киргизов как самостоятельной народности. Политическая и экономическая разобщенность характеризовала состояние Киргизии и в последние десятилетия перед присоединением к России — в конце XVIII и в первой половине XIX в. Попытки отдельных представителей киргизских феодалов объединить киргизов остались безрезультатными.

Кокандское ханство, отсталое и непрочное феодальное государство, так и не создало прочного административно-политического управления, а частые междоусобные войны еще более усиливали разобщенность киргизских племен. Только после вступления в состав Российской империи в системе единого централизованного государства начали складывать экономические и политические предпосылки для образования киргизской нации. Но в то же время режим колониального порабощения тормозил экономическое развитие Киргизии. Киргизский народ так и не консолидировался в нацию до Великой Октябрьской социалистической революции.

Согласно «Положению», во главе областей, входивших в состав Туркестанского генерал-губернаторства, стояли военные губернаторы, во главе уездов — уездные начальники. Уезды делились на волости во главе с выборными управителями. Каждая волость в свою очередь разделялась на аилы во главе с выборными старшинами. Русские поселения и оседлое население управлялись приставами. Военные губернаторы и уездные начальники сосредоточивали в своих руках и гражданскую и

военную власть. Так называемое «выборно-народное управление» с выборной низовой администрацией было лишь придатком к военной администрации.

В 1881 г. был выработан новый проект «Положения», который, однако, был утвержден только в 1886 г. С 1882 по 1898 год Северная Киргизия находилась в составе Степного генерал-губернаторства.

Согласно «Положению об управлении Туркестанским краем», утвержденному 12 июня 1886 г., которое было распространено и на Киргизию, административный аппарат царизма в Туркестане имел следующую структуру:

1) главное управление: генерал-губернатор, Совет генерал-губернатора и Управление государственных имуществ;

2) областное управление: военный губернатор и областное управление;

3) уездное управление: уездный начальник, уездный исправник и уездный полицмейстер; в городах власть принадлежала уездному начальнику или участковому приставу;

4) волостное управление: волостной управитель, в киргизских аилах — старшина; в русских селах — пристав.

Согласно «Положению», в состав волости входило до 2000 юрт, аила — до 200 юрт. Волостная и аильная администрация выбирались населением. Выборы местной низовой администрации — аильных старшин, биев и волостных управителей — происходили в присутствии уездных начальников с соблюдением имущественного ценза, в результате чего киргизская беднота в основном была лишена права участия в выборах. Женщины также были лишены избирательных прав.

Аильные старшины избирались на три года и утверждались уездными начальниками. Волостной управитель избирался на волостном съезде представителями аилов, по одному от 50 юрт. Эти представители выбирались только из имущих, беднота на волостной съезд не попадала. Выборы носили чисто формальный характер, так как за военным губернатором оставалось право утверждать или не утверждать кандидата, выдвинутого волостным съездом.

Высшим судебным органом была Туркестанская судебная палата; в уездах судебная власть находилась

в руках уездных судей, в волостях — у биев и казиев. Казии — представители мусульманского духовенства — судебные дела решали на основе шариата. Более распространенным был суд биев, которые выбирались одновременно с волостными управителями на волостном съезде, по четыре бия на каждую волость. Суд биев при разборе дел основывался на народных обычаях и традициях, неписанных законах «занг» и «нарх». Суд биев состоял из инстанций: единоличного суда бия, волостного суда биев и чрезвычайного суда биев. Бии при решении дел собирали особый налог — «бийлик», размер которого определяли сами. Суд биев полностью зависел от крупных манапов и волостных управителей, которым фактически подчинялись бии.

Широкой властью был наделен Туркестанский генерал-губернатор. В 1867 г. был издан специальный царский указ, так называемая «Золотая грамота», предоставлявший генерал-губернатору широкие полномочия, вплоть до права объявления войны и заключения мира с соседними феодальными владениями и государствами.

Введенная в Киргизии выборная система управления в известной мере имела целью ослабление власти и влияния крупных манапов — родоправителей, бывших прежде нередко самостоятельными феодальными властителями. Но царское правительство в то же время стремилось к такой организации управления, которая обеспечивала бы ему опору среди местных феодальных элементов. Поэтому выборность низовой администрации по «Положению» 1886 года не могла сколько-нибудь серьезно ограничить господство феодальной верхушки киргизов. Но должность волостных управителей и аильных старшин стала теперь необходимым условием господствующего положения манапства. Поэтому среди феодальной знати происходила острая борьба за захват административных должностей. Так называемые «избирательные кампании» всегда были сопряжены с образованием множества группировок, с их борьбой, драками, жалобами, ложными обвинениями и т. д. Наиболее эффективной мерой в борьбе за должность оказывался подкуп выборщиков и отдельных избирателей, а также уездных начальников и даже областной администрации. На это затрачивались десятки тысяч рублей, которые впоследствии

выискивались с народа добившимися избрания волостными управителями.

Русская военная администрация была мало знакома с языком, бытом, обычаями и нравами киргизского населения. Выборная же администрация из киргизов при решении дел продолжала руководствоваться патриархально-родовыми традициями и творила всякого рода беззакония. Хотя права волостных управителей и старшин определялись законом, но на деле их власть на местах была почти неограниченной и долгое время опиралась на обычное право киргизов. Волостные управители и старшины получали жалованье. Кроме того, отпускались средства на содержание писарей и рассыльных. Но эти ассигнования составляли ничтожную часть тех огромных поборов, которые «законно» и незаконно взимались с народа и присваивались волостными управителями и старшинами, биями и их джигитами.

Киргизское манапство, захватив местное управление, всячески выслуживалось перед царским правительством, за что награждалось «почетным гражданством», орденами, медалями, халатами и т. п. Крупным манапам присваивались военные звания. Так, бугинские манапы Боромбай и Качибек получили чин полковника, Джантай — капитана, Шабдан — войскового старшины и т. д.

Новое административное устройство, однако, при всем своем несовершенстве уничтожило в основном веками слагавшиеся патриархально-феодальные органы власти киргизов и заменило их новыми, русскими органами власти. Основная масса киргизов новую систему управления приняла положительно.

Новое административное устройство объективно имело важное значение для дальнейшего прогрессивного развития киргизского общества, так как положило конец бесконечным феодально-родовым войнам, что благоприятно отразилось на развитии скотоводческого и земледельческого хозяйства и культуры киргизов. Как известно, кокандские ханы не только не прекращали внутренних, межплеменных войн, а, наоборот, обычно поддерживали их и даже нередко сталкивали между собой киргизские племена, чтобы ослабить их и держать в полной покорности. Междоусобные войны приводили не только к ослаблению киргизских племен, к упадку и ра-

зорению их хозяйства, но иногда и к массовому истреблению одних племен другими, как, например, в войне между племенами бугу и сарыбагыш в середине 50-х годов.

Прекращение как внутренних усобиц, так и постоянных вооруженных столкновений с целью барымты киргизских племен с их соседями — казахами, калмыками, народами Западного Китая и другими, было одним из наиболее положительных результатов присоединения Киргизии к России. В фольклоре встречается немало песен, в которых воспевается установление мира и спокойствия среди киргизских племен. В одной из них поется:

Тарыткан менен жерингди	Хоть и потеснили на земле,
Арсанбаа кылды егинди	Но сделали дешевым хлеб.
Тындырып койду жайына	Умиротворили и дали покой
Чабышып жаткан элингди.	Разоренному распрями народу.

Таким образом, в результате административно-политического устройства Туркестанского края был сделан серьезный шаг к преодолению обособленности племен, к стиранию племенных и родовых различий, к развитию национальных черт киргизского народа.

Вместе с тем были созданы благоприятные условия для переселения крестьян из европейской части Российской империи, сыгравших важную роль в дальнейшем развитии производительных сил и культуры Киргизстана. До появления русских переселенцев в Северной Киргизии оседлых населенных пунктов не существовало. Небольшие селения узбеков, возникшие в 1830—50-х годах около некоторых кокандских укреплений, распались вместе с разрушением этих крепостей. Талызин указывал: «Сарты разоренных крепостей: Карабалты, Аксу, Пишпек, Токмак, Кочкарка, Джумгал, Тогуз-Торау и Куртка ушли в города Туркестанского края, а киргизы, воспользовавшись их отсутствием, сравняли сартовские поселения с землею и превратили в кочевья, так что теперь почти незаметно следов их поселений»[1].

Начало заселения русскими Северной Киргизии связано с колонизацией Семиреченской области. Еще в 1864 г. генерал-губернатор Западной Сибири Дюгамель приказал семипалатинскому военному губернатору собрать сведения о пунктах возможного заселения, а в

[1] *А. Талызин*, указ. соч., стр. 36.

1866 г. им было дано указание об устройстве русского поселения у озера Иссык-Куль[1].

В 1867 г. были подготовлены пункты для заселения: в Иссыккульском уезде — Каракол, в Токмакском — Токмак, в которых уже в следующем году появились первые русские переселенцы. В марте 1868 г. в Токмакском укреплении имелось 27 семей переселенцев. В том же году возникают селения: Беловодское, Лебединское, Уйтал, Преображенское и Теплоключенка. В дальнейшем количество поселений быстро возрастало. Образование русских поселков проводилось с таким расчетом, чтобы в соединении с казачьими поселениями и городами они могли составить непрерывную, по возможности, сеть оседлых поселений, расположенных по главнейшим путям сообщения. В северной части Киргизии такие линии поселений создавались по Семиреченскому, Караколько-Токмакскому и Пишпекско-Нарынскому трактам.

Позже началась колонизация Центрального Тянь-Шаня, который по своим физико-географическим и климатическим условиям больше подходил для скотоводства, чем для земледелия, поэтому не особенно интересовал русское правительство с точки зрения гражданской колонизации. Но ряд обстоятельств внутреннего и особенно внешнеполитического характера побуждал русское правительство поспешить с окончательным обоснованием на Тянь-Шане. В силу особых естественно-географических и политических условий подданство киргизских племен Тянь-Шаня оставалось еще в известной мере неустойчивым. Они находились вдали от русских административных центров и укреплений и в случае осложнения отношений России с пограничными государствами могли поддаться антироссийским влияниям последних. Опасности со стороны Коканда теперь уже не было, но зато существовала некоторая опасность со стороны Кашгарского государства Якуб-бека. Попытка Якуб-бека договориться с Кауфманом об установлении границ между его государством и владениями России кончилась безуспешно. Русское правительство избегало заключения какого-либо формального договора с Якуб-беком, так как это означало бы фактическое признание Кашгарского государства.

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. I — КТГГ, оп. 27, д. 466, л. 4.

Непосредственным следствием присоединения Киргизии к России было то, что оно спасло киргизский народ от порабощения его отсталыми государствами Востока, такими, как тогдашний феодальный Китай, Коканд, Афганистан, Кашгарское государство Якуб-бека. Все эти государства были крайне отсталыми и слабыми как в экономическом, так и в политическом отношении. Они переживали застой в развитии производительных сил, упадок духовной культуры и политической жизни. Историческое развитие киргизского народа в составе этих государств пошло бы по пути консервации отсталых, патриархально-феодальных отношений. Это был безрадостный и в то же время бесперспективный путь.

Эти страны сами являлись вожделенным объектом захватнических устремлений капиталистических хищников Запада, прежде всего Британской империи. В составе этих государств киргизский народ ждала перспектива беспросветной кабалы, двойного и тройного гнета феодалов-деспотов и колониального порабощения.

Нельзя недооценивать для того периода угрозы закабаления Средней Азии со стороны Британской империи. Экспансия английской буржуазии в сторону Средней Азии, временно приостановленная в результате поражения английской армии в Афганистане в 1842 г., вновь активизировалась в 50-х годах XIX в., после покорения англичанами Пенджаба. Угроза порабощения народов Средней Азии, в том числе и киргизского народа, со стороны английской буржуазии становилась тогда вполне реальной.

Безусловно, установление господства Англии было бы большим злом для народов Средней Азии. Их судьба была бы не лучше судьбы народов Индии, о которой Ленин в статье «Горючий материал в мировой политике» писал, что «нет конца тем насилиям и тому грабежу, который называется системой английского управления Индией» [1].

Одной из особенностей колониальной системы Англии являлось отсутствие непосредственного общения в процессе хозяйственной и общественно-политической жизни между населением колоний и трудящимися массами английского народа. В отличие от английской си-

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 15, стр. 160—161.

стемы, в условиях колониального господства России непосредственное общение трудящихся масс киргизского и других народов Средней Азии с русскими непрерывно росло. Постепенно складывалась и выявлялась общность их интересов, что в конечном итоге привело к совместной борьбе против царизма. Необходимые условия создавались вместе с массовым переселением в Киргизию русских крестьян, с появлением и увеличением количества русских рабочих. Повседневно общаясь в быту и производственной жизни, одинаково испытывая тяжесть кулацко-байского гнета и произвол царизма, трудовые массы киргизского и русского народов закладывали основы будущей нерушимой братской дружбы в совместной борьбе против всякого угнетения. Этим определялась огромная прогрессивная роль России в истории народов Средней Азии.

При натянутых отношениях с Якуб-беком, которого поддерживала Англия, царское правительство должно было усилить свои позиции в Северной Киргизии. В 1868 г. решено было возвести укрепление в Нарыне. С этой целью туда был направлен отряд под начальством полковника Краевского. 6 июня 1868 г. отряд благополучно прибыл на реку Нарын, к месту бывшего Кокандского укрепления Куртка. Место для укрепления было выбрано на левом берегу реки, в одной версте ниже бывшего китайского моста. С возведением укрепления на Нарыне и постоянным обоснованием там русских военных сил окончательно было обеспечено господство России над тяньшаньскими киргизами.

В 1869 г. в Иссыккульской котловине было основано Каракольское укрепление. Несколько лет пребывания русских отрядов в Аксуйском укреплении выявили неудобства его расположения. Укрепление стояло в стороне от караванных путей и от кочевий киргизов. Было целесообразно перенести его в другое место. Весной 1869 г. барону А. В. Каульбарсу было предложено поехать на Иссык-Куль с целью выяснения стратегического значения этого района. Одновременно ему было поручено избрать место для нового укрепления.

Новый город был основан на реке Каракол, куда незадолго до того переселились из района Аксу несколько семей земледельцев-узбеков. Уже 9 сентября 1869 г. управление войскового начальника Аксуйского укрепле-

ния и его гарнизон были переведены в Каракол [1]. Укрепление быстро развивалось, росла численность его населения, расширялись торговые связи, и вскоре оно стало административным центром Иссыккульского уезда. Впоследствии Каракол стал важным городом Северной Киргизии, ему было присвоено имя знаменитого русского путешественника и исследователя Центральной Азии Н. М. Пржевальского.

Так же успешно развивалось и укрепление Токмак, вскоре также превратившееся в город, имевший важное торговое и административное значение как уездный центр. Основание военных укреплений Токмак, Каракол и Нарын облегчило гражданскую колонизацию Северной Киргизии. На берегах Иссык-Куля, в Чуйской долине, а впоследствии и на Нарыне, в Таласской долине и других районах Киргизии одно за другим основывались поселения русских крестьян.

В России, несмотря на относительно высокие темпы развития капитализма, в сельском хозяйстве еще сохранялись отсталые формы полукрепостнических отношений. В. И. Ленин указывал: ««Остатки старого крепостного порядка» страшно еще велики в нашей деревне... Отработки и кабала, сословная и гражданская неполноправность крестьянина, его подчинение вооруженному розгой привилегированному землевладельцу, бытовая приниженность, делающая крестьянина настоящим варваром,— все это не исключение, а правило в русской деревне, и все это является, в последнем счете, прямым переживанием крепостного порядка» [2].

Безземельных и малоземельных крестьян жестоко эксплуатировали не только помещики, но и кулаки. В этих условиях все больше обострялись противоречия как между крестьянством и помещиками, так и между беднотой и кулачеством. Ленин указывал, что «в русской деревне переплетаются в настоящее время две основные формы классовой борьбы: 1) борьба крестьянства против привилегированных землевладельцев и против остатков крепостничества; 2) борьба нарождающегося сельского пролетариата с сельской буржуазией» [3].

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6822, л. 1.
[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 6, стр. 96—97.
[3] *В. И. Ленин*, Соч., т. 4, стр. 231.

Безземелье и кабальные формы эксплуатации были основной причиной стремления трудящихся крестьян переселиться на окраины. Это стремление усиливалось в неурожайные годы, нередкие в то время, особенно в 1891—1892 гг., когда 30 губерний с населением до 40 миллионов человек — Поволжье, Приуралье, Центрально-Черноземная область — голодали. Царское правительство, напуганное движением крестьян в пореформенный период, заинтересовано было в удалении из центра безземельных и малоземельных, но этого не хотели помещики, которые боялись потерять дешевые рабочие руки. Поэтому широкое развитие получило самовольное переселение. В 1894 г. около 78 процентов переселенцев были самовольные.

Переселение русских крестьян в Северную Киргизию, начавшееся в конце 60-х годов, вскоре приняло широкие размеры. Колпаковский в рапорте туркестанскому генерал-губернатору от 17 января 1868 г. писал о необходимости «учредить поселения крестьян в Токмаке, близ разрушенного Пишпека и на Иссык-Куле, в каждом по 50 семейств... с нарезкою им законом положенного надела 15 десятин земли на каждую душу мужского пола» [1]. Но вскоре число желающих поселиться в Токмакском и Иссыккульском уездах превысило наметки Колпаковского. К осени 1868 г. в Токмаке насчитывалось до 150 семейств (весной было 27), в Пишпеке и Аксу — по 50. В Иссыккульском уезде первые поселения русских крестьян появились позже (в устье реки Тюп и на реке Аксу). На Тянь-Шане для переселения крестьян были намечены пункты в долине реки Кочкорки, в устье реки Джуванарык, около развалин укрепления Куртка и в долине Сарыбулак [2]. Плодородные почвы Киргизии, большие наделы пахотной земли, мирные отношения с коренным киргизским населением — все благоприятствовало успешному развитию русских поселений.

В последующие годы гражданская колонизация развивалась еще успешнее. С 1868 по 1883 г. в Семиреченской области поселилось 19 183 крестьян. В 1885 г. только в Токмакском и Иссыккульском уездах имелось уже 16 русских поселений: Большой и Малый Токмак, Кара-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 1 — КТГГ, оп. 47, д. 467, л. 1.
[2] ЦГИА Узб. ССР, ф. 1 — КТГГ, оп. 27, д. 467, л. 2—5.

булак, Иссыгатинское в Токмакской волости, Беловодское, Сукулук, Аламедин, Сомовка, Карабалты, Мелководное в Беловодской волости, Теплоключинское, Преображенское, Джергес, Сливкино, Сазановка, Уйгальское в Иссыккульском уезде.

Почти 10 тысяч крестьян получили там 150 тысяч десятин земли. Кроме того, крестьянам было разрешено арендовать земли у киргизского населения [1].

Русские поселки возникали и в северо-западной части Киргизии, входившей тогда в состав Аулиеатинского уезда Сыр-Дарьинской области. В 1875 г. было основано село Вознесенское, в 1876 г.— Чалдывар, в 1877 г.— Дмитриевское (Таласс), в 1881 г.— Покровское, в 1884 г.— Николаевское, в 1886 г.— Александровское и ряд других.

В 1891—1892 гг. в Семиреченскую область прибыло 1729 семей крестьян-переселенцев. Они осели главным образом в Северной Киргизии — в Пишпекском и Пржевальском уездах. В 1896 году в этих уездах насчитывалось уже 26 500 переселенцев [2].

В 90-х годах началось переселение русских крестьян и на юг Киргизии. В Ошском и Андижанском уездах возникли села Покровское, Благовещенское, Николаевское, Рождественское, поселки Кара-Тюбе, Лянгар и другие, всего до 25 русских селений. К 1904 году в Пржевальском уезде имелось 16 080 русских переселенцев, или 9 процентов населения уезда, в Пишпекском уезде — 19 349, или 10,6 процентов населения уезда [3], а к 1907 году число переселенцев в этих двух уездах достигло 49 тысяч человек [4].

Среди переселенцев значительный процент составляла беднота, интересы которой были противоположны интересам кулачества, царских чиновников и буржуазии. В процессе своей хозяйственной деятельности трудящиеся крестьяне вступали в связь с киргизским насе-

---

[1] ЦГВИА, фонд Главного штаба, д. 42, 1884 г.

[2] См. *О. А. Шкапский,* Переселенцы и аграрный вопрос в Семиреченской области, «Вопросы колонизации». Сборник статей № 1, 1907 г., стр. 169.

[3] См. «Памятная книжка и адрес-календарь Семиреченской области на 1905 г.», Верный 1905 г., стр. 170—171.

[4] См. *О. А. Шкапский,* Переселенцы и аграрный вопрос в Семиреченской области, стр. 169.

лением. В большинстве переселенцы из России, испытавшие тяжесть помещичье-крепостнического гнета и царизма и имевшие немалый опыт борьбы против эксплуататорских классов, принесли с собой дух свободолюбия, ненависть к царизму, произволу и насилию господствующих классов.

Но помимо бедняцко-середняцких хозяйств в Киргизии существовали привилегированные казачьи станицы и кулацкие хозяйства — опора царизма в проведении колониальной политики. Эти станицы и хозяйства были наделены большими и наиболее плодородными земельными участками, отобранными у киргизов.

Естественным союзником в борьбе трудящихся крестьян против привилегированного землевладения и кулачества являлись трудовые массы киргизского населения. Однако в условиях колониального режима и господства патриархально-родового быта этот союз складывался медленно и с большим трудом. Одним из необходимых условий для образования такого союза было разложение в Киргизии патриархально-феодального строя и зарождение буржуазных отношений на основе роста производительных сил.

Переселение русских крестьян, появление в Киргизии русских сел имело своим непосредственным результатом резкое увеличение площади пахотной земли, интенсивное расширение посевов основных сельскохозяйственных культур, в особенности пшеницы и овса, развитие более современных форм организации земледелия: введение более совершенной системы орошения, улучшение техники ухода за посевами и уборки урожая и т. д. Русские крестьяне культивировали ряд новых ценных зерновых, технических и огородных культур. Киргизы внимательно присматривались ко всем улучшениям и достижениям в земледелии и активно воспринимали их.

Интенсивные формы земледелия киргизы восприняли также и от других оседлых народностей края — дунган, таранчей, узбеков и других, которые по уровню развития земледелия не отставали от русских крестьян. В. А. Васильев отмечает, что «ни в смысле разнообразия культур, ни в смысле системы хозяйства русские не превзошли оседлых туземцев — таранчей и дунган; наоборот, последние возделывают рис, масличные, культи-

вируют разнообразные сорта овощей, выращивают виноград, персики и даже иногда хлопок, которые требуют гораздо более интенсивного хозяйства, чем обычное крестьянское полеводство» [1]. В свою очередь и русские крестьяне перенимали от коренного населения опыт ведения хозяйства, в частности системы орошения. А. Н. Северцов писал о первых русских переселенцах: «На заработанные деньги они завели запашку, т. е. купили у киргизов семян и наняли игенчей себе на помощь; сами учились орошению, а своих киргизских рабочих учили по-русски, поаккуратнее пахать» [2].

В сельское хозяйство Киргизии проникли новые для нее сельскохозяйственные орудия — плуги, железные бороны, каменные катки для обмолота зерна, улучшенные лопаты, мотыги, топоры, зерноочистительные сетки, сита и т. д. Впоследствии появились и сложные машины — веялки, зерночистки, косилки, жнейки и др. Все эти усовершенствованные орудия сельскохозяйственного производства, применяемые русскими крестьянами, по преимуществу зажиточными, успешно воспринимались и киргизами, что привело к серьезному сдвигу в развитии производительных сил сельского хозяйства.

Внедрялись также новые для киргизов культуры — овес, рис, гречиха, рожь, подсолнечник, кукуруза, многие огородные и бахчевые культуры — картофель, капуста, горох, лук, морковь, арбузы, тыквы, огурцы, помидоры и некоторые технические культуры — табак, конопля, лен, кенаф и другие.

С развитием земледелия и с расширением площади пахотной земли плодородные долины Киргизии, ранее использовавшиеся в основном как пастбища, стали приносить обильный урожай. Продовольственная база Киргизии значительно расширилась. Опасность голодовок в результате джута уменьшилась, так как недостаток продуктов скотоводства население могло теперь восполнять продуктами земледелия.

[1] «Проект орошения долины реки Чу в Семиреченской области», Спб. 1915, стр. 76.

[2] *Н. Северцов,* О русских поселениях к югу и к западу от Иссык-Куля, «Материалы для статистики Туркестанского края», Ежегодник, вып. 4, Спб. 1876, стр. 111. См. также *В. Григорьев,* Крестьянская колонизация в Сыр-Дарьинской области, «Русская мысль», М. 1893, февраль.

О размерах посевов в начале 70-х годов можно судить по данным двух уездов Семиреченской области [1]:

Наименование уезда	Посеяно (в пудах)	
	просо	пшеница
Иссыккульский	960	241 305
Токмакский	28 380	152 304

Сравнительные данные за 1869 и 1892 годы ярко иллюстрируют рост урожайности в этих уездах [2]:

Наименование уезда	Годы	Посеяно (в четвертях)	Снято (в четвертях)
Иссыккульский	1869	9 950	44 500
	1892	40 190	395 779
Токмакский	1869	210	1 080
	1892	4 346	38 819

Посев яровой пшеницы киргизами в 1904 г. в Пржевальском уезде был произведен на 18 572 десятинах (42 процента всей посевной площади уезда), в Пишпекском уезде — на 31 357 десятинах (44 процента всей посевной площади уезда) [3].

К 1904 г. общая посевная площадь зерновых культур и картофеля по этим двум уездам составляла (в десятинах) [4]:

Наименование уезда	Оседлое население	Кочевое население
Пишпекский	25 480	70 986
Пржевальский	23 361	39 431

Правда, размеры посевных площадей у киргизов по сравнению с русскими крестьянами и другими оседлы-

[1] «О числе кочевого населения в Семиреченской области за 1870—1871 гг.», стр. 251—259.

[2] «История Киргизии», т. 1, стр. 322.

[3] См. «Памятная книжка и адрес-календарь Семиреченской области на 1905 г.». Приложение II, стр. 7.

[4] См. там же, стр. 6.

ми народностями края были меньше. Посевная площадь зерновых культур и картофеля на один двор в 1904 г. в среднем составляла (в десятинах) [1]:

Наименование уезда	У казаков	У русских крестьян	У дунган	У киргизов
Пржевальский	—	9	2	1,2
Пишпекский	5	9	4,6	2,3

Приведенные цифры дают лишь приблизительную картину производства киргизами Семиреченской области основных сельскохозяйственных культур. При этом следует отметить, что до присоединения Киргизии к России эти культуры там были неизмеримо менее распространены и имели низкую урожайность. Значительно интенсивнее развивалось земледелие у киргизов на юге, где население имело больше навыков земледельческого труда и было более подготовлено к массовому переходу к оседлой жизни.

Наряду с расширением площади пахотной земли под непосредственным влиянием русских крестьян киргизы стали заниматься и заготовкой сена, что значительно ослабляло угрозу массового падежа скота во время джута. Коса и заводской серп стали широко применяться киргизами. Впоследствии они стали применять и сенокосилки. В конце XIX в. только в Пишпекском и Пржевальском уездах скашивалось более 100 тыс. десятин сенокосных угодий, заготавливалось в среднем от 12 до 14 миллионов пудов сена в год. Часть этих сенокосов принадлежала киргизам. В Наманганском уезде киргизы в этот период имели 7516 десятин сенокосов [2].

Со временем стало развиваться и травосеяние. В 1904 г. в Пишпекском уезде было посеяно люцерны оседлым населением 50 десятин, киргизами — 107 десятин. Посевами клевера в том же уезде было занято у оседлого населения 1022 десятины, у кочевого —

[1] См. «Памятная книжка и адрес-календарь Семиреченской области на 1905 г.». Приложение II, стр. 11.

[2] См. «История Киргизии», т. I, стр. 322.

11 716 десятин. В Пржевальском уезде соответственно — 131 и 941,2 десятины [1].

До присоединения к России у киргизов культивировались только низкорослые и малопродуктивные породы скота. Постоянное общение с русскими крестьянами, которые часто летом держали свой скот у киргизов, привело к тому, что киргизы также стали разводить лучшие породы скота. С помощью организованных в Киргизии конных заводов улучшались породы лошадей. Некоторое распространение получила ветеринария.

Киргизы раньше наряду с охотой изредка занимались и рыболовством, но лишь в период большого недостатка продовольствия в результате джута или засухи. Рыболовство как одна из отраслей хозяйства стало известно в Киргизии лишь с появлением русских.

До прихода русских крестьян киргизам совершенно неизвестно было и пчеловодство, хотя их земли были богаты медоносными растениями. Русские крестьяне-переселенцы успешно занимались пчеловодством. До 1873 г. в Пржевальском уезде пчел не было совсем; в 1878 г. имелось уже около 800 ульев, а в 1904 г.— 17 588. В 1903 г. в том же уезде было собрано 9549 пудов меда, в Пишпекском уезде — 8882 пуда [2].

Киргизы не сразу восприняли новые отрасли сельскохозяйственного производства, но впоследствии стали заниматься, хотя и в небольших размерах, и пчеловодством, и садоводством, и виноградарством, и бахчевыми, огородными и другими культурами.

Под влиянием развития земледелия, а также жизни и быта русских крестьян киргизы начали переходить к оседлости, в первую очередь беднейшая часть населения. «Желание выйти из батрачества, из крепостной зависимости от богачей,— отмечал М. Терентьев,— заставляет... егинчу обращаться к русским властям с просьбой о наделе его землей наравне с русскими мужиками» [3]. Переход к земледелию расшатывал патриархально-родовой быт и способствовал ослаблению зави-

[1] См. «Памятная книжка и адрес-календарь Семиреченской области на 1905 г.», стр. 15.

[2] Там же, стр. 201.

[3] *М. А. Терентьев*, История завоевания Средней Азии, т. III, Спб. 1906, стр. 382.

симости трудящихся киргизов от баев и манапов. Но эксплуататоры не хотели терять зависимую букару и рабочую силу, жестоко избивали непослушных, разоряли их хозяйства, а самих возвращали в кочевой аил. Интересное сведетельство об этом находим в одной из корреспонденций «Туркестанских ведомостей». «В 1897 г. несколько партий пишпекских киргиз просились в оседлое положение. Пошла переписка, а тем временем богатые кочевники энергично принялись разорять просителей и сажать в тюрьму. Суд в их руках. Народ был запуган и стал постепенно отказываться от выраженного желания к оседлости» [1]. Группой киргизов Талканов ской, Шамшинской, Карабалтинской, Кегетинской волостей Пишпекского уезда были возбуждены ходатайства о переходе к оседлости в 1897 году [2]. С таким же ходатайством обращались киргизы Иссыккульского уезда и другие. Но в результате противодействия бай-манапов их просьбы не были удовлетворены. И все же в 1899 г. в Чуйской долине возникло первое оседлое киргизское селение Таш-Тюбе с домами русского типа и улицами, обсаженными деревьями. В Иссыккульской долине в 1900 г. возникло киргизское селение Боз-Учук [3].

Оседание особенно интенсивно шло на юге Киргизии. С 1880 по 1892 г. в Ошском уезде осело около 30 000 киргизских хозяйств. В «Ежегоднике Ферганской области» за 1902 г. указывается: «После сартов (то есть узбеков.— *Б. Д.*) по числу идут каракиргизы, которых во всей области около 300 000 человек. Из них почти 200 000 человек уже осели в Ферганской долине и занялись земледелием, а остальные занимаются скотоводством и кочуют в долинах и ущельях окружающих Ферганскую долину гор» [4]. Таким образом, к началу XX в. в Ферганской области около 65 процентов киргизских хозяйств в основном занималось земледелием и перешло к оседлому и полуоседлому образу жизни. Киргизы постепенно переходили к новым, более интенсивным фор-

[1] *В. Г.*, О землеустройстве кочевников, «Туркестанские ведомости» № 98, 1910 г.

[2] См. *М. А. Терентьев*, История завоевания Средней Азии, т. III, стр. 386.

[3] См. «Памятная книжка и адрес-календарь Семиреченской области на 1900 год», Верный 1900, отдел II, стр. 5, 6.

[4] «Ферганская область в 1901 г.», «Ежегодник Ферганской области», т. I, стр. 5.

мам хозяйства, что вело к изменению веками слагавшихся устоев быта.

Развитие земледелия и переход к оседлости привели к общему подъему хозяйства киргизов и экономики Киргизии в целом. Если раньше скотоводство почти везде являлось основным, а нередко даже единственным занятием киргизов, то теперь очень важную роль стало играть земледелие, которое для беднейшей части населения становилось основным источником существования. Акыны-демократы Токтогул, Тоголок-Молдо и другие воспевали земледелие и восхваляли оседлость как средство коренного улучшения жизни народа; они призывали учиться у русских и воспринимать их достижения в области хояйства, культуры и быта.

Киргизы должным образом оценили положительные стороны жизни русских. Это нашло отражение и в киргизском фольклоре:

Илгери экен амалы,	Они имеют опыт и знания,
Ишинде жок жаманы,	В их помыслах нет плохого,
Кыйын экен чамасы.	Они умеют преодолевать трудности.
Атка чексе аркырайт	А как быстро мчатся
Арабасы, чанасы.	Их сани и дрожки!

Переходя к оседлости и воспринимая производственные приемы и навыки от переселенцев, киргизы одновременно привыкали к использованию русских домашне-бытовых и хозяйственных принадлежностей и предметов обихода, таких, как кровать, часы, стол, стул, топор, пила, самовар и т. д. Воспринимались формы жилища, хозяйственных построек и т. п.

Важное хозяйственное значение имело заимствование от русских крестьян новых средств передвижения. Раньше верховая езда на лошадях, быках, верблюдах и яках являлась основным способом передвижения киргизов. Эти животные использовались и для перевозки вьюком тяжестей при перекочевках. Колесный транспорт был мало знаком киргизам. Они знали лишь волокушу — «чийне». Теперь киргизы стали заимствовать у русских крестьян более удобные брички, телеги, сани и пр., которые значительно повышали производительность перевозок.

Наряду с переменами в сельском хозяйстве начала развиваться и промышленность. С момента присоединения Киргизии к России проводились хотя и не в широких размерах, разведочно-изыскательские работы. Рус-

скими учеными были открыты богатые залежи угля, нефти и других ископаемых. Разработка и использование этих богатств явились важным фактором дальнейшего развития производительных сил страны. К началу XX в. уже добывался каменный уголь в Сулюкте и Кызыл-Кие, нефть — в Майли-Сае, соль — в Кочкоре, Тогуз-Торо, Кетмень-Тюбе. Горнорудная промышленность Киргизии насчитывала значительное количество рабочих и играла известную роль в развитии края.

Однако в Киргизии преобладали предприятия по первичной переработке сельскохозяйственного сырья. В 90-х годах в Северной Киргизии имелось 2 пивоваренных, 7 кожевенных, 8 маслобойных заводов, 77 водяных мельниц. На юге, в Ошском уезде, в начале 80-х годов насчитывалось свыше 150 промышленных заведений, в том числе 55 мельниц, 30 хлебопекарен, 10 красильных, 9 шорных, 6 кожевенных, 6 свечных, 3 алебастровых и 5 гончарных заводов [1]. В последующие годы количество промышленных заведений в Киргизии значительно возросло, но все это были по преимуществу мелкие предприятия полукустарного типа.

Развитию промышленности в Киргизии царское правительство придавало однобокое направление в соответствии с интересами русской буржуазии. Тем не менее появление даже мелких предприятий имело важное значение для экономики края. Процесс развития капитализма в России оказывал заметное прогрессивное влияние на развитие производительных сил Киргизии. Патриархально-феодальная страна вовлекалась в орбиту капиталистического развития, и русская буржуазия, хотя и жестокими, кабальными методами эксплуатации, обрекавшими трудящихся на страдания, все же объективно выполняла исторически прогрессивную миссию.

В. И. Ленин отмечал: «Признание прогрессивности этой роли вполне совместимо... с полным признанием отрицательных и мрачных сторон капитализма, с полным признанием неизбежно свойственных капитализму глубоких и всесторонних общественных противоречий, вскрывающих исторически преходящий характер этого экономического режима...

Прогрессивную историческую роль капитализма можно резюмировать двумя краткими положениями: повышение производительных сил общественного труда и обобществление его. Но оба эти факта проявляются в весьма разнообразных процессах в различных областях народного хозяйства» [1].

В резолюции XII съезда партии по национальному вопросу дана следующая оценка исторической роли и значения развития капитализма для человеческого общества:

«1. Развитие капитализма обнаружило еще в прошлом столетии тенденцию к интернационализации способов производства и обмена, к уничтожению национальной замкнутости, к хозяйственному сближению народов и постепенному объединению громадных территорий в одно связное целое. Дальнейшее развитие капитализма, развитие мирового рынка, налаживание великих морских и железнодорожных путей, вывоз капитала и пр. еще больше усилили эту тенденцию, связав самые разнообразные народы узами международного разделения труда и всесторонней взаимной зависимости. Поскольку этот процесс отражал колоссальное развитие производительных сил, поскольку он облегчал уничтожение национальной обособленности и противоположности интересов различных народов, он был и остается процессом прогрессивным, ибо он подготовляет материальные предпосылки будущего мирового социалистического хозяйства.

2. Но тенденция эта развивалась в своеобразных формах, совершенно не соответствующих ее внутреннему историческому смыслу. Взаимная зависимость народов и хозяйственное объединение территорий устанавливались в ходе развития капитализма не путем сотрудничества народов, как равноправных единиц, а в порядке подчинения одних народов другими, в порядке угнетения и эксплуатации народов менее развитых народами более развитыми. Колониальные грабежи и захваты, национальный гнет и неравенство, империалистический произвол и насилие, колониальное рабство и национальное бесправие, наконец, борьба «цивилизованных» наций между собою за господство над народами «нецивилизованными»,— таковы те формы, в рамках которых протекал процесс хозяйственного сближения народов. Поэтому, наряду с тенденцией объединения,

[1] См. «История Киргизии», т. 1, стр. 314.

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 3, стр. 523—524.

нарастала тенденция к уничтожению насильственных форм этого объединения, борьба за освобождение угнетенных колоний и зависимых национальностей от империалистического гнета. Поскольку эта вторая тенденция означала возмущение угнетенных масс против империалистических форм объединения, поскольку она требовала объединения народов на началах сотрудничества и добровольного союза, она была и остается тенденцией прогрессивной, ибо она подготовляет духовные предпосылки будущего мирового социалистического хозяйства» [1].

С развитием элементов капитализма начинается разрушение племенной замкнутости и экономической обособленности хозяйства отдельных районов Киргизии. Это проявилось в развитии товарно-денежных отношений, в которые вовлекались не только русские переселенцы, но и киргизы.

Русские крестьяне-переселенцы и казачество, которые в России уже вели в широких размерах товарное хозяйство, здесь стали развивать его на той же основе, сообразуясь с потребностями рынка.

Насколько хозяйство русских крестьян носило товарный характер, ясно видно хотя бы из данных по пчеловодству. В 1892 г. в Пржевальском уезде из 3888 пудов собранного меда было продано 2900 пудов; в 1897 г. — из 13 200 было продано около 10 тысяч пудов [2].

Такая же картина наблюдалась и в отношении огородных и зерновых культур, с той разницей, что зерно, главным образом пшеница, вывозилось в гораздо большем количестве и в отдаленные города Средней Азии и Западного Китая.

Различные продукты скотоводства киргизов, такие, как шерсть, кожа, сало, теперь все в больших размерах шли на рынок. Среди киргизских баев появляются торговцы скотом не только на рынках крупных городов Средней Азии и Западного Китая, но и России. Часто они продавали не только свой скот, но и занимались перепродажей. Среди киргизов появились также мелкие торговцы, так называемые «кзыл-кулак», которые, закупая промышленные товары в городах, затем продавали

[1] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», изд. 7, ч. 1, Госполитиздат, 1954, стр. 709—710.

[2] См. «История Киргизии», т. 1, стр. 312.

их в киргизских аилах по более высоким ценам. Широкое распространение получило ростовщичество, с той особенностью, что в качестве ростовщического капитала выступали не только деньги, но и товары. Скот и продукты скотоводства стали главным предметом вывоза в другие города России и даже за границу.

Киргизы стали разводить специальные сельскохозяйственные культуры для продажи, например хлопок на юге Киргизии. Это видно из следующих данных о посевной площади хлопчатника в Ферганской области [1]:

Годы	Площадь хлопчатника (в десятинах)
1888	34 669
1893	85 300
1903	149 056
1913	274 897

Важное значение стали приобретать железные дороги. Строительство железных дорог — Закаспийской (1880—1888 гг.) и Ташкентско-Оренбургской (1899—1905 гг.) — имело огромное значение для экономического развития края, способствовало дальнейшему развитию капиталистических предприятий и ликвидации хозяйственной обособленности отдельных районов Средней Азии, усилило процесс включения среднеазиатского рынка во всероссийский и мировой капиталистический рынок. С развитием железнодорожного строительства росла торговля, улучшались условия товарного обращения, расширялся внутренний рынок, увеличивался ввоз промышленных изделий из России и вывоз сырья, расширялись экономические, политические и культурные связи между народами.

В Киргизии не было железнодорожных путей; строительство Семиреченской дороги еще только начиналось. Но здесь проходили важные в экономическом и политическом отношениях тракты. Они связывали Нарын, Пржевальск и Пишпек с центром Туркестанского генерал-губернаторства Ташкентом, а через Верный — с Семипалатинском.

Через территорию Киргизии проходил Сергиопольско-Верненско-Карабалтинский почтовый тракт, соединяв-

[1] *В. В. Заорская-Александрова и К. А. Александер,* Промышленные заведения Туркестанского края; Отдельные отрасли промышленности, Пг. 1915, стр. 2.

ший центр Семиреченской области с Семипалатинском, Пишпеком и Ташкентом. Тракт имел 42 почтовых станции, из которых 4 были расположены в Киргизии — Пишпек, Ново-Троицкое, Беловодск и Карабалты. Джаркентско-Пржевальский тракт имел 15 станций, из которых шесть были расположены в Киргизии — Кегеньская, Каркыринская, Талдыбулакская, Джиргаланская, Джергесская и Пржевальская. На Пишпекско-Пржевальском тракте были расположены 14 почтовых станций, на Нарынском тракте — шесть.

Наряду с магистральными почтовыми трактами, связывавшими основные административно-политические центры, были проложены грунтовые дороги, сеть которых связывала более мелкие районы, села и города. Почтовые станции на главных почтовых трактах служили также пунктами остановки караванов и местами мелкой торговли и обмена.

К началу XX в. все уездные центры Киргизии — Пишпек, Пржевальск, Ош — были связаны телеграфными линиями с Ташкентом, Верным, Семипалатинском и с центральными городами России. Телеграфные линии связывали с уездными центрами и некоторые крупные селения — Ново-Дмитриевское, Сазановку и другие.

В начале XX в. в Ферганской области было уже несколько электростанций, в частности в Оше.

Передовые представители киргизов высоко оценивали научно-технические достижения, которые постепенно стали внедряться в Киргизии после присоединения ее к России. В фольклоре сохранилась следующая восторженная оценка телеграфа:

Кара жолдун кашында
Карагайдын башында
Кёмёрюп койгон чыны бар
Чыны юстюнён жюргюсюн
Тартып койгон сымы бар
Алты айлык жолдун кабарын
Алты кюндё билгискен
Тилгиремдин сымы ошол.
Чийп берген кагасы
Тили мингдин баасы.
Дин мусулман баласы
Келбейт ойлоп чамасы [1].

У самой дороги,
На вершинах сосновых столбов
Подвешены пиалки.
По этим пиалкам
Натянута проволока.
Вместо шести месяцев
За шесть дней передает известия
Эта телеграфная проволока.
Одна бумага, которую она напишет,
Стоит многих тысяч разговоров.
Ни один правоверный
Не в силах был придумать такое!

[1] Из рукописи И. Абдрахманова. Рукописный фонд ИИ АН Кирг. ССР, оп. 1793, стр. 403—404.

Расширению внутреннего рынка способствовала также более определенно наметившаяся хозяйственная специализация районов в соответствии с природными условиями. Высокогорные долины Центрального Тянь-Шаня, Нарын, Атбаши и Тогуз-Торо, а также Чаткал, Кетмень-Тюбе и другие оставались в основном районами преимущественно скотоводческими. Берега Иссык-Куля, отчасти долина Таласса и Чуйская долина выделялись как районы зерновых культур, ряд районов Южной Киргизии, в частности юго-восточная часть Ферганской долины, стали выделяться как хлопководческие. Кроме того, в связи с переселением русских крестьян в некоторых районах начали прививаться новые сельскохозяйственные культуры, со значительной площадью посева, например табак, подсолнечник и другие.

С появлением капиталистических промышленных предприятий и железных дорог начал зарождаться рабочий класс как за счет пришлых русских рабочих, так и из коренного населения. В каменноугольных копях Сулюкты и Кызыл-Кия в конце XIX в. насчитывалось около 500 рабочих, среди которых было немало киргизов. В Ошском уезде в 1882 г. было 284 рабочих, в 1884 г.— уже 381, а к началу XX в.— 1191.

В связи с развитием промышленных предприятий и ростом рабочего класса наметились важные изменения в общественном строе и характере социальной борьбы в киргизском обществе, что было существенным фактором в создании предпосылок социалистической революции. Это обстоятельство впоследствии, как в период революционного движения 1905—1907 гг., так и в период Февральской буржуазно-демократической и Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г., имело исключительно важное значение в борьбе против царской власти, манапов и кулачества и в деле освобождения угнетенных народов Киргизии от всякого гнета.

В деле прогрессивного развития экономики и культуры важную роль сыграло появление городов. В Северной Киргизии возникли города Токмак, Пржевальск, Пишпек, которые быстро развивались и превратились в важные экономические, административные и культурные центры края. Если в Пишпеке в 1886 г. был лишь 441 житель, то в 1897 г. их было уже 6615, а к 1913 г.— 17 394. В Пржевальске в 1884 г. было 1240 жителей

в 1897 г.— 8108, в 1913 — 14 290. В Оше уже в 1897 г. было 34 156 жителей.

Развитие промышленных предприятий, появление городов и русских сел, рост населения, усиление хозяйственной специализации отдельных районов Киргизии, строительство железных дорог и увеличение сети грунтовых дорог — все это усиливало процесс обмена. В уездных центрах и на пересечениях караванных дорог появились базары и ярмарки. Пишпек, Пржевальск и Ош стали крупными центрами торговли. Число разных торговых заведений в Пишпеке к 1913 г. достигло 489, с средним оборотом в 1 миллион рублей в год. В Пржевальске торговых заведений было 204, с средним оборотом 300 тысяч рублей в год, в Токмаке — 635, с средним торговым оборотом до 2 миллионов рублей в год[1]. Кроме того, торговые местечки появились почти во всех районах расселения киргизов: в Чуйской долине, Нарыне, Атбаши, Талассе, Чаткале, Рыбачьем, Кочкоре, Джумгале, Кетмень-Тюбе и других.

Некоторые ярмарки имели международное значение, как, например, Каркыринская, на которую приезжали не только из России и Средней Азии, но и из Китая. На ярмарки киргизы поставляли много продуктов скотоводства и большое количество овец и другого скота. В 1897 г. только из Пишпекского и Пржевальского уездов было продано в другие области Туркестана 111 707 голов скота. Скот и продукты скотоводства киргизов занимали важное место в русско-китайской торговле. В 1897 г. через пржевальскую таможню было вывезено в Китай скота и других товаров на 418 858 рублей и ввезено на 1 422 674 рубля[2]. Нарынское и Каракольское укрепления с момента их основания стали важными перевалочными пунктами торговли с Китаем. В конце 60-х годов через эти пункты кашгарцы ввезли около 1,5 миллиона штук маты[3].

---

[1] См. «История Киргизии», т. I, стр. 318; «Памятная книжка и адрес-календарь Семиреченской области на 1905 г.», стр. 162; *В. Е. Недзвецкий,* Административное устройство, оседлые пункты и кочевые волости Семиреченской области, Верный 1913, стр. 109, 125, 131.

[2] См. «История Киргизии», т. 1, стр. 319.

[3] См. *М. А. Терентьев,* Россия и Англия в борьбе за рынки, Спб. 1876, стр. 76.

Развитие торговли серьезно способствовало разрушению патриархальных устоев киргизского общества, внедрению элементов капитализма, ускоряло процесс классовой дифференциации и появление сельскохозяйственного пролетариата, усиливало экономические связи киргизов с Россией и другими странами. Уничтожение патриархально-феодальной замкнутости, разрушение отсталых, застойных форм хозяйства, преодоление местной племенной обособленности — все это было сдвигом в хозяйстве и общественном строе киргизов.

Прогрессивным последствием присоединения к России следует также считать официальное уничтожение в Киргизии, так же как во всей Средней Азии и Казахстане, института рабства. Правда, пережитки патриархального рабства некоторое время еще продолжали существовать, но запрещение рабовладения законом, подняв в правовом отношении положение рабов до уровня свободных людей, тем самым, несомненно, сыграло прогрессивную роль.

Но степени развития капитализма в Киргизии переоценивать не следует. В целом Киргизия не прошла капиталистической стадии развития, можно говорить лишь об отдельных элементах капитализма, характерных по преимуществу для ранних стадий этой формации. Тем не менее изменения в социально-экономических отношениях киргизов были весьма ощутимы. Патриархально-феодальные отношения и различные формы патриархально-родового быта хотя не были разрушены до конца, но уже явно распадались.

После присоединения Киргизии к России в этой далекой колонии империи был осуществлен ряд мероприятий в области здравоохранения и просвещения. Прежде киргизы не имели представления о лечебно-медицинских учреждениях. Судьба больных целиком и полностью находилась в руках невежественных знахарей, которые часто калечили и губили больных. Народная медицина, предоставленная табибам и тамырчи, была неразвитой и научно не обобщенной. Перед вспышками эпидемических заболеваний киргизский народ был совершенно беспомощным. Такие болезни, как оспа и тиф, нередко уносили население целых аилов.

В Пржевальске, Пишпеке, Аулие-Ата, Оше и других городах, а также в селах были открыты врачебно-меди-

цинские учреждения, фельдшерские пункты и больницы. Уезды были разделены на врачебные участки. Так, в 1898 г. в Пржевальском уезде были организованы участки Пржевальский, Сазановский и Атбашинский, в Пишпекском уезде — Пишпекский, Беловодский и Кутемалдинский. В каждом участке имелись врач, фельдшер и фельдшерица-акушерка [1]. Правда, эти учреждения были рассчитаны в первую очередь на обслуживание уездной администрации, а затем жителей городов и переселенческих сел. Но все же медицинская помощь оказывалась и киргизскому населению. Крупным мероприятием явилось оспопрививание, которое устраняло опасность одной из самых страшных для киргизского населения эпидемических болезней. Конечно, количество врачей и медицинских учреждений было очень ограниченно. Но тем не менее немало русских врачей посвятили свою жизнь беззаветному служению интересам народа. Немало демократически настроенных передовых представителей русских медицинских работников одинаково обслуживали русских и киргизов. Большую любовь и глубокое уважение снискал у киргизского населения фельдшер Василий Михайлович Фрунзе (отец М. В. Фрунзе).

Весьма существенным условием развития экономики и культуры Киргизии явилось ее изучение русскими учеными. Среди них в первую очередь следует отметить знаменитых путешественников П. П. Семенова-Тян-Шанского, Н. М. Пржевальского, А. П. Федченко, зоолога Н. А. Северцова, геолога И. В. Мушкетова, историка В. В. Бартольда, этнографа Н. А. Аристова, лингвиста В. В. Радлова. Немалую роль в деле изучения этнографии и археологии Киргизии сыграли также Потанин, Костенко, Голубев, Пантусов, Поярков и многие другие. С именами этих ученых связаны важнейшие достижения в изучении естественных богатств, растительности, животного мира, истории, археологии, этнографии, языка и фольклора киргизского народа, который с глубоким уважением и благодарностью помнит этих замечательных сынов русского народа. Киргизы служили у них проводниками, подсобными рабочими, переводчиками. Они вместе с ними стойко переносили все трудности,

[1] См. «Памятная книжка и адрес-календарь Семиреченской области на 1898 г.» т. 1, Верный 1898, стр. 116.

делили неудачи и успех, горечь и радости. Семенов-Тян-Шанский, Северцов и другие ученые в своих мемуарах с благодарностью вспоминают помощь, которая оказывалась киргизами во время их экспедиций.

Научное изучение территории Киргизии, ставшее возможным в результате присоединения к России, дало немало новых сведений о Тянь-Шане и Памиро-Алае — величественных горных цепях азиатского материка. Исследования русскими учеными Тянь-Шаня и Памиро-Алая явились серьезной предпосылкой систематического и всестороннего изучения природных богатств.

Присоединение Киргизии к России дало также возможность осуществить важные исследования в области культуры. Начался сбор и накопление этнографических, археологических, лингвистических и фольклорных материалов. Впервые были собраны сведения по истории родов и племен, об их происхождении, районах расселения, численности, о быте и культуре, хозяйстве и общественных отношениях, обычаях, нравах и верованиях киргизского народа.

В письме Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза, посланном в дни 20-летия Киргизской ССР, киргизский народ писал:

«Оглядываясь на пройденный путь, мы видим пересечения исторических дорог, где не раз дружески встречались русские и киргизы. С давних пор чувство дружбы питает киргизский народ к великому русскому народу. Еще в прошлом веке передовые представители киргизского народа, выразители его дум и чаяний — Арстанбек, Молдо-Клыч и другие поняли, что светлое будущее народа может быть завоевано только в дружбе с великой русской нацией.

Вместе с появлением русских на киргизской земле начали пробиваться тогда еще слабые ростки культуры и просвещения. Не царизм и его сатрапы, а передовые представители России несли эту культуру. Выдающиеся русские ученые-исследователи — Мушкетов, Северцов, Федченко, Семенов-Тян-Шанский, Пржевальский — первые раскрыли и описали несметные богатства нашего края. История киргизов впервые стала известна миру на русском языке. Русские научили нас подчинять природу и использовать ее сокровища. Первый завод и шахту, первую школу и больницу построили у нас рус-

ские. Могучая русская культура стала источником быстрого прогресса нашего народа»[1].

Передовые русские ученые создавали в Туркестане различные научные общества, издавали научную литературу. Успешно работал туркестанский кружок любителей археологии, членами которого состояли В. Бартольд, В. Радлов, Н. Аристов, П. Семенов-Тян-Шанский и другие видные русские ученые. Туркестанское отделение Русского географического общества также объединяло ряд выдающихся русских ученых-географов. Кроме этих обществ существовали также Туркестанский отдел общества востоковедов, Туркестанское медицинское общество, Туркестанское общество сельского хозяйства и т. д. Правда, в условиях царизма и господства реакционного колонизаторского режима деятельность этих обществ широко развернуться не могла: они не получали достаточной поддержки со стороны правительства царской России.

В Киргизии после присоединения ее к России были открыты сельскохозяйственные школы — в 1887 г. в Пржевальске и в 1894 г. в Пишпеке. В уездных центрах и почти во всех крупных русских селениях имелись одноклассные мужские и женские школы. Были организованы и русско-туземные школы, которых только в Семиреченской области к 1903 г. насчитывалось двенадцать. В Северной Киргизии русско-туземные школы были открыты в селениях Большой Токмак, Сукулукском и Джумгальском. В 1904 г. в токмакской русско-туземной школе обучалось 56 человек, в большинстве киргизы. В школах Семиреченской области в 1903 г. насчитывалось 177 учеников, из которых 148 принадлежали к местным национальностям[2].

Но царское правительство не было заинтересовано в просвещении не только киргизской, но и других народностей империи, в том числе и русского народа, так как невежество и забитость народа были важным условием господства самодержавия. Поэтому сеть школ, особенно для киргизского населения, была невелика, и царская администрация стремилась использовать школы как

[1] «Советская Киргизия», 1 марта 1946 г.

[2] См. «Памятная книжка и адрес-календарь Семиреченской области на 1905 г.», стр. 255, 256, 263.

очаги пропаганды «незыблемых» принципов и основ «православия и самодержавия». Непосредственной же целью русско-туземных школ была подготовка переводчиков, работников низовой и уездной администрации, торгово-промышленных предприятий и т. п. Тем не менее эти школы принесли в Киргизию первые ростки просвещения. Хотя в них имели доступ почти исключительно дети господствующего класса киргизского общества, в Киргизии впервые стали появляться люди, получившие основы светского образования. Эти школы, несмотря на свою определенную классовую и политическую направленность, объективно сыграли прогрессивную роль как очаги распространения в Киргизии русского языка и русской грамоты, элементов светского образования. Они способствовали общению представителей киргизского народа с образованными русскими учителями, представителями демократически настроенной русской интеллигенции.

Присоединение Киргизии совпало с периодом широкого развития в России передовой науки, литературы и искусства, с бурным подъемом революционно-демократической общественно-политической мысли, связанным с именами таких выдающихся сынов русского народа, как Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов, Толстой, Чехов, Салтыков-Щедрин, Мусоргский, Репин, Менделеев, Тимирязев, Мечников, Пирогов, Семенов-Тян-Шанский, Пржевальский и многих других, замечательные открытия и творения которых вошли в золотой фонд мировой культуры.

Многие передовые представители русского народа и прежде всего революционеры-демократы верили в неизбежность великого революционного переворота в России, активно боролись против всей системы реакционного царского самодержавия, резко протестовали против жесточайшего социального и национального гнета и эксплуатации, всеми способами старались приблизить день гибели абсолютизма и насилия, день торжества правды и справедливости.

Гениальный русский поэт А. С. Пушкин с равным уважением относился к достоинству всех народов, больших и малых, живших тогда в пределах Российской империи. В одинаковой степени признавая их право быть наследниками его творений, он писал:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык.

Великий русский революционный демократ В. Г. Белинский твердо верил в замечательную будущность своей родины. «Завидуем внукам и правнукам нашим,— писал он,— которым суждено видеть Россию в 1940 году — стоящую во главе образованного мира, дающую законы и науке и искусству и принимающую благоговейную дань уважения всего просвещенного человечества».

Н. Г. Чернышевский, последовательно защищая идею крестьянской революции, писал: «У нас будет скоро бунт, а если он будет, я буду непременно участвовать в нем... Это непременно будет. Неудовольствие народа против правительства, налогов, чиновников, помещиков все растет. Нужно только одну искру, чтобы поджечь все это... Сомнение одно — когда это вспыхнет»[1]. Это было время, когда Чернышевский в своей прокламации «К барским крестьянам» призывал русское трудовое крестьянство к революции и к ниспровержению самодержавного строя помещичье-крепостнической России.

Лучшие представители великого русского народа со свойственными им гуманизмом и справедливостью относились ко всем народам, в том числе и к народам национальных окраин России. Они сурово осуждали царское правительство и царских чиновников за великодержавный шовинизм и презрение к малым народам, признавали за этими народами такие же человеческие права и обязанности, какие имели представители господствующей нации. Они считали, что неуважение к национальному достоинству народов окраин со стороны царского правительства и эксплуататорских классов России позорит всех русских людей.

Добролюбов считал, что «...патриотизм живой, деятельный именно и отличается тем, что он исключает всякую международную вражду... Настоящий патриотизм, как частное проявление любви к человечеству, не уживается с неприязнью к отдельным народностям»[2].

[1] *Н. Г. Чернышевский,* Полн. собр. соч., т. 1, М. 1939, стр. 418—419.

[2] *Н. А. Добролюбов,* Полн. собр. соч., т. III, М. 1950, стр. 227—228.

Герцен, предвидя свободную будущность угнетенных народов Российской империи, в 1853 г. писал: «Из-за насильственного единства виднеется свободное единство, основанное на признании равенства и самобытности».

Известные русские ученые — В. В. Бартольд, Н. А. Аристов, В. В. Радлов и другие, видя в киргизах равноправный народ Российской империи, считали их активными творцами исторического процесса и с любовью и глубоким уважением относились к их истории, языку и устному творчеству. Деятельность этих передовых представителей русской интеллигенции сближала русский и киргизский народы.

Решающее значение в судьбах киргизского народа имело появление на исторической арене самого революционного в мире русского пролетариата и его боевого авангарда — Коммунистической партии, возглавившей борьбу за социальное и национальное освобождение народов царской России.

На рубеже XX в. центр революционного движения переместился из Западной Европы в Россию, которая становится родиной ленинизма. В России назревала буржуазно-демократическая революция. Ленин в 1902 г. в своей брошюре «Что делать?», исходя из конкретного анализа внутреннего положения тогдашней России, пророчески предсказал ту великую освободительную роль, которая выпала на долю русского рабочего класса и крестьянства: «История поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является *наиболее революционной* из всех *ближайших* задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата. И мы вправе рассчитывать, что добьемся этого почетного звания...»[1]

Киргизский народ, как и другие народы Средней Азии, веками порабощенный и угнетаемый иноземными и «своими» эксплуататорами, мог достигнуть подлинной свободы и равноправия, избавления от деспотического насилия и произвола феодалов, ханов и царей только

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 5, стр. 345.

с помощью великого русского народа, под руководством большевистской партии, через пролетарскую революцию. Это был верный и единственный путь.

Национальный вопрос в связи с колониальным порабощением сотен миллионов людей земного шара империалистическими державами имел исключительно важное значение для социал-демократических партий всех стран. Этот вопрос привлек особое внимание русских социал-демократов и получил свое гениальное разрешение в трудах В. И. Ленина. Большевики с самого возникновения партии считали национальный вопрос одним из важных вопросов своей программы, ибо в условиях российского многонационального государства освобождение угнетенных классов было неразрывно связано с уничтожением национального гнета. Большевики не считали национальный вопрос самодовлеющим и обособленным, а рассматривали его как часть общего вопроса о пролетарской революции.

Основное в программе Коммунистической партии по национальному вопросу — это лозунг о праве наций на самоопределение, вплоть до отделения. На II съезде партии Ленин дал решительный отпор бундовцам и польским социал-демократам, которые отстаивали программу так называемой «культурно-национальной автономии», и добился принятия пункта о праве наций на самоопределение на принципах пролетарского интернационализма. Решительно защищая лозунг о праве наций на самоопределение, Ленин указывал: «Отстаивать, проповедывать, признавать такое *право* значит отстаивать равноправие наций, значит не признавать *насильственных* связей, значит бороться против всяких государственных привилегий какой бы то ни было нации, значит и воспитывать в рабочих разных наций полную классовую солидарность» [1]. Провозглашение лозунга о праве наций на самоопределение, делало возможным создание вместо существовавших ранее насильственных связей, основанных на принципах господства и подчинения, добровольного объединения народов, основанного на принципах свободы и равноправия.

VII Апрельская партийная конференция в своем решении записала: «Лишь признание пролетариатом права

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 20, стр. 202—203.

наций на отделение обеспечивает полную солидарность рабочих разных наций и способствует действительно демократическому сближению наций» [1].

Таким образом, лозунг пролетарского интернационализма, права наций на самоопределение вплоть до отделения, уничтожение всякого вида национальных привилегий, свобода и равноправие всех народов — такова основа программы коммунистической партии по национальному вопросу.

Волны мощного революционного движения в центре России всегда доходили и до ее далекой окраины — Киргизии. Это было особенно заметно в период буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. и в последующие годы.

В Киргизии, несмотря на ее отдаленность от революционных центров России и экономическую и политическую отсталость, к тому времени уже существовали объективные предпосылки для зарождения революционного движения трудящихся масс и подъема национально-освободительного движения. Массы переселенцев — русских и украинских крестьян, бежавших от кулацкой кабалы и помещичьего гнета в поисках земли и свободной, обеспеченной жизни, не достигли желаемой цели.

Лучшие плодородные земли, изъятые у местного киргизского населения, были в основном захвачены кулацкой прослойкой и зажиточным казачеством, а также офицерством. Кулацкие хозяйства имели по 150—250 десятин земли и владели большим количеством скота. Накануне первой мировой империалистической войны в русских селах в Киргизии более половины крестьян были бедняками.

Характерно соотношение бедняцких и кулацких хозяйств русских крестьян в Пишпекском узде (в процентах) [2]:

Группа хозяйств	Количество хозяйств	Пахотной земли	Рабочего скота	Арендованной земли
бедняцких	51	14	15	5,5
кулацких	20,5	55	54	69

[1] «КПСС в резолюциях...», ч. 1, стр. 345.
[2] «История Киргизии», т. I, стр. 377.

Не менее многочисленный слой составляла беднота и среди киргизов. По данным 1911—1913 гг., в Пишпекском уезде из 31 886 киргизских хозяйств 15 099 (49,5 процента) владело 11,2 процента скота. В то же время в 1767 хозяйствах баев и манапов, составлявших 5,5 процента всех киргизских хозяйств уезда, сосредоточивалось 33,5 процента скота [1]. В этих условиях значительная часть бедняков, как киргизов, так и русских, главным образом новоселов, вынуждена была идти в батраки к кулакам, баям и манапам и так или иначе попадала к ним в зависимость. Общие экономические условия существования, одинаково жестокий кулацкий и байский гнет и политическое бесправие создавали объективные предпосылки для сближения киргизской и русской бедноты.

Рабочий класс Киргизии, как и всего Туркестана, несмотря на свою малочисленность, неорганизованность, распыленность и оторванность от революционных центров, был достаточно подготовлен к восприятию революционных марксистских идей русских коммунистов, для ведения революционной борьбы против царизма, буржуазии и помещиков.

В деле прояснения классового самосознания трудящихся масс и их революционной подготовки немаловажную роль сыграли деятельность социал-демократических организаций и проникновение в Киргизию марксистской литературы. В Киргизии получили распространение отдельные работы Маркса, Энгельса и Ленина, различные издания нелегальной большевистской литературы и периодической печати, отдельные номера большевистских газет «Вперед», «Пролетарий», многие прокламации. В Киргизию они попадали чаще всего из Ташкента и Верного.

Все эти обстоятельства создавали необходимые объективные условия для подъема революционного движения в Киргизии. Но выступления киргизов в период революции 1905—1907 гг. сводились главным образом к пассивным формам сопротивления: к отказу от выполнения государственных повинностей и уплаты налогов, к неявке на «общественные» работы, избиению волостных управителей и их джигитов и т. д. Тем не менее и подобные выступления вызывали у правительства серьезные опасения.

[1] См. «История Киргизии», т. 1, стр. 377.

Ведущую роль в революционном движении в Киргизии играли русский рабочий класс и крестьянство. Почти все промышленные районы, в первую очередь горнорудные, стали центрами революционных выступлений рабочих. В уездных городах проходили митинги, на которых выдвигались демократические требования.

Революционные выступления трудящихся масс в Киргизии проходили в тесной связи с революционным движением во всем Туркестанском крае. Расстрел демонстрантов в Ташкенте 19 октября 1905 г. и репрессивные меры царского правительства против социал-демократических организаций и руководителей революционного движения в Ташкенте, Верном и других городах Туркестана вызвали ряд демонстраций в Пишпеке и других местах. Выдвигались не только экономические, но и политические требования.

Состояние Киргизии этого периода ярко характеризуется документами царских властей. В одном из донесений туркестанский генерал-губернатор писал: «Общая противоправительственная агитация не миновала и отдаленной Семиреченской области, особенно резко проявившись в Верненском, Джаркендском и Пишпекском уездах. Среди населения этих уездов стали разбрасываться в громадном количестве и усиленно пропагандироваться прокламации, возбуждающие против самодержавия и призывающие к сопротивлению начальству с оружием в руках». Пишпекский уезд, так же как и Верненский и Джаркендский уезды Семиреченской области, на некоторое время был объявлен на положении усиленной охраны.

После поражения революции 1905—1907 гг. окончательно уничтожить революционные организации в Туркестане правительству не удалось и распространение нелегальной большевистской литературы не прекращалось. Социал-демократические кружки в Киргизии имели связь с социал-демократическими организациями Ташкента и Верного, а через них — с Московской и Петербургской организациями.

Вовлечение киргизских трудящихся в революционную борьбу под руководством русского рабочего класса имело огромное прогрессивное значение в жизни киргизского народа. Однако влияние передовой революционной идеологии не проникало глубоко в народные массы.

Лишь немногие передовые представители киргизов глубоко осознали общность интересов русского и киргизского народов. Среди них одним из первых должно быть названо имя замечательного акына Токтогула Сатылганова. В своих обличительных песнях он резко осуждал насилия и произвол баев и манапов и национально-колониальный гнет царского правительства.

В период своего длительного пребывания в сибирской ссылке Токтогул близко сошелся с рядом ссыльных русских революционеров. По возвращении на родину акын сложил песню об этих своих русских друзьях:

Айдалып кетиб болуштан
Агаин таптын орустан
Куулуп кетип болуштан
Тууган таптым орустан [1] —

«изгнанный со своей родины волостными управителями, я нашел себе в ссылке братьев и родных из русских».

Под непосредственным воздействием русских революционеров у Токтогула прочно сложились идеи братства между угнетенными народами. По возвращении из ссылки в ряде своих песен он воспевает дружбу трудящихся масс разных национальностей. Он пел:

Казак, кыргыз, ёзбектен,
Орус менен ногайдон,
Карасам адам кёп экен,
Кайгы тартып мен ёнгдуу,
Кармалып келген эл экен [2].

Вижу много людей, таких же как я,
Казахов, киргизов, узбеков,
Русских и татар.
Всех нас объединяет страдание,
Все мы порабощены одинаково.
Они так же страдают, как и я.

В период пребывания в ссылке у Токтогула более определенно оформилась идея общности классовых интересов угнетенных масс и необходимости активной борьбы против тогдашнего реакционного политического и социального строя. В своих «Песнях узника» — «Туткун ыры» он пел:

Мунгдуу болдук биз жюдёп,
Мусапырлар бир тилек,
Мендей карып туткундар,
Мингдеп — мингдеп кёп жюдёт [3].

Все мы тосковали в изгнании,
Ведь у всех обездоленных одни помыслы.
Подобные мне несчастные узники
Тысячами стекаются отовсюду.

[1] *А. Хасанов,* Исторические корни дружбы народов СССР, Фрунзе 1954, стр. 16.

[2] *Токтогул Сатылганов,* Сборник произведений (на киргизском языке), Фрунзе 1956, стр. 48.

[3] Там же, стр. 59.

Большой знаток и ценитель народной музыки, Токтогул быстро усвоил ряд русских народных мелодий и игру на некоторых русских музыкальных инструментах. Об этом он поет в песне «Принятое от русских искусство» — «Орустан алган ёбёлгём»:

Санат ырым чачылып
Оосумду ачсам тёгюлгён.
Он сан орус калкынан
Алып келген ёбёлгём.
Алты кылдуу мандолин
Анын кююсю терилген.
Комусума келтирип
Алдым орус элинен.
Ага — иниге таратып
Акын токонг элирген [1].

Из моих уст неумолчно
Песня наставления льется.
От могучего русского народа
Я воспринял его песни.
Шестиструнная мандолина
Пела эти песни.
Я исполню на своем комузе
Эти русские песни.
С воодушевлением эти песни
Акын передаст своему народу.

Но самое ценное, что воспринял Токтогул от русского народа, это дух свободолюбия и демократические идеалы, ненависть к царизму и эксплуататорским классам. В песне «Когда вернусь на родину» Токтогул пел:

Минг-сандаган мусапыр
Баары жатат кишенде.
Бу кара ниет залимди
Бошотат деп ишенбе [2].

Узников тысячи и тысячи,
И все закованы в кандалы.
Не верьте, что злой тиран
Сам освободит вас.

Гневно протестуя против произвола и насилия, Токтогул в песне «Пять кабанов» подверг резкому осуждению пятерых крупных киргизских манапов, известных своей жестокостью и ненавистных народу:

Жетим жесир алсызга;
Карабадынг беш каман.
Жетилсин деп жардыны,
Санабадынг беш каман.
Жеп-ичкенден башканы
Каалабадынг беш каман [3].

На сирот, вдов и немощных
Вы и не смотрите, пять кабанов.
Что-нибудь доброе бедняку
Вы не сделаете, пять кабанов.
Ничего, кроме ограбления народа
Вы не желаете, пять кабанов.

Токтогул резко осуждал национализм киргизских баев, манапов и мулл. Своими глубоко интернациональными песнями, призывом к дружбе с другими народами и прежде всего с русским народом он первый нанес удар реакционным националистическим идейным течениям в киргизском обществе, в которых идеализировалось па-

[1] *Токтогул Сатылганов,* указ. соч., стр. 189.

[2] Там же, стр. 57.

[3] Там же, стр. 32.

триархально-феодальное прошлое. В то же время Токтогул резко выступал против национального гнета, против шовинизма царских чиновников и русского кулачества, против колонизаторской политики царского правительства, пытавшегося воспитывать русский народ в духе национальной вражды и ненависти к другим нациям, искусственно возбуждавшего национальную вражду. Токтогул высоко ценил русскую демократическую культуру и страстно желал приобщения к ней отсталого, забитого и темного киргизского народа. Он говорил, что путь к знаниям для киргизского народа лежит в сближении и дружбе с русским народом. Он пел:

Билимдин кени оруста,
Оройлук белги болушта.

Источник знаний — у русских,
Невежество и грубость — у наших правителей.

Енёрдюн кени оруста
Оройлук, зордук болушта.

Источник техники — у русских,
Невежество и произвол — у наших правителей.

В творчестве другого акына-демократа — Тоголок Молдо мы также видим восхищение достижениями русской техники и культуры и призыв учиться у русских. В поэме «Кедейлерге насият» — «Наставление беднякам», написанной не без влияния русской революционно-демократической мысли, акын призывал бедноту к объединению и свободе.

Благотворное влияние передовых идей русского общества, несомненно, шло и через казахов, татар и узбеков, лучшие мыслители которых формировали свое мировоззрение в известной мере под влиянием русских революционных демократов.

Но таких людей, как Токтогул Сатылганов, было немного. Массы киргизского народа еще продолжали находиться в плену феодальной идеологии, носителями которой являлись баи и манапы. И это сильно препятствовало сближению угнетенных трудящихся разных национальностей.

Известно, что царская Россия была «тюрьмой народов». Преследуя интересы русского военно-феодального империализма, царское правительство проводило политику беспощадного национально-колониального гнета и эксплуатации. Эта реакционная политика тормозила экономическое, политическое и культурное развитие трудя-

щихся масс всех национальностей, в том числе и киргизов. В. И. Ленин писал: «Кому выгодна эта политика? Она выгодна кучке капиталистов-тузов, которые ведут торговые дела с Китаем, кучке фабрикантов, производящих товары на азиатский рынок... Такая политика выгодна кучке дворян, занимающих высокие места на гражданской и военной службе» [1].

Царизм, превративший Россию в «тюрьму народов», был душителем миллионов трудящихся масс России всех национальностей. В присоединенных районах устанавливался колониальный режим, режим грабежа и насилия над местным трудящимся населением.

Ленин отмечал: «В России *больше половины, почти три пятых (точно: 57 проц.)* населения подвергается национальному угнетению, они не пользуются даже свободой родного языка...» [2]

Положительное культурное, экономическое и политическое влияние великого русского народа не могло широко распространиться в киргизском народе из-за реакционной политики царизма. Более того, колониальная политика царизма создавала почву для усиления националистических настроений, подрывала доверие ко всему русскому, в том числе и к трудящимся массам русского населения, придавленным феодально-самодержавным строем не менее, чем трудящиеся массы киргизского и других народов.

Особенно тяжела была земельная политика царизма. Если первые русские поселения на территории Киргизии в 60—70-х годах еще не могли вызвать и фактически не вызывали особого недовольства киргизов, то по мере усиления колонизации столкновения на почве поземельных отношений между киргизским и русским населением становились все более серьезными. До 1904 г. массовая колонизация Туркестана задерживалась запрещением свободного переселения крестьян из центральных губерний. В 1904 г. ограничения были отменены. В марте 1905 г. была образована Семиреченская переселенческая партия. По закону переселенцы должны были устраиваться на «излишних» землях местного населения. Излишками считались земли сверх 15 десятин, включая пастбища, от-

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 4, стр. 349—350.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 23, стр. 241.

водимые на душу киргизского населения. Но вскоре возникли опасения, что лучшие земли окажутся у киргизов, которые переходили к земледелию. В связи с этим в 1907 г. было решено не закреплять за местным населением отводимых ему земель, чтобы не закрывать возможность дальнейших земельных изъятий.

Правительство торопилось с переселением крестьян, так как видело в нем средство разрешения аграрного вопроса в центре страны, средство предотвращения нового подъема крестьянского движения. В. И. Ленин писал: «Как известно, на переселение крестьян правительство и контрреволюционные партии возлагали особенно большие надежды. Оно призвано было, по мысли всех контрреволюционеров, если не разрешить радикально, то, по крайней мере, значительно притупить и обезвредить аграрный вопрос. Вот почему переселение особенно стало рекламироваться и всячески поощряться именно при приближении, а затем при развитии крестьянского движения в Европейской России» [1].

Излишки земель действительно могли бы образоваться при переходе киргизского хозяйства к более интенсивным формам скотоводства и при широком развитии земледелия. Тогда потребовались бы меньшие земельные площади, чем при экстенсивном скотоводстве, основанном на использовании лишь подножного корма. При учете интересов местного населения могли бы передаваться переселенцам только действительно излишние земельные участки. Но в действительности изъятие земель происходило при полном пренебрежении к потребностям хозяйства киргизов. «Измерительные работы велись «на глазок», нарушались жизненные интересы дехканства, захватывались пашни, сносились зимние стойбища вместе с постройками, отбирались посевы многолетних трав, сады. Киргизы вытеснялись целыми аилами, волостями в горы и пески, за сносимые постройки получали гроши, да и то не всегда полностью» [2]. В. И. Ленин в статье «Переселенческий вопрос» подчеркивал: «Переселенческий фонд образуется путем вопиющего нарушения земельных прав туземцев...» [3]

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 18, стр. 74.
[2] «История Киргизии», т. I, стр. 374.
[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. 18, стр. 79.

От земельных захватов страдала прежде всего беднота и середняцкие слои населения. Царское правительство, опиравшееся в своей колониальной политике на баев и манапов, почти не трогало их земли. Кроме того, при своеобразной форме земельной собственности, существовавшей у кочевников, киргизская знать могла компенсировать свои потери за счет общинных земель. Так, сарыбагышский манап Шабдан имел земли в Малом Кемине и около 600 десятин в местности Акпикет. Солтинский манап Байтик завладел обширными участками земли возле Аларчинского ущелья; бугинский манап Чиныбай — в районе Джеты-Огуза; саякский манап Мусакожо — крупными лесными угодьями в Нарыне. Почти все лучшие высокогорные пастбища — джайлоо — были захвачены манапами и баями в свое преимущественное владение. Тем не менее земельные интересы баев и манапов тоже ущемлялись. Как уже отмечалось, земли переселенческого фонда оказывались главным образом в руках русского кулачества и казаков; беднота попадала в кабалу к местным «старожилам» или превращалась в «возвращенцев» — окончательно разоренная, должна была возвращаться на старое место.

Тяжелым бременем на плечи трудящихся масс легли налоги. В качестве основных налогов были введены кибиточная подать и земельный сбор. «Туркестанский край — отмечал К. Пален,— представляет собою прежде всего страну мелкого землевладения и кочевого скотоводства... Эти две хозяйственные отрасли, как дающие в доходный бюджет государства в виде государственного поземельного налога, оброчной подати и кибиточной подати, свыше 6 миллионов рублей ежегодно и являлись до сих пор главной базой наших финансовых расчетов» [1]. В дальнейшем были установлены сборы на содержание администрации, на постройку и ремонт мостов, дорог, оросительной системы и другие. Наряду с ними сохранились некоторые подати, существовавшие еще в Кокандском ханстве, в частности зякет, битир и ушур, собиравшиеся в основном в пользу духовенства. В то же время производились неофициальные сборы — сойш и чигым — в пользу манапов, волостных управителей, стар-

[1] *К. Пален,* Материалы к характеристике народного хозяйства Туркестана, стр. 11.

шин и их джигитов. Только за пять лет — с 1868 по 1872 год — из Туркестанского края было получено казною 10,5 млн. рублей, главным образом путем налоговых сборов [1]. В 80-х годах XIX в. средняя сумма официальных налогов, платимая киргизами Пишпекского, Пржевальского, Ошского и Андижанского уездов, составляла свыше 812 тысяч рублей в год [2].

Бедняки часто оказывались не в силах уплатить налог. Это толкнуло царское правительство на установление системы круговой поруки, дававшей возможность взыскать неуплаченный налог за счет остальных юртовладельцев данного аила. Кроме того, разрешалась конфискация и продажа с торга имущества неплательщиков. Несмотря на существование сборов на так называемые «общественные нужды», нередко население принуждалось к отбыванию и натуральной повинности. Условия работы всегда были тяжелые.

Представители местной администрации в лице волостных управителей и аильных старшин при сборе налогов и поборов, а также при исполнении населением различных натуральных повинностей чинили всякие беззакония и произвол. У неплательщиков иногда отбирали детей, которых отдавали в качестве работников баям и манапам, девушек продавали за калым, а при отсутствии детей отбирали жен, которых также продавали. Полученные таким путем деньги шли якобы на покрытие недоимок. В результате тяжелого налогового бремени, злоупотреблений местной и уездной администрации, произвола и насилий баев и манапов киргизы разорялись. Царские законы оберегали лишь интересы баев и манапов, которые, опираясь на поддержку администрации, усиливали эксплуатацию трудового народа.

«В Кетмень-тюбинской волости — сообщает один из современников — всем заправляет Рыскулбек Нарбурин... С киргизов он брал за свадьбу, за похороны, за обрезание. При перекочевках никто не смел раньше него трогаться с места и идти впереди его стада. Такое положение скопило у него огромное состояние и дало почти ханскую власть над народом. Жаловаться на него

[1] См. *М. А. Терентьев*, Россия и Англия в Средней Азии, Спб. 1875, стр. 304—305.

[2] См. «История Киргизии», т. 1, стр. 307.

нечего было и думать, потому что просителя поймают джигиты и сделают что будет приказано. Рыскулбек приказал выбрать угодных ему лиц в аильные старшины и бии, а волостным он назначил своего брата Керимбека» [1].

Комиссар Чапаевской дивизии Дмитрий Фурманов, в 1920 г. непосредственно руководивший укреплением Советской власти в Киргизии, в своем известном произведении «Мятеж» образно и правдиво характеризует участь киргизского народа до революции. «Гонимое, презираемое киргизское население... Ему не только помощь — его из года в год все глубже оттирают в ущелья, все выше загоняют в горы, окончательно отбивают от воды, от хорошей земли. Жали их, как только вздумается: тут тебе и кулачество, и чиновники городские, и своя же туземная шпана из баев, занявшая какой-нибудь пост по волости или уезду... Царские пристава и волостная администрация считали киргиза примерно за собаку: высечь его, отодрать, избить, даже прикончить — было делом самым заурядным, а главное — безответственным: кто тут будет жаловаться? Кому? На кого? Были кругом назначены всякие границы: здесь киргизу можно, здесь — нельзя, здесь его порют, здесь колотят, а здесь и расстреливают. Несчастное население заметалось в агонии, не знало, как ему выразить свой протест, как попытаться сбросить это тяжелое ярмо» [2].

Накануне Октябрьской революции около 95 процентов населения Киргизии жило в сельской местности. На каждые 100 киргизов приходилось только двое грамотных, и те принадлежали к эксплуататорским классам. Киргизский народ не имел печатной и писанной литературы на своем родном языке.

Но в условиях патриархально-родового быта с его реакционной идеологией родовой общности, отчужденностью ко всему «инородному», ненависть, порождаемая захватнической политикой царизма, легко могла быть распространена на все русское. К этому и стреми-

[1] *Г. Загряжский*, Заметки о народном самоуправлении у киргизов, «Материалы для истории Туркестанского края», Ежегодник, вып. 3, 1874 г., стр. 363—364.

[2] *Дм. Фурманов*, Мятеж, Киев 1956, стр. 32—33.

лись баи и манапы, ущемленные, несмотря на передачу в их руки местной низовой администрации, в своих былых привилегиях и правах. Вот почему могло случиться так, что, несмотря на общность экономического и политического положения русских и киргизских трудящихся, во время восстания 1916 г. движение в ряде районов направлялось по линии межнациональной розни. Характер национальной вражды это восстание приобрело особенно в тех районах Киргизии, где руководство восстанием оказалось в руках бай-манапской верхушки. Это она стремилась повернуть справедливый гнев народа, вызванный хищнической политикой царизма, против русского народа.

В свою очередь и царские власти стремились использовать восстание для соответствующей пропаганды среди населения. С усилением революционного движения в России царизм всеми силами старался насаждать идеи шовинизма и буржуазного национализма среди населения. И царскому правительству кое-где удавалось добиться некоторого успеха.

Восстание 1916 г. царские власти объявили чисто национальной и религиозной войной народов Средней Азии против русских вообще. В прессе, в донесениях и отчетах официальных лиц, в выступлениях деятелей царской администрации и министров подчеркивались «чисто национальный» и религиозный характер восстания и вокруг этого создавалось много шума. Все делалось для того, чтобы отвлечь внимание народа от революционной борьбы, натравить русское население на другие народы, ослабить классовую борьбу и тем самым укрепить положение самодержавия.

Но, несмотря на такое стремление царизма, восстание 1916 г. находило поддержку и сочувствие со стороны передовой части русского общества и революционных деятелей. Немало русских крестьян, руководя повстанческими отрядами киргизов, пало вместе с ними, отдав свою жизнь за свободу угнетенного народа.

Однако в Киргизии царским властям все же удалось в некоторых районах натравить русское население и киргизов друг против друга. Восстание 1916 г. показало, что, несмотря на объективную общность интересов русских и киргизских трудящихся масс, при царизме недоверие между русскими и киргизами преодолено не

было. Это принесло огромный вред делу революции в Киргизии. Даже после победы Октябрьской революции, в 1918—1920 годах, национальная рознь еще давала себя чувствовать, и только мудрая ленинская национальная политика Коммунистической партии и Советского государства и неуклонное претворение ее в жизнь дали возможность преодолеть эту рознь.

* *
*

Основу для качественного скачка во внутренней жизни киргизского народа и его взаимоотношениях с русским и другими народами заложила Великая Октябрьская социалистическая революция.

Великая Октябрьская социалистическая революция, совершенная под руководством Коммунистической партии героическим русским рабочим классом и беднейшим крестьянством при активной поддержке трудящихся масс всех угнетенных народов, была величайшим событием в истории человечества. Она открыла эру крушения капитализма, эру равноправия всех угнетенных народов. Она уничтожила все виды социального и национального гнета.

Киргизский народ своим избавлением от национально-колониального угнетения обязан прежде всего героическому русскому рабочему классу, русскому народу, проявившему себя в революционной борьбе с царским самодержавием и капитализмом как бескорыстный друг всех угнетенных наций и народностей России. Политике разжигания межнациональной вражды, неизменно проводившейся царизмом, Коммунистическая партия и Советское правительство противопоставили политику свободы и равенства всех народов, политику пролетарского интернационализма, единодушно поддержанную трудящимися массами.

Ленинская идея подлинного интернационализма была принесена в Киргизию русским рабочим классом в процессе совместной с трудящимися киргизами революционной борьбы против помещиков и буржуазии, против баев и манапов, кулаков и белогвардейцев, за установление и упрочение Советской власти. Октябрьская революция до основания разрушила прежние, насильственные формы объединения национальностей и

создала все необходимые условия для добровольного объединения народов в рамках единого многонационального Советского социалистического государства.

«Мы хотим,— указывал В. И. Ленин,— *добровольного* союза наций,— такого союза, который не допускал бы никакого насилия одной нации над другой,— такого союза, который был бы основан на полнейшем доверии, на ясном сознании братского единства, на вполне добровольном согласии. Такой союз нельзя осуществить сразу; до него надо доработаться с величайшей терпеливостью и осторожностью, чтобы не испортить дело, чтобы не вызвать недоверия, чтобы дать изжить недоверие, оставленное веками гнета помещиков и капиталистов, частной собственности и вражды из-за ее разделов и переделов» [1].

Коммунистическая партия Советского Союза проводила политику полного равенства национальностей и предоставления угнетенным нациям права на самоопределение и создание необходимых условий для добровольного объединения народов; установления фактического равенства ранее угнетенных народов на основе ликвидации их экономической и культурной отсталости, унаследованной от прошлого; и, наконец, вовлечения отсталых народов в социалистическое строительство с максимальным учетом стадии развития хозяйства, исторического прошлого, национальных особенностей культуры и быта, языка, исторически сложившихся традиций каждой нации.

Киргизия в первые дни после Октябрьской революции была еще чисто аграрной страной. По всему Туркестану накануне Октябрьской революции рабочий класс из местных национальностей составлял 0,35 процента населения, а в Киргизии и того меньше. Даже в 1926 году в Киргизии из 100 человек в сельском хозяйстве было занято 93 человека, то есть более $^9/_{10}$ населения. К тому же большинство киргизов были кочевниками. К началу коллективизации из 150 тысяч крестьянских хозяйств две трети еще были кочевыми.

В этих условиях приобщение киргизов к социалистическому строительству и укрепление в Киргизии диктатуры пролетариата встречало большие трудности. Решение этой задачи зависело от установления правильных взаимоотношений между пролетариатом бывшей господствующей нации и крестьянством ранее угнетенных наций. Этот вопрос был успешно решен Советской властью на основе неуклонного претворения в жизнь гениального учения Ленина по национальному вопросу.

Второй Всероссийский съезд Советов наряду с первыми законами о мире и о земле принял обращение, в котором провозгласил право всех наций, населяющих Россию, на самоопределение. По указанию В. И. Ленина был создан Народный комиссариат по делам национальностей, который должен был обеспечить мирное сожительство и братское сотрудничество народов всех национальностей; содействовать материальному и духовному развитию национальностей применительно к особенностям их быта, культуры и экономического строя; наблюдать за правильным проведением в жизнь национальной политики Коммунистической партии и Советской власти.

По инициативе В. И. Ленина, через несколько дней после установления Советской власти, 16 ноября 1917 г., была издана «Декларация прав народов России», в которой было провозглашено равенство и суверенность народов России, их право на самоопределение, вплоть до отделения, отмена всех национальных привилегий, право на свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп.

22 ноября 1917 г. был издан другой важный исторический документ, в котором развиты положения «Декларации прав народов России»,— это обращение Советского правительства «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». В нем Партия и Советское правительство заявляли, что угнетенные национальности отныне могут устраивать свою жизнь свободно, беспрепятственно, их национальные обычаи будут уважаться, их права охраняются всей мощью революционных законов Советской власти.

На VIII съезде партии было обращено особое внимание на необходимость изжития трудящимися массами чувства национального недоверия и вражды к ранее господствовавшей нации, культивировавшиеся в период господства царизма, в условиях национального гнета,

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 30, стр. 269.

и еще остававшиеся в сознании прежде угнетенных национальностей.

В принятой на VIII съезде программе партии записано: «...со стороны пролетариата тех наций, которые являлись нациями угнетающими, необходима особая осторожность и особое внимание к пережиткам национальных чувств у трудящихся масс наций угнетенных или неполноправных»[1].

Претворением в жизнь ленинской национальной политики Коммунистическая партия и Советская власть завоевали искреннее доверие и глубокую любовь ранее угнетенных наций. Политика Коммунистической партии и Советского правительства в корне подорвала искусственно разжигавшуюся ранее царизмом национальную вражду, расчистила почву для всестороннего сотрудничества и нерушимой братской дружбы народов и завоевала беспредельное доверие всех национальностей и народов нашей страны к великому русскому народу. Политика Коммунистической партии по национальному вопросу, основанная на гениальном учении Ленина, имеет величайшее всемирно-историческое значение для судеб сотен миллионов людей земного шара.

Киргизский народ сразу после Октябрьской революции получил равные с другими народами права. Но вследствие вековой культурно-экономической отсталости, нищеты и придавленности трудящихся масс, унаследованных от прошлого, без серьезной помощи и поддержки русского пролетариата киргизские трудящиеся не в состоянии были воспользоваться предоставленными им Октябрьской революцией правами. На XII съезде партии было отмечено: «Ряд республик и народов, не прошедших или почти не прошедших капитализма, не имеющих или почти не имеющих своего пролетариата, отставших ввиду этого в хозяйственном и культурном отношениях, не в состоянии полностью использовать права и возможности, предоставляемые им национальным равноправием, не в состоянии подняться на высшую ступень развития и догнать, таким образом, ушедшие вперед национальности без действительной и длительной помощи извне»[2].

[1] «КПСС в резолюциях...», ч. 1, стр. 417.
[2] Там же, стр. 713—714.

В. И. Ленин теоретически обосновал возможность перехода отсталых народов к социализму, минуя капиталистическую стадию развития, с помощью победившего в социалистической революции пролетариата.

На втором конгрессе Коммунистического Интернационала, решительно отвергая мнение о «неизбежности» капиталистической стадии развития народного хозяйства для отсталых народов, Ленин дал гениальную программу развития этих народов по пути к социализму. «Если революционный победоносный пролетариат поведет среди них систематическую пропаганду, а советские правительства придут им на помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами, тогда неправильно полагать, что капиталистическая стадия развития неизбежна для отсталых народностей. Во всех колониях и отсталых странах мы должны не только образовать самостоятельные кадры борцов, партийные организации, не только повести немедленно пропаганду за организацию крестьянских Советов и стремиться приспособить их к докапиталистическим условиям, но Коммунистический Интернационал должен установить и теоретически обосновать то положение, что с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»[1]. Исходя из этого, партия и Советское государство приняли важные решения и наметили конкретные мероприятия с целью приобщения отсталых в культурном и социально-экономическом развитии народов к социалистическому строительству. А таких народов на территории Советского государства было немало, если учесть, что тогда, в начале 20-х годов, на каждые 100 жителей Советской России приходилось примерно 46 человек нерусских национальностей, из которых почти половина не прошла капиталистическую стадию развития.

В резолюциях X съезда партии были отмечены причины отсталости национальных окраин России и пути преодоления их. «Уничтожение фактического национального неравенства здесь есть длительный процесс, требующий упорной и настойчивой борьбы со всеми пере-

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 31, стр. 219.

житками национального гнета и колониального рабства. Национальное неравенство здесь до сих пор покоилось на исторически сложившемся экономическом неравенстве. Это неравенство выражалось прежде всего в том, что эти окраины России (особенно Туркестан), находившиеся на положении колоний или полуколоний, насильственно удерживались в роли поставщиков всякого рода сырья, которое обрабатывалось в центре. Это было причиной их постоянной отсталости и мешало возникновению и тем более развитию промышленного пролетариата среди этих угнетенных народов. Со всем этим неизбежно должна была столкнуться пролетарская революция на восточных окраинах, и ее первейшей задачей является последовательная ликвидация всех остатков национального неравенства во всех отраслях общественной и хозяйственной жизни и, прежде всего, планомерное насаждение промышленности на окраинах, путем переноса фабрик к источникам сырья (Туркестан, Башкирия, Киргизстан, Кавказ — текстильная, шерстяная, кожевенная промышленность и др.)»[1].

Вовлечение киргизского народа в социалистическое строительство и ликвидация его отсталости были наиболее сложными и трудными задачами. Прежде всего необходимо было привлечь трудящиеся массы киргизов к созданию их собственной национальной государственности, которой они раньше не имели. Сложность задачи заключалась в том, что нужно было облечь Советскую власть в национальные формы. Только в этом случае возможно было сделать Советскую власть близкой и родной трудящимся массам киргизского народа. Необходимо было развернуть борьбу с буржуазно-националистической идеологией и тем самым проложить пути к преодолению идейной разобщенности трудящихся различных народов. В процессе этой борьбы отдельные идейно и в политическом отношении менее подготовленные члены партии скатывались на позиции местного буржуазного национализма или великорусского шовинизма. Только постоянное, неуклонное претворение в жизнь гениальной ленинской национальной политики давало возможность достигнуть добровольного сотрудничества и братской дружбы народов нашей страны.

[1] «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 559—560.

В. И. Ленин относительно украинских рабочих и марксистов писал: «Если большинство украинских рабочих находится под влиянием великорусской культуры, то мы знаем твердо, что наряду с идеями великорусской поповской и буржуазной культуры действуют тут и идеи великорусской демократии и социал-демократии. Борясь с первого рода «культурой», украинский *марксист* всегда выделит вторую культуру и скажет своим рабочим: «всякую возможность общения с великорусским сознательным рабочим, с его литературой, с его кругом идей обязательно всеми силами ловить, использовать, закреплять, этого требуют коренные интересы *и* украинского *и* великорусского рабочего движения». Если украинский марксист даст себя увлечь *вполне законной и естественной* ненавистью к великороссам-угнетателям *до того,* что он перенесет хотя бы частичку этой ненависти, хотя бы только отчуждение, на пролетарскую культуру и пролетарское дело великорусских рабочих, то этот марксист скатится тем самым в болото буржуазного национализма. Точно так же и великорусский марксист скатится в болото национализма, не только буржуазного, но и черносотенного, если он забудет хоть на одну минуту требование полного равноправия украинцев или их *право* на образование самостоятельного государства»[1].

Нужно было создать кадры партийных и советских работников из рядов местной национальности, вооружив эти кадры передовой марксистско-ленинской теорией. Для успешного хозяйственного и культурного строительства необходимо было создать новую интеллигенцию из киргизов, подготовить из их среды преданных делу социализма специалистов — агрономов, инженеров, медицинских работников, учителей, деятелей науки, работников искусства и литературы и т. д. Эти задачи нельзя было решить сразу, надо было терпеливо и систематически добиваться их решения в ходе социалистического строительства.

Серьезное сопротивление Коммунистическая партия и Советская власть встретили со стороны буржуазных националистов из баев и манапов, которые еще в период Октябрьской революции пытались не допустить установ-

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 20, стр. 16.

ления Советской власти в Киргизии. Они мечтали о создании самостоятельного государства тюркских народов под эгидой султанской Турции. Под флагом защиты «интересов нации» националисты охраняли свои классовые интересы и свое господствующее положение. Как отмечал еще в 1918 году И. В. Сталин, «национальный флаг пристегивается к делу лишь для обмана масс, как популярный флаг, удобный для прикрытия контрреволюционных замыслов национальной буржуазии»[1]. Трудящиеся массы киргизов при поддержке русского рабочего класса и крестьянства сумели дать сокрушительный отпор буржуазным националистам и объединились с народами бывшей Российской империи в нерушимый братский союз в системе Советского государства.

На основе ленинского учения по национальному вопросу Коммунистическая партия смело пошла на создание многонационального государства в форме советской федерации, а в декабре 1922 года был образован Союз Советских Социалистических Республик. М. И. Калинин, подчеркивая историческое значение создания СССР, на Первом Всесоюзном съезде Советов говорил: «Целые тысячелетия прошли с тех пор, как лучшие умы человечества бьются над теоретической проблемой в поисках форм, которые дали бы народу возможность без величайших мук, без взаимной борьбы жить в дружбе и братстве. Только сейчас, в сегодняшний день практически закладывается первый камень в этом направлении».

В 1918 году Киргизия вошла в состав Туркестанской автономной республики. В 1924 году произошло национальное размежевание народов Средней Азии и была образована Киргизская автономная область. Воссоединение на основе советской автономии отвечало чаяниям и кровным интересам киргизского народа. Вековечные мечты киргизского народа об образовании национальной государственности осуществились лишь в условиях социалистического строительства.

В 1926 году в связи с достигнутыми успехами в хозяйственном и культурном развитии, Киргизская автономная область была преобразована в Киргизскую Автономную Советскую Социалистическую Республику в составе РСФСР. Советская автономия способствовала быстрой

[1] *И. Сталин*, Соч., т. 4, стр. 161—162.

подготовке местных национальных кадров партийно-советских работников, специалистов народного хозяйства, деятелей культуры, науки и искусства. Она давала возможность наилучшим образом использовать природные богатства страны и развить ее производительные силы.

В 1936 году Киргизская АССР была преобразована в Союзную республику, которая на началах полного равноправия вошла в состав Союза Советских Социалистических Республик. Киргизский народ под руководством Коммунистической партии с помощью русского народа приобрел самостоятельную национальную государственность, сложился в социалистическую нацию и стал хозяином своей земли, своей судьбы.

Еще перед национальным размежеванием народов Средней Азии Партия и Советское правительство при помощи ряда научных экспедиций и комиссий развернули изучение экономики, быта, истории, языка и фольклора, общественного строя киргизского народа и производительных сил Киргизии. Это научное исследование осуществляли русские ученые. Огромный вклад в изучение перспектив развития Киргизии внесла Академия наук Союза ССР.

В 1927 году академиком В. В. Бартольдом впервые была написана и опубликована история киргизского народа. В 1928 году в Киргизии работала специальная экспедиция Академии наук СССР, давшая ряд ценных материалов по экономике и культуре киргизов. В 1932 году комплексная экспедиция Академии наук СССР провела всестороннее изучение природных богатств республики.

В 30-х годах Академия наук СССР совместно с правительством Киргизии провела конференцию по изучению производительных сил республики. На конференции президент Академии А. П. Карпинский говорил: «Я с величайшей радостью встречаюсь с представителями тех народов, которые в прошлом были порабощены до последней степени, являясь объектом жестокой эксплуатации, а теперь процветают, ибо они сделались хозяевами своей судьбы. За каких-нибудь десять лет мы видим здесь такой расцвет, для которого раньше требовалось минимум 300 лет... Вот что значит для народа получить

свободу, самому распоряжаться своей судьбой, самому строить свое хозяйство и культуру» [1].

Бурное развертывание социалистического строительства в Киргизии, быстрое развитие промышленности и коллективизация сельского хозяйства, массовый переход к оседлости кочевников-киргизов — все это нанесло удар остаткам патриархально-феодальных отношений, средневековому укладу в хозяйстве, патриархально-родовому быту.

В экономическом и культурном развитии киргизского народа выдающуюся роль сыграла помощь других народов Советского Союза и прежде всего русского народа. В Киргизию постоянно направлялись специалисты различных отраслей народного хозяйства, ученые, педагоги, деятели литературы и искусства, руководящие кадры партийных и советских органов. Полностью соответствуют истине слова Н. С. Хрущева: «В ходе великих социалистических преобразований в нашей стране русский народ сделал очень и очень многое для того, чтобы помочь ранее угнетавшимся народам страны преодолеть вековую экономическую и культурную отсталость и поднять их до своего уровня. Великие и благородные дела русского народа как в годы мирного строительства, так и в период военных испытаний снискали ему горячую признательность и уважение всех народов нашей страны» [2].

Хвала тебе, народ великий русский,
Ты в нашу грудь сумел огонь вдохнуть,
С затерянной в горах тропинки узкой
Киргизов вывел на широкий путь.

В таких словах поэт выразил сокровенные думы киргизского народа.

Благодаря помощи русского народа киргизский народ за очень короткий срок ликвидировал свою вековую хозяйственную и культурную отсталость. Немало русских посланцев отдали свои силы и знания, свою революционную энергию и боевой дух делу социалистического строительства в Киргизии, делу культурно-экономического и

[1] «Проблемы Киргизской АССР. Труды II конференции по освоению природных ресурсов Киргизской АССР (8—12 февраля 1935 г.)», т. I, АН СССР. М.—Л. 1936, стр. 231.

[2] *Н. С. Хрущев*, За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа. «Коммунист» № 12, 1957 г., стр. 16.

политического расцвета киргизского народа. Киргизский народ глубоко ценит их заслуги.

Безграничное доверие друг к другу, нерушимое единство и братская дружба народов нашей страны, достигнутые в результате неуклонного осуществления мудрой ленинской национальной политики, выдержали испытания в суровые годы Великой Отечественной войны. Как известно, фашистские правители делали ставку на то, что между народами многонациональной Советской страны после первой же неудачи Красной Армии начнутся ссоры и драки. Но фашисты глубоко просчитались. Они не знали всей силы и великого значения гениальной ленинской национальной политики Коммунистической партии. Полная свобода и равенство всех народов и наций нашей страны в политической, экономической и культурной жизни, совершенное отсутствие признаков национального угнетения и притеснения между народами нашей страны — все это создавало незыблемую основу нерушимой братской дружбы народов и исключало всякую возможность ссоры и межнациональной розни.

За время Советской власти киргизский народ сумел достигнуть громадных успехов в деле развития своей социалистической экономики и национальной по форме, социалистической по содержанию культуры. Киргизстан превратился в индустриально-колхозную республику с высокоразвитой промышленностью и сельским хозяйством, с передовой культурой и наукой. Ныне Киргизия является одним из цветущих краев нашей великой Советской Родины.

Уже в 1936 году продукция тяжелой промышленности Киргизии по сравнению с 1913 годом возросла в 95 раз. Если в 1925 году валовая продукция промышленности в народном хозяйстве Киргизии составляла 12,7 процента, то к 1940 году она поднялась до 50 процентов. Особенно большое значение имеет горнорудная промышленность Киргизии. Киргизия дает $^2/_5$ всего угля, добываемого в Средней Азии, а по добыче некоторых цветных и редких металлов занимает одно из первых мест в Советском Союзе.

В республике, где до революции промышленность почти отсутствовала, теперь действуют около 500 промышленных предприятий, оснащенных современной техникой, успешно развиваются цветная металлургия, метал-

лообрабатывающая, машиностроительная, угольная, нефтяная, горнорудная, сахарная, текстильная и другие отрасли промышленности.

В 1958 году валовая продукция всей промышленности республики в 50 раз превысила уровень 1913 года, а крупной промышленности — в 868 раз. Удельный вес промышленной продукции в народном хозяйстве республики к 1956 году составил около 70 процентов против 5 процентов в 1913 году. В 1959 году объем промышленной продукции, выпускаемой за неделю, равен всей промышленной продукции дореволюционной Киргизии за год.

Данные по добыче угля так же ярко характеризуют гигантское развитие промышленности Киргизии:

Годы	Добыча угля (в тыс. *т.*)
1913	103
1940	1 475
1956	2 962

По добыче угля и нефти на душу населения Киргизия обогнала такие страны, как Италия и Япония.

К 1940 году в Киргизии было 130 электростанций. За последние 30 лет производство электроэнергии возросло в 770 раз, и теперь «лампочки Ильича» ярко освещают улицы городов и деревень, дома колхозников, рабочих и служащих. Электроэнергия широко внедряется в производство.

Высокий уровень развития промышленности Киргизии особенно ярко выступает по сравнению со странами зарубежного Востока. Так, в 1955 году в Афганистане выработка электроэнергии на душу населения составила 5 киловатт-часов, а в Киргизии — 300, то есть в 60 раз больше; угля в Афганистане добывалось на душу населения 2 килограмма, а в Киргизии — 1400, то есть в 700 раз больше. Такие же соотношения имеются и по другим отраслям промышленности.

Великие перемены произошли в сельском хозяйстве. По производству сахара на душу населения Киргизия оставила позади себя Францию, Италию, Федеративную Республику Германии. Вместо экстенсивного кочевого скотоводческого хозяйства в Киргизии созданы крупные многоотраслевые совхозы и колхозы, оснащенные новейшей техникой.

Характеристика высокой технической оснащенности сельского хозяйства современной Киргизии нашла образное отражение в стихах киргизских поэтов:

Кыйры чексиз дан денгизин тебелей,
Калкылдашып комбайындар кемедей,
Кызыл тарткан машиналар шарактап,
Боз чанг аткан жол ойдучун кенебей,
Молотилка саман бюркюп буркулдап,
Боо чак келбей, юстю-юстюнё «кенелей».
Азыркыдай эгин басуу онда жок,
Еткён кюндёр «оп майдасын» жемелей[1].

По бескрайним океанам хлебов
Плывут комбайны как корабли.
Машины с зерном весело мчатся,
Поднимая пыль в неровностях дороги.
Молотилка выбрасывает солому неугомонно,
Только успевай подавать хлеб в барабан.
В прежние времена так не молотили,
Теперь проклинают «оп майда» прошлых времен.

В результате расширения посевных площадей, механизации сельскохозяйственного производства и повышения агротехники значительно возросла урожайность. В 1956 году общая посевная площадь в республике составляла около 1223 тысяч гектаров, тогда как в 1913 году не превышала 640 тысяч. Производство сельскохозяйственных культур в 1956 году по сравнению с 1913 годом увеличилось: зерна — больше чем в 1,5 раза, хлопка — в 5,8 раза, картофеля — в 7 раз.

Резко поднялась продуктивность животноводства, увеличилось поголовье скота. Это видно из следующих данных:

Годы	Поголовье скота	
	Овец и коз (млн. голов)	Крупного рогатого скота (тысяч голов)
1916	2,5	519
1958	6,5	750

Киргизы все перешли к оседлости. Вместо кочевых аилов выросли новые социалистические колхозные де-

[1] *С. Эралиев,* Ак моор, Журнал «Алатоо» № 5, 1958 г., стр. 56.

ревни. В республике насчитывается 514 крупных колхозов, 68 совхозов. На полях колхозов и совхозов Киргизии работают 15,2 тысячи тракторов, 3045 комбайнов, 7,8 тысячи грузовых автомобилей и десятки тысяч других новейших сельскохозяйственных машин — сенокосилок, сеялок, культиваторов и т. д. В связи с высокой механизацией коренным образом изменились методы и формы процесса сельскохозяйственного производства. На базе всего этого коренным образом изменился быт и улучшилась жизнь киргизского народа.

Достижения Киргизии за время Советской власти особенно изумительны в области культуры. В Киргизии быстро выросло число школ, средних и высших учебных заведений, культурно-просветительных и научно-исследовательских учреждений, появились и непрерывно растут национальные кадры разных специальностей.

В стране, где до Октябрьской революции грамотность населения не превышала двух процентов и где в 1914 году было лишь 7 тысяч школьников (из которых киргизов — только 360) и 216 учителей, теперь насчитывается 1752 школы, в которых 19 304 учителя обучают более 300 тысяч учащихся. Дети киргизов обучаются на своем родном языке.

Об успехах народного образования в Киргизии свидетельствует тот факт, что в начальных и средних школах республики на каждые 10 тысяч жителей имеется 1 694 учащихся, в то время как в Пакистане — 644, в Турции — 830.

В Киргизии, где до революции не было ни одного высшего учебного заведения и научного учреждения, теперь имеется 32 научно-исследовательских института, Академия наук, Государственный университет и 8 других вузов, 30 средних специальных учебных заведений. В вузах Киргизии учится около 15 тысяч студентов. Теперь в Киргизии на 10 тысяч населения приходится студентов в 22 раза больше, чем в Иране, в 6 раз больше, чем в Турции, в 8 раз больше, чем в Пакистане, в 2 раза больше, чем во Франции.

Быстрое развитие Киргизской республики за время Советской власти ярко видно и в области здравоохранения. В республике теперь имеется около 3870 медицинских учреждений против 41 в 1913 году. В них работает 2494 врача против 16 в 1913 году. Если до революции на

территории Киргизии имелось всего 6 больниц на 100 коек и на 10 тысяч населения приходилась только одна больничная койка, а на 50 тысяч жителей — один врач, то теперь в больницах более 10 тысяч коек и на каждые 10 тысяч населения приходится по 52 больничных койки и 12 врачей.

В вузах и научно-исследовательских учреждениях во главе с Академией наук плодотворно трудится более 1800 научных работников, из которых около 550 — кандидаты и доктора наук.

Под знаменем ленинской национальной политики за время Советской власти пышно расцвело национальное искусство киргизского народа. Под благотворным влиянием русской классической и советской литературы серьезно выросла киргизская советская литература. Талантливые произведения киргизских писателей, художников, композиторов известны не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами.

Классики русской литературы — Пушкин, Некрасов, Гоголь, Чехов, Толстой, М. Горький, а также многие советские писатели стали близкими и родными киргизскому народу. Переведенные на киргизский язык, они теперь доступны самым широким слоям киргизского народа.

В свою очередь немало произведений киргизских писателей переведены на русский и другие языки народов Советского Союза и зарубежных стран и стали достоянием многих народов.

Огромные тиражи книг по различным отраслям науки и знаний, газет и журналов также свидетельствуют о культурном расцвете киргизского народа.

Если до революции киргизы вообще не имели на своем языке печатных изданий, то в настоящее время в республике издается 13 журналов и 117 газет, из которых 69 — на киргизском языке. В Киргизии широко издаются труды классиков марксизма-ленинизма на русском и на родном языках.

Замечательного успеха достигла республика в области развития театрального искусства. В Киргизском театре оперы и балета, филармонии, драматических театрах работает немало выдающихся деятелей театрального искусства, вышедших из среды киргизского народа. Национальные оперы и балеты «Ай-Чурек», «Чолпон», «Токтогул», «Анар». «На берегах Иссык-Куля» и другие

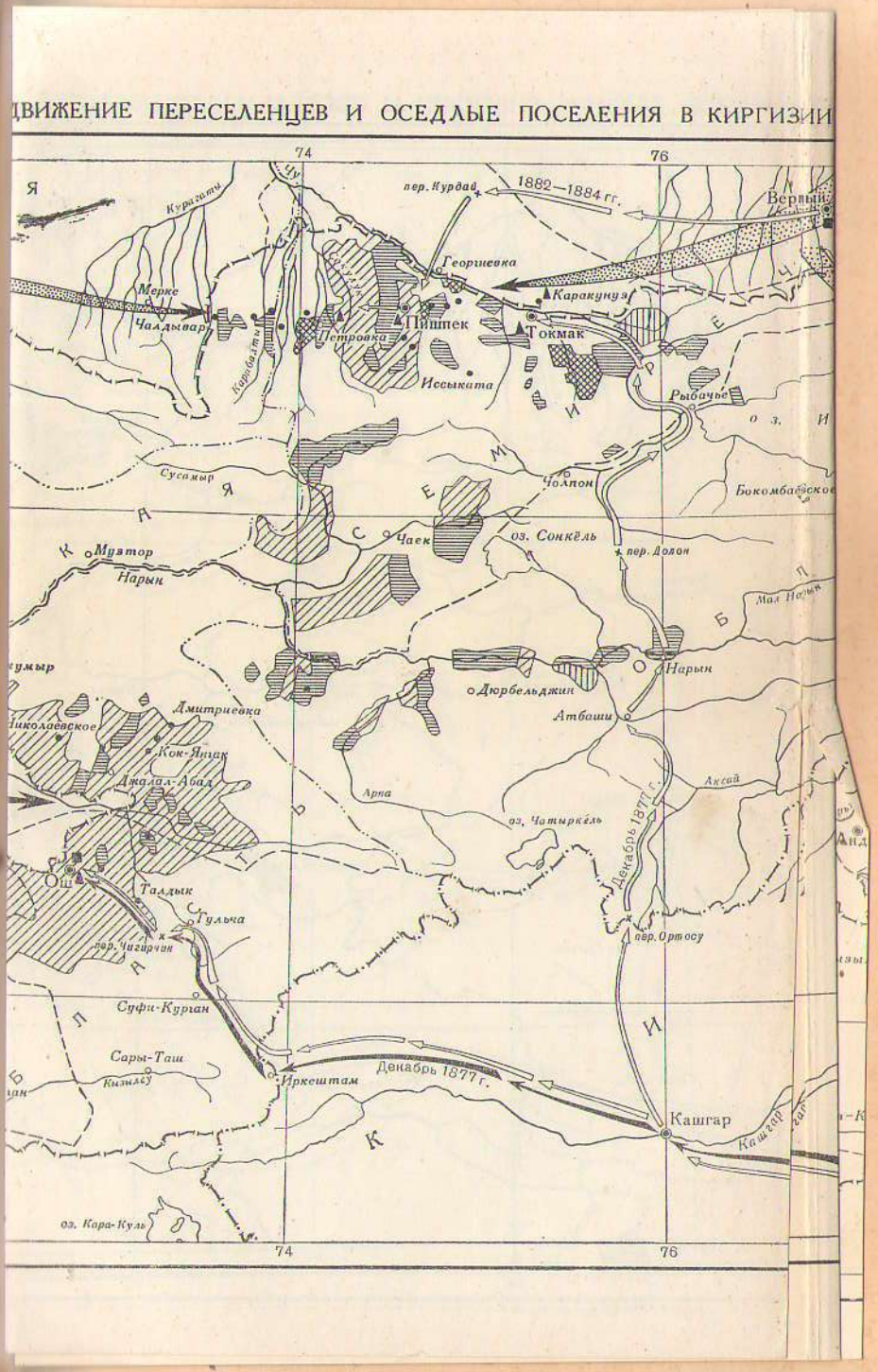
являются яркой иллюстрацией высокого творческого мастерства киргизских композиторов.

Огромных успехов добилась Киргизская республика во всех областях своего экономического и культурного развития. Но еще более величественная программа развития республики осуществляется в соответствии с историческими решениями XXI съезда Коммунистической партии Советского Союза.

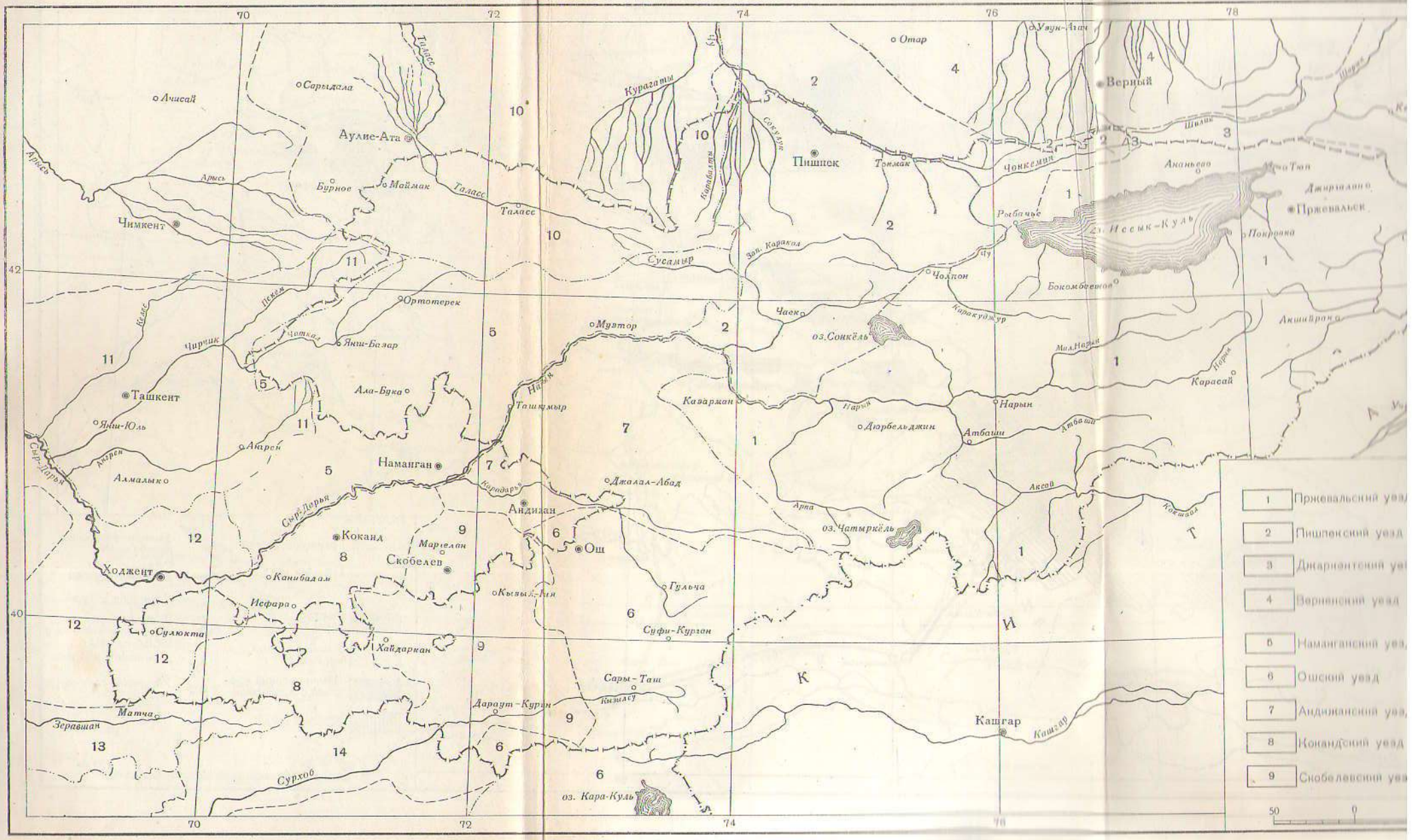
Киргизская Советская Социалистическая Республика, вызванная к жизни в результате Октябрьской революции и торжества мудрой ленинской национальной политики, ныне является одним из цветущих краев нашей великой Советской Родины.

Нерушимая дружба киргизского народа с русским народом и другими народами нашей страны, выкованная в совместной революционной борьбе против царского самодержавия, скрепленная кровью борцов за свободу, павших в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции, выдержала испытание и в огне Великой Отечественной войны, где бок о бок героически сражались киргизы и русские, казахи и узбеки, украинцы и татары — все народы Советского Союза. История не знает другого такого примера самоотверженной борьбы за свою отчизну. Победа над германским фашизмом открыла новые невиданные перспективы развития перед всеми народами Советского Союза. Эти возможности успешно реализуются в послевоенном строительстве под мудрым руководством Коммунистической партии.

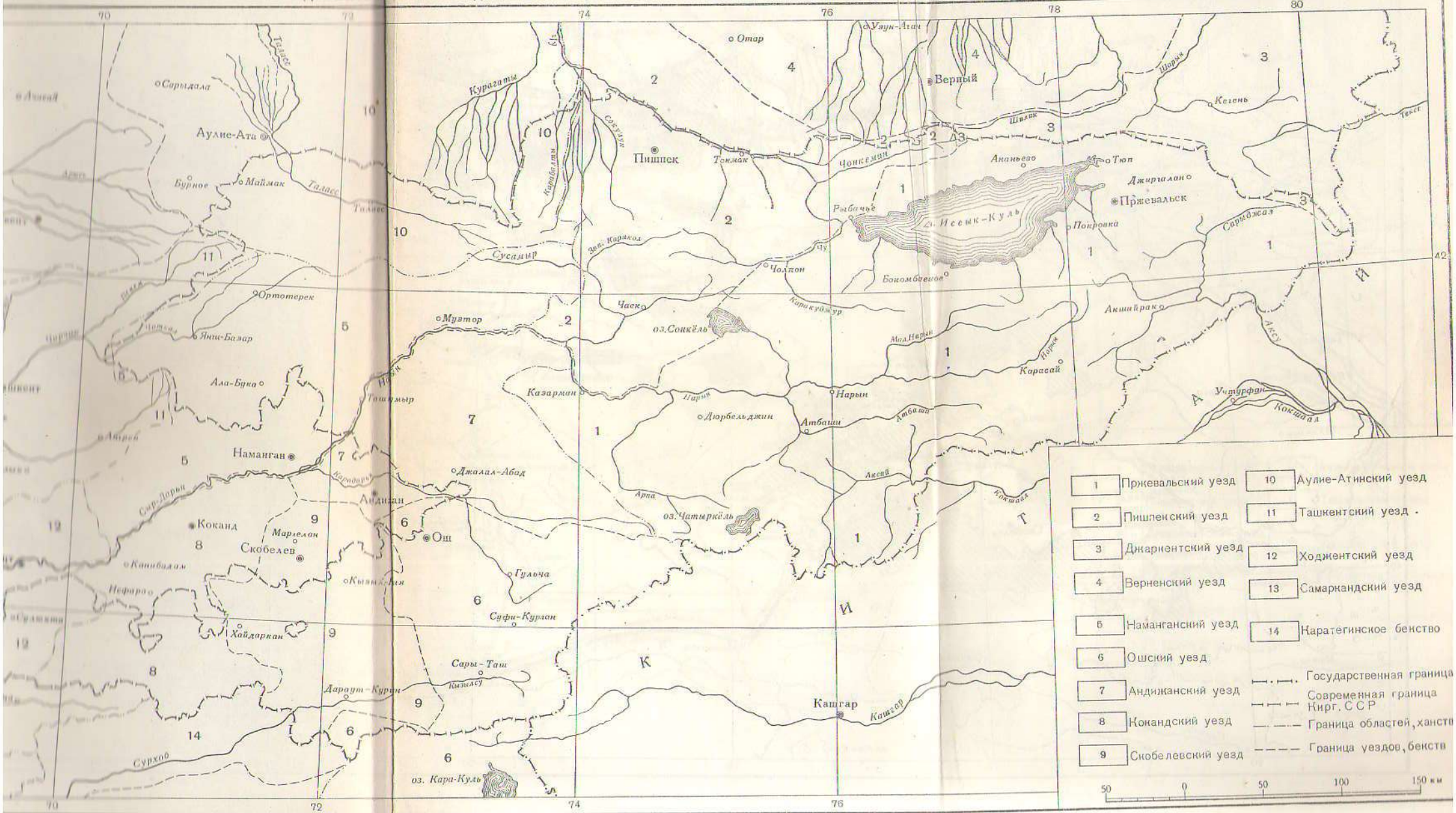
Вдохновляемый замечательными успехами социалистического строительства, озаряемый великим знаменем ленинизма, киргизский народ в братской семье народов нашей страны уверенно идет по пути строительства коммунизма.



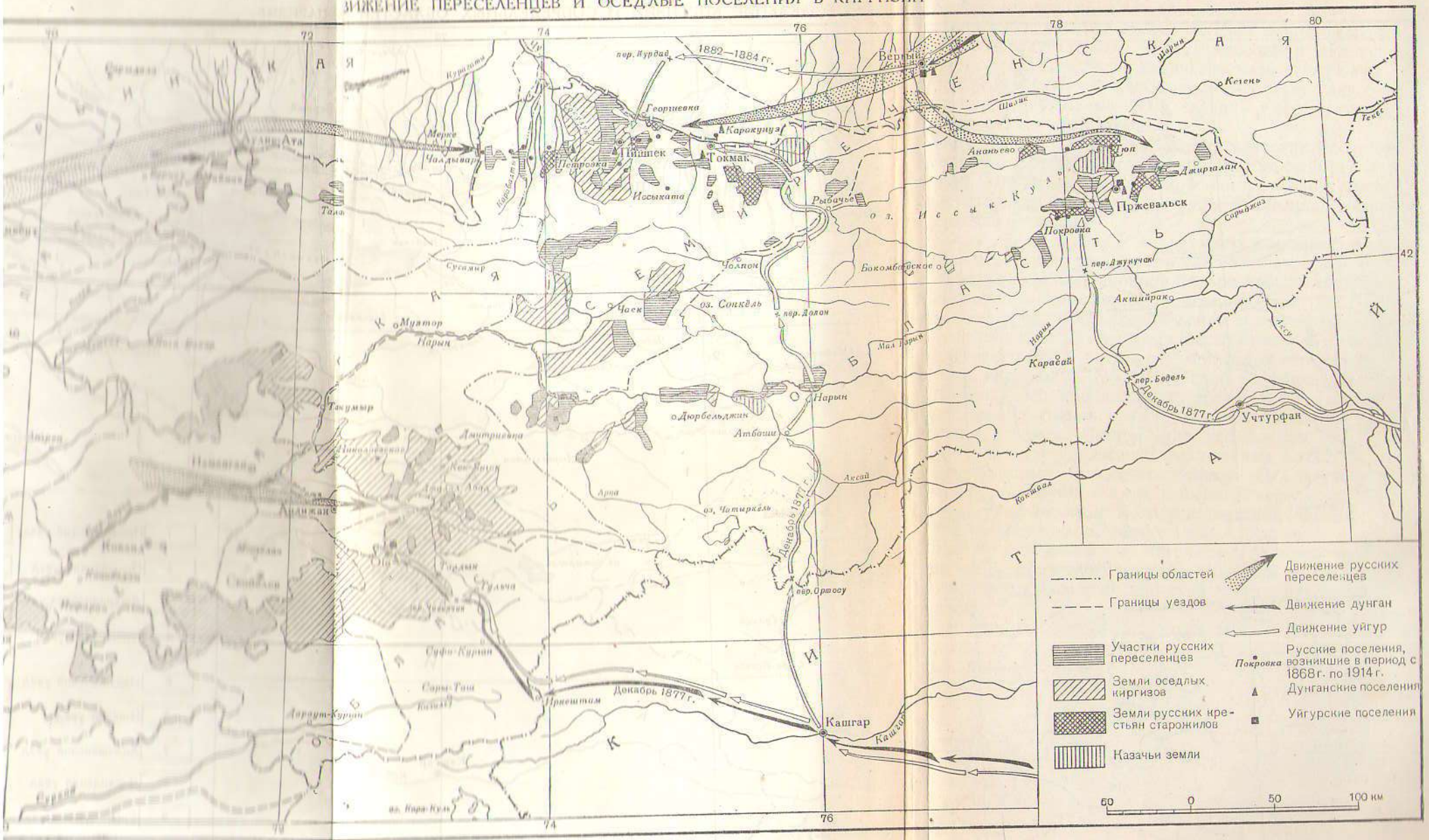
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ДЕЛЕНИЕ КИРГИЗИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ОБЛАСТЕЙ ПО ЦАРИЗМЕ


70
72
74
76
78
42
40
Ачисай
Сарыдала
Аулие-Ата
Бурное
Маймак
Таласс
Чимкент
Ташкент
Янги-Юль
Ала-Бука
Янги-Базар
Ортотерек
Чирчик
Келес
Пскем
Чаткал
Арысь
Сыр-Дарья
Алмалык
Андреев
Наманган
Коканд
Марьелан
Скобелев
Ходжент
Канибадам
Исфара
Сулюкта
Хайдаркан
Матча
Зерафшан
Сурхоб
Ташкумыр
Андижан
Кара-дарья
Джалал-Абад
Ош
Гульча
Кызыл-Кия
Суфи-Курган
Сары-Таш
Кызылсу
Дараут-Курган
оз. Кара-Куль
Муктор
Сусамыр
Курагаты
Отар
Пишпек
Тонмак
Талассу
Чу
Чонкемин
Чолпон
Чаек
оз. Сонкёль
Казаркан
Нарын
Джербельджин
Атбаши
Арпа
оз. Чатыркёль
Аксай
Кокшаал
Кашгар
Кашгар
Увун-Ачи
Верный
Шилик
Аксу
Аксу
Аксу

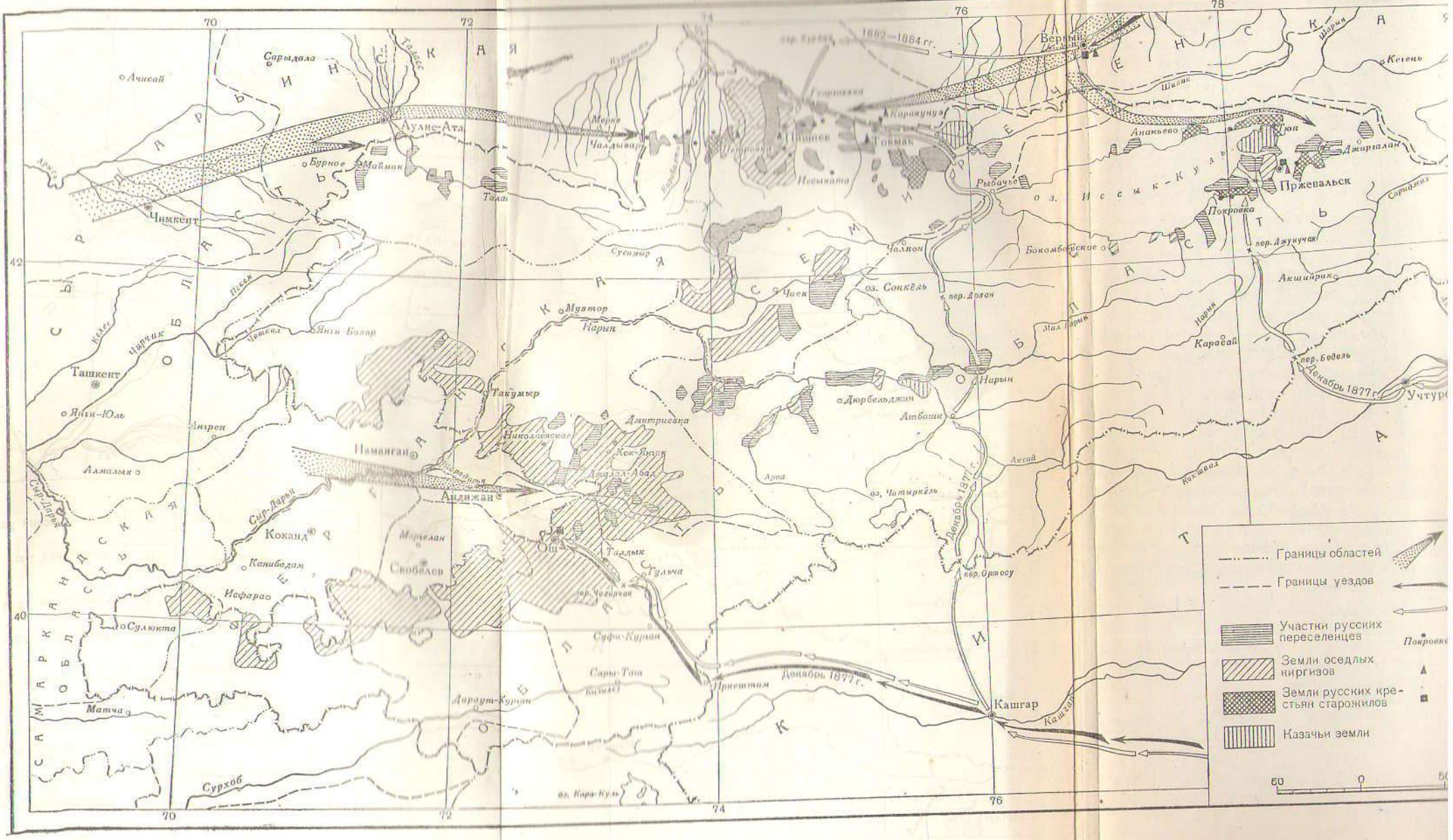
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ДЕЛЕНИЕ КИРГИЗИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ОБЛАСТЕЙ ПРИ ЦАРИЗМЕ



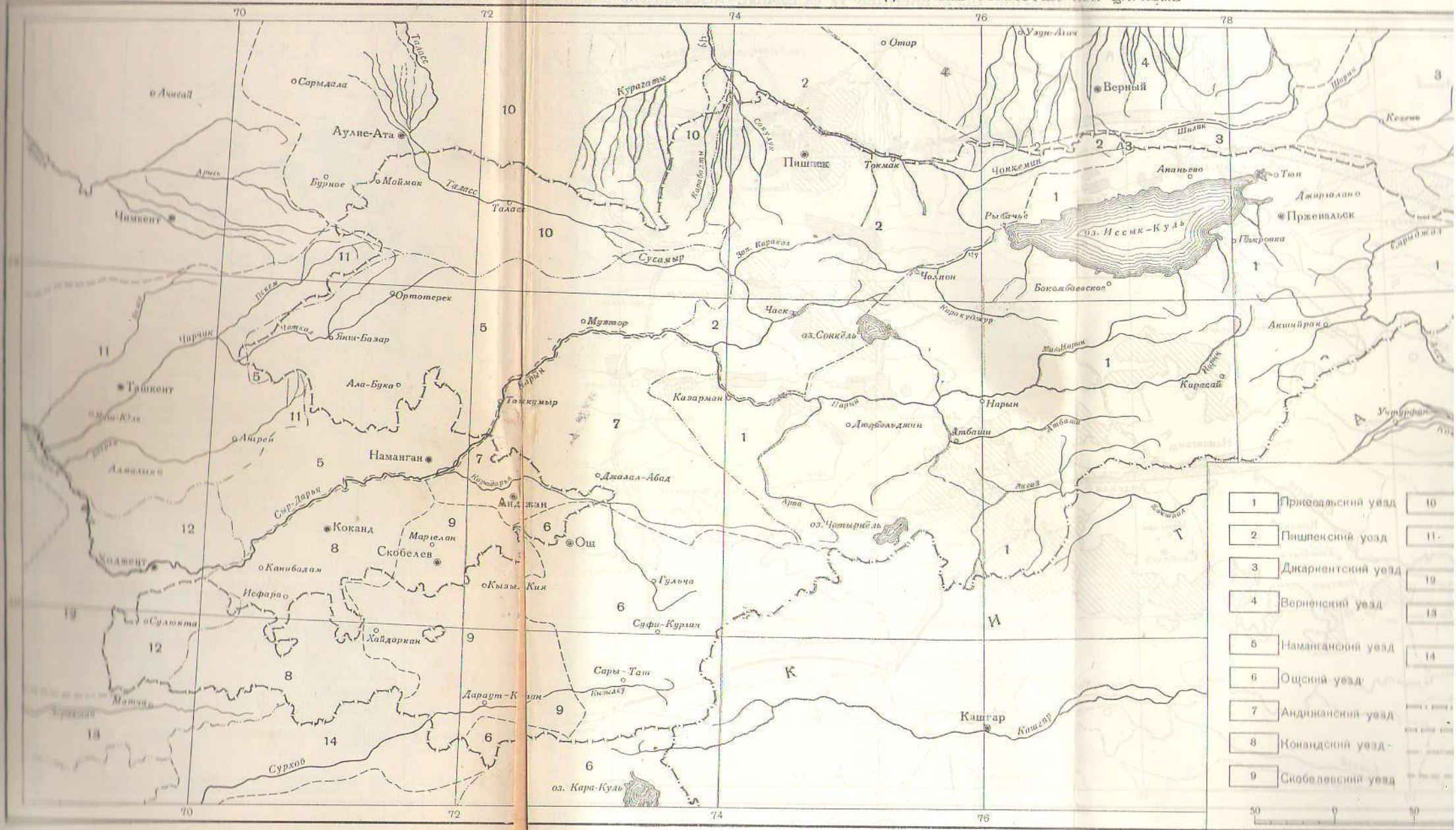
ЗИЖЕНИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ И ОСЕДЛЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ В КИРГИЗИИ



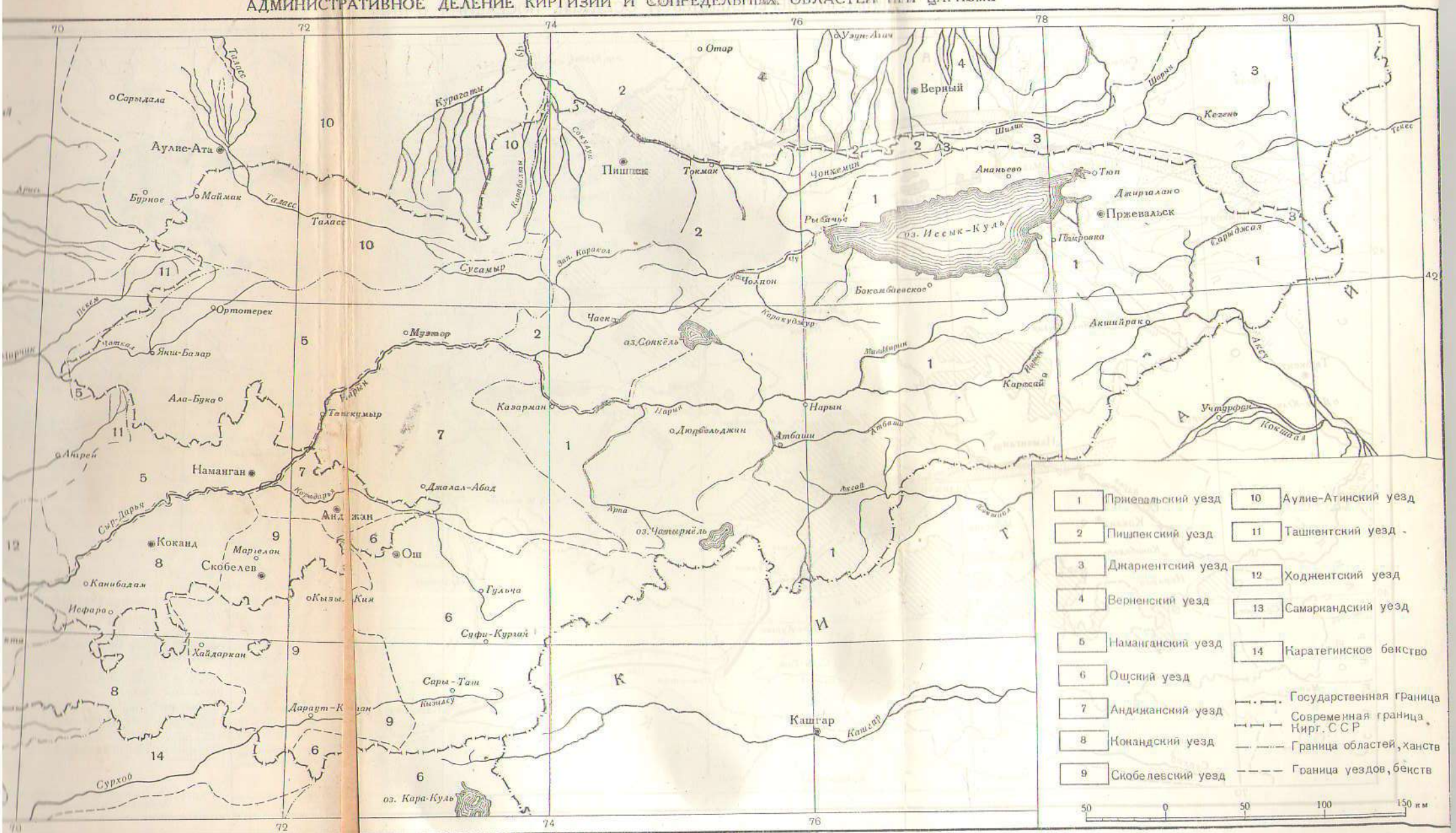
ЗИЖЕНИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ И ОСЕДЛЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ В КИРГИЗИИ



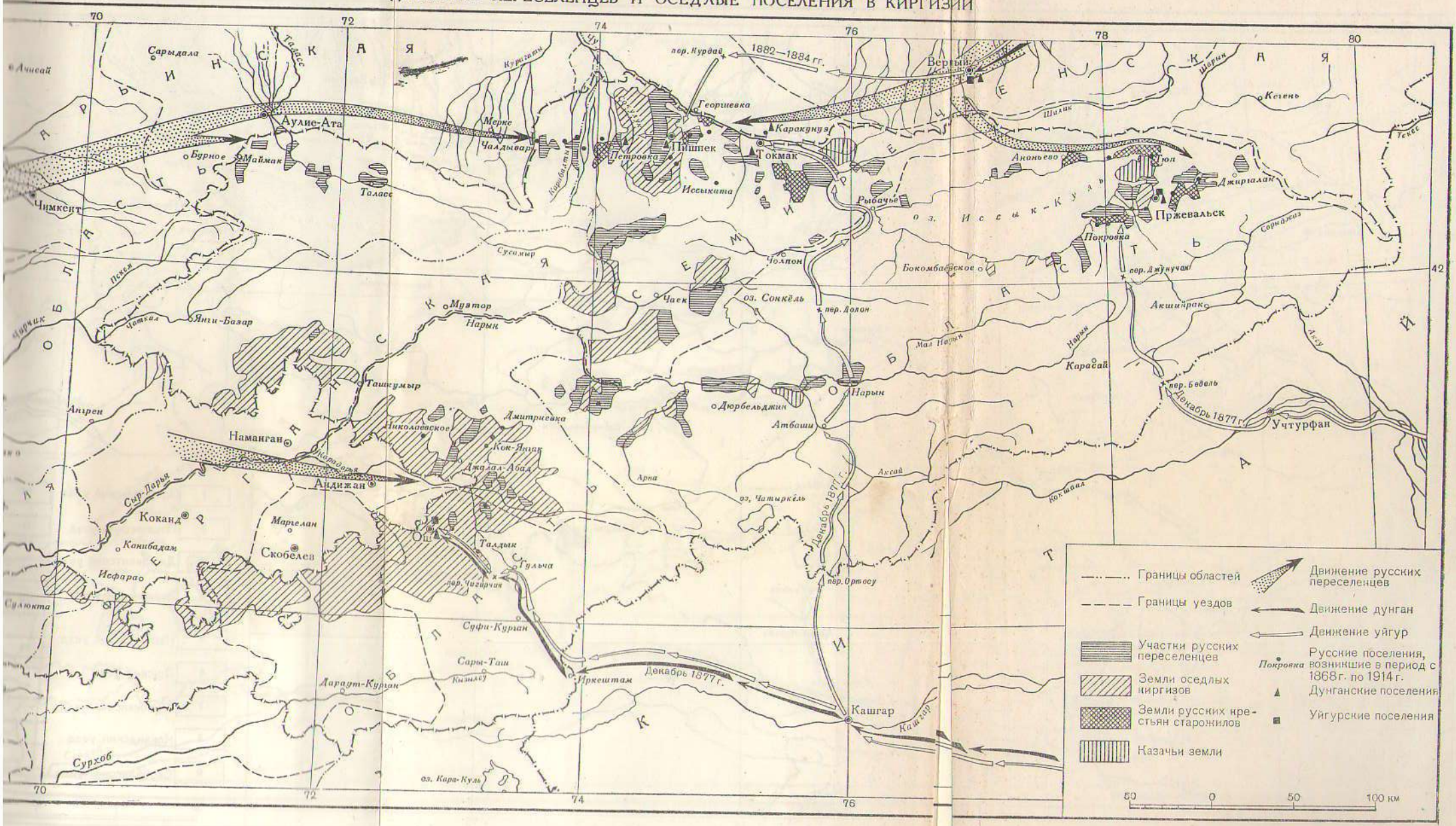
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ДЕЛЕНИЕ КИРГИЗИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ОБЛАСТЕЙ ПРИ ЦАРИЗМЕ



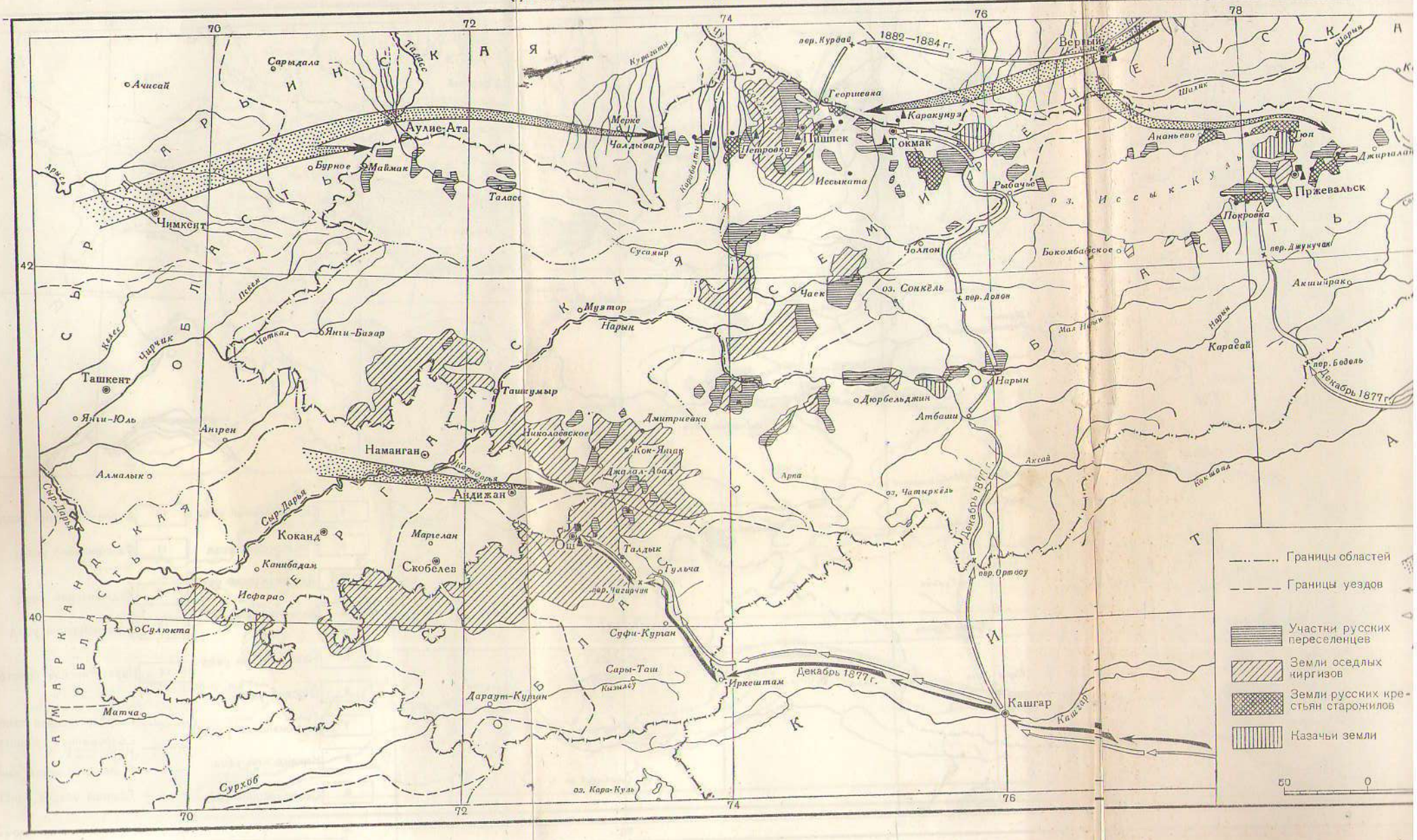
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ДЕЛЕНИЕ КИРГИЗИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ОБЛАСТЕЙ ПРИ ЦАРИЗМЕ

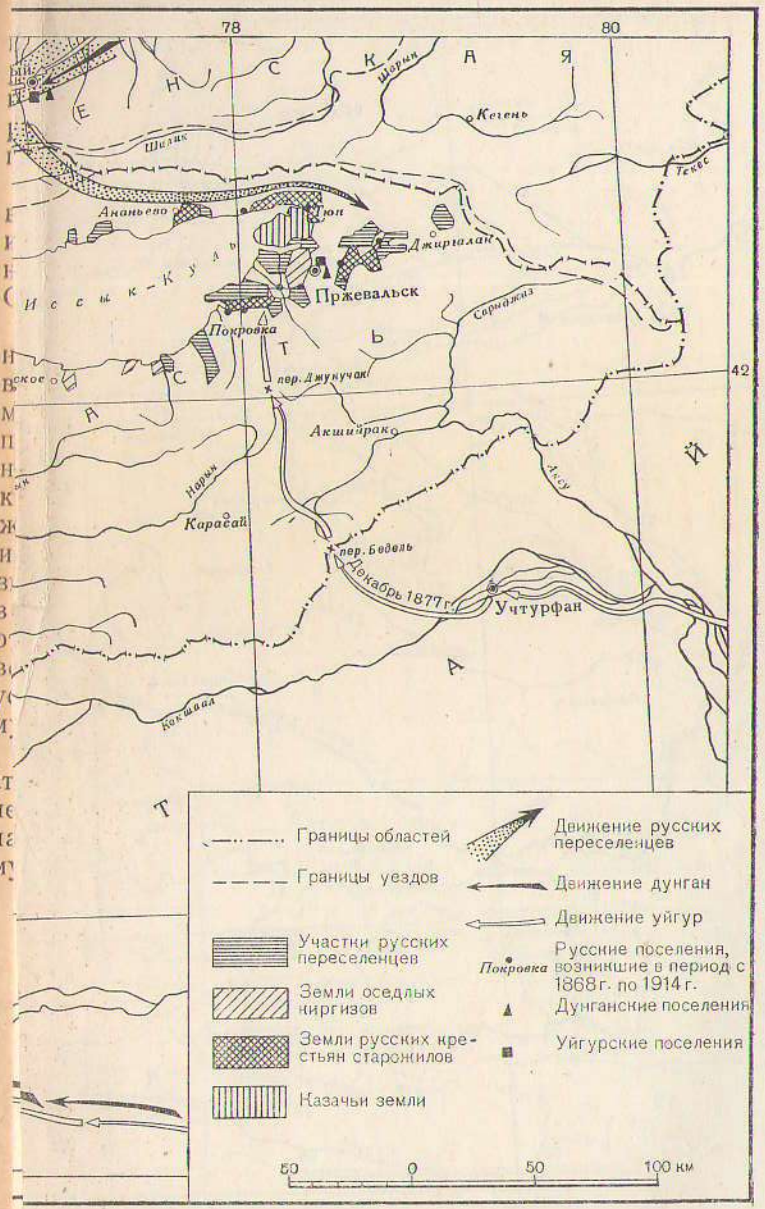


ДВИЖЕНИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ И ОСЕДЛЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ В КИРГИЗИИ



ДВИЖЕНИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ И ОСЕДЛЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ В КИРГИЗИИ





ПРИЛОЖЕНИЯ

Присяга на подданство России племени бугу́ (богу́)

Я, доверенный от маналоь биев и прочих родоначальников и старейшин рода богу́ орды дикокаменных киргизов, неподведомственных никакому правительству, обещаюсь и клянусь всемогущему богу, что род богу́ всепресветлейшему державнейшему, великому государю императору Николаю Павловичу, самодержцу всероссийскому и пр. и проч. и проч. и его императорского величества всероссийского престола наследнику, его императорскому высочеству государю цесаревичу и великому князю Александру Николаевичу хощет верным, добрым, послушным и вечно подданным быть и ни-куда без высочайшего его императорского величества соизволения и указа в чужестранную службу не вступать; також с непрятелями его императорского величества вредительной откровенности не иметь, ниже какую заповедную корреспонденцию внутрь и вне Российского государства содержать, и никаким образом противу должности верных подданных его императорского величества не поступать, и все к высокому его императорского величества самодержавству, силе и власти принадлежащие права и преимущества, узаконенные и впредь узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности предостерегать и оборонять, и в том во всем живота своего в потребном случае не щадить, и при том по крайней мере старатися споспешествовать все, что к его императорского величества верной службе и пользе государственной во всяких случаях касаться может. О ущербе же его величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том в роде богу́ кто уведает, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допущать тщатися будет; когда же к службе и пользе его величества какое тайное дело, или какое б оно ни было, которое приказано будет тайно содержать, и то содержать ь совершенной тайне и никому не объявлять, кому о том ведать не надлежит и не будет. Сие должен и хощет род богу́ верно содержать, елико оному всемогущий господь бог душевно и телесно да поможет. В заключение же сей моей клятвы целую слова св. алкорана. Аминь.

Января 17 дня 1855 года.

Присяга составлена на русском и чагатайском языках.

По-татарски написано: по сему клятвенному обещанию присягал манап дикокаменного киргизского народа капитан Каджибек Ширалин, в чем приложил свою печать, и киргизы: Мунач Бердибеков и Джентай Султанаев приложили свои тамги [1].

Присяга на подданство России племени черик (чирик)

Мы, доверенные от манапов, биев и прочих родоначальников и старейшин рода чирик, орды дикокаменных киргизов, неподведомственных никакому правительству, обещаемся и клянемся всемогущему богу, что род чирика всепресвятлейшему державнейшему, великому государю императору Александру Николаевичу, самодержцу всероссийскому и проч. и проч. и проч. и его императорского величества всероссийского престола наследнику, его императорскому высочеству государю цесаревичу и великому князю Николаю Александровичу хотит верным, добрым, послушным и вечно подданным быть и никуда без высочайшего его императорского величества соизволения и указа в чужестранную службу не вступать; також с неприятелями его императорского величества вредительной откровенности не иметь, ниже какую заповедную корреспонденцию внутрь и вне Российского государства содержать, и никаким образом противу должности верных подданных его императорского величества не поступать, и все к высокому его императорского величества самодержавству, силе и власти принадлежащие права и преимущества, узаконенные и впредь узаконяемые, по крайнему разумению, сил е и возможности предостерегать и оборонять, и в том во всем живота своего в потребном случае не щадить, и притом по крайней мере стратися споспешествовать все, что к его императорского величества верной службе и пользе государственной во всяких случаях касаться может. О ущербе же его величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том в роде чирика кто уведает, не токмо благовременно объявлять, но и всячески отвращать и недопущать и тщитися будет; когда же к службе и пользе его величества какое тайное дело или какое б оно ни было, которое приказано будеть тайно содержать, и то содержать в совершенной тайне, и никому не объявлять, кому о том ведать не надлежит и не будет повелено объявлять. Сие должен и хощет род чирика верно содержать елико оному всемогущий господь бог душевно и телесно да поможет. В заключение же сей нашей клятвы целуем слова священного алкорана. Аминь.

Омск 13-го октября 1863 года [2].

Присяга составлена на русском и чагатайском языках и скреплена печатями четырех манапов, уполномоченных племени черик.

[1] Архив внешней политики России, фонд главного архива, 1—7, д. 2, л. 12—14.

[2] Архив внешней политики России, фонд главного архива, 1—7, 1863—1864, д. 2, л. 15—18.

БИБЛИОГРАФИЯ

Классики марксизма-ленинизма

К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству. «Пролетарская революция», 1939 г., № 3. «Вестник древней истории», 1940 г., т. I.

» Докапиталистические отношения, «Капитал», т. III, гл. XXXVI.

» Из истории купеческого капитала, «Капитал», т. III, гл. XX.

» Генезис капиталистической земельной ренты, «Капитал», т. III, гл. XLVII.

К. Маркс и *Ф. Энгельс*, Письма, М.—Л. 1932.

» Переписка с русскими политическими деятелями, М. 1947.

» Британское владычество в Индии, Соч., т. IX.

» Манифест Коммунистической партии, Соч., т. V.

Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Соч., т. XVI, ч. I.

» О разложении феодализма и развитии буржуазии, Соч., т. XVI, ч. I.

» Внешняя политика русского царизма, Соч., т. XVI, ч. II.

» Англия и Россия в Афганистане, Соч., т. XI, ч. I.

» Россия в Средней Азии, Соч., т. XI, ч. I.

Карл Маркс, Соч., т. XV.

В. И. Ленин, Развитие капитализма в России, Соч., т. 3.

» Государство и революция, Соч., т. 25.

» Пятидесятилетие падения крепостного права, Соч., т. 17.

» О праве наций на самоопределение, Соч., т. 20.

» Речь с Лобного места на открытии памятника Степану Разину, Соч., т. 29.

» К деревенской бедноте, Соч., т. 6.

» Критические заметки по национальному вопросу, Соч., т. 20.

» Речь по национальному вопросу 29 апреля (12 мая) Соч. т. 24.

» Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов, Соч., т. 13.

Материалы съездов КПСС и Пленумов ЦК. Руководители партии и правительства

«КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», изд. 7-е, ч. 1, 1954.
«ЦК ВКП(б) и Союзное правительство о Киргизии», Сборник документов, Фрунзе 1937.
«К изучению истории», Сборник, М. 1937.
«К сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции (1917—1957)». Тезисы, М. 1957.
«Тезисы о 300-летии воссоединения Украины с Россией (1654—1954)», М. 1954.
«Пятьдесят лет первой русской революции». Тезисы, М. 1955.
Калинин М. И., О молодежи, М. 1944.
Сталин И. В., Вопросы ленинизма, изд. 11-е, М. 1953.
» Марксизм и национально-колониальный вопрос, М. 1939.
Хрущев Н. С., Отчетный доклад ЦК КПСС XX съезду партии, М. 1956.
» За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа, «Коммунист», 1957 г., № 12.
» Доклад на внеочередном XXI съезде КПСС «О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы», Госполитиздат, 1959.

Общая и специальная литература

Абрамзон С. М., Очерки культуры киргизского народа, Фрунзе 1947.
Абуль-Гази, Родословное древо тюрков. Перевод и предисловие Г. С. Саблукова. С послесловием и примечаниями Н. О. Катанова, Казань 1906.
Аполлова Н. Г., Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII в., Алма-Ата 1948.
Бартольд В. В., История изучения Востока в Европе и России, Л. 1925.
» История культурной жизни Туркестана, Л. 1927.
» Киргизы (Исторический очерк), Киргизгосиздат, Фрунзе 1943.
Бекмаханов Е. Б., Присоединение Казахстана к России, АН СССР, М. 1957.
Бернштам А. Н., Археологический очерк Северной Киргизии, Фрунзе 1941.
Бичурин, Иакинф, Описание Джунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. Перевод с китайского, Спб. 1829, ч. I и II.
Бобков И. Ф., Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859—1875 гг. Разграничение с Западным Китаем 1869 г., Спб. 1912.
Бродовский М., Колониальное значение наших среднеазиатских владений для внутренних губерний. М. 1891.
Буров-Петров, На борьбу с байством и манапством, Фрунзе 1927.
Васильев В. А., Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины, Пг. 1915.

Велецкий С. Н., Семиреченская область и ее колонизация, СПб. 1906.
Венюков М. И., Опыт военного обозрения русских границ в Азии, Спб. 1873.
Веселовский Н. И., Лекции по истории Востока, Спб. 1910.
» Киргизский рассказ о русских завоеваниях в Туркестанском крае, Спб. 1894.
Владимирцов Б. Я., Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм, Л. 1934.
Вяткин М. П., Батыр Срым, М.—Л. 1947.
» Очерки по истории Казахской ССР, Л. 1941.
Галузо П. Г., Туркестан — колония (Очерк истории колониальной политики русского царизма в Средней Азии), изд. 2, Ташкент 1935.
Гафуров Б. Г., История таджикского народа. В кратком изложении, изд. 3, Госполитиздат, М. 1955, т. I.
Герцен А., Соч., М. 1958, т. 7.
Гейер И. И. Туркестан. Изд. 2, с доп. статьей «Семиреченская область», составленной А. Л. Кирснером, Ташкент 1909.
Гейнс А. К., Собрание литературных трудов, Спб. 1898, т. II.
» Каталог картинам, этюдам и рисункам В. В. Верещагина, Спб. 1874.
Гродеков Н. И., Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области, т. I, Юридический быт, Ташкент 1889.
Грум-Гржимайло Г. Е., Западная Монголия и Урянхайский край, т. II, Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии, Л. 1926.
Гулишамбаров С.И., К сорокалетию уничтожения невольничества в Средней Азии. 12 июня 1873 г.—12 июня 1913 г. Ашхабад 1913.
Добролюбов Н. А., Полн. собр. соч., М. 1950, т. III.
Джамгерчинов Б., Важный этап из истории Киргизского народа, Фрунзе, 1957.
Дублицкий Н., Родословная таблица кара-киргизов, проживающих в Джетысуйской области и краткая их история, Алма-Ата 1923.
Завалишин И. И., Описание Западной Сибири, т. III, Сибирско-киргизская степь, М. 1867.
Заорская-Александрова В. В. и Александер К. А., Промышленные заведения Туркестанского края, Пг. 1915.
Зиманов С. З., Общественный строй казахов первой половины XIX в., АН Каз. ССР, Алма-Ата 1958.
Зимин Л., Первые шаги Алим-хана на государственном поприще, Ташкент 1913.
Зорин А. Н., Современное манапство в Киргизии (Северная часть), Фрунзе 1931.
«История дипломатии», М. 1941, т. I.
«История Казахской ССР», Алма-Ата 1957.
«История Киргизии», Фрунзе 1957, т. I.
«История Узбекской ССР», Ташкент 1957, т. I, кн 2.
Казанцев И. М., Описание киргиз-кайсак, Спб. 1867.
Калужин А. Ф., К истории завоевания Узбекистана царской Россией, Самарканд 1939.
Кауфман А. А., К вопросу о русской колонизации Туркестанского края, Спб. 1903

Кеппен П. П., Девятая ревизия. Исследование о числе жителей в России в 1851 г., Спб. 1857.
Козлов П. К., В сердце Азии (памяти Н. М. Пржевальского), Спб. 1914.
Козьмин Н. П., К вопросу о турецко-монгольском феодализме. Москва—Иркутск 1934.
Корнилов, Кашгария или Восточный Туркестан, Опыт военно-статистического описания. Под ред. генерал-лейтенанта Сахарова, Ташкент 1903.
Костенко Л. Ф., Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности, Спб. 1870.
Куропаткин А. Н., Кашгария. Историко-географический очерк страны ее военные силы, промышленность и торговля, Спб. 1879.
Левшин А. И., Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсакских орд и степей, ч. 2. Исторические известия, Спб. 1832.
Маев Н. А., Путеводитель от С. Петербурга до Ташкента, Спб. 1870.
Макшеев А. И., Исторический обзор Туркестана и поступательного движения в него русских, Спб. 1890.
Маликов К., Балбай, Фрунзе 1941.
Маллицкий Н. Г., К истории Ташкента под кокандским владычеством, Ташкент 1910.
Марков Е. Л., Россия в Средней Азии, (Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге), Спб. 1902, т. I—II.
Мартенс Ф. Ф., Россия и Англия в Средней Азии, Спб. 1880.
Миддендорф А. Ф., Очерки Ферганской долины, Спб. 1882.
Минаев И. П., Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи, Спб. 1879.
Миропиев М. А., О положении русских инородцев, Спб. 1901.
Наливкин В. П., Краткая история Кокандского ханства, Казань 1886.
Небольсин П. И., Очерки торговли России со странами Средней Азии — Хивой, Бухарой и Кокандом (со стороны Оренбургской линии), Спб. 1856.
» Очерки торговли России со странами Средней Азии — Бухарой и Кокандом, Спб. 1886.
Отчет капитана Давлетшина по командировке в Туркестанский край и степные области для ознакомления с деятельностью народных судов, Спб. 1901.
Павлов Н., История Туркестана. В связи с кратким историческим очерком сопредельных стран, Ташкент 1910.
Пален К. К., Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом, Спб. 1909—1911.
Погорельский П. и Батраков В., Экономика кочевого аула Киргизстана, М. 1930.
Потапов Л. П., Очерки по истории алтайцев, М. 1956.
«Проект орошения долины реки Чу», Пг. 1915.
«Проект положения об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях», Спб. 1867; Ташкент 1880.
Радлов В. В., Этнографический обзор тюркских племен южной Сибири и Джунгарии. Перевод с немецкого, Томск 1887.
Образцы народной литературы северных тюркских племен, ч. V, Наречие дикокаменных киргизов, Спб. 1885.
Рожкова М. К., Экономическая политика царского правительства на

Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия, М.—Л. 1949.
Романовский Д. И., Заметки по среднеазиатскому вопросу, Спб. 1868.
Ростиславов М. Н., Очерк видов земельной собственности и поземельный вопрос в Туркестанском крае, Спб. 1879.
Северцов Н. А., Путешествия по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шаня, Спб. 1873.
Семенов-Тян-Шанский П. П., Мемуары, т. II. Путешествие в Тянь-Шань в 1856—1857 годах, М. 1946.
Смирнов Е. Т., Сыр-Дарьинская область, Спб. 1887.
» Султаны Кенисара и Садык. Биографический очерк султана Ахмета Кенисарина, Ташкент 1889.
Соколов Н. П., О характере естественно-исторических исследований Средней Азии до Октябрьской революции, Москва — Ташкент 1933, ч. 1.
Стрельбицкий И., Земельные приобретения России в царствование императора Александра II, с 1855 по 1881 г., Спб. 1881.
Субботин А. П., Россия и Англия на среднеазиатских рынках, Спб. 1885.
Суздальцев А., Туркестан и сопредельные страны (Бухара, Кашгар, Афганистан, Персия и Хива), Самара 1919.
Терентьев М. А., История завоевания Средней Азии, Спб. 1906, т. I—III.
» Россия и Англия в борьбе за рынки, Спб. 1875.
» Россия и Англия в Средней Азии, Спб. 1875.
Тимковский Е., Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг., Спб. 1824.
Токтогул Сатылганов, Сочинения, Фрунзе 1956.
» Избранные произведения, Фрунзе 1954.
Торнау Н. Е., О праве собственности по мусульманскому законодательству, Спб. 1882.
Федоров Д., Чжунгарско-Семиреченский приграничный район, Ташкент 1910, ч. 1.
Федченко П. А., Путешествие в Туркестан, т. I, ч. 2. В Коканском ханстве, Спб. 1875.
Фурманов Д., Мятеж, Киев 1956.
Хасанов А. Х., Исторические корни дружбы народов СССР, Фрунзе 1954.
Хомутов В. И., Проект всеподданейшего отчета ген.-ад. К. П. Фон-Кауфмана 1-го по гражданс ому управлению и устройству в областях Туркестанского ген.-губернаторства. 7 ноября 1867 — 25 марта 1881 г., Спб. 1885.
Чернышевский Н. Г., Полн. собр. соч., М. 1939, т. I.
Шепелев А., Очерк военных и дипломатических сношений России с Средней Азией, Ташкент 1879.
Юдин Н. Л., Взятие Ак-Мечети в 1853 г. как начало завоевания Кокандского ханства, М. 1912.
Южаков С. Н., Англо-русская распря. Небольшое предисловие к большим событиям, Спб. 1885.
Якубовский А. Ю., Культура и искусство Средней Азии, Л. 1940.
Якунин А. Ф., Народы Средней Азии и Казахстана во второй половине XIX века. Присоединение Средней Азии к России, М. 1952.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ И СБОРНИКИ

«Азиатский Восток», 1898 г., № 6.
«В. В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели», Ташкент 1927.
«Белек С. Е. Малову», Фрунзе 1946.
«Большевик Казахстана», 1939, г., № 8.
«Борьба классов», 1936 г., № 4.
Бюллетень АН Узб. ССР, 1945 г., № 5.
Вестник АН Каз. ССР, 1954 г., № 5.
«Вестник Европы», Спб. 1871 г., кн. 8; 1875 г., кн. 10.
«Военный сборник», 1868 г., т. 62, № 8; 1872 г., т. 85, № 5; т. 88, № 11—12; 1876 г., т. 108, № 4; 1877 г., т. 114, № 4; 1896 г., т. 230, № 8.
«Вопросы истории», 1953 г., № 8; 1955 г., № 4, 12.
«Вопросы колонизации». Сборник статей под редакцией О. А. Шкапского, 1907 г., № 1.
Географическо-статистический словарь Российской империи, Спб. 1863 г., т. I; 1865 г., т. II; 1885 г., т. V.
«Голос», 1874 г., № 209; 1875 г., № 244.
«Джетысу (Семиречье)». Естественно-историческое описание края, Ташкент 1925.
«Ежегодник Ферганской области», т. I, вып. 1902 г., Новый Маргелан 1902; 1903 г., т. II, вып. 1903 г., Новый Маргелан 1903.
«Живая старина». Отделение этнографии, Спб. 1894 г., вып. 3—4, год четвертый; 1896 г. вып. 3—4, год шестой; 1916 г., вып. 2—3, год двадцать пятый.
«Живописная Россия», Русская Средняя Азия, Спб. 1885, т. X.
Журнал Министерства внутренних дел, 1854 г., отдел II, ч. VII.
«Закаспийское обозрение», 1902 г., № 124.
Записки Восточного отделения Русского археологического общества 1897—1898 гг., Спб. 1899 г., т. XI.
Записки института востоковедения АН СССР. М.—Л. 1939 г., т. VII.
Известия Киргизского филиала АН СССР, вып. 7, Фрунзе 1947.
«Историк-марксист», 1940, г., № 6.
«Исторические записки», 1940 г., № 7, 9.
«Исторический архив», Л. 1936, т. I.
«Исторический вестник», 1907 г., № 12.
«Исторический журнал», 1940 г., № 1.
«Исторический сборник», т. III.
Культурное строительство СССР», Гостатиздат, М. 1956.
Материалы для географии и статистики России, Спб. 1880.
Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, Спб. 1872—1879.
Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, Спб. 1911. Отдел I, ч. I.
Материалы по киргизскому землепользованию района реки Чу и низовья реки Таласа Черняевского и Аулиеатинского уездов Сыр-Дарьинской области, Ташкент 1915.
Материалы по вопросу о торговых путях в Средней Азии, Спб. 1869.
Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и обработанные под руководством П. П. Румянцева, Спб.—Пг. 1912 г., т. III; 1914 г., т. V; 1915 г., т. VI, ч. 2; 1916 г., т. VII, ч. 1, вып. 1; т. VIII, вып. 1.
«На Востоке», Варшава 1902.
«Научная сессия АН Уз. ССР 9—14 июня 1947 г.», Ташкент 1947.
«Обзор Семиреченской области», Верный 1889 г.; 1900 г.
Памятная книжка и адрес-календарь Семиреченской области, Верный 1898 г., т. I, II; 1900 г., отдел II, 1905 г.
Памятная книжка Семипалатинской области на 1900 год,Семипалатинск 1900, вып. 4.
«Первая научная сессия АН Кирг. ССР», Фрунзе 1955.
«Петербургская газета», 1867 г., № 57, 58.
«Правда Востока», 14 апреля 1941 г.
«Проблемы Киргизской АССР». Труды II конференции по освоению природных ресурсов Киргизской АССР (8—12 февраля 1935 г.), АН СССР, М.—Л. 1936, т. I.
Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии, Ташкент 1903, год восьмой; 1913, год семнадцатый.
«XV лет Узбекской ССР», Ташкент 1939.
«Революционный Восток», 1927 г., № 2.
«Россия и Восток», Спб. 1877.
«Русская мысль», М. 1893, февраль.
«Русский вестник», 1869 г., т. 82, № 8.
«Русский инвалид», 1869 г., № 75, 76; 1876 г., № 201.
«Русский Туркестан». Сборник, изданный по поводу политехнической выставки, 1870 г. т. 3; 1872 г., вып. 1, 2 ,3; 1873, вып. 2, 3;
Русское географическое общество (РГО): Вестник РГО, 1858 г., ч. XXIII отдел II, вып. 2; 1860 г. ч. XXVIII, отдел I, вып. 4.
Записки РГО, 1849 г., кн. 3; 1851 г., кн. 5, 1856 г., кн. 4.
Записки РГО по общей географии, 1867 г., т. I; 1871 г., т. 4; 1874 г., т. 4; 1875 г., т. V.
Записки РГО по отделению статистики, 1871 г. т. II, 1874 г., т. IV.
Записки РГО по отделению этнографии, 1904 г., т. XXIX.
Записки Восточного отделения РГО, 1899 г., т. XI.
Западно-Сибирский отдел РГО, 1885 г., кн. VII, вып. 2; 1887 г., кн. 9
Известия РГО, 1865 г., отдел II, т. I, № 8; 1866 г., отдел II, т. II, №1. отдел II, т. II, № 5; 1868 г., отдел II, т. IV, № 4; 1869 гг. отдел II, т. V, № 1; 1870 г., отдел II, т. VI, № 2, 1872 X отдел II, т. VIII, № 1; 1875 г., отдел II, т. XI, вып., 2 1881 г., отдел II, т. XVII, вып. I; 1884 г., отдел II, т. X вып. 3.
Известия Туркестанского отделения РГО, 1900 г., т. II, вып. 1; т. II вып. 2; 1898 г., т. I, вып. 1.
Сборник государственных знаний, Спб. 1874, т. I.
Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, Спб. 1884 г., вып. 10; 1888 г., вып. 35.
Сборник статей, касающихся до Туркестанского края, Спб. 1876.
Сборник статей по истории завоевания Средней Азии, 1875.
«Северная пчела», 1861 г., № 192.
«Семиреченские областные ведомости», 1900 г., № 82; 1910 г., № 90—107.
«Советская этнография» ,1931 г., № 3—4; 1934 г., № 6.
«Советская Киргизия», 1946 г., № 43; 1948 г., № 51.
«Советское востоковедение», 1941 г., т. II.

«Современный аул Средней Азии», Ташкент 1927 г., вып. 8, 10; 1937 г., вып. 7.
Труды Восточного отделения археологического общества, Спб. 1856, ч. II.
Труды Института истории АН Кирг. ССР, Фрунзе 1956, вып. 2.
Труды ИЯЛИ Киргизского филиала АН СССР, Фрунзе 1945, вып. 1.
Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции АН СССР, М. 1956, т. I.
Труды Киргизского государственного педагогического института имени М. В. Фрунзе, Фрунзе 1948, вып. 2.
Труды Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и соплеменных стран, Л. 1927. Список народностей СССР, под редакцией И. И. Зарубина.
Туркестанская справочная книга с календарем на 1885 г., Спб. 1884.
«Туркестанский край». Сборник материалов для истории его завоевания, Ташкент 1914 г. (ч. I, 1847, 1864 и 1865 гг.), 1915 г. (ч. II, 1866 г.).
«Туркестанские ведомости», 1870 г., № 4, 15; 1871 г., № 13; 1872 г., № 35, 42, 44, 45; 1873 г., № 9, 10, 1874 г., № 25, 27—32; 1876 г., № 1, 16, 17; 1881 г., № 35, 37—39; 1893 г., № 61; 1894 г., № 22; 1895 г., № 20, 21; 1898 г., № 13, 14, 32, 35, 37, 40, 95; 1900 г., № 88; 1905 г., № 189; 1906 г., № 29; 1910 г., № 66—68, 98.
Ученые записки Казанского университета, 1861 г., кн. I.
«Этнографическое обозрение», 1891 г., кн. XI, № 4; 1895 г., кн. 26, № 3; 1910 г., кн. 84—85, № 1—2.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абайдылда — бий рода бёлёкпай племени солто 194, 284
Абдраман — бий племени черик 262
Абдрахим — мулла 199
Абдрахманов, И. — 102
Абдулгазы — манап 139
Абдул-Керим Бухарский — 84
Абду-Мумын Аталык — киргиз племени курама, сторонник Пулат-хана 334, 335, 341,342
Абдрахман Афтобачи — руководитель восстания 1875 г., сын Мусульманкула 336, 337, 339, 340, 343
Абдылда-бек — южнокиргизский феодал, сын Курман-джан-датхи 343
Аблай — казахский хан 9
Аблес Адилов — казахский султан 234
Абласан — манап племени черик, брат Турдуке 314
Аджы — манап племени сарыбагыш 183, 231
Аджыбай — манап племени бугу 139
Аджыбек-датха — крупный феодал 60
Адыльбек — бий племени черик 262
Адыгене — один из легендарных родоначальников киргизских племен Тянь-Шаня 57
Адыл — манап племени сарыбагыш 183, 184
Акташ — манап племени сарыбагыш, сын Уметалы 329
Ак-уул — сын Долон-бия, легендарного родоначальника тяньшаньских киргизов 14
Акылбек — акын-манасчи 81
Алагуз — казахский бий 194
Александер, К. А. — 369
Александр II — 200, 276 305
Али — казахский султан 196
Алим — хан Коканда (1800—1809) 83, 84, 86, 106, 334,335
Алишер-датха — комендант крепости Мерке 193, 198
Алымбек-датха — южнокиргизский феодал племени адыгене, муж «Алайской царицы» 60, 101, 112, 114, 121, 184, 201, 205—208, 217, 230, 231, 235, 273, 274
Алымкул Хасанов — крупный феодал, кипчак, регент Коканда 184, 235, 273, 278, 279, 289, 291—293, 296—298, 300, 306, 307, 309, 334
Амаль-Иш Агасы — сторонник Пулат-хана 341
Андагул — джигит племени бугу 318
Андреев — капитан 83
Арзымат — манап племени бугу 326

Аристов, Н. А. — 13, 14, 16, 17, 26, 28, 29, 33, 35, 36, 374, 376, 379
Арстанбек — акын-манасчи 81, 375
Атабек—манап племени бугу 326
Атабек-датха — бек пишпекский, затем аулиеатинский 179, 197, 198, 273, 279
Атаке — бий племени сарыбагыш 134
Атамбек — бий племени черик 262
Атантай — манап племени саяк 94, 139
Ахмед Ясеви — ходжа, мусульманский святой 296
Ашымбек — бий племени черик 262
Аюке — акын-манасчи 81

Багадур-хан — эмир Бухары 210
Багацевич — полковник 288
Багыш-бек — сторонник Пулат-хана 341
Байбагул — джигит племени сарыбагыш 328
Байгазы — манап племени солто 278, 279
Байзак — казахский султан 203, 279
Байсалбай — манап рода бёлёкпай племени солто 280
Байсеит — казахский султан 194
Байтик Канаев — манап племени солто 55, 57, 60, 184, 194, 199, 201, 204, 274, 278, 280, 285, 305, 389
Байчиле — манап рода борукчу племени сарыбагыш 321
Бакай — легендарный батыр Манаса 81
Балакарач — манап 319
Балбай Эшходжин — манап племени бугу 59, 94, 119, 142, 313, 317—320
Балык — манасчи 81
Бардашев, Г. — 38, 44, 45, 47—50
Бартольд, В. В. — 14, 53 74, 78, 79, 113, 115, 374, 376, 379, 401
Безак, А. П. — оренбургский генерал-губернатор 215, 217, 227—230, 232, 240, 277, 278, 295
Бекмухамед — 273
Бекназар-бий — кокандский военачальник 88
Белинский, В. Г. — 377, 378
Белинский — капитан 315
Биралы — манап рода бёлёкпай, племени сарыбагыш 213
Бичурин Иакинф — 57
Богорстон — сын Тагая, легендарный родоначальник племени солто 15
Болот — легендарный манап племени сарыбагыш 53
Боромбай Бекмуратов — манап племени бугу 38, 53—56, 60, 94, 113, 119, 136—139, 141, 142, 144, 145, 149—152, 154—157, 159, 160, 165—169, 171, 172, 174, 180, 262, 285, 351
Бошкой Канаев — манап племени солто 284, 286
Бузурук — сын Джангира из династии Ходжей 300
Булан-Чолок — манап племени солто 234
Буров-Петров — 62, 64, 73, 74.
Бутабек — сторонник Пулат-хана 341
Бутаков, А. И. — войсковой старшина 203, 213, 214, 224, 271, 280, 281, 283

Валиханов, Ч. Ч. — 14, 15, 17, 26, 27, 35, 36, 53, 54, 81, 101, 112, 114, 159, 170, 172, 286, 287
Балахан-тюре — претендент на кашгарский престол 170
Васильев, В. А. — 359
Васильев — штабс-капитан 192
Венюков, М. И. — штабс-капитан 29, 32, 175, 176, 179—181, 183, 184, 189, 190
Верещекин — полковник, начальник Сыр-Дарьинской линии 273—275, 278, 288, 289
Винников Я. Р. — 14
Вяткин М. П.— 54, 55, 58, 135

Гасфорд, Г. Х. — генерал-губернатор Западной Сибири 140—143, 145, 157—160, 162, 164—166, 172—174, 176, 177, 179—181, 183, 190, 195, 196, 200, 201, 203, 209, 210—212, 215, 216, 227
Герцен, А. И. — 377, 379
Глазенап — генерал-губернатор Западной Сибири 134
Гоголь, Н. В. — 407
Голубев, А. — начальник отряда 176, 374
Горчаков, А. М. — министр иностранных дел 132, 138, 264, 323
Горький, М. — 407
Григорьев, В. В. — 360
Гродеков, Н. И. — 55
Гудковский — капитан 138, 139
Гумбольдт, А. — 169

Дебю — генерал-лейтенант, начальник Сыр-Дарьинской линии 228, 233
Дёёлёт — легендарный родоправитель племени сарыбагыш 52
Джаманак — манап племени сарыбагыш — 321
Джамангара — батыр племени солто 59, 60, 111
Джамгерчинов, Б. Д. — 14
Джангазы — казахский султан 203
Джангарач Эшходжоев — манап племени солто 55, 56, 60, 62, 80, 110, 111, 113, 137, 145, 157, 184, 194, 199, 201, 202, 204, 209, 212, 237, 274, 278, 280, 284—286
Джангир-ходжа — руководитель восстания 1925 г. в Кашгаре 89, 90, 300,
Джантай Карабеков — крупный манап племени сарыбагыш 55, 56, 62, 109, 110, 113, 137, 153, 157, 184, 194, 197, 200—202, 278—280, 282, 285, 351
Джантай — казахский бий рода чапрашты 196
Джолбун — бий племени черик 262
Добролюбов, Н. А. — 377, 378
Долон-бий — легендарный родоначальник тяньшаньских киргизов 14
Дост-Мухаммед-датха — пишпекский бек 178
Дублицкий, В. Н. — 14
Дулат — манап племени саяк 56
Дуаралы — казахский султан 317—320
Дыйкамбай — акын-манасчи 81
Дюгамель — генерал-губернатор Западной Сибири 216, 221—223, 225—227, 229, 231, 233, 234, 236, 238, 240, 263, 264, 269, 277, 280, 295, 296, 302—305, 352

Екатерина II — 134

Жеребятьев — сотник 179—183, 213, 214

Загряжский, Г. — 27
Зарпек — манап племени бугу 178, 318
Зарубин, И. И.— 31
Зибберштейн — 53, 57, 135
Зорге, Ф. А. — 346
Зубарев — подпоручик 259, 328, 329

Ибрагим-бек — сын Алим-хана Кокандского 334,
Ибрагим-Хаял-гарваначи — наместник эмира Бухарского в Коканде 104, 105
Иванов, Д. Л. — 38, 120
Иванов, П. П. — 84
Иин-берды — манап рода саруу 290
Искандербек — посол бухарского эмира
Исфадиар — сторонник Пулат-хана 341
Исхак-мулла — из рода бостон, вождь восстания в Южной Киргизии 333—335, 341—343

Иш-мат — сторонник Пулат-хана 314

Кадыр — бий 114
Калинин, М. И. — 401
Калпак — батыр рода тынай племени сарыбагыш 111
Калпак — батыр племени солто 59
Калыгул — бий племени сарыбагыш 183
Канаат-ша — сераскир, кокандский военачальник 191, 193, 195, 196, 201, 202, 204—208, 210, 217, 218—220, 222, 230, 232, 233, 235
Карпинский, А. П. — 401
Касым — мингбаши Худояр-хана 118
Катенин, А. А. — оренбургский и самарский генерал-губернатор 131, 173, 175. 227
Катта-тюра — претендент на кашгарский престол, из династии Ходжей 114—115.
Кауль барс, А. В. — 355
Кауфман, К. П. — генерал-губернатор Туркестанского края 312, 320, 323, 325, 329, 340, 353
Качи — крупный феодал из племени саяк 93
Качибек Ширалин — манап племени бугу 139, 143, 144, 152, 157, 174, 178, 224, 285, 351
Кедрали — манап рода саруу 290
Кёкюм — манап 280
Кельдибек — манасчи XVIII в. 81
Кенесары Касимов — казахский султан 53, 107—113, 137, 140
Керим — казахский бий рода кашкоро 194, 213
Керимбек Сазанов — бий племени черик 262, 264
Керимбек — кетменьтюбинский волостной старшина 391
Керимкул — пансат 201
Киселев, С. В. — 6,7
Кийк-Бай Пансат — сторонник Пулат-хана 341
Китайбай — крупный кокандский феодал 235
Кичине-батыр — манап рода монголдор 327
Ковалевский — генерал-майор 171
Коджобек — бий племени черик 262
Кодон — манап рода борукчу племени сарыбагыш 327
Койлон — легендарный родоначальник племени джедигер 15
Койчи — парваичи 279
Колпаковский — полковник, начальник Алатавского округа 179, 181, 182, 194, 195, 198, 202, 203, 206—212, 214—216, 219—223, 225, 226, 232, 234, 236—238, 260, 269, 278, 280, 295, 302—304, 307, 313—316, 318, 319, 324, 329, 357
Коншин, Н. — 134, 135
Корнилов — подполковник 31, 300
Корчу — манап племени солто 280, 281
Корытов, Н. — 333, 335, 341, 342
Костенко, Л. Ф. — 15, 17, 29, 32, 57, 374
Краевский — полковник 355
Красовский М. — 286, 287
Криштановский — инженер-офицер 287
Кроерус — полковник 221, 222, 270
Крыжановский — оренбургский генерал-губернатор 309—311
Кулат — казахский бий 197
Кудайберген-датха — 279
Кудайназар-датха — крупный кокандский феодал 235
Култуу — легендарный родоначальник рода чылпак 15
Кульджыгач — джигит племени бугу 318
Кун, А. Л. — 99, 106, 107, 116—118
Курман-джан-датха — «царица Алая» 60, 199, 205, 336

Куропаткин, А. Н. — 105, 115
Курсакбай — бий племени черик 262
Ку-уул — сын Долон-бия, легендарного родоначальника тяньшаньских киргизов 14
Кушакевич, А. А. — 38—40
Кыдырбек-датха — крупный кокандский феодал 235
Кылжыр — сын Тагая, легендарный родоначальник племен сарыбагыш и бугу 15, 52
Кылыч — манап племени бугу 150, 178
Кюнтуу — легендарный родоначальник рода кюнтуу 15
Кючюк — манап племени бугу, сын Зарпека 318, 319

Ладыженский — генерал-майор 107
Ленин, В. И. — 126, 128, 131, 346, 354, 366, 367, 379, 380, 382, 387, 388, 394—399
Лерхе — подполковник 287—290
Лутшев — хорунжий 153—155
Ляшкер-кушбеги — кокандский военачальник 89, 90, 94

Мадали — хан Коканда, сын Омар-хана 88—90, 101—104, 107, 135, 185, 334
Маев, Н. А. — 30. 54
Маймыл — манап племени солто 280, 285
Майсуп — кокандский военачальник, пятисотенный 121
Макеш — манап 280
Макшеев, А. А. — 30, 35
Малла-бек — хан Коканда 106, 121, 122, 172—174, 177, 178, 184, 185, 190, 191, 216, 217, 230—232, 234, 235
Малов, С. Е. — 14
Маматкул — легендарный родоправитель племени сарыбагыш 52, 53
Мамыразык — бек крепости Куртка 112
Манап — легендарный батыр, родоправитель племени сарыбагыш 52
Манас — легендарный батыр, герой киргизского эпоса «Манас» 81
Маркс, К — 65, 66, 78, 345, 346, 382
Медет-датха — крупный феодал из племени саяк 60, 93
Мейер — капитан 291, 292
Менгде — манап племени сарыбагыш 209, 280, 282
Менделеев, Д. И. — 377
Мечников, И. И. — 377
Милютин, Д. А. — военный министр 132, 233, 240, 278, 295, 305, 307
Мингбай-датха — главнокомандующий кокандских войск 184, 273, 288, 291, 293
Мирза-Ахмат — кокандский наместник в Ташкенте 120, 121, 173, 272, 297
Мирзабий — брат Мирза-Ахмата, правителя Ташкента 121
Мирза-Даулет — бек Аулие-Ата, затем Туркестана 205, 273, 288
Мирзакул — южнокиргизский феодал рода дёёлёс 341, 343
Молдо-Клыч — акын 375
Молдо Талып — 16
Музаффар — эмир Бухары 272, 273, 309
Мулла-Касым — южнокиргизский феодал племени кесек 339, 342
Мулла-Кашик — пансат 201
Мулла-Муса — сторонник Пулат-хана 342
Мулла Юлдаш — сторонник Пулат-хана 341
Мурад — хан Коканда, сын Алим-хана 106, 107, 235, 339
Мураталы — бий племени бугу 155, 174, 178, 181, 182, 224, 225, 285, 319
Мусакожо — манап племени саяк 389
Мусульманкул — кокандский военачальник, кипчак 101, 105—107, 112, 116—119, 137, 334, 336

Мухаммед-Амин-бек — сын Худояр-хана Кокандского 339
Мухамед-Юсуф — мулла 218, 219
Мушкетов, И. В. — 374, 375
Мырсалы — манап племени сарыбагыш, сын Джантая 280

Найман Аджибеков — манап племени черик 262, 319
Наливкин, В. П. — 84, 88, 100, 103, 105, 114, 120, 121
Нарбута-бий — правитель Коканда XVIII в. 83, 84
Насрулла — эмир Бухары 103—105, 217
Насрэддин — хан Коканда, сын Худояр-хана 339—342
Недзвецкий, В. Е. — 361, 362, 372
Нейманбай — манасчи 81
Некрасов, Н. А. — 407
Никольский — подпоручик 315, 316
Нияз-Алы — датха — бек Аулие-Ата 278, 288
Ниязбек Эсенгулов — манап племени сарыбагыш 93
Нияскул — пансат 201
Ногаев, Файзулла — 153, 172
Нурдёёлёт — манап 319
Нур мухаммед — кушбеги, бек Ташкента 116, 117, 184, 201, 278, 279
Нюхалов — хорунжий 134, 135

Обухов — штабс-капитан 193
Омар — хан Коканда, брат Алим-хана 84, 85, 88, 100, 334
Оморбек — южнокиргизский феодал племени адыгене, сторонник Пулат-хана 184, 273, 341, 342
Омурзак — манап племени бугу, сын Боромбая 150, 174
Ормон Ниязбеков — крупный манап племени сарыбагыш 52, 55, 56, 60, 76, 79, 80, 109, 113, 119, 137, 139—142, 145, 149, 150, 153, 156, 259, 328
Орозалы — южнокиргизский феодал рода авахат 339, 341, 342
Осмон — манап племени сарыбагыш 326
Осмон Рыскулбеков — манап племени саяк 231, 280, 285, 305, 306
Ошанин, В. Ф. — 41

Пален, К. К. — граф, царский сенатор 129, 389
Пантусов, Н. — 374
Пардыбай — комендант крепости Мерке 237
Первушин — купец 323
Перемышльский — пристав казахов Старшего жуза, начальник Алатавского округа 141—143, 145, 153, 165—167, 174
Перовский, В. А. — оренбургский и самарский генерал-губернатор 131
Петровский, Н. О. — 332
Пирогов, Н. И. — 377
Пичугин, П. — 204, 206, 207, 209
Полторацкий — полковник 293 — 295, 302, 318, 319, 322—326
Поярков, Ф. — 374
Пржевальский, Н. М. — 356, 374, 375, 377
Проценко — капитан 237, 257, 259—261, 264, 269, 327
Пулат-бек — внук Алим-хана Кокандского 334, 335, 337—339
Пулат-хан — см. Исхак-мулла
Пушкин, А. С. — 167, 377, 407

Радлов, В. В. — 16, 81, 374, 379
Рахматулла — пишпекский бек 205, 214, 222, 223, 225
Репин, И. Е. — 377
Романовский, Д. И. генерал-майор 294, 295, 309—311
Ростовцев — хорунжий 213
Рустамбек — парванчи, ташкентский бек 191—194, 196, 205, 208, 215, 235

Рыскулбек — манап племени сарыбагыш 183
Рыскулбек — манап племени саяк 55, 56, 285, 304, 305
Рыскулбек Нарбурин — кетменьтюбинский феодал 390, 391

Сабагыр-мулла — 319
Сабдан-ходжа — туркестанский бек 228
Садыкбек — кокандский военачальник 215
Садык-бек — правитель Кашгара, киргиз 300, 314
Саза-мулла — манап племени солто 284
Самсалы — манап рода кыдык племени бугу 165, 168
Сарпек Саскин — манап племени бугу 262, 316, 317
Сарымсак — манап рода багыш 290, 291
Саты-Мон — манап рода саруу 290
Саурук — казахский султан племени бозум 152, 157, 317—320
Саяк — приемный сын Тагая, легендарный родоначальник племени саяк 15
Северцов, Н. А. — 149, 281, 286, 324—330, 360, 374, 375
Сеидалыбек — манап 105
Сеидкулбек — кокандский военачальник 88, 100
Сейт-ходжа — 228
Семенов-Тян-Шанский, П. П. — 150, 152, 161—171, 305, 374—377
Сенявин — директор Азиатского департамента 139, 140
Серебренников, Н. Г. — 30, 39, 79, 136
Ситняковский, Н. В. —18, 26, 31, 119
Скобелев, М. Д. — генерал 342, 343
Смирнов, Е. Т. — 109
Соболев — поручик 206
Солто — легендарный родоправитель 15
Сооронбай — манап племени сарыбагыш 213
Сопай — бий племени черик 262
Старков — штабс-капитан 188
Сувалбек — батыр рода тынай племени сарыбагыш 111, 316
Сулейман-Удайчи — сторонник Пулат-хана 341, 342
Султанбай — манап племени солто 194
Султан-Махмуд — сын Мадали-хана 272
Султан-Мурат-бек — кокандский военачальник 342
Султан-Сеид — хан Коканда, сын Малля-хана 273, 278, 311
Супатай — казахский султан 194
Суранчи — казахский султан 196, 211

Табылды — батыр племени бугу 112
Тагай — легендарный правитель и родоначальник киргизов 15, 52, 54, 57
Тазабек — казахский султан племени айтбозум 152, 155, 157, 159, 196
Тазабек — джигит племени сарыбагыш 329
Тайлак — манап племени саяк 56, 59, 60, 94
Талызин, А. — пишпекский уездный начальник 55, 56, 59, 62, 66, 67, 97, 98, 119, 352.
Тамерлан — чингизид, азиатский завоеватель 7
Темир — легендарный манап племени сарыбагыш 53
Тезек Нуралиев — казахский султан 152, 157, 166, 167, 196, 234
Тёрёгельди — манап племени сарыбагыш 59, 60, 150, 154, 178, 181, 183, 200, 282, 322, 326
Терентьев, М. А. — 332, 363, 364, 372
Тилекмат — манап племени бугу 178, 181, 182, 224, 225, 285, 318
Тоголок-Молдо — 365, 386
Токсоба — манап 319
Токтогул Сатылганов — акын 365, 384—386

Толстой, Л. Н. — 407
Троицкий — генерал 342
Тулуй — младший сын Чингис-хана 54
Турдуке Исенбаев — манап племени черик 262, 263, 285, 303, 314
Турды-Мамед Тойматов — манап племени черик 262, 264
Тынаалы — бий племени солто 111, 280
Тыныбек — акын-манасчи 81
Тюлкю — легендарный правнук Манапа 52

Удайчи — бек Мерке 205
Узбек Бошкоев — манап племени солто 280, 284
Узбек-хан — хан Золотой орды 319
Улжибай — бий 135
Улуке Хасенов — манап племени черик 262
Умар-бек — см. Оморбек
Уметалы — крупный манап племени сарыбагыш, сын Ормона Ниязбекова 62, 142, 150, 153, 154, 156—158, 160, 163—166, 168, 169, 183, 200, 209, 231, 259, 260, 285, 306, 322, 330
Ураз-Али — см. Орозалы
Усов — есаул 203
Утенбай — 184
Учюке — легендарный правнук Манапа 52

Федченко, А. П. — 374, 375
Фрейзе — горный инженер 286
Фрунзе, В. М.— 374
Фрунзе, М. В. — 374
Фурманов, Д. — 391

Хак-кулы — кокандский военачальник 89, 90, 94, 95, 197, 198
Хасан-мулла, рода бостон, отец Исхак-муллы 333
Хасан-бек — сторонник Пулат-хана 341
Хасанов, А. — 384
Хасан-бий — южнокиргизский феодал 121
Хасан-Калля — сторонник Пулат-хана 342
Хлудов — купец 323
Хоментовский — полковник, пристав казахов Старшего жуза 155—165
Хрущев, Н. С.—402
Худайкул — сторонник Пулат-хана 343
Худояр — хан Коканда 100, 101, 107, 116, 118—122, 172, 173, 184, 185, 191, 217, 234—236, 260, 272, 273, 278, 208, 311, 327, 331—341
Худояр — манап племени сарыбагыш 279, 282
Худояр-халпа — сторонник Пулат-хана 343

Циммерман — полковник генерального штаба 179, 190, 192—202, 204
Цянь-лунь император Китая (1736—1796) Цинской династии 88

Чаа — сын Солто, легендарный родоначальник родов бёлёкпай и талкан 15
Чакмакташ — манап племени сарыбагыш, сын Уметалы 328, 329
Чаргын — манап племени сарыбагыш, брат Уметалы 259, 285, 326
Чернышевский, Н. Г. — 377, 378
Черняев, М. Г. военный губернатор Туркестанской области 271, 276—278, 281—289, 291—293, 295—311
Чехов А. П.— 377, 407
Чингиз-хан — 7
Чойбек—манап 280, 286, 306
Чон-Карач — манап племени бугу 178, 181, 182
Чубак — один из батыров Манаса 81

Шабдан Джантаев — крупный манап племени сарыбагыш 60, 62, 73, 197, 200, 285, 343, 351, 389
Шадман ходжа — кокандский военачальник, бек Ак-Мечети, затем Туркестана и Ташкента 121, 235, 273
Шады — мингбаши 106
Шады-Мырза — племянник Якуб-бека Кашгарского 323
Шайтанов — подполковник 196, 203
Шамаат-ходжа — коканадский военачальник 205, 208
Шамдык — манап 280
Шамень — манап рода бурукчу племени сарыбагыш 320
Ша-Мирза — сторонник Пулат-хана 341
Ширали — хан Коканда 105, 106, 334
Шир-датха — манап 334
Шкапский, О. А.— 51, 63, 64, 68, 72, 75, 358
Шоорук — казахский батыр 111
Шубин — подполковник 196, 203

Щетинин — капитан 316

Ырыс-тархан — легендарный правитель киргизов 60

Энгельс, Ф. — 78, 345, 346, 382
Эралиев, С. — 405

Юсуп — феодал из рода кыркуул 105

Якуб-бек — правитель кашгарского государства Джеты-шаар 29, 120, 272, 300—302, 307, 320—324, 327, 353
Яновский — поручик 160, 164

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Ак-Мечеть, крепость 131, 220 240
Акпикет, дол. 389
Аксай, дол. 32, 34, 35, 256
Аксу, г. в Синьцзяне 115, 262, 299, 302
Аксу, укр. 97, 188, 189, 222, 236, 239, 315, 324, 352, 355, 357
Акчий, дол. 246
Алай, дол. 18, 31, 35, 36, 38, 46, 60, 95, 96, 119, 230, 231, 333, 338, 340
Аламедин, р. 198
Аламедин, сел. 358
Аларча, р. 248, 389
Алатау Киргизский, хр. 33, 97, 121, 139, 189, 256, 286, 306
Алатавский округ 164, 165
Александровский хребет — см. Алатау Киргизский
Александровское, сел. 358
Алматы, уроч. 160, 221
Алтай 6
Аму-Дарья, р. 32, 229
Амур, р. 170, 172
Англия 92, 129, 130, 133, 170, 171, 229, 299, 302, 310, 322, 324, 331, 338, 340, 354, 355
Ангрен, дол. 340
Андижан, г. 35, 57, 83, 230, 251, 333, 336, 338, 339, 342, 343
Андижанский уезд 347, 358
Аральск, г. 132
Аральское море 85, 131, 294, 307
Арасан, дол. 319
Арпа, дол. 32, 34, 35, 256, 323
Арысь, р. 277, 293, 298
Ассаке, с. 336, 341, 342
Атбаши, дол. 8, 31, 33, 34, 36, 46, 49, 96, 259, 325—327, 347, 371
Атбаши, укр. 96
Аулие-Ата, г. 33, 49, 85, 90, 96, 112, 120, 121, 173, 188, 189, 193, 201, 205, 217, 218, 220, 228, 230, 238, 240, 250—255, 272, 275—277, 279—284, 287—289, 291—294, 296, 299, 303, 312, 373
Аулиеатинский уезд 28—30, 32—35, 337, 347, 358
Афганистан 81, 129, 130, 171, 340, 354, 404
Ашмар, укр. 188
Аягуз, р. 131
Аягузский округ 108, 113, 131, 132
Аяк-Караулы, укр. 255

Бадахшан 26, 36
Баилдыр-Тугай, уроч. 291
Бакаир, уроч. 291
Балхаш, о. 85
Балыкчи, с. 342
Башкирия 398
Беглербег, укр. 188
Беловодское, с. 97, 353, 358, 370
Благовещенское, с. 358
Боз-Учук, с. 364
Болор 35
Боом, ущелье 163, 164, 258
Боролдай, хр. 189
Бостон-Терек, укр. 95, 96
Британская империя — см. Англия
Буам — см. Боом
Бугумююз, дол. 192, 194, 196
Булакбаши, укр. 336
Бур-Кутты, остров 232
Бута-Кара, с. 341
Бухара, эмират 33, 79, 84—87, 115, 122, 123, 127, 175, 189, 190, 217, 228, 232, 257, 271, 273, 281, 294, 297, 308—311, 321, 347

Верное, укр. 34, 49, 132, 149, 152, 154—156, 158—162, 177, 179, 183, 193, 196, 201—203, 206, 218, 221, 223, 225, 226, 229, 231, 239, 250, 256, 263, 277, 280, 281, 283, 293, 294, 303, 318, 324, 325, 329, 369, 370, 382, 383
Верненский уезд 29
Вознесенское, с. 358
Восточный Туркестан — см. Синьцзян

Гань су 243
Гиссар 8
Голодная степь 239
Гульча, г. 121

Дараут-Курган, укр. 95, 96
Дарваз 84, 90, 100
Джаманты, р. 213
Джаны-Курган, укр. 188
Джаркендский уезд 383
Джергес, с. 358, 370.
Джеты-шаар 300, 340, 354
Джеты-Огуз 167, 339
Джизак, г. 86
Джизакский уезд 32, 33
Джиргалан, р. 142, 160
Джиргаланская, ст. 370
Джуванарык, р. 357
Джулек, укр. 176, 223, 227, 229, 232, 240, 271, 276, 294
Джумгал, дол. 8, 31, 33—35, 46, 93, 97, 140, 183, 256, 258, 260, 269, 322, 347
Джумгал, укр. 95, 96, 216, 269, 352, 376
Джунгария 8, 9, 89, 299
Джууку, р. 38, 151, 164, 167, 182, 270, 324, 325
Джууку, пер. 226
Дин-Курган, укр. 232
Дмитриевское, с. 358

Енисей, р. 6, 7, 57

Жеренайгыр, р. 193, 194, 206, 208

Заилийский край 113, 114, 132, 133, 138, 141, 149, 158, 160—162, 164, 171, 174—177, 179, 184, 188—190, 193—196, 200—203, 206, 211—213, 216, 217, 223, 224, 230, 233, 241, 254
Заилийский пикет 224
Зеравшан, р. 36
Зуукы — см. Джууку

Или, р. 90, 95, 138—142, 216
Илийское, укр. 294
Илийская провинция 8, 95, 240, 299
Индия 171, 229, 310, 354
Иран 129, 340, 406
Иртыш, р. 132
Иссыгатинское, с. 358
Иссык-Куль, дол. 9, 31, 34, 46, 57, 95, 104, 135, 139, 176, 200, 242, 243, 261, 263, 264, 269, 270, 275, 303, 304, 347, 355, 357
Иссык-Куль, о. 32—35, 38, 46, 47, 49, 90, 132, 142, 145, 149—152, 154, 155, 157—163, 165—168, 176—180, 182—184, 189, 190, 211, 224—227, 231, 256—258, 294—296, 307, 315—317, 320, 325, 347, 353, 371
Иссыккульский уезд 29, 32, 37, 347, 353, 357, 358, 361, 364
Исфайрам, ущелье 343
Италия 404
Иткечу, укр. 111, 188, 189, 222, 239, 255

Кавказ 398
Казахстан 108, 113, 127—129, 131, 132, 212, 239, 347, 373

Казы-Курт, хр. 189, 190, 299
Каинды, р. 237
Капкак, пер. 316
Карабалты, р. 352, 358, 370
Карабалты, укр. 34
Карабаткак, р. 142
Карабулак, сел. 358
Карабура, р. 289
Карабура, хр. 289
Карабутак, форт 131
Каракаспак, ущелье 289
Каракастек, р. 186, 207—210, 216
Каракол, р. 182, 353, 355
Каракол, укр. 95, 104, 355, 356
Каракорум 26, 36
Кара-Куджур, плато 32, 34, 35, 323, 326
Каракульджа, горы 289
Каракунуз, р. 34, 196, 248
Карасу, р. 207
Каратал, дол. 135
Каратау, хр. 189, 271, 272, 276
Каратегин 33, 84, 90, 100
Кара-Тюбе, пос. 358
Каркаралинский округ 108
Каркыра, р. 35, 151, 152, 154, 155, 160, 161, 164, 167, 241, 243
Каркыра Малая, р. 167
Каркыринская, ст. 370
Каскелен, р. 224
Каскелен, ст. 203
Каспийское море 132
Кассан, с. 337
Кассыкский брод 248
Кастек, р. 196, 213, 220, 248
Кастек, пер. 33, 34
Кастек, укр. 175, 176, 179, 191—195, 201, 203, 205—207, 213, 223, 224, 236, 238, 239, 248, 252, 258, 276, 280, 281
Качак-Су, р. 319
Кашгар, г. 49, 50, 57, 90, 115, 139, 223, 226, 239, 299, 300, 323
Кашгария 18, 34, 35, 79, 87, 89, 90, 120, 129, 141, 152, 164, 170—172, 228, 231, 255—257, 261—263, 299—304, 312—316, 321—323, 327
Кебин Большой, р. 33, 34, 209
Кебин Малый, р. 33, 34
Кегень, р. 35, 153, 176, 302, 307, 315, 319, 322
Кегеньская, ст. 370
Кемин Большой, дол. 347
Кемин Малый, дол. 179, 182, 347, 389
Кесенгер, уроч. 164
Кетмень-Тюбе, дол. 8, 31, 34, 46, 64, 88, 96, 140, 304, 305, 366, 371, 390
Кетмень-Тюбе, укр. 95
Кёкмойнок, пер. 179, 182
Кётмалды 34, 179, 259, 321
Китай 8—11, 35, 81, 87, 92, 114, 115, 125, 133, 134, 136, 139, 151, 162, 170, 172, 211, 228, 240, 241, 255, 261, 269, 295, 299, 302, 313, 315, 317, 320, 321, 354, 372
Китайский Туркестан — см. Синьцзян
Когарт, пер. 49, 90, 323
Коканд, г. 36, 50, 56, 87, 104, 116—118, 122, 186, 188, 192, 221, 231, 235, 239, 244, 257, 272, 273, 296, 306, 308, 310, 342, 354
Кокандский уезд 33
Кокбектинский округ 108
Кокджар, пер. 169
Кокшал, уроч. 313
Конур-Улен, укр. 95, 104
Копал, р. 132
Копал, укр. 49, 113, 132, 141, 158, 202
Кос-Арал, форт 131
Кочкор, дол. 8, 31, 33, 34, 46, 93, 97, 140, 163, 164, 183, 256, 258, 269, 306, 321, 322, 347, 352, 357, 366
Криучин, укр. 188
Кукунор 7
Кульджа, г. 49, 129, 133, 139, 211, 221, 229, 239, 241, 255—257, 299, 314
Куляб 8, 90
Кумыш-Курган, укр. 188
Кунгей-Алатау, хр. 34, 35, 165, 183, 321
Курдай, дол. 213
Курдай, пер. 224, 236, 238, 248, 252
Куртка, укр. 95—97, 104, 181, 182, 245, 258—260, 269, 306, 321, 322, 352, 355, 357
Куча, г. 31
Кызарт, пер. 258
Кызыл-Кий 366, 371
Кызыл-Курган, укр. 90, 95, 96, 104
Кызылсу, р. 181

Лебединское, с. 353
Ляйляк, дол. 339
Лянгар, пос. 358

Майли-Сай 366
Майтоба 112
Манас, пер. 33
Мангышлак, полуостров 131
Маньчжурия 7
Маргелан, г. 36, 83, 245, 251, 272
Маргеланский уезд 347
Махрам, укр. 340
Мелководное, сел. 358
Мерке, укр. 95, 96, 111, 188, 189, 193, 198, 205, 218, 222, 236—239, 250, 253, 255, 277, 278, 281, 283—286, 294
Михайловское, с. 33
Монголия 7
Музарт пер. 32, 302
Музарт, ледники 169
Мус-Даг, пер. 171

Наманган, г. 35, 83, 100, 105, 245, 251, 337, 341
Наманганский уезд 347, 362
Нанкин, г. 170
Нарын, р. 35, 90, 96, 97, 160, 167, 231, 256, 257, 259, 261, 264, 269, 313, 320, 322—327, 347, 355
Нарын Малый, р. 149
Нарын, дол. 8, 31, 33, 34, 36, 46, 49, 112, 140, 356, 369, 371, 389
Нарынский уезд 33
Небесные горы — см. Тянь-Шань
Николаевское, с. 358
Ниязбек, укр. 309
Ново-Дмитриевская, ст. 370
Ново-Кокандская укр. линия 294, 295, 299, 306, 307
Ново-Троицкое, с. 370
Омск, г. 49, 134, 135, 143, 144, 264, 294
Оренбург, г 131, 132, 175, 185, 227, 240, 294
Оренбургская укр. линия 108, 188, 189, 277, 307
Оттук, р. 326, 328
Ош, г. 18, 26, 36, 88, 106, 336, 370, 372, 373
Ошский уезд 347, 358, 364, 366, 371

Пакистан 406
Памир 26, 29, 30, 36, 38, 46, 95, 96
Памиро-Алай 8, 120, 131
Патар, сел. 101
Пенджаб 354
Перовский, форт 132, 227, 276, 278, 294
Пишпек, укр. г. 35, 92, 94—98, 104, 121, 138, 163, 176—179, 181, 184, 188—190, 192—196, 198—202, 204, 205, 214, 216—220, 225, 228—230, 234, 236—240, 246—252, 254, 255, 276, 277, 281, 352, 357, 370—373, 376, 383
Пишпекский уезд 28, 33, 56, 347, 358, 361—364, 381, 383
Покровское, с. 358
Преображенское, с. 353
Пржевальск, ст. 370—373, 376
Пржевальский уезд 28, 33, 35, 358, 361—363, 368, 374

Раим, укр. 131
Ргайты, р. 213
Рождественское, с. 358
Рушан 100

Сазановка, с. 358
Сайрам, г. 85
Самарканд, г. 32, 334, 335
Самаркандская область 28, 347
Санджу, р. 31
Санташ, пер. 167
Сары-Арка, дол. 108
Сарыбулак, дол. 357
Сарыджас, р. 169, 196, 316, 319
Сарым-Сак, р. 208
Сейректам, пер. 167

Семипалатинск, г. 49, 134, 239, 369, 370
Семиречье 85, 108, 113, 132, 211, 312, 325
Семиреченская область 18, 28, 32, 33, 37, 312, 347, 352, 358, 362, 376
Сен-Бернар 167
Сибо, кит. укр. 95
Сибирская укр. линия 131, 132, 158, 174, 175, 185, 188, 189, 193, 215, 222, 227—229, 231, 240, 276, 277, 293, 294, 307, 310
Синьцзян 8—9, 31—33, 44, 49, 50, 87—90, 94, 114, 129, 161, 165, 170—172, 175, 192, 221, 234, 238, 243, 256, 294, 300, 302, 307, 312—316, 318, 347, 368
Сливкино, сел. 358
США 133, 170
Сомовка, с. 358
Сонкёль 32, 149, 256, 258
Сузак, укр. 188, 189, 230, 232, 239, 252, 254, 255, 271, 274, 276, 277, 289, 336
Сукулук, с. 358, 371
Сулюкта 366, 371
Сумбе, р. 319
Сумбе, монастырь 302, 313
Сусамыр, дол. 31, 33—35, 64, 183, 199, 256, 305
Сыр-Дарья р. 32, 115, 131, 132, 189, 227, 228, 240, 257, 276, 294, 295, 299, 341, 347
Сыр-Дарьинская укр. линия 132, 158, 174—176, 215, 218, 227, 228, 232—234, 236, 256, 271, 276, 293, 307, 310
Сыр-Дарьинская область 28, 312, 337, 347, 358
Сюсктёбё, ущелье 179

Таджикистан 8
Таласс, р. 32, 95, 183, 184, 188—190, 239, 254
Таласс, дол. 8, 14, 31, 33—35, 46, 60, 105, 250, 255, 284, 286, 287, 299, 347, 371
Талдыбулакская, ст. 370
Тарагай, дол. 32, 34, 256
Таучубек, укр. 138, 239
Ташкент, г. 49, 83, 87, 90, 101, 105, 116, 117, 175, 188, 189, 192, 205, 211, 212, 218, 221, 228, 229, 232, 235, 236, 238—240, 243, 244, 257, 272, 274—276, 288, 296—299, 306—312, 333, 334, 340, 369, 370, 382, 383
Ташкентский уезд 33
Таш-Курган, г. 95, 96
Таш-Тюбе, с. 364
Текес, дол. 32, 35, 149, 151, 152, 154, 155, 161, 165, 169, 176, 240—242, 315, 317—319, 322
Теплоключенка, с. 353, 358
Терскей-Алатау, хр. 35, 145, 150, 167, 256
Тобольск, г. 134
Тогуз-Торо, дол. 8, 31, 34, 46, 49, 96, 97, 216, 259, 260, 269, 323, 347, 352, 366, 371
Тогуз-Торо, укр. 95, 96
Токмак, укр. 94, 96, 138, 163, 175—177, 179, 184, 188—190, 192, 193, 195, 197—202, 215, 217, 219, 220, 239, 247, 277, 281—283, 352, 356, 357, 371
Токмак Большой, с. 357, 376
Токмак Малый, с. 357
Токмакский уезд 29, 32, 35, 37, 97, 337, 347, 353, 357, 361
Тонг, дол. 326
Торгарт, пер. 49
Торуайгыр, пер. 167, 179, 183
Тузак, укр. 235
Туран 132
Тургай, р. 131
Турген, укр. 255
Туркестан Западный 33, 34, 79, 129, 173, 372, 376, 383, 397, 398
Туркестан, г. 85, 188, 228, 232, 240, 271, 274—277, 288, 289, 291—294, 296, 299, 307, 312
Туркестанская область, край 307, 308, 311, 312, 347—349, 352, 390
Туркестанская автономная республика 400
Турфан, г. (Турапан) 262, 302
Турция 158, 302, 340, 399, 406
Тюп, р. 93, 142, 150, 159, 161, 180, 357
Тянь-Шань 8, 14, 26, 31, 32, 34—36, 46, 57, 85, 90, 94—96, 112, 120, 121, 131, 132, 149, 161, 162, 164, 165, 167—170, 183, 184, 200, 216, 231, 252, 257, 259—261, 276, 295, 296, 299, 304, 306

Узбекистан 8
Узген, г. 336, 339
Узун-Агач, укр. пост. 192, 203, 204, 206—208, 210, 212, 217, 220, 281
Узун-Ахмат, дол. 88
Уйтал, с. 353, 358
Урал, р. 132
Уральское укрепление 108, 131
Ура-Тюбе, г. 86, 122, 185, 232
Урумчи 299
Уссурийский край 170, 172
Ухне, с. 333
Уч-Курган, укр. 336, 347
Уч-Турфан, г. 321

Файзабад, с. 342
Ферганская долина 18, 31, 35, 46, 49, 79, 83, 85, 86, 89, 92, 100, 105, 107, 114, 119, 191, 251, 272, 312, 323, 331, 333, 337
Ферганская область 28, 33, 343, 347, 364, 370
Форт № 1 131, 294
Форт № 2 294
Франция 133, 170, 299, 404, 406

Ханабад, г. 336
Хан-Тенгри 169
Хива, ханство 85—87, 115, 123, 127, 129, 228, 257, 271, 274, 294, 310, 321, 347
Ходжент, г. 86, 87, 101, 105, 186, 244, 245, 340, 342
Ходжентский уезд 28, 32, 33, 347
Хотан, г. 257, 299, 300

Цинская империя — см. Китай

Чалдывар, укр. 238, 276
Чалдывар, с. 358
Чаткал, дол. 31, 34, 46, 95, 188, 189, 250, 289, 290, 337, 338, 347, 370
Чатыркёль, дол. 329 324
Чёмюлгён, р. 281
Чимкент, г. 85, 90, 189, 243, 272, 275, 277, 289, 291, 293, 294, 296
Чиназ, укр. 95, 188, 289, 290
Чирчик, р. 83, 239
Чу, р. 34, 35, 132, 139, 162, 164, 194—197, 208, 209, 212, 220—224, 248, 252, 295
Чуйская долина 8, 31—35, 46, 49, 50, 90, 92—95, 121, 138, 140, 141, 163, 173, 176, 177, 184, 188—191, 199—205, 214, 216—218, 227, 230, 231, 233, 236—240, 245, 246, 250, 252, 253, 255, 256, 261, 275, 277, 278, 281—283, 299, 304, 306, 307, 347, 356, 364, 371
Чугучак, г. 228, 314
Чулак-Курган, укр. 288, 289, 239, 252, 271, 274, 276, 289
Чумычский брод 221, 236, 238, 248, 252

Шайдан, укр. 188
Шамсинское ущелье 93, 306
Шаньдун 92
Шаркыратма, р. 326, 327
Шаты, р. 150
Шахрисябз, г. 273
Шиштюбе, укр. 237, 239
Шугнан 84, 100
Шэньси 243

Экичат, дол. 259

Южная Сибирь 6
Янгишсар, г. 170, 300
Яны-Арык укр. 228, 232, 295
Яны-курган, с. 342
Япония 404
Яркенд, г. 115, 175, 257 199, 300

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Наименования архивов и фондов, сокращенно обозначенных в ссылках на источники:

1. АВПР — Архив внешней политики России.
2. ИИ АН Каз. ССР — Институт истории Академии наук Казахской ССР.
3. ИИ АН Кирг. ССР — Институт истории Академии наук Киргизской ССР.
4. ГА МИД — Главный архив Министерства иностранных дел.
5. ЦГАОР Узб. ССР — Центральный государственный архив Октябрьской революции Узбекской ССР.
6. ЦГВИА, ф. ВУА — Центральный государственный военно-исторический архив, фонд военно-учебного архива.
7. ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив Ленинграда.
8. ЦГИАМ — Центральный государственный исторический архив Москвы.
9. ЦГИА Узб. ССР, ф. КТГГ — Центральный государственный исторический архив Узбекской ССР, фонд канцелярии туркестанского генерал-губернатора.
10. ЦИА Каз. ССР — Центральный исторический архив Казахской ССР.
11. ЦИА Кирг. ССР — Центральный исторический архив Киргизской ССР.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Глава первая. Киргизы в середине XIX века 13

Глава вторая. Киргизия под властью Кокандского ханства . 83

Глава третья. Начало утверждения влияния России в Северной Киргизии 125

Глава четвертая. Борьба с Кокандским ханством. Укрепление позиций России в Северной Киргизии 175

Глава пятая. Принятие подданства России чуйскими и тяньшаньскими киргизами 211

Глава шестая. Упрочение господства России в Киргизии . . 276

Глава седьмая. Прогрессивные последствия присоединения Киргизии к России 344

Приложения 409

Библиография 411

Указатель имен 419

Географический указатель 428

Список сокращений 434

Джамгерчинов Бегамаалы
Джамгерчинович

Присоединение Киргизии к России

Редактор *Л. Петров*
Мл. редактор *Г. Захарова*

Оформление художника *Е. Кривинской*
Художественный редактор *В. Кузяков*
Технический редактор *Л. Уланова*
Корректор *В. Смирнова*

Сдано в набор 9 мая 1959 г. Подписано в печать 29 августа 1959 г. Формат бумаги 84 × 108 1/32. Бумажных листов 6,81. Печатных листов 22,345. Учетно-издательских листов 23,92. Тираж 6000 экз. А. 06135. Цена 11 р. 55 к.

Издательство социально-экономической литературы
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Московского городского Совнархоза.
Москва, Ж-54, Валовая, 28.

Заказ № 3106.

Telegram adress:

@turkiston_kutubxonasi

Telegram adress:

@turkiston_kutubxonasi